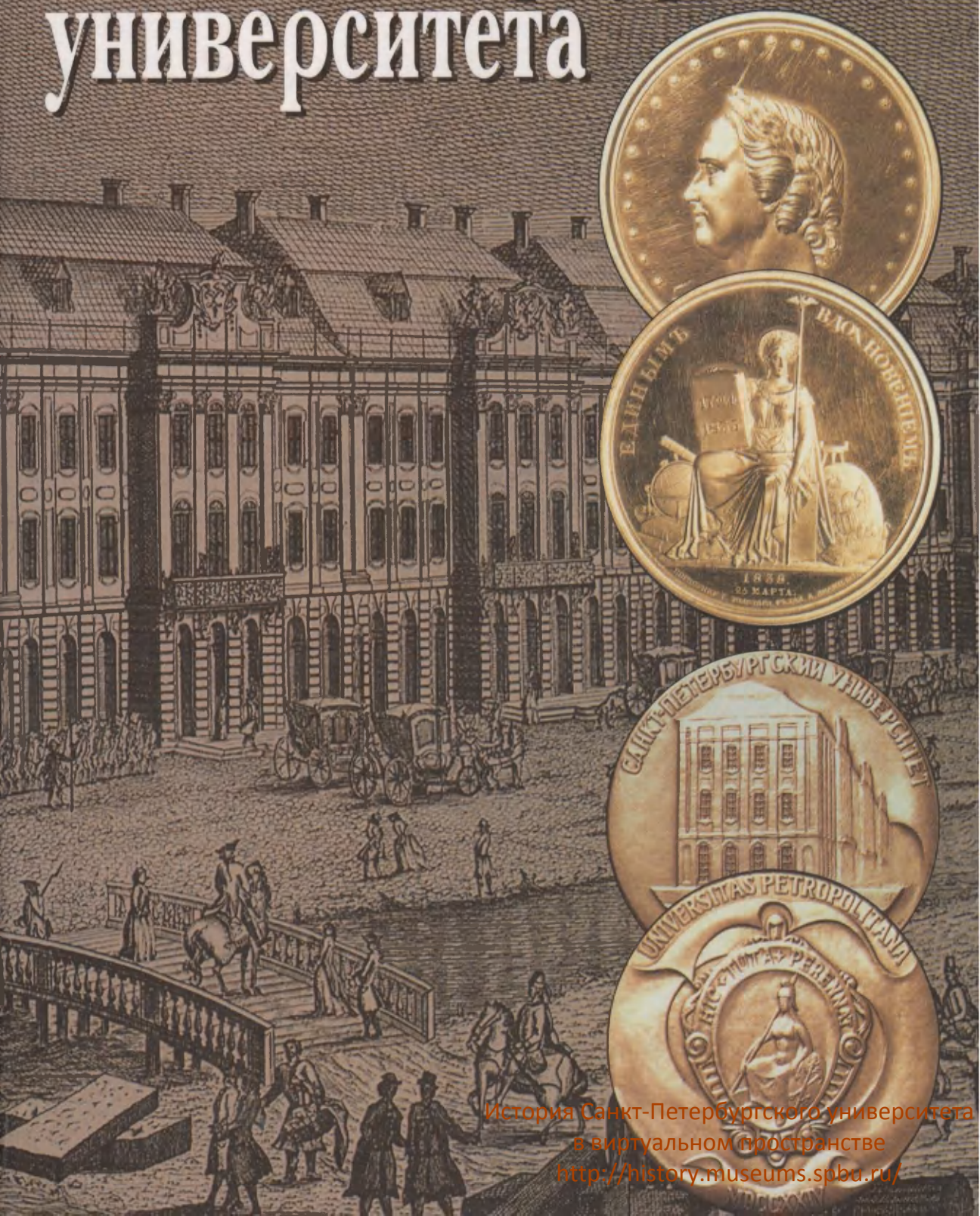
ISBN 0236-2406

Очерки по истории Санкт-Петербургского университета



История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К 275-летию Санкт-Петербургского университета

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

UNIVERSITAS PETROPOLITANA

Ennarationes Historia Universitatis Petropolitanae

VIII

Redigit studiorum historicorum doctor G. A. Tischkin

AEDES EDITORIAE UNIVERSITATIS PETROPOLITANAE
MM

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Очерки по истории Санкт-Петербургского университета

VIII

Под редакцией
д-ра ист. наук Г. А. Тишкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2000

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ББК 63.3
О-94

Редколлегия: д-р филол. наук *Л. А. Вербицкая*, д-р ист. наук *Р. Ш. Ганелин*, д-р ист. наук *Е. Р. Ольховский*, канд, ист. наук *И. Л. Тихонов*, д-р ист. наук *Г. А. Тишкин*, д-р ист. наук *И. Я. Фроянов*.
Рецензенты: д-р ист. наук *А. Е. Иванов*, д-р ист. наук *Э. Д. Фролов*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета

О-94 **Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.** Т. VIII / Под редакцией Г. А. Тишкина. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. 288 с.

Восьмой том «Очерков» был приурочен к празднованию 275-летию со дня основания Петербургского университета Петром Великим. В нем преобладают работы обобщающего характера. Среди них — очерки об отдельных научных направлениях и школах: по философии, физике, фитогеографии, деятельности Гимназии и др. — на протяжении почти трехвековой истории Университета. Ряд очерков посвящен известным университетским ученым и организаторам науки. Впервые публикуются некоторые документы по истории Университета — «Называть одним именем Училище Академии» и «Воспоминания И. Ю. Крачковского о В. Р. Розене». К настоящему тому прилагается «Указатель публикаций» к I–VII томам «Очерков».

Издание предназначено для всех, кто интересуется историей университетского образования, отечественной науки и культуры.

Тем. план 2000 г., № 33 **ББК 63.03**

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2000

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Как и предыдущий том «Очерков по истории Санкт-Петербургского университета», настоящий, XIII выпуск посвящен 275-летнему юбилею старейшего университета России. Об этом свидетельствует не только время его выхода в свет, но, главное, — его содержание.

VIII том «Очерков» составлен в неизменной традиционной манере — наряду с исследовательскими статьями по истории научных и учебных подразделений, о быте и международных связях помещены воспоминания и жизнеописания выдающихся универсантов. Здесь же расположены и некоторые ранее не публиковавшиеся документы по истории Санкт-Петербургского университета в XVIII в. Нам эти документальные свидетельства жизни и деятельности студентов и преподавателей в XVIII в. представляются особенно важными. Обращение к подлинным документам, подтверждающим сохранение учебного процесса в Академии наук, необходимо и для осмысления богатого опыта университетского строительства в России.

Именно слабое представление о сохранившихся документах по истории Петербургского университета, в том числе и в последней трети XVIII в., приводит некоторых авторов к чрезмерно эмоциональным, но бездоказательным сомнениям в том, что подготовка специалистов в Петербурге по университетской программе после смерти М. В. Ломоносова не осуществлялась ни для учреждений Российской империи, ни для самой Академии наук.

Богатый опыт учебной жизни, большие трудности, которые приходилось преодолевать Петербургскому университету в первый век его становления, — это бесценное сокровище и общее наше наследство. Именно на нем основывались учебные заведения, открывавшиеся в последующее время, начиная с Московского университета в 1755 г. Опыт первого российского университета в Петербурге оказал огромное влияние не только на развитие российской высшей школы, но и на развитие отечественной культуры в целом.

Именно понимание этого важного обстоятельства позволило одному из известных деятелей российской культуры П. А. Плетневу на страницах журнала «Современник» в 1838 г. заявить, что «по своему педагогическому влиянию на все наши ученые и учебные заведения Санкт-Петербургский университет может называться рассадником европейского образования в России».

С праздником, с днем рождения поздравляем тебя, Университет, новых тебе побед и достойных питомцев в твоих стенах!

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Опыт Санкт-Петербургского университета — первого российского университета — оказал огромное влияние на развитие не только отечественной высшей школы, образования, просвещения, науки, но и русской культуры в целом. Оставаясь на протяжении почти трех веков одним из основных центров воспитания российской интеллигенции, в том числе и творческой, он дал миру прославленные имена писателей, поэтов, художников, композиторов, общественных деятелей, ученых и просветителей.

Санкт-Петербургский университет был основан Петром I как часть целостной системы науки и образования в России, объединяющей Академию наук, Университет и Гимназию.

Сенатский указ от 27 января 1724 г. гласил: «Универзитет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и филозофии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают». Один из известных деятелей литературы и просвещения XIX в., ректор Петербургского университета П. А. Плетнев считал, что «по своему педагогическому влиянию на все наши ученые и учебные заведения Санкт-Петербургский университет может называться рассадником европейского образования в России».[1]

В поддержку высокой оценки вклада Петербургского университета в дело становления российской культуры и просвещения, в создание и развитие традиций университетской системы в России высказывались не только его питомцы и профессора. Известный профессор Московского университета Б. И. Краснобаев в своем курсе лекций указал на плодотворность опыта Петербургского университета и Гимназии для устройства Московского университета. Более того, Б. И. Краснобаев писал: «Справедливо высоко оценивая роль М. В. Ломоносова в создании Московского университета, не забудем, что и сам Ломоносов как ученый и организатор науки сложился и приобрел опыт именно в стенах Академии наук...»[2] Еще до Б. И. Краснобаева эту идею в своих лекциях отчетливо проводил выдающийся представитель московской исторической школы В. О. Ключевский.[3]

Однако опыт Петербургского университета в развитии российской культуры, несмотря на пожелания авторитетных исследователей, недостаточно изучен по-прежнему. Особенно слабые, поверхностные представления существуют о первом столетии Петербургской университетской школы.[4]

Среди наиболее основательных исследований опыта Университета в развитии культуры и просвещения можно назвать работы Е. С. Кулябко,[5] но она ограничила свои исследования лишь первой половиной XVIII в.

© Л. А. Вербицкая, Г. А. Тишкин, 2000.

[1] Плетнев П. А. Перемещение университета в Санкт-Петербурге // Современник. Т. X. 1838. С. 1–11.

[2] Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XX в. М., 1983. С. 139.

[3] Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 188–189.

[4] Библиографический указатель работ по истории Петербургского университета / Подготовлен Л. Д. Шехуриной // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета Т. VII. СПб., 1998.

[5] Кулябко Е. С. 1) М.В.Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962; 2) Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Уже сама история возникновения Петербургского университета была необыкновенной. По замыслу императора Петра Великого в новой столице русского государства было решено организовать учебное заведение европейского типа. Что же создал Петр I в 1724 г. — учебное или научное учреждение? Истинные знатоки истории российского просвещения и культуры XVIII в. знали всегда один ответ. Так, Д. И. Менделеев в 1882 г. отмечал: «В Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Петр основывал Академию вовсе не в смысле Академии парижской, а Академию в смысле голландской, то есть университет».[6] Не вызывает сомнений то, что посажено было Петром I отличное семя, давшее разнообразные плоды во всех сферах российской культуры: учебной, научной и художественной.

Петр мечтал превратить один из островов, расположенных в устье реки Невы, в центр города, в центр новой столицы. Петербург строился, а вместе с ним создавались учреждения науки и культуры. Поскольку в России не хватало ученых для чтения лекций, они были приглашены из различных стран Европы. В 1726 г. началось чтение лекций. Понимать европейских профессоров в России могли только учащиеся духовных школ, которые знали латинский язык. Их и направило правительство для слушания лекций в Университет и Гимназию.[7]

Петровский университет был и первым русским национальным университетом: благодаря его ученым, в том числе М. В. Ломоносову, «наука впервые заговорила у нас на русском языке».[8] Все научные исследования в Петербургском университете, включая систематически проводившиеся экспедиции, были развернуты в сторону «изучения Отечества». Служению Родине отдавали свои силы не только универсанты из «природных россиян», но и патриоты России из числа иностранцев на русской службе (Л. Эйлер, Я. Герман, И. Гмелин, Д. Бернулли, Д. Делиль, П. Паллас и др.). Университет не только обучал студентов, но и просвещал горожан, а на книгах, написанных профессорами «петровского университета», учились русские люди многих поколений. Они учились русскому языку по «Кратким правилам российской грамматики» А. А. Барсова, читали М. В. Ломоносова, собрание сочинений которого вышло под наблюдением его племянника, выпускника Университета М. Е. Головина, узнавали о людях и природе родной страны из «Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина...», изучали Монтескье и других европейских просветителей в переводах А. Я. Поленова, В. П. Цветова и их товарищей по «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг».

Особо важны традиции Петербургского университета для становления и развития российской высшей школы. Эти традиции включали опыт первого отечественного светского учебного заведения без богословского факультета, что открывало беспримерные возможности развития и преподавания в Университете естественных наук. В Университете был претворен собственный, национальный, мировой опыт лекционного обучения: в 1747 г. М. В. Ломоносов впервые прочитал свой курс физики на русском языке. Здесь был накоплен разносторонний опыт использования учебных практик (в «ботаническом огороде», анатомическом театре, физической и химической лабораториях, библиотеке, типографии и др.). Здесь было блестяще соеди-

[6] Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна России? // Новый мир. 1966. № 12. С. 182.

[7] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX в. Л., 1988. С. 41.

[8] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 4. СПб., 1878. С. 74.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нено обучение студентов с практической работой и научной деятельностью («Описание земли Камчатки» студента С. П. Крашенинникова — всего лишь один из многочисленных примеров плодотворных последствий этого соединения). Здесь была впервые апробирована эффективная практика завершения обучения питомцев в одном из европейских университетов (чаще других в Страсбургском или Геттингенском). И что, быть может, важнее много иного — здесь впервые была апробирована великая жизненная сила принципа разночинного формирования состава: «...тот студент почетнее, кто больше научился, а чей он сын, нужды нет».[9]

В течение XVIII в. Университет закончили несколько сот студентов, в том числе ставшие известными учеными А. А. Барсов, В. Ф. Зуев, П. Б. Иноходцев, С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, С. К. Котельников, В. Н. Севергин. Фактически все русские академики XVIII в. получили образование в стенах Петербургского университета, существовавшего в то время в составе Академии наук. Многие из них позже сами стали преподавать в Университете и в Учительской семинарии, открытой в 1783 г. Ими же были написаны первые русские учебники по многим предметам.

Питомцы и профессора Санкт-Петербургского университета оказали помощь в создании многих учебных заведений, в том числе Московского университета. Таким образом, с самого начала Петербургский университет стал центром высшего образования в России. Справедливо заметить, что в истории всей мировой культуры трудно найти пример такого быстрого и эффективного «выращивания науки»,[10] какой явил Петербургский университет в XVIII в.

Организация и деятельность Петербургского университета стала ярким показателем и расцвета русской городской культуры. Этому весьма способствовали первые в России бесплатные публичные лекции профессоров Петербургского университета для всех желающих жителей столицы. Они активно практиковались в 1758–1765 гг., когда ректором был М. Ломоносов, а затем в 1782–1790 гг., когда директором была княгиня Екатерина Дашкова. Она стала даже доплачивать к основному заработку профессорам, читавшим лекции для горожан.[11] Популярность публичных лекций в Петербурге была достаточно велика. Их посещали чиновники, учителя, офицеры, студенты и, как писали современники в конце XVIII в., даже женщины.

Отсутствие богословского факультета повлияло на развитие светской русской культуры и содействовало отходу от традиций предшествующей исторической эпохи. Это определило и то обстоятельство, что все университеты, созданные в России в XIX в., также не имели богословских факультетов.

Говоря об успехах Университета на ниве просвещения, о прогрессивных идеях, высказываемых профессорами в лекционных курсах, не следует забывать, что близость императорской резиденции — Зимнего дворца — делала университетских преподавателей более уязвимыми и подконтрольными, чем преподавателей любого другого учебного заведения империи. До Петропавловской крепости — главной политической тюрьмы — от Университета было одинаково близко... Именно в таких условиях развивалась национальная культура России, формировались ее научные школы.

Особая слава и ценность должны быть отданы математической школе Пе-

---

[9] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.; Л., 1955. С. 55.

[10] Вавилов С. И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 41.

[11] Тишкин Г. А. «Ее светлость мадам директор» (Е. Р. Дашкова и Петербургский университет в 1783–1796 гг.) // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 86–87.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тербургского университета. Еще в XVIII в. здесь заложил основу математической науки России известный во всем мире ученый Л. Эйлер. Дальнейшее развитие этой школы в XIX в. связано с именами таких крупнейших математиков того времени, как И. Сомов. В. Буняковский, П. Чебышев. Вся последующая история математики в XIX и в начале XX в. прошла под знаком развития идей Чебышева. Важно отметить, что особенностью развития математической школы в Петербургском университете было стремление сблизить математику с практикой.

Признанным главой физической школы Петербургского университета был академик Э. Х. Ленц. Ему принадлежат выдающиеся открытия в области электричества и магнетизма. Правило Ленца и закон Джоуля—Ленца принадлежат к числу основных законов классической физики. Много сил и труда Ленц отдал усовершенствованию экспериментальной базы Университета. Он занимался также вопросами преподавания и подготовил учебное пособие по физике для средней школы.

Химическую школу Петербургского университета возглавил А. Воскресенский. В области органической химии он сделал ряд выдающихся открытий: определил состав нафталина, хинной кислоты и многое другое.

Во второй половине XIX в. в Университете складываются и получают развитие всемирно известные научные школы: П. Л. Чебышева в математике, Э. Х. Ленца в физике, Д. И. Менделеева и А. И. Бутлерова в химии, А. М. Бекетова в ботанике, И. И. Мечникова и А. О. Ковалевского в эмбриологии, И. М. Сеченова в физиологии, В. В. Докучаева в почвоведении, А. А. Иностранцева в геологии, Ф. Ф. Соколова в антиковедении, К. Н. Бестужева-Рюмина в отечественной истории, Н. И. Кареева в истории Европы, В. П. Васильева и В. Р. Розена в ориенталистике.

Крупной вехой в истории русской культуры явилась защита в 1855 г. Н. Чернышевским диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой он проложил путь новым эстетическим принципам, «духу свободного исследования и свободной критики», провозгласив принцип «прекрасное есть жизнь», принцип реалистического и демократического искусства «действительность выше мечты». Диссертация Н. Чернышевского оказала значительное влияние на творчество русских писателей, музыкантов и художников второй половины XIX в.[12]

В 1857 г. в Университете начал работать Д. И. Менделеев. Его лекции возбуждали мысль и вдохновляли студентов на решение творческих задач. Чтение лекций побудило его написать «Основы химии» (1871). Этот многократно переиздававшийся труд есть блестящее обобщение химических знаний XIX в. В процессе работы над этим исследованием Менделеев открыл Периодический закон химических элементов. Впервые сообщение об открытом химическом законе было сделано в марте 1869 г. в Главном здании Университета на заседании Русского химического общества. Менделеев уделял также много внимания нефтяной промышленности, сельскому хозяйству, внешней торговле и изучению Северного морского пути. Петербургский университет свято чтит память великого ученого: здесь находится музей Д. И. Менделеева, где хранится его архив и личная библиотека. Одна из улиц, на которой находятся здания Университета, носит его имя.

По предложению Д. И. Менделеева в 1868 г. профессором Петербургского

[12] Список универсантов — деятелей культуры был подготовлен сотрудниками Музея истории Петербургского университета и скромно назван ими «первым опытом», но он дает, пусть в общих чертах, внушительную картину вклада питомцев Университета в дело развития отечественной художественной культуры (см.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. IV. Л., 1982. С. 142–151).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

университета был избран основатель русской химической школы органиков, создатель учения о химическом строении вещества и о познаваемости вещества А. М. Бутлеров. Исследования Бутлерова в области полимеров прокладывали путь новым отраслям химической промышленности. Бутлеров внес такой же вклад в органическую химию, какой Менделеев — в неорганическую химию.

Глубокий след в развитии науки оставила физиологическая школа Петербургского университета. Создателем этой школы явился горячий сторонник идей материализма, профессор И. М. Сеченов — одна из самых популярных фигур в передовом российском демократическом обществе. Он был избран профессором Университета в 1876 г., уже имея широкую известность среди коллег и студенческой молодежи как автор исследования «Рефлексы головного мозга», открывающего закономерности деятельности центральной нервной системы. Глубиной мысли, формой изложения, педагогическим мастерством Сеченов с первых же лекций завоевал симпатии студентов, которые впоследствии стали его выдающимися учениками. Хорошо известны и коллеги профессора Сеченова — Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский, И. И. Мечников, П. Ф. Лесгафт, А. О. Ковалевский, А. Н. Бекетов, А. С. Фаминцын.

Во второй половине XIX в. в Петербургском университете было положено начало научному почвоведению. Основателем его стал В. В. Докучаев. В 1883 г. вышел в свет его 2-томный труд «Русский чернозем» — настольная книга нескольких поколений русских агрономов о почве как об особом теле природы. В мировую науку вошла теория природной зональности почв Докучаева.

Это время в истории Петербургского университета характеризуется открытием научных обществ, что укрепило его как национальный научный центр. В 1868 г. было образовано Общество естествоиспытателей; в 1869 г. — Русское химическое общество, созданное при деятельном участии Д. И. Менделеева и переименованное по его инициативе в Русское физико-химическое общество. Позднее возникают Филологическое, Антропологическое и Историческое общества.

Общества издавали свои журналы, проводили научные экспедиции для изучения природных богатств России, создавали в отдаленных и труднодоступных районах страны биологические станции. Научные общества и издаваемые ими журналы явились центрами притяжения творческих сил страны, ее интеллигенции. На их заседаниях прозвучал не один десяток докладов о достижениях российских ученых, в том числе доклад Д. И. Менделеева о Периодическом законе химических элементов в 1869 г. и доклад А. С. Попова о созданном им радиоприемнике в 1895 г.

В конце XIX — начале XX в. в Университете работали известные отечественные ученые: математики А. А. Марков, А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов, физики О. Д. Хвольсон, Д. С. Рождественский, астроном С. П. Глазенап, климатолог А. И. Воейков, химики Н. А. Меншуткин, Д. П. Коновалов. Труды ученых-востоковедов С. Ф. Ольденбурга, Д. А. Хвольсона, П. К. Коковцева, Б. А. Тураева, В. В. Бартольда, Ф. И. Щербатского и других снискали Университету мировую славу. Исследования филологов А. А. Шахматова, Н. Я. Марра, Н. С. Державина, С. А. Жебелева, историков С. Ф. Платонова, М. И. Ростовцева, философов В. С. Соловьева, А. И. Введенского, социолога М. М. Ковалевского, юристов В. А. Сергеевича, А. И. Градовского, экономиста И. И. Кауфмана и многих других занимают видное место в истории гуманитарных наук.

Из стен Петербургского университета вышла в XIX — начале XX в. ко-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

горта выдающихся общественных политических деятелей: М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. Г. Чернышевский. Д. И. Писарев, А. И. Ульянов, В. И. Ульянов (Ленин), Г. А. Лопатин, Д. Благоев, М. С. Ольминский, В. Р. Менжинский, П. А. Столыпин, А. Ф. Керенский и многие другие. В Университете получили образование и учились в разное время писатели: И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, Л. Н. Андреев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Вересаев, Я. Райнис, поэты Н. А. Некрасов, А. А. Блок, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, Демьян Бедный (Е. А. Придворов), композиторы и музыканты М. И. Глинка, И. Ф. Стравинский, А. К. Глазунов, Е. А. Мравинский, художники М. А. Врубель, Н. К. Рерих, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, И. А. Билибин, В. Д. Поленов, Н. Н. Ге, И. Э. Грабарь, Г. С. Верейский, театральные деятели С. П. Дягилев, А. И. Сумбатов-Южин, В. И. Качалов, А. П. Брянцев и ряд других выдающихся представителей отечественной и мировой культуры.

От Петербургского университета в XIX — начале XX в. протянулись связи к первому женскому университету в России — Высшим женским (Бестужевским) курсам. Первый опыт учебы студенток в Университете относится к 1859–1861 гг. Этот опыт служил примером во все последующие годы, когда велась широкая общественная агитация за право женщин на высшее образование. При активном содействии ученых Петербургского университета были созданы в столице Аларчинские, Владимирские, Медицинские, а в 1878 г. — Высшие женские (Бестужевские) курсы. Профессора Университета создавали учебные программы для курсов, читали лекции, дарили и оставляли по наследству книжные собрания и коллекции, защищали интересы женского образования в периодической печати, выступали как администраторы курсов — директора, деканы, руководители кафедр. Тесные связи между Петербургским университетом и женскими учебными заведениями способствовали развитию высшего женского образования в России.[13]

В начале XX в., за два десятилетия Петербургский университет вместе со всей страной пережил три революции и две тяжелейшие по своим последствиям войны: русско-японскую и Первую мировую; все это подорвало нормальное течение научной и академической жизни. Сложным и противоречивым было отношение профессоров и преподавателей к Октябрьской революции. Некоторые категорически не признали Советскую власть. Колеблющиеся часто становились жертвами идеологической непримиримости. Уделом ряда авторитетных представителей в основном гуманитарных наук в 1920-х годах стала вынужденная эмиграция. Но правда и то, что после Октябрьской революции большинство профессоров Петроградского университета вопреки всему продолжило педагогическую деятельность.

Уже в первые послереволюционные годы началась серьезная работа по преобразованию всей учебной и воспитательной деятельности Университета. Для этого была создана комиссия под руководством профессора И. М. Гревса, которая провела анализ учебных планов. Трудности университетской жизни проявлялись во всем: недостаток продуктов питания, топлива, учебной литературы. Многие студенты и профессора покинули Петербург, учебные планы «устарели». Кризис охватил не только Университет, но и все учебные заведения Петербурга. Многие учебные заведения он привел к ликвидации, а однотипные — к слиянию. Однако, несмотря на Гражданскую войну, уменьшение числа реально учащихся студентов, отсутствие необходимых материалов, реактивов, научной литературы, учебная работа в Университете не прекращалась. Была лишь изменена структура Университета — объединены гума-

[13] Тишкин Г. А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Т. IV. С. 15–32.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нитарные факультеты, открыт Рабочий факультет, где готовились к поступлению в Университет те, кто не имел среднего образования. Петербургский университет в 1917–1920 гг. выжил, сохраняя тем самым все лучшее, что было в культуре дореволюционной России. Весной 1918 г. ученые Университета вновь приступили к чтению лекций для населения.

В 1919 г. в Университете была создана первая в России кафедра генетики. В 1925 г. при лаборатории органической химии профессор С. В. Лебедев организовал лабораторию по химической переработке нефти и создал метод изготовления синтетического каучука.

С 1920-х годов значительно расширилась учебная и научная деятельность Университета. Из соответствующих кафедр физико-математического факультета выросли новые факультеты (физический, математико-механический, географический, геологический, биологический); был создан ряд новых кафедр и научно-исследовательских институтов. Получили развитие старые и возникли новые научные школы: в области математических наук — В. И. Смирнова, Ю. В. Линника, А. Д. Александрова, Д. К. Фаддеева; в физике — В. А. Фока, А. Н. Теренина, Е. Ф. Гросса, С. Э. Фриша; в астрономии — В. А. Амбарцумяна; в биологии — А. А. Ухтомского, В. Л. Комарова, В. Н. Сукачева, В. А. Догеля.

Объективные трудности экономического положения страны, непродуманная политика, частые изменения структуры Университета и учебных планов мешали университетскому образованию, особенно гуманитарному.

Но в результате реформ 1930-х годов были восстановлены гуманитарные факультеты (исторический, филологический, экономический, философский), возвращена традиционная факультетская и кафедральная структура и привычные (лекционно-семинарские) методы преподавания. В эти годы на гуманитарных факультетах работали известные историки Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, В. В. Мавродин; филологи В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба; востоковеды В. М. Алексеев, В. В. Струве, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский и многие другие ученые.

К 1941 г. в Университете было 10 факультетов и 7 научно-исследовательских институтов. Началась Великая Отечественная война, и свыше 2 500 студентов и преподавателей отправились на фронт. Но Университет продолжал работать. Какие-то его подразделения оставались в блокадном Ленинграде, другие — находились в эвакуации в Саратове и Елабуге.[14]

Сотрудники сумели сохранить библиотеки, коллекции и научное оборудование, и осенью 1944 г. новый учебный год начался уже в родных стенах.

В 1960-е годы были открыты новые факультеты (психологии, журналистики, прикладной математики и процессов управления) и ряд новых кафедр на старых факультетах. Тогда же началось строительство новых зданий для естественнонаучных факультетов в районе Старого Петергофа.

Университетское образование обычно определяют как свободное, противопоставляя его в данном качестве профессиональному образованию. Д. И. Менделеев полагал, «что помимо профессоров никто не может влиять на результаты учебных заведений, а стране, как и ее правительству, нужны лишь эти результаты».[15] Академическая свобода как свобода творчества является интеллектуальной ценностью, определяющей характер университетской жизни и процессы обучения.

[14] Бережной А. Ф. Они сражались за Родину: Документальные очерки. Вып. 2. СПб., 1995. С. 5–6, 170–191.

[15] Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 254.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Вопрос об академических свободах и университетской автономии можно проследить в российской истории с XVIII в.

Александр I и его талантливый помощник М. М. Сперанский заботились о выработке твердых законов для просветительских заведений. Издавались различные указы, уставы, инструкции, призванные регламентировать работу учебных заведений, выделялись государственные ассигнования на просвещение и науку. Однако революционное движение в Европе напугало Александра I — он приостановил свои либеральные начинания, учредил строгий надзор за университетами и всей системой образования.

При императоре Александре II была проведена университетская реформа, перестроена учебная и научная работа в соответствии с потребностями молодого российского капитализма, который стал заявлять о себе сразу же после отмены крепостного права. По Уставу 1863 г. университеты получили некоторую автономию. Они стали управляться коллегией профессоров и избираемым ими ректором.

В 1884 г. Александр III под предлогом обеспечения большей открытости для науки и преподавания утвердил новый университетский Устав, подготовленный министром народного просвещения И. Д. Деляновым. Этим уставом ликвидировалась система самоуправления, университеты подчинялись попечителям, ректоры и профессора стали непосредственно назначаться министром народного просвещения. Запрещалось создавать какие-либо студенческие организации, и не только политические, но даже такие распространенные в те годы, как землячества.

Русская революция 1917 г., в отличие от своей французской предшественницы, не преследовала цели уничтожения университетов. Во-первых, в России университеты никогда не рассматривались в качестве средневековых корпораций, связанных с монархическим режимом. Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. университеты все чаще становились источником распространения радикальных революционных идей. Современная теория демократии настаивает на презумпции независимости общественного мнения, рассматривая в качестве достаточно надежной гарантии ориентацию государства на такую модель образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества.

Этому способствует и ряд законов об образовании, принятых в России в последние годы. Система высшего образования и работа любого высшего учебного заведения определяются Законом РФ «Об образовании» и Законом РФ «О высшем и профессиональном образовании». Указанные законы гласят, что образование в стране базируется на приоритете общечеловеческих ценностей, праве личности на развитие и на автономии каждого учебного заведения.

В качестве самостоятельного автономного учебного заведения (Устав Университета был впервые демократически принят в феврале 1994 г.) Санкт-Петербургский государственный университет определяет содержание учебных программ и учебных планов, устанавливает направление подготовки и переподготовки специалистов, направление научных исследований, формирует собственную структуру, в том числе предоставляет своим подразделениям, по доверенности, правомочия юридического лица, вводит и присваивает почетные звания, устанавливает и присуждает различные награды и премии, учреждает стипендии, издает научные труды и многое другое.

По данным ЮНЕСКО, Санкт-Петербургский государственный университет уже многие годы высоко котируется в мировом рейтинге университетов мира и входит в их первую десятку, а в Европе — в первую пятерку.

В настоящее время в состав Университета входят следующие учебно-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

научные подразделения: математико-механический факультет, при котором работает научно-исследовательский институт (НИИ) математики и механики им. академика В. И. Смирнова и Астрономический институт; факультет прикладной математики с НИИ вычислительной математики и процессов управления; физический факультет с НИИ физики, НИИ радиофизики; химический факультет с НИИ химии; биолого-почвенный факультет с НИИ биологии, НИИ физиологии им. академика А. А. Ухтомского и Ботаническим садом; геологический факультет с НИИ Земной коры; факультет географии и геоэкологии с НИИ географии.

Характерной особенностью естественнонаучных факультетов Университета является то, что вместе с научно-исследовательскими учреждениями, работающими при них, они образуют единые учебно-научные центры, осуществляющие как учебный процесс, так и научные исследования, что обеспечивает эффективность научной и учебной работы.

Кроме упомянутых выше, в Университете имеются факультеты: экономический, исторический, философский, юридический, журналистики, филологический, восточный, социологии, психологии, менеджмента, международных отношений, медицинский, а также НИИ комплексных социальных исследований, Российский гуманитарный институт.

Успешному проведению учебной и научной работы в Университете во многом содействует одна из крупнейших вузовских и городских библиотек — Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского университета. Шесть с половиной миллионов единиц хранения, среди которых 150 тысяч редких книг и восточных рукописей. Сто тысяч читателей, свыше 1,5 миллионов экземпляров ежегодной книговыдачи — таковы ее некоторые характеристики.

В Университете обучается в настоящее время свыше 20 тысяч студентов, из них около 12 тысяч — на дневном отделении. Лучшие выпускники Университета и других учебных заведений России, стран СНГ и других зарубежных стран имеют возможность продолжать научную работу в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета. Аспирантура Университета — одна из самых многочисленных среди вузов России, в ней обучается свыше 1 500 человек.

В Университете успешно работает докторантура, где преподаватели и научные сотрудники, имеющие ученую степень кандидата наук, могут подготовиться к написанию и защите докторской диссертации. В докторантуре Университета проходят подготовку специалисты из различных учебных и научных учреждений России, стран СНГ и других государств.

Более 600 выпускников и преподавателей Университета были избраны членами Российской академии наук, Российской академии образования и других академий, в том числе зарубежных.

Нобелевскими лауреатами стали университанты И. П. Павлов (1904 г.), И. И. Мечников (1908 г.), Н. Н. Семенов (1956 г.), Л. Д. Ландау (1962 г.), А. М. Прохоров (1964 г.), В. В. Леонтьев (1973 г.), Л. В. Канторович (1975 г.).

В настоящее время развиваются исследования как по традиционным научным школам, так и по новым направлениям естественных, гуманитарных, социальных дисциплин, образования и культуры. За последние годы учеными Университета зарегистрировано 12 научных открытий, получено свыше 60 зарубежных и около 1 600 патентов СССР и России.

Научный потенциал Санкт-Петербургского университета во многом определяется количеством докторов наук и профессоров, кандидатов наук и доцентов. Среди профессорско-преподавательского персонала Университета сейчас свыше 500 докторов наук, около 400 профессоров, более 1 200 кан-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дидатов наук и 850 доцентов. Значительное количество докторов и кандидатов наук являются питомцами Санкт-Петербургского университета и работают в его научно-исследовательских учреждениях. Всего за время своего существования Университет выпустил свыше 200 тысяч специалистов разного профиля, в том числе для более чем 90 стран мира.

Санкт-Петербургский университет принимает активное участие в международных организациях: Европейской Ассоциации университетов (КРЕ), а также в Международной Ассоциации университетов, Постоянной конференции ректоров Балтийских стран, Европейской ассоциации по международному образованию, различных комиссиях и комитетах ЮНЕСКО и других международных организациях, взаимодействует с фондами и организациями в области науки и образования многих стран мира, участвует в международных образовательно-университетских программах. Университет имеет договоры о сотрудничестве с 39 университетами зарубежных стран; кроме того, такое сотрудничество осуществляется и на уровне отдельных факультетов, НИИ и других университетских подразделений.

Ежегодно в Университете обучаются представители 90–95 стран мира; много лет работает Центр русского языка и культуры, осуществляющий обучение иностранных учащихся русскому языку по интенсивной методике. Совместно с Миланским университетом Луиджи Боккони (Италия) организован Институт международного менеджмента (ИМИСП), успешно работающий по программам переподготовки действующих менеджеров и подготовки бакалавров.

В последнее время более широкие возможности учиться в зарубежных университетах, так сказать, «параллельно», получили студенты, победившие в международных конкурсах и завоевавшие в нелегком соперничестве право на стипендии, гранты и т. д. Благодаря созданию в 1992 г. Французского колледжа в Санкт-Петербургском университете эти возможности еще более расширились — лучшие его выпускники получают право продолжить образование в Сорбонне. В 1993–1997 гг. это право заслужили 30 выпускников колледжа.

Университет динамично развивает свои связи с Академией наук. На его базе в 1991 г. был организован Северо-Западный региональный оргкомитет по избранию первоначального состава Российской академии наук.

Показателем активной научной деятельности Санкт-Петербургского университета выступает число научных публикаций его ученых и преподавателей, значительную долю которых выпускает издательство Санкт-Петербургского университета — одно из самых крупных по выпускаемой книжной продукции среди университетских издательств России. Здесь же выходит «Вестник Санкт-Петербургского университета» и журнал «Правоведение». Услугами издательства пользуются многие вузы Северо-Запада России; оно уже имеет контракты с книгоиздателями Англии, Нидерландов, США, Франции и открыто для совместных проектов и предпринимательских акций с издательствами любых других стран.

Описывая сегодняшний день Санкт-Петербургского университета, трудно отразить все аспекты его творческого облика. Только систематическое изучение истории этого гиганта российской и мировой высшей школы может дать картину его состояния — прошлого, нынешнего и грядущего. В какой-то степени роль путеводителя здесь может сыграть Музей истории университета — старейший и крупнейший музей подобного профиля в стране, экспозиции которого рассказывают о создании и развитии первого российского университета. Всего в музее свыше 30 тысяч единиц хранения. Документальные и изобразительные фонды постоянно используются студентами и научными

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сотрудниками в исследованиях, посвященных истории науки в нашей стране, деятельности отдельных ученых и Университета в целом.

Обращаясь к истории Университета, его настоящему и, безусловно, к будущему, можно убедиться в том, что слова, начертанные на его гербе: «HIC TUTA PERENNAT» («Здесь безопасно пребывает»), как нельзя более точно отражают жизнь, дух и законы этого гиганта российской науки, образования и просветительства.

Санкт-Петербургский университет не только активно впитывает передовой зарубежный опыт в области образования и науки, но и стремится распространить его на другие вузы России и стран СНГ. Университет явился одним из учредителей Европейского университета. Для этих же целей был создан Центр международных проектов и программ, аккумулирующий сведения об организациях и фондах, поддерживающих учебно-образовательные и научные программы и распространяющий эту информацию по вузам в виде компьютерной базы данных, а также издавая информационные бюллетени. В 1994 г. Санкт-Петербургский университет принял самое непосредственное участие в подготовке и издании Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию журнала «Международное научное сотрудничество». Вопросы интеграции в мировые академические структуры в последние годы приобрели для Санкт-Петербургского университета приоритетное значение. При этом Университет старается действовать не только в собственных интересах. Примером тому может служить его инициатива в проведении в 1993 г. совместно с Госкомвузом России Международной конференции по программе ЕС «TEMPUS» (TACIS) с целью распространения ее на вузы России и стран СНГ. По результатам принятых на конференции рекомендаций и решений руководящих органов ЕС российские университеты получили возможность финансовой помощи по грантам программы «TEMPUS» (TACIS). В 1993 г. из 35 первых грантов 6 были выиграны Санкт-Петербургским университетом.

Наука и образование в наши дни становятся неотъемлемой составляющей рыночного уклада в экономическом развитии общества. Санкт-Петербургский университет как центр подготовки специалистов, способных интегрироваться в современных социально-экономических условиях, имеет большие возможности активного участия в этих процессах. Разработки ученых, обладающих высоким научным потенциалом, постоянное совершенствование учебного процесса на их базе — основа успешной работы Санкт-Петербургского университета. Однако Университет по-прежнему сохраняет свою непреходящую особенность центра фундаментальных исследований во всех областях естественных и гуманитарных знаний.

За последние годы под руководством Совета по телекоммуникациям Санкт-Петербургского университета намечена и проводится единая политика в области развития телекоммуникаций для совершенствования учебного и научного процессов и структуры управления. Сейчас уже невозможно представить себе управление Университетом без широкого использования программных комплексов «Абитуриент», «Студент», «Аспирант» и др. Много сделано для компьютеризации университетской библиотеки и ее факультетских филиалов. На юридическом факультете функционирует первая в России юридическая библиотека, в которой все библиотечно-библиографические процессы автоматизированы.

Понимая актуальность и важность дистанционного обучения Ученый совет и Совет по телекоммуникациям уделяют внимание разработке и этой проблемы. С 1991 г. начал функционировать международный «Балтийский университет». Это совместный образовательный проект, направлен-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ный на разработку, создание и реализацию учебных курсов университетского уровня по темам, затрагивающим общие для стран Северной части Европы проблемы. Процесс обучения построен на использовании спутникового телевидения, объединяющего несколько тысяч слушателей из десятков участвующих университетов всех стран этой части Европы. Санкт-Петербургский университет вошел в число 33 первых участников проекта «Балтийский университет».

Особо стоит выделить проекты в рамках Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы»: Развитие и поддержка учебно-научного экологического сервера Северо-Западного региона (совместно с Центром экологической безопасности РАН); Развитие учебно-научного центра распределенных вычислений и информационных ресурсов (совместно с Санкт-Петербургским Институтом информатики и автоматизации РАН).

Санкт-Петербургский университет — постоянно изменяющийся, живой, прогрессирующий организм. Его коллективу присущи разумный консерватизм, обусловленный необходимостью сохранять все лучшее, что накоплено предшествующими поколениями, и устремленность вперед, в будущее, ради которого живут, трудятся и совершенствуются студенты, преподаватели, научные сотрудники. Они много делают для демократизации жизнедеятельности Alma Mater. В этом соединении и есть главное достоинство и секрет успехов важнейших университетских дел, начинаний и свершений. Идти в ногу со временем, опережать его — это те основные черты Университета в Санкт-Петербурге, которые были заложены Петром Великим.

В Университет всегда стремились известные ученые, государственные и общественные деятели всего мира. Они участвовали в международных конференциях и конгрессах, читали лекции по актуальным научным, культурным и общественно-политическим проблемам, а некоторые получали дипломы и мантии почетных докторов Санкт-Петербургского университета. Только за последние годы этого звания удостоены около 20 человек — выдающиеся представители зарубежных стран и России, в том числе организатор и первый ректор Национального университета Республики Коми В. А. Витязева. Кстати, Сыктывкарский университет возник при самом непосредственном участии Санкт-Петербургского университета, его профессоров и преподавателей. Около 50% докторов наук и профессоров этого университета за его 25-летнюю историю были представителями Петербургского университета.

4 апреля 1994 г. в Актовом зале Университета Святейшему Патриарху Алексию Второму был торжественно вручен Диплом почетного доктора Санкт-Петербургского университета за выдающиеся заслуги в возрождении национальной духовной культуры и отечественных традиций в изучении Библии. Глава Русской православной церкви произнес речь «Задачи отечественного изучения христианской Библии в наши дни».

В Актовом зале выступала и экс-премьер Великобритании М. Тэтчер. Она объясняла суть английского консерватизма, его плюсы и минусы.

В Санкт-Петербургском университете произнесла свою единственную официальную речь и королева Великобритании Елизавета Вторая в свой первый официальный визит в Россию в 1994 г.

Одним из главных пунктов программы визита в Санкт-Петербург президента Франции Жака Ширака в сентябре 1997 г. было посещение Университета и встреча со студентами, изучающими французский язык, во время которой он призвал молодежь жить, работать и думать совместно, много путешествовать и узнавать друг друга. Ширак сказал: «Нет ничего более хрупкого, чем свобода и демократия».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В октябре 1997 г. гостем Университета был Председатель Совета Федерации Е. С. Строев, выразивший глубокое удовлетворение от общения со студентами и преподавателями старейшего университета России. В 1998 г. Е. С. Строев был избран Почетным доктором Санкт-Петербургского университета.

Вокруг Университета, подтверждая его притягательность, консолидируются и те, кто в разное время получил диплом выпускника. 17 января 1995 г. состоялось первое собрание учредителей Ассоциации выпускников Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (АВУ), которая является, как записано в ее Уставе, политически и религиозно нейтральной, некоммерческой общественной организацией. Своей главной целью Ассоциация ставит всемерное развитие Санкт-Петербургского университета как российского и международного центра образования, науки и культуры; сохранение и развитие лучших традиций Санкт-Петербургского университета; укрепление престижа Университета в мировом сообществе университантов; консолидацию выпускников Университета всех факультетов во все годы, взаимное обогащение и взаимопомощь.

О Санкт-Петербургском университете можно рассказывать бесконечно: каждый день его жизни — это история. Это нашло отражение и признание в Указе Президента России Б. Н. Ельцина «Об особо ценных объектах национального наследия России», где наряду с другими учреждениями Санкт-Петербургский университет объявлен достоянием народов России. Государство гарантирует его сохранность в интересах настоящих и будущих поколений россиян. У Санкт-Петербургского университета есть кредо. Когда-то это был девиз дореволюционного Санкт-Петербургского университета «Где высоко стоит наука — там высоко стоит человек». Девиз этот актуален и сегодня: у России не будет будущего без образования и науки, определяющих уровень культуры государства в целом и его народа.

Принятие Постановления Правительства Российской федерации от 1 ноября 1997 г. № 1379 «О Санкт-Петербургском государственном университете» — объективная оценка его исторической роли в судьбе России. Это хороший симптом, свидетельствующий о том, что Правительство Российской Федерации понимает важность развития высшего образования: благодаря принятию этого документа Университет получил возможность практически индивидуальной работы со студентами, позволяющей взращивать в стенах Санкт-Петербургского университета новых ломоносовых и менделеевых.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Т. В. АРТЕМЬЕВА

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ XVIII в.

Можно выделить две социальные структуры, в рамках которых формировалась философская мысль в России XVIII в. Первая ориентировалась на классическую традицию профессионального философствования. Вторая — развивалась в кругу просвещенной элиты. Ее субъектом был не «профессионал», а мыслитель, имеющий досуг, достаток и образование для того, чтобы предаваться «свободному любомудрию»,—«дворянин-философ», как называл себя, например, Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Каждая из названных структур порождала особый тип текстов, собственную проблематику, а поэтому их изучение требует различных подходов и исследовательских стратегий.

Систематическое и «профессиональное» изучение философии как светской науки связано с Академией наук и Академическим университетом, основанными в 1724 г. Организовывая систему образования и научных исследований, Петр I внимательно выслушивал мнения двух признанных европейских авторитетов — Г.-В. Лейбница и Хр. Вольфа. Лейбниц активно сотрудничал с Петром I в области просвещения. Он полагал, что Россия может избежать ошибок Запада и реализовать просветительский идеал, создав общество, управляемое учеными, на манер бэконовской Новой Атлантиды. В одной из записок Петру I он предлагает передать сообществу ученых руководство всей общественной деятельностью, подчинить ей образование, промышленность, экономику.[1] Лейбниц советовал Петру утвердить «Коллегию народного просвещения и общественного благосостояния». Академия наук, по его мнению, должна быть снабжена большими полномочиями и быть независимой от государства. Хр. Вольф, напротив, полагал, что научные центры с «импортированными» или обученными за границей специалистами не решат проблему приобщения России к новой науке. Такую задачу сможет выполнить только «обыкновенный университет», ориентированный на подготовку собственных ученых, создание национальных научных школ. По мнению Вольфа, только обеспечив систему производства и воспроизводства образованных людей, Россия перестанет нуждаться в интеллектуальной помощи Запада. Петр сделал по-своему. Естественно, он не собирался придавать Академии наук статуса надгосударственного учреждения, равно как и создавать «обыкновенный» университет. Университеты, с их уставом, автономией внутренней жизни и учебного процесса, сделали бы подготовку научных кадров независимой от государства и неуправляемой, что могло бы привести к росту «независимой» интеллигенции, а это не могло не расшатывать устои сословно-бюрократической иерархии.

Некоторые колебания Петра нашли отражение в указе «Об учреждении Академии», где рассматриваются особенности того и другого учреждения. «К расположению художеств и наук, — говорится там, — употребляется обычно два образа здания: первый образ называется университет, второй — академия, или социетет художеств и наук».[2] Каждый из них выполняет свои функции: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и филосо-

© Т. В. Артемьева, 2000.

[1] См.: Уткина Н. Ф. Естественные науки // Очерки истории русской культуры. Ч. 3. М., 1988.

[2] Материалы для истории Императорской Академии наук. 1716–1730. Т. 1. СПб., 1885. С. 14.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

фии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют».[3] Традиция европейской организации науки предполагает, что эти заведения «никакого сообщения между собою не имеют, дабы академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и разысканиях своих, от чего как профессоры в университетах, так и студенты пользу имеют, помешательства не имела, а университет некоторыми остроумными разысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был, и тако младые люди оставлены были».[4] Царь-реформатор решил проигнорировать европейский опыт («...Невозможно, чтоб здесь следовать в прочих государствах принятому образцу...»[5]) и ввести в России некоторое гибридное образование, соединив достоинства (а также недостатки) Академии и Университета.[6]

Должности академикам определялись следующие: «...все что в науках уже учинено — разыскивать; что к исправлению или приращению оных потребно есть — производить, что каждый в таком случае изобрел — сносить и тое секретарю вручать, который тогда понужден будет оное, когда надлежит, описывать».[7] Кроме этого, академикам вменялось «ежедневно один час публичные лекции иметь».[8]

Universitatis Petropolitanae был очень своеобразным учебным заведением. Он имел иную структуру и задачи, нежели известные европейские университеты с освященными веками традициями. Вместе с тем это вовсе не означает, что следует принижать значение и сомневаться в приоритете Санкт-Петербурга в деле организации университетского образования. Такого рода тенденция зародилась еще в начале XIX в.,[9] что позже позволило начинать «университетоисчисление» с Москвы. В конце концов «оба учебных заведения» стали титуловаться как «первый русский университет», что в определенном смысле соответствует их статусу как оригинальных социальных институтов XVIII в. и российским традициям, но противоречит здравому смыслу.

Многолетняя полемика по поводу того, можно ли считать Петербургский университет продолжением Академического, тщательно проанализирована и подытожена монографией Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина «Отечеству на пользу, а россиянам во славу». Само название снимает необходимость антиномического противопоставления одного другому, демонстрируя, что идея соединения науки с обучением, лежавшая в основании академического университета, пусть даже и не до конца реализованная, была достаточно плодотворна. Не случайно интеграция Академии наук и высшей школы так популярна в настоящее время. История духовной жизни собственной страны должна быть свободна от сиюминутной конъюнктуры. И если существование

[3] Там же. С. 14–15.

[4] Там же. С. 15.

[5] Там же.

[6] Впрочем, он мог следовать и голландскому образцу (см.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988. С. 37).

[7] Там же. С. 17.

[8] Там же. С. 20.

[9] См. книгу с характерным названием: Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом Институте до переименования сего в Санкт-Петербургский Университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части Народного Просвещения. СПб., 1833.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Петербургского академического университета было органически связано с Академией наук, что в свое время упростило его создание, но усложнило становление, не следует искусственно разрывать эту связь поиском документов, в которых впервые упоминается нынешнее название прославленного учебного заведения. Крутые повороты российской истории часто маркировались переименованиями. Наш прекрасный город также менял свои имя и статус, хотя всегда оставался культурным и научным центром и прекраснейшим городом на свете.

Это вовсе не означает, что, отмечая в 1999 г. 275-летие Академии наук и Петербургского университета, следует остановиться исключительно на панегирических перечислениях достижений. История развития российской науки и российского образования всегда была наполнена не только полетами пытливого разума, но разочарованиями неудавшихся начинаний, бестолковостью властных решений и дискретностью традиций. Возможно, для исследователей наступило время «размифологизирования» и объективных оценок. Мы должны не бояться своей истории, а учиться у нее, чтобы не повторять старых ошибок.

Несмотря на привлекательную для руководства идею соединения науки с высшей школой, чтение лекций было для академиков явно нежелательным дополнением к основной работе. Большинство из них предпочитало ограничиться исключительно научными изысканиями. Это было связано и с отсутствием достаточно подготовленных студентов. Некоторым из академиков вменялось в обязанность привести с собой учеников, которые и стали первыми студентами Российского университета. Чтобы снять проблему, как ее называл Д. А. Толстой, «бесстудентности» Университета,[10] Регламент 1747 г. разделил академиков на «особливых академиков» и «особливых профессоров». Впрочем, возможность привлечь академика к чтению лекций оставлялась на «президентское рассуждение». Этот регламент исполнялся неохотно. В «Инструкции, или учреждении, о университете и гимназии» 1750 г. говорилось: «Понеже с удивлением извещалось, что некоторые из университетских профессоров на лекции свои без важных причин либо вовсе не приходят, либо и приходят, да поздно, то за необходимую нужду почтено на таких леностных наложить штраф».[11] Оправдания были разными. Лекции не читались из-за праздников по «немецкому календарю», болезней и «худого прохода через реку».[12] Академики капризничали, не желая читать лекции, а иногда и не видя в них смысла. Так, Ф. У. Т. Эпинус ставил следующие условия:

«1) чтоб упражняться мне в сем труде до тех пор, пока я похочу, и всегда б вольно было мне отказаться от оного, когда я пожелаю...

2) дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщетен будет,

3) дано б было мне на волю назначить способное к сим лекциям время и напоследок,

4) чтоб студенты ходили ко мне на дом, ибо невозможно, чтоб я для *весьма неприятного мне труда* (курсив мой. — *Т. А.*) тратил деньги, чтоб я держал для того одного лошадей и коляску или б в ненастную погоду ходил в аудиторию».[13] Профессор ботаники И.-Х. Гебенштрейт заявил, что не бу-

---

[10] Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук// Записки Императорской Академии наук. Т. LI. СПб., 1885. Приложение № 3. С. 15.

[11] Цит. по: Там же. С. 31.

[12] Там же. С. 19.

[13] Цит. по: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 892, прим.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дет читать лекций, «пока не переедет в квартиру при Ботаническом саде».[14] Академик Миллер отказывался читать публичные лекции, предпочитая заниматься более доходным частным преподаванием.[15] Ломоносов писал о нем: «Близ тридцати лет будучи профессором, ни единой не читал лекции и над чтением других смеялся».[16]

После воцарения Елизаветы Петровны последовали жалобы со стороны группы русских ученых А. Н. Нартова, Н. Попова, С. Старкова, П. Шишкарева, М. Коврина и др., объектом которой стало руководство И.-Д. Шумахера. В этой жалобе говорилось в том числе и о том, что «Университета в Академии нет совершенно».[17] Следственной комиссии пришлось выяснять, «есть ли Университет и честные и славные науки происходят ли и процветают ли».[18]

Академический университет начинал свои занятия несколько раз. Е. С. Кулябко отмечала, что фактически Университет был открыт в 1747 г. По мнению М. В. Ломоносова, «с начала Академии наук от 1725 по 1733 год ни единого российского студента при ней не было, который бы лекции у профессоров слушал».[19] В «Всенижайшем мнении о исправлении Санкт-Петербургской императорской Академии наук» он писал о необходимости восстановить университет «от прежнего испорченного состояния»,[20] а в 1760 г. составлял подробный план инаугурации, предполагая, что именно с этого времени можно говорить о настоящем открытии Университета.

Интересно, что в этом же году, как бы в пику Ломоносову, Г. Н. Тепловым был составлен проект университета на Украине, который было задумано создать в резиденции К. Г. Разумовского в Батурине. В «Проекте к учреждению университета Батуринского...» говорится: «Его Сиятельство, Ясневельможный и Высокоповелительный Малороссийский Гетман, граф Кирила Григорьевич Разумовский... твердое и богоугодное положил намерение, с Божьею помощию и Высочайшим соизволением Ея Императорского Величества... на предбудущие века и на память имени своему, в городе Батурине под своею собственною протекцией основать, учредить и утвердить неподвижно Университет, со всеми его упражнениями и преимуществами, которые в самодержавном государстве оному приличны. И понеже в нем определяются такие науки, которых доселе в Малой России еще не было преподаваемо, как то: гуманиора вся, то есть, чистота латинского языка, древности, философия новая, юриспруденция, история, география, также высокие науки, физика теоретическая и экспериментальная, все части математики, геодезия, астрономия, анатомия, химия и ботаника».[21] Теплов полагал, что Батуринский университет должен обладать всеми традиционными университетскими привилегиями, кроме того студентам, чтобы подчеркнуть их принадлежность к элитарной «республике ученых», «дозволить, хотя бы он и не шляхетский сын был, для одобрения носить шпагу или саблю».[22] Наличие на Украине большого числа церковных школ, по мнению Теплова, могло бы снять про-

---

[14] См.: Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 111.

[15] Там же. С. 36.

[16] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 231.

[17] Там же. С. 41.

[18] Там же. С. 42.

[19] Там же. С. 36.

[20] Там же. С. 11.

[21] Теплов Г. Н. Проект к учреждению университета Батуринского... Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2. М., 1863. Отдел «Смесь». С. 68.

[22] Там же. С. 74.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

блему подготовленности студентов к обучению в университете и дало бы Батуринскому университету преимущества перед петербургским и московским. Обучение должно было быть бесплатным. Оплачивались лишь дополнительные занятия в *Collegia privata и Collegia privatissima*. В новосозданном университете должны были изучаться следующие предметы: «Латинское красноречие с толкованием классических авторов», «Логика, метафизика и философия практическая», «Правы натуральные и юриспруденция», «Древности и история литеральная и политическая. Генеалогия и геральдика», «Физика теоретическая и практическая», «Физика экспериментальная и математика со всеми ее частьми», «История натуральная», а также анатомия, химия и ботаника. Теплов планировал университет основательно, поэтому не были забыты типография, словолитня, книжная лавка, переплетная мастерская, оранжерея, лаборатория, больница, анатомический театр, а так же карцер, гауптвахта, портомойня, «мыльня, а при ней банщик».[23] Следует отметить, что светский университет был создан на Украине только через полвека и, конечно, не в Батурине, а сначала в Харькове (1804), а затем в Киеве (1833).

«Поэтический беспорядок» царил в Петербургской Академии до конца XVIII столетия. В «Записках, показывающих сравнительное состояние Академии...», Е. Р. Дашкова, которая была назначена директором Академии наук в 1783 г., пишет: «Академики были обременены должностями, званию их не принадлежащими, анатомик исправлял должность казначея, астроном сделан был смотрителем за печами и трубами в академических строениях и проч.»;[24] «...химическая лаборатория едва заслуживала сие название, ибо она не только недостаточна была необходимо нужными для опыта принадлежностями, но и самая печь вместо химической сделана была хлебная...»;[25] «...проезду к Академии не было, топь, грязь... сие место непроезжаемым болотом становилось».[26] В отчете приводятся данные о некоторой реорганизации учебного процесса, в частности введении английского и итальянского языков, что было новым для российских учебных заведений, но о преподавании философии не говорится ничего, вероятно, к этому времени ее уже перестали преподавать, как, впрочем, и ряд других предметов.

Проблемы вызывали неопределенный социальный статус как студентов, так и самих академиков и профессоров. Г.-Ф. Миллер полагал, что это одна из причин, по которой дворянские дети идут в Университет неохотно. «Русское дворянство ищет повышений чинами, — пишет он. — Между тем знатнейшие ученые оставались без чинов, и это в стране, где все преимущества соразмерены с чинами, где не имеющий чина не может показаться ни при каком официальном представлении, какой же после этого порядочный человек решится оставаться при учености, я хочу сказать, сделаться ученым по профессии?».[27] М. В. Ломоносов был в этом смысле более оптимистичным. Он считал, что приобщение к *сокровищу знаний* не только приближает к этосу *благородных*, но и повышает реальный социальный статус. Так, в 1758 г. в «Проекте регламента академической гимназии» он писал: «...науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство».[28]

---

[23] Там же. С. 84–85.

[24] [Дашкова Е. Р.] Записки, показывающие сравнительное состояние Академии в последствие десятилетнее. [СПб., 1793]. С. 2.

[25] Там же. С. 4.

[26] Там же. С. 26.

[27] Цит. по: Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. С. 7.

[28] Цит. по: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 482.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В России, где положение в обществе и социальная принадлежность определялись «Табелью о рангах», состояние ученых, которые оказались вне этого регламентирующего документа, было непрестижным и двойственным.[29] В екатерининскую эпоху в «Городовом положении» был определен их статус, согласно которому «ученые, кои академические или университетские аттестаты или письменные свидетельствы предъявить могут, и таковыми по испытании Российских главных училищ признаны», должны быть записаны в пятую часть городового общества в число «именитых граждан» вместе с художниками, скульпторами, архитекторами, банкирами, оптовыми торговцами, землевладельцами. Им предоставлялось право «ездить по городу в карете парою или четвернею», «иметь загородные дворы и сады». Они были освобождены от телесных наказаний, а в третьем поколении при сохранении «беспорочной именитости» старшему в роду разрешалось «просить дворянство».[30]

Тем не менее известный немецкий философ Хр. Вольф называл Петербургскую Академию наук «раем ученых». Следует отметить, что Россия в то время была единственной страной, где академики получали жалование «за науку», им оплачивали почтовые расходы и предоставляли неограниченную возможность издания своих трудов в академических «Записках». Организовывая Академию наук, Петр I понимал, что без государственной поддержки фундаментальная наука обречена на прозябание. В указе «Об учреждении Академии» собственной рукой Петра написано: «На содержание оных определить доходы, которые сбираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова, Аренсбурга».[31] Именно это позволило в короткий срок собрать в ее стенах блистательное созвездие ученых и сделать Петербург одним из самых авторитетных научных центров мира. Впрочем, не следует обольщаться по этому поводу. Иной раз академики собирались на совещания «как бы добыть денег на покупку свеч».[32]

Академия наук учреждалась «из трех классов» наук — математического, в который входили теоретическая математика, механика, астрономия, география, навигация; физического, включающего кафедры теоретической и экспериментальной физики, химии, анатомии, ботаники; а также «гуманиоры, гистории и права», в котором должны были работать специалисты в области «студиум актиквитас» (красноречия и древностей), «истории древней и нынешней» «ндравоучения» (права, политики, этики). Преимущественное внимание уделялось наукам естественного цикла. Вместе с Академией учреждались Гимназия и Университет. В Указе отмечалось, что классические традиции разделения на 4 факультета — теологический, юридический, медицинский и философский — в России невозможны, и поэтому «факультет теологии здесь оставляется, и попечение о том токмо Синоду предается».[33] На философском факультете предполагалось изучать логику, метафизику, математику, физику, а также «гуманиору» — элоквенцию, «студиум антиквитас» и «гисторию». При этом «академик матезеос сублимиорис может профессором логики и метафизики, и математики генеральной быть и притом же физику генеральную и экспериментальную учить».[34]

---

[29] Фундаминский М. И. Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура в России XVIII века. Л., 1984. С. 52–72.

[30] Там же.

[31] Полн. собр. законов Российской империи. Т. VII. 1723–1727. [СПб.], 1830. С. 220.

[32] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 261.

[33] Там же. Т. 1. С. 20.

[34] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Философии в Академическом университете уделялось серьезное внимание. В нем изучались курсы «Руководство во всю философию», или «Введение в философию», история философии, логика, метафизика, практическая философия, или этика, натуральная философия. В сетке учебных часов не было ни одного предмета, которому уделялось бы больше часов, нежели философии. Следует признать, что в истории Академического университета были периоды, когда философия была единственным преподававшимся там предметом.

Философия преподавалась и в Гимназии. Сохранились материалы, связанные с учителем философии и математики И. Г. Иоперти, которого экзаменовал профессор А. Браун, отметивший, что «в философии, в логике, морали, также в математике и физике показал он себя так, что начальные основания помянутых наук обучать может».[35]

Академический университет, как и Академия наук в целом, имел естественнонаучную ориентацию, поэтому на первом месте находились проблемы методологии выявления метафизических оснований научных теорий. Натурфилософские рассуждения содержались и в самих формулировках научных теорий, поэтому рассуждения о «причине», «пространстве», «дзижении», «познании» предваряли исследования естественнонаучного характера, составляя самостоятельные философские сочинения, внутри научных трактатов. «Физика» еще не вполне отделилась от «метафизики», поэтому умозрительные аргументы использовались в науке, а научный опыт — для решения философских проблем. Способ познания считался универсальным для всех областей знания, как опытного, так и умозрительного, что породило феномен *энциклопедизма*, выражавшийся в том, что «ученый» в то время обычно был специалистом во многих областях, одной из которых довольно часто была философия.

Первым официально объявленным «метафизиком», приглашенным на кафедру логики и метафизики, был Г.-Б. Бильфингер (1693–1750), возглавивший затем кафедру физики, вторым — Х. Мартини (1699–?), который, напротив, первоначально занимал кафедру физики. В Тюбингене, откуда Бильфингер приехал в Петербург, он был экстраординарным профессором философии.[36] Там он издал книгу «De harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita, commentatio hypothetica...» (1723), в которой рассмотрел идеи Лейбница о предустановленной гармонии и которая в 1724 г. попала в знаменитый «Index librorum prohibilitorum». В материалах Академии наук сохранилась запись, свидетельствующая о том, что первоначально Бильфингер приглашался именно как специалист в философии, ибо «господин Вольф его академии, яко человека в философии по принципам весьма обученного, рекомендует».[37] Хр. Вольф не только считал Бильфингера «очень сведущим в философии», но полагал, что «хорошего философа труднее найти, чем хорошего математика, и он во всех странах редкость».[38]

Собственно Бильфингер и приглашался не просто как философ, но как философ-вольфианец. Предлагая ему профессуру, президент Академии наук Л. Блюментрост писал, что его согласие вызовет особое удовольствие, «поскольку мы желаем, чтобы у нашей нации, еще не приверженной ни к каким другим философским учениям (principles), преподавалась вольфианская

[35] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 947. Л. 1 об.

[36] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 198.

[37] Там же. Т. 1. С. 58.

[38] Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 83–84.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

философия и чтобы она распространялась в этом столь обширном государстве».[39]

На одном из первых публичных собраний Академии Бильфингер произнес речь, впоследствии напечатанную в Кенигсберге, так как в сенатской типографии не хватило латинского шрифта, под названием «Sermones in primo soleni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII Decembris anni 1725 publice recitati. Petropoli, Sumptibus Academiae scientiarum» [1726]. В своей речи Бильфингер изложил историю науки, начиная от античности, обозначая вехи развития научной мысли и маркируя их именами Галилея, «рысьеглазого» Кеплера, «отца ньютонианской философии», Декарта, открывшего человечеству «более надежный способ философствования».[40] Бильфингер отмечает важность различных научных объединений — кружков Монмора и Тевено в Париже, Оксфордского кружка, Флорентийской академии, Лондонского королевского общества, Парижской Академии наук, Берлинского научного общества. Бильфингер отмечает важность коллективного исследования. «Люди лишь тогда познают свои силы, когда не бесконечное число делает одно и то же, а одни оставляют другим. В объединении удобно не только то, что по советам и побуждениям друзей ты будешь знать, к чему лучше приложить твой труд, но еще важнее то, что в самой работе, как бы она ни протекала, ты можешь ждать помощи от понимающих друзей».[41]

Ю. Х. Копелевич отмечает, что в это время «убеждение в длительности, бесконечности процесса познания природы пришло на смену необоснованной вере мыслителей предшествующего поколения в близкое раскрытие тайн природы и создание "систем", объясняющих все явления».[42] Сам Бильфингер поясняет это следующим образом: «С учеными, устремляющими внимательный взор в свою науку, происходит то же, что с смотрящими в микроскоп. Представь глазу, пусть даже самому зоркому, листок, сорванный с дерева. Посмотришь мгновение, и тебе покажется, что ты увидел все. Но подложи его в микроскоп, пусть даже плохонькой, и ты увидишь новое и неожиданное. Замени его другим, лучшим, потом еще лучшим, и так много раз, и каждый раз появится что-то незамеченное раньше, неожиданное, даже невероятное. Едва ли можно надеяться, что мы проникнем в крайние пределы всех вещей, и никогда для человеческого познания не будет исчерпана возможность открытий».[43]

В документах Академии наук отмечено, что Бильфингер «искусства физикальные с изъяснениями их и конклюзиями» излагал, «следствуя в том Гравесанду в Институциях философии Невтонианской». Сам В.-Я. Гравесанд (1688–1738 или 1742), голландский философ, математик и физик, был автором работы «Введение в философию, метафизику и логику» (1738), где пытался сочетать взгляды Декарта, Лейбница, Локка и Ньютона. Таким образом, он косвенно затрагивал основания британской философии, которая попадала в Россию чрезвычайно сложным путем, во-первых, в контексте научной (физической) теории, а во-вторых, в интерпретации немецкого ученого, ориентирующегося на голландского исследователя. Это тем более интересно, что распространение ньютонианства в России было затруднено популярностью Лейбница, который не только полемизировал с великим англичанином по теоретическим вопросам, но и находился с ним в определенной тяжбе по

[39] Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 72.

[40] Там же. С. 94.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 95.

[43] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

поводу приоритета в некоторых научных открытиях. В вопросе о природе света расходился с Ньютоном и Л. Эйлер. Кроме того, философию Ньютона в России, да и вообще на континенте очень часто представляли себе лишь по сочинению Вольтера «Основы философии Ньютона» (1738), которое было, разумеется, не столько старательным изложением идей Ньютона, сколько рассуждениями самого Вольтера, вдохновленного Ньютоном на метафизический трактат.

Виттенбергский магистр Х. Мартини, рекомендованный Хр. Вольфом как будущий адъюнкт по физике и математике, отнесся к предложению с большим энтузиазмом. Получив предложение приехать в Россию, он писал, что принимается за изучение русского языка. От петербургского приема Мартини был в восторге. Да это и неудивительно, ведь вместо адъюнктской он получил профессорскую должность с жалованием 600 рублей в год и обязательством «внедрять начала вольфианства». Мартини написал своему учителю восторженное письмо, и Хр. Вольф писал об этом Блюментросту: «Г-н Мартини писал мне с большою похвалою, как любезно он был встречен по своем прибытии и как приятно в Петербурге. Я нисколько не сомневаюсь, что все принятые на службу будут вполне довольны и никого не потянет обратно. Я везде оповещаю об этом, чтобы все более рассеивать необоснованные предубеждения».[44]

Выбор Х. Мартини был не очень удачным. Он получил кафедру логики и метафизики не потому, что был крупным философом, а потому, что Бильфингер был значительно более выдающимся физиком.

В расписании на 1732 г. указано, что логику и метафизику читал Г.-В. Крафт, профессор общей физики,[45] позже он читал «физику и метафизику с принадлежащими к тому экспериментами», а Л. Эйлер читал публичные лекции не только по математике, но и по логике.[46] Из «Росписи академическим членам, первым в Академию призванным...» видно, что «физика и метафизика» не были разделены в практике преподавания ученых того времени. Так, цитируя указанную «Роспись», видим, что «Якобус Германус... здесь первым профессором от математики... в 1730-м году генваря 16 числа отбыл в Базель город профессором моралики: Георгиус Бернгардус Бульфингер был профессором ординарии в княжеской коллегии и профессором экстраординарии от философии в университете в Тибинге, а здесь профессором ординарии от физики... Фридрикус Христофорус Грос... назначен был профессором экстраординарным от моралики, а в 727-м году отбыл в Москву... Георг Волфганг, магистр от философии... назначен быть профессором от математики... Иосиас Фейтбрехт, магистер от философии... назначен быть профессором от физики».[47] Профессором «от физики» был назначен также некто «Леонгард Рулес, магистр разных хитростей... (!— *Т. А.*)».[48] Продолжая список преподавателей философии, назовем Г. Н. Теплова, о котором речь пойдет ниже, и упомянутого в печатном объявлении 1742 г. Христиана Эрготта Геллерта, адъюнкта академии, который собирался читать «логику и метафизику Волфу порядком Тиммиговым публично, а приватно охотников обучать будет намерен в физике и математике»,[49] и академического стихотворца Г.Ф. Юнкера, «политики и морали», лекции которого упомянуты в

[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3. С. 723.
[47] Там же. Т. 2. С. 198–199.
[48] Там же. С. 199.
[49] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 7. № 52. Л. 1 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

объявлении 1734 г.[50] В 1758 г. М. В. Ломоносов активно рекомендовал в профессора философии Г. В. Козицкого, окончившего Лейпцигский университет. Этот вопрос долго рассматривался Академической канцелярией, однако дело не было доведено до конца, несмотря на то, что диссертация соискателя была предоставлена Академическому собранию и даже посылалась на дом академикам.[51]

В «Исчислении всех дел, что профессоры, как в публичных, так и в приватных собраниях, елико ко умножению и совершенству наук принадлежат, так же и в приватных лекциях, елико потребно есть к наставлению юношества досель произвели и это впредь в тех же вещах произвести намерены», датированном августом 1727 г., видно, что научные планы были достаточно обширны. Так, «Бульфингер, профессор физики экспериментальной и теоретической... в том числе в употребление императорскому величеству написал историю нынешнюю и политику моральную, или нравоучительную...».

Христиан Мартиний, профессор логики в приватных собраниях, предложил:

1. *Стебло*[52] — разума божественного к человеческому приравненного, зерцало.

2. Предложение махины, которую чрез немалое время движение округлое, оризонтальное, без всякого наружного двизателя сохраняется.

3. Начало нерассмотримых от Лейбница новоизобретенного ясно доказательство.[53]

4. Того же начала пользы, которые требовались.

5. Науку силлогизмов приложением простых, 2-сложных, 6 образов приполненную.

6. Яко особные фигур силлогистических правила новыми изъяснениями состягать надлежит.

7. Рассуждение славная препорций наука подает ли какую помощь в логических или нет?

8. Особливое упоминание пропорциональства в уравнительных.

9. Решение феномена отрочати любекского Гейнекения, удивительную памяти силу имущего.

10. Резон словенствовательный моей системы и сочинений ее в таблице синоптической.

Грос, профессор моральных и нравственных учений, следующие диссертации Академии предложил:

1. О мере добродетелей и злых дел, и может ли каковая изобрестися, и с того какого плода чаять?

2. О совести правой и погреши гельной, благой и злой, и как благая имать гнатися, злая же быть избежная.

3. О разуме законов, и разности, и о вменении, следующем по законам.

4. О неизбежных приключениях (фатах), разуме употреблений и пределах моральной философии.

5. О свободе воли, о нужде стоической и христианской.

6. О должностях перед Богом, поелику от истинных оснований восследуют.

---

[50] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 555.

[51] Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

[52] Стебло — ручка, рукоятка, стебель, основание (прим. *Т. А.*).

[53] Имеется в виду один из принципов Лейбницевской философской системы, предполагающей «гармонию сущности и существования», а именно принцип «тождества неразличимых».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

7. О разуме права естественного, права языков и права гражданского, и правдивых между ими разделениях.

В лекциях слушателям своим толкует Пуфендорфия о человеке и гражданине, сочиняет наставления философические и публичные ведомости».[54]

Интересно, что, несмотря на преподавательскую неразбериху в Университете, по крайней мере один профессор исправно учил студентов. Это был Иосиф Адам Браун (1712–1768). Его имя присутствует в сохранившихся расписаниях лекций Академического университета — «Санкт-Петербургской Академии публичных наставлениях» — на 1748, 1761, 1762, 1766 гг.[55] в качестве профессора, который *не собирается читать эти лекции*, однако «продолжает иметь свои философические лекции...так как и прежде».[56] Немногие профессора в то время могли похвастаться тем, что называется «посещаемостью», а на философские лекции Брауна ходили, как правило, все студенты.[57] Под его руководством проходил философский диспут, ознаменовавший первый выпуск Академического университета, в котором принимали участие такие известные позже ученые, как Ф. Яремский, Н. Поповский, А. Барсов. Это событие было отмечено. Так, газета «Санкт-Петербургские ведомости» за 10 сентября 1753 г. писала: «Сего месяца 7 числа поутру в 11 часу по определению его Ясневельможности гетмана и Академии наук господина президента, графа Кирилы Григорьевича Разумовского, в здешнем Университете при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей публично диспутовал под предводительством профессора Брауна студент Антон Барсов о следующем вопросе: "Могут ли законы гражданские, надлежащим образом учрежденные, противны быть законам естественным?". Причем по случаю высочайшего дня тезоименитства Ее Императорского Величества студенты Филипп Яремский и Николай Поповский читали речи, первый "О философии цицероновой", а другой "О несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших", и в заключение он же всенародные желания о здравии и благополучии Августейшей покровительницы Академии изъявил стихами латинскими и российскими».[58]

Добросовестность Брауна не раз отмечалась как исследователями, так и его современниками. Так, М. В. Ломоносов пишет в конце 40-х годов, что «течение университетского учения вовсе пресеклось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на нелюбление за то от Шумахера...»,[59] в конце 50-х он опять отмечает «долговременные прилежные лекции»[60] Брауна, а также «всегдашнее старание о поучении российских студентов, и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны».[61] Е. С. Кулябко отмечает, что «с 1754 по 1757 лекции студентам читал один профессор И.-А. Браун».[62] Справедливости ради следует отметить, что Браун был энциклопедичен в своей преподавательской деятельности в лучших традициях вольфианства.[63] В деловой бумаге М. В. Ломоно-

[54] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 280–284.

[55] См.: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 143–144; № 825. Л. 74; № 826. Л. 6; Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 116. Л. 1.

[56] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 3.

[57] Там же. Л. 27.

[58] Санкт-Петербургские ведомости. 1753. 10 сент. С. 587–588.

[59] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 283.

[60] Там же. С. 61.

[61] Там же. С. 293.

[62] Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 110.

[63] Хр. Вольф во время пребывания М. В. Ломоносова в Марбурге вел занятия по

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сова «Определение канцелярии Академии наук о переустройстве университета» можно прочитать: «В философском факультете философию преподавать имеет профессор Браун, экспериментальную физику он же, Браун».[64] Следует отметить, что основной своей специальностью Браун, вероятно, считал метеорологию, хотя помещал философские введения даже в работы по этой столь «прикладной»науке.[65] В отчете о работе за 1765 г. он раздельно отмечает свои занятия *Qua Academicus* и *Qua Professor in Universitate*. «Как академик» он занимается метеорологическими наблюдениями и экспериментальной физикой, а «как профессор Университета» — чтением лекций по рациональной философии.[66] В 1759 г. он, судя по всему, был единственным, кто выполнил указание М. В. Ломоносова о том, что все профессора должны представить в Канцелярию Академии наук краткое изложение собственных курсов, представив введение в философию под заголовком «Idea Philosophicae generalis».[67]

В «Санкт-Петербургского университета публичных наставлениях на первую половину 1766 г.» читаем: «Иосиф Адам Браун, теоретической и практической философии профессор, окончив прошедшего году введение во всю философию, такожде Логику и первую часть метафизики, в первые шесть месяцев нынешнего года по понедельникам, вторникам и четверткам с 9 по 11 час поутру преподавать будет прочия ее части, а по пятницам в те же часы философскую историю метафизически толковать будет по употребленным здесь к сему сокращенным Тиммиговым Философским наставлениям, а историю философскую по расположению первоначальных ее оснований Гейнекциеву, кои находятся в первых основаниях его Логики и Нравоучительной философии».[68] Эту близость прекрасно иллюстрировали сочинения самого Брауна. В неопубликованном сочинении, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, «Речь о знатнейших переменах земли, говоренная в публичном собрании Академии наук Профессором филозофии Иосифом Адамом Брауном июля 1 дня 1756 года»,[69] он дает фактически энциклопедический обзор представлений о мире, а также о том, «какова была земля с самого начала и какое было оное первое ее состояние».[70] Задача, стоявшая перед Брауном, усугублялась тем, что одновременно существовал целый ряд равноправных, но не пересекающихся точек зрения на происхождение (творение) Вселенной. Это заставило Брауна предварить онтолого-космологическое рассуждение формулированием принципов научного познания. Браун говорит о двух родах познания — «испытании», куда относится «простое примечание», «искусством произведенное наблюдение» и «опыт», и «рассуждении и разуме», к которым принадлежат «познание вещей вообще», «причины из рассуждений об оных» и «произведение из сего всеобщих впредь быть действий».[71] Естественно, что вопрос происхождения Земли и описание

16 предметам: логике, философии, естественному праву и праву народов, политике, географии, хронологии, астрономии, математике, теоретической физике, механике, оптике, гидравлике, военной и гражданской архитектуре, пиротехнике (см.: Там же. С. 44).

[64] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 558.

[65] См. об этом: Артемьева Т. В. История метафизики в России. СПб., 1966. С. 190–191.

[66] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 177.

[67] См.: Материалы для биографии Ломоносова: Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865.

[68] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 116. Л. 1.

[69] Там же. Ф. 3. Разр. II. Оп. 1. № 97. Л. 58.

[70] Там же. Л. 8.

[71] Там же. Л. 8 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

начальных этапов ее существования могут быть исследованы лишь в умозрительном предположении. Браун пытается выстроить универсальную схему познания «начал», включающую в себя как библейскую и мифологическую, так и научную картины мира. Выявление соотношения «мира и Бога» принципиально необходимо, ибо оно выясняет вопрос о (перво)причине. Браун отказывается рассматривать атомистическую гипотезу о происхождении мира в античном ее варианте, полагая, что основывание рассуждения на «слепом случае» есть «филозофическая басня», или «сонное мечтание».[72]

Мало обозначить необходимость принципа детерминизма, следует объяснить, каким именно образом соотнесена Причина со следствиями. Браун рассматривает три архетипических модели, или «генеральных мнения», такого соотношения. «Некоторые думают, — пишет он, — что мир произведен от Бога таким же образом, каким происходит и проистекает из источников река... или как из Солнца лучи света истекают...».[73] Однако такой мир есть не что иное, как «сам Бог, распростертый по всей Вселенной...»,[74] она как бы «удваивает» Бога, отождествляет его с Вселенной. Иная точка зрения предполагает, что Мир и Бог находятся в отношении не тождества, а зависимости. Бог придает Миру некую интенцию к становлению и развитию, оставаясь «душой мира». Третья модель рассматривает Мир и Бога как не зависимые, но взаимосвязанные субстанции. Мыслители, придерживающиеся этой концепции, по мнению Брауна, «очень близко подошли к самой правде, хотя оной совершенно не достигли».[75] «Они ясное различие положили между Богом и материей сотворенной и сотвориться имеющей, приписали Богу творение и строение Вселенной из такой материи, которая от него совсем отдалена и никакого с ним соединения не имеет, и которая была от начала мира сама от себя, а не от Бога произведена».[76]

Все указанные теории имеют один недостаток, они основаны на принципе «из ничего ничто произведено быть не может». Существует два типа творения. Творение как изменение формы, или «вида и фигуры», и творение как придание статуса бытия. Последнее возможно лишь для Бога. Однако это утверждение слишком очевидно и ничего не дает для понимания процесса творения. Этот процесс пытался описать Декарт с помощью знаменитой теории вихрей, но «сию теорию мира и земли больше за остроумную, нежели за основательную почитать должно, ибо невероятно, чтобы происхождение телу всего мира из частей и всей системе света подлинно так учинилось».[77]

Браун полагает, что ошибка Декарта заключается в том, что тот рассматривает Вселенную как математическую модель: «...полагал он сущность тела в едином токмо протяжении, и тем самым уничтожил он разность между натуральным и геометрическим телом».[78] Конечно, математическое описание Вселенной как геометрическое исчисление фигур в ней содержащееся придает теории пресловутую «ясность и очевидность», однако оно не выходит за пределы гипотетического предположения.

В «Слове о главных переменах атмосферы и о предсказании их...» Браун ставит прежде всего вопросы общеметодологического характера, размышляя о том, что такое познание, предвидение, теория, изменение. Так, стремясь к полноте понятия «изменение вообще», он тщательно перечисляет всевоз-

[72] Там же. Л. 12.
[73] Там же. Л. 13.
[74] Там же.
[75] Там же. Л. 14.
[76] Там же.
[77] Там же. Л. 18.
[78] Там же. Л. 18 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

можные виды и типы «перемен». Браун пишет: «Перемены как в моральных телах, то есть в свете моральном, бывают, так и в физическом свете в великих и малых телах всегда случаются... Видим мы перемены в великих телах небесных, в солнцах и в землях. Видим мы их в частях, во-первых, в их атмосфере всегдашние примечаем перемены, которые клонятся к совершенству всего мира и всех оного жителей»,[79] а также: «Республики, царства и империи переменам подвержены; и случается, что иногда хорошо учрежденные республики и гражданские правительства приходят в худо учрежденные или управляемые на лучшее обращаются».[80] Последний пассаж вызвал раздражение у Ломоносова, который, несмотря на многообразие научных интересов, придерживался вольфианского принципа разделения различных областей знания. «Рассуждения о правлениях весьма к сему случаю неприличны, — писал он. — И на что такое постороннее дело мешать?».[81] Следует отметить, что Браун был автором еще одного философского текста, местонахождение которого неизвестно. В отчете о работе за 1759 г. он пишет о сочиненном им «сокращении всей философии».[82]

Интересно, что попытка охватить «всю философию» в одном сочинении была характерна для эпохи энциклопедизма. Так, Ломоносов предполагал изложить общую теорию «корпускулярной философии» в «Системе всей физики» и «Микрологии» (1763–1764), однако успел набросать лишь предварительный план этих работ. Он хотел выстроить гармоничную и непротиворечивую картину мира, показав, что «все связано единою силою и согласованием природы».[83] Главная идея задуманного произведения отражена в проекте оформления титульного листа — своеобразного аллегорического «эпиграфа». Разрабатывая его, Ломоносов писал: «В картуше под титулом представить Натуру, стоящую главою выше облак, звездами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, в иных местах открытую, около ног — Купидоны, иной смотрит в микроскоп, иной с циркулом и с цифирною доскою, иной на голову из трубы смотрит, иной в иготь (ручная ступка. — *Т. А.*) принимает падающие из рога вещи и текущее из сосцов ее молоко. Все общее сносят на одну таблицу и пишут ее. Надпись: "Все согласуется"».[84] Следует отметить свидетельства об интересе Ломоносова и к логике. Так, А. А. Константинов — зять Ломоносова — утверждал, что последний является автором сочинения под названием «Логика, доселе неизвестная».[85]

В мыслительной традиции последних трех четвертей XVIII в. существовали два философских направления — одно с явно выраженным естественнонаучным акцентом («метафизичествующие естествоиспытатели»), другое, занимающееся философскими проблемами чисто умозрительно, прибегая чаще к умозаключению, чем к опыту. Указанные направления соотносились друг с другом вовсе не как противоположные, философские направления, а по типу «части» и «целого», где «целым» была философия, а «частью» — метафизика или наука. Философия находилась на метауровне, поэтому и физические теории, доказывающие философские положения, и умозрительные изыскания, обосновывающие физические истины, «работали» на нее.

[79] Браун И. А. Слово о главных переменах атмосферы и предсказании их. СПб., 1759. С. 3.

[80] Там же. С. 2.

[81] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 634.

[82] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 78.

[83] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 491.

[84] Там же. С. 495.

[85] Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. — Е. С. Кулябко приводит этот факт, ссылаясь на дневник И. М. Снегирева (см.: Русский архив. 1902. Кн. III. С. 17).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Если Брауна можно назвать представителем первого направления, то представителем второго был бесспорно Григорий Николаевич Теплов (1717–1779) — государственный деятель, философ, музыкант, моралист, медик, экономист. Энциклопедичности интересов соответствовала и сложная «ломоносовская» судьба, если можно использовать в качестве нарицательного имя человека, не питавшего к Теплову особенно теплых чувств. Теплов прошел путь от сына истопника до сенатора, советника Академической канцелярии. Первоначальное образование получил в школе, учрежденной Феофаном Прокоповичем, после чего был послан им в Германию. Продолжил свое образование в Академическом университете Петербургской Академии наук. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится его студенческое сочинение по естественным наукам, относящееся к 1741 г. В 1742 г. в объявлении о публичных лекциях Академии наук значилось: «Григорий Теплов, адъюнкт Академии, философию практическую Волфу порядком Тиммиговым толковать публично будет».[86] Судя по всему, это была первая и единственная попытка Теплова выступить на преподавательском поприще.

В 1743 г. адъюнкт Г. Н. Теплов был отправлен в Тюбинген и Париж для «усовершенствования в науках».[87] Именным указом ему было велено «для дальнейшего и совершенного обучения и усмотрения в чужестранных академиях наилучших порядков и учреждений отправиться в Вюртембергское королевство в город Тубинг, а оттуда в Париж, дабы, возвратясь после четырех или пяти лет, достойным профессором быть».[88] В «чужие края» Теплов поехал не просто как «стажер», но в качестве воспитателя младшего брата всесильного фаворита графа А. Г. Разумовского, Кирилла Григорьевича. В 1746 г. подопечный Теплова был назначен президентом Академии наук, а Теплов — его помощником, что дало ему «безграничную», как писали современники и позднейшие исследователи, власть в Академии. Как академический администратор Теплов не оставил после себя доброй памяти. Практически во всех биографиях отмечается его «деспотизм», «безнравственность», «партийность», «пристрастность» и т. д. В академической расстановке исторических фигур на шахматной доске он играл роль своеобразного «черного ферзя». Однако не следует забывать, что цвет в шахматах является результатом жребия, а потому носит условный характер. Настойчивость негативной оценки Теплова и постоянное противопоставление ему Миллера, Ломоносова, Тредиаковского вызывают некоторую настороженность. Не намеренно ли затемнялась эта фигура исследователями, лепившими «светлые образы» национальных героев? Не связана ли негативная оценка с социальной ролью Теплова как крупного администратора в академической системе и традиционно негативным российским отношением к любой администрации? Действительно, место «чиновника среди ученых» не очень выигрышно и обрекает персонажа, занимающего это положение, на роль «пятого колеса» в хорошо отлаженной телеге российской академической системы, триумфально продвигающейся по бездорожью. Образ Теплова как невежественного бюрократа плохо вписывается даже в контекст традиционных биографий. Добросовестно приведенный список его научных работ, куда входят сочинения по философии, музыке, медицине, экономике, ветеринарии, показывает, что он был не только администратором, принимавшим «политические» решения, но и таким же энциклопедически образованным, талантливым и творческим человеком, как и прославленные академики. «Познания и занятия Теплова

[86] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 52.

[87] Там же. Ф. 3. Кн. 75. Л. 42–52.

[88] Русский биографический словарь. Суворова–Ткачев. СПб., 1912. С. 471.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

были весьма разнородны, — пишет М. Н. Лонгинов. — Он много занимался, например, музыкой, а также домоводством, строительством, садоводством и лесным хозяйством в превосходном и большом имении своем селе Молдовом, Орловской губерни, Карачаевского уезда, где цел доныне огромный каменный дом с обширными службами, садом, превосходными фамильными портретами, старинной утварью, большим архивом и библиотекою, достойною просвещенного человека той эпохи».[89] Он был почетным членом Императорской Академии наук и Академии художеств, почетным членом Мадридской академии, действительным членом Вольного экономического общества, некоторое время преподавал наследнику Павлу Петровичу «политические науки».

Многообразные таланты Теплова были замечены «сильными мира». Он оказался чрезвычайно важной фигурой во время государственного переворота и воцарения Екатерины II. Теплов составил самые главные документы — манифест о восшествии на престол Екатерины II, а также текст присяги и текст отречения Петра III. Он находился в Ропшинском дворце 6 июля 1762 г. в тот час, когда умер Петр III.

Однако по-настоящему Теплов-ученый, Теплов-философ, автор крупной философской работы остался невыявленным, невостребованным, неоцененным. Вместе с тем его сочинение «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» начинает собой не только вторую половину века, но и новую эпоху в российском философствовании, отмеченную более трактатно ориентированным типом сочинений, обращением к специфической философской терминологии, стремлением к системности и аналитичности, словом, тому, что составляло неотъемлемые признаки *классического метафизического текста*.

В 1750 г. книгу Теплова рекомендовал к напечатанию М. В. Ломоносов. Он писал в рапорте Канцелярии Академии наук: «...философские учения в ней предлагаются понятным образом для всякого и весьма полезны будут российским читателям, которые, не зная иностранных языков, хотят иметь понятие или знание о философии вообще, во всех ее частях, и для того за благо рассуждаю, чтобы она была напечатана».[90]

Вероятно, увлечение Теплова философией Хр. Вольфа началось в Германии. В своих философских работах он продолжает и развивает идеи последнего, прежде всего его воззрения на принципы построения философской системы и разделения различных сфер знания на обособленные области с целью их лучшего познания.

Теплов полагает, что философия дает общее представление о мире, изучение ее необходимо для того, чтобы предохранить свой разум от возможных заблуждений. Изучение философии «человека делает Богу угодным, Монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным».[91] Теплов пишет *не учебник, но популярную книгу по философии*, дающую не только общие представления об этой науке, но помогающую сформировать мировоззренческие установки. «Мог я перевести какую ни есть Философскую систему лучшего автора, — пишет Теплов, — но мне показалось дело невозможное, чтоб все методы, сколько я их знаю, на латинском и французском языке изданные в свете, могли служить к моему особенному намерению, которое я предприял. Словом сказать, мой не тот конец, чтоб сия

[89] Лонгинов М. Н. Г. Н. Теплов // Русская старина. 1870. Т. II. С. 195.

[90] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 631.

[91] Теплов Г. Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751. С. 26.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

книга сочинена была для школы, по которой молодым людям учиться: но для тех, которые общее познание хотят иметь о науке философской, хотя притом никаких наук не учились и учиться не намерены».[92] Теплов практически отказывается от профессионального языка, оговаривая употребление даже тех немногих понятий, без которых невозможно обойтись, таких, как *тождество, правдоподобие, бытность, идея, предуверение, предрассуждение* и др.

Теплов отказывается от принятой в первой половине XVIII в. традиции переводить философские термины буквально, используя «кальки» («номиналисты» —«словесники», «реалисты» — «вещественники», «умозаключение» —«винословие», «философия» — «любомудрие», «логика» — «словесница», «физика» — «естественница», «метафизика» — «преестественница» и т. д.). Он отмечает, что некоторые понятия западноевропейской философии не имеют в русском языке соответствующих эквивалентов («метафизика», «пневматология»), а некоторые употребляются в различных смыслах, например философском и обыденном («бытие», «материя», «вещество» и т. д.). Теплов полагает, что существует определенная терминология, основанная на международном «ученом языке», без которой невозможно построить научный текст. В качестве примера он приводит Цицерона и Хр. Вольфа, пополнивших философский вокабулярий специальной терминологией, поэтому его сочинение предваряет «Объявление слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские».

Теплов не случайно уделяет такое внимание проблеме языка. Он полагает, что причины многих заблуждений и непонимания происходят от его нестрогости, оттого что содержание и смыслы понятий не являются строго установленными и однозначными. Теплов говорит о своих планах написать сочинение по логике, в которой можно было бы обсудить эти проблемы. «В оной я показать намерен, — пишет он, — как всякое в словах непостоянство и темность или сумнительный разум происходит оттого только, что о том, о чем речь наша, имеем темное и конфузное понятие и что понятиям между собою больше или меньше разнствующим одно имя часто случается давать. К сему я причитаю все риторические фигуры, метафоры, аллегории, в которых, ежели прилежно станем разбирать, то безмерное множество найдем противоречия».[93]

Теплов предваряет свое рассуждение выяснением строгого смысла понятия «философия», отделяя его от обыденных коннотаций. *Философия* разделяется на *теоретическую* и *практическую*. К *практической* относятся *этика* и *политика*, которые показывают «должность к Богу, монарху и ближнему, обязательство самому к себе, к дому своему и проч.».[94] К *теоретической* философии относится *физика* (понимаемая как естествознание или даже натурфилософия), логика и метафизика, которая, в свою очередь, включает в себя *естественную теологию* (учение о Боге), *пневматологию* (учение о душе и духах), *онтологию* (учение о бытии).

Таким образом, объектом философского исследования может быть любое явление, принадлежащее к объективной или субъективной реальности, материальное или идеальное, реально существующее или гипотетическое. Если конечная цель — выявление причины, будь это действие закона природы или способ соединения души с телом, то это рассуждение философское, если

[92] Там же. С. 58–59.
[93] Там же. С. 89.
[94] Там же. С. 22.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нет, то пусть даже речь идет о философских системах (классификация их, изложение содержания и т. д.), рассуждение такого рода философским назвать нельзя. Рассуждая о различных видах познания, Теплов прекрасно понимает, что далеко не все из них могут принести немедленный эффект или «видимую пользу». Одно — например, магнитные опыты, исследование электричества, «которое по сие время от всех ученых людей для одной только забавы показывается»,[95] — может быть полезно в будущем, другое развивается параллельно с бесполезным знанием, как химия и алхимия, третье может принести известность и славу, а лучше приобретать их научными открытиями, чем каким-либо иным способом.

Теплов задается мыслью о том, «в чем состоит должность прямого философа, который бы сим именем назваться мог по достоинству».[96] Он полагает, что, «кто одни только изъяснения к вещам сыскивает или умеет правило какое в науке сочинить, тот ... в философии дале ничего не изобретает».[97] Теплов пишет о том, что всякий, лишь только начинающий изучение философии, уже пытается присвоить себе звание «философа». Вероятно, эмоциональное отношение к тому, что в «и но сие время в Академиях... не одни те, которые обучают философии, но и те, которые лишь только почали учиться, называются философами»,[98] связано с какой-то тайной (а может быть, и явной) обидой. Дело в том, что Теплов, несмотря на образование, полученное в Европе, очевидные способности к языкам, никогда не преподавал, занимая в Академии наук и в Академическом университете важные, но не ключевые административные должности. Безусловно, он был в числе первых, но не «самых» первых, а кроме того, не самых авторитетных фигур, уступая и здесь, например М. В. Ломоносову. В своей книге Теплов сознательно подчеркивает, даже утрирует своеобразный «дилетантизм», замечая: «Все мое предприятие в том только особливую новость имеет, что я сколько возможно о философии не философскими словами буду говорить и предлагать оную таким порядком, чтобы не трудно было всякому разбирать, хотя бы кто и предводителя в том не имел».[99]

Философию Теплов понимает прежде всего как метод исследования, позволяющий установить причины того или иного явления. О *философском* познании можно говорить, «когда мы о всем обстоятельно изведавши и имеючи понятия между собой отделенные от вещи или действии каком, скажем, для чего оно подлинно так, а не инако сделалось, т. е. причину оного».[100] Вслед за Вольфом он выделяет помимо *философского* познания *историческое*, или «голое известие о бытности»,[101] и математическое, позволяющее «знать причины, количество и силу».[102]

«Изъясняя мнения и мысли» своего учителя Хр. Вольфа, «славного философских частей учителя нынешнего века», в частности обращаясь к его «Логике» или «Philosophia Rationalis», Теплов достаточно тщательно анализирует возможные способы познания. «Тройственность» познания, или возможность трех когнитивных установок во взгляде на исследуемый объект, определена, разумеется, не самим этим объектом, но возможностями разума. Таким образом, «об одной вещи три человека трояко знать мо-

[95] Там же. С. 39.
[96] Там же. С. 73.
[97] Там же.
[98] Там же. С. 74.
[99] Там же. С. 75.
[100] Там же. С. 76.
[101] Там же. С. 80.
[102] Там же. С. 67.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

гут, один будет знать по-исторически, другой по-философски, а третий по-математически».[103]

Историческое познание представляет собой знание факта. Оно очевидно, наглядно, демонстративно, а потому общедоступно. Оно не требует «остроты ума», является «легким познанием». Вместе с тем даже историческое познание не является очевидным и бесспорным. Основываясь на чувствах, оно допускает определенную вариативность, зависящую от возможного восприятия. Именно поэтому историческое познание составляет «самый низкий градус разума человеческого, ниже которого уже никакого познания понимать не можно».[104] Ошибки, могущие произойти «от слабости чувств», отчасти исправляются рассуждением. Историческое познание, полученное с помощью специально поставленного эксперимента, дает возможность увидеть причину явления; таким образом, «способ художественный к получению познания исторического часто нам открывает познание философское, особливо когда мы через инструмент какой находим такую правду, о которой без посредства оного уверены быть не могли».[105]

Из этого можно сделать вывод о двоякой природе исторического познания. Оно может быть непосредственным и нерефлексивным («простым») или опосредованным («осмотрительным»): «первое служит для тех, которые кроме очевидного свидетельства, ничего не ищут, а другое чрез посредство разума наибольше открывается в философии и математике».[106] В соответствии с этим разделением исторического познания можно классифицировать науки. Так, физика разделяется на «экспериментальную», или «историческую», и «философскую». В свою очередь, «в философской находим, или познаем, историческим познанием явлений те причины, которые при показании самих экспериментов открываются, и потому на экспериментах основание свое имеют, так как бы теория на искусстве».[107] Таким образом, историческое и философское познание соотносятся как *практика* и *теория*.

Историческое познание не дает знание «подлинной правды» о вещах. Обладающие им «будто что знают», но «не инако, как через опыт, а опыт не знание делает в человеке, но только о том или о сем уверяет его».[108] И далее: «Кто знает по-исторически, тот не знает, да только верит... Опыт верить его заставляет, а не знать».[109] Таким образом, можно знать «по случаю», а можно «по разуму», можно знать «просто», а можно «с причиною».

Философское познание является более высоким уровнем постижения сути вещей, чем историческое. Оно представляет собой познание причин с помощью процедур логического вывода. «Философиею называем и изъясняем науку, которая в себе заключает действие разума такое, через которое кто может предложение некоторое из праведных и прямых начал законными следствиями доказать, или называем такое знание, через которое можем вещь доказывать через ее причины, или от известных вещей знать неизвестные».[110] Если философия есть познание «довольных причин», то о философском познании можно говорить, когда «объявляем такую причину, из которой заключается, для чего что действительно есть или случайно быть может, и для чего

[103] Там же. С. 77.
[104] Там же. С. 80.
[105] Там же. С. 84.
[106] Там же.
[107] Там же. С. 85.
[108] Там же. С. 101.
[109] Там же. С. 101–102.
[110] Там же. С. 105.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сим, а не иным образом».[111] Основанием для такого рассуждения является убеждение в том, что «нет в свете такого предлога, какой бы он ни был, при котором не можно иметь познания философского».[112] Мы можем и не знать последовательность всех цепочек причинно-следственных сплетений. Разумеется, «находятся и такие вещи, которых причины хотя и суть, однако ж от силы разума человеческого утаены и исследованы нами быть не могут».[113] Человеческим разумом невозможно постичь то, что находится *за пределами* разума. Там, где кончается *разум*, начинается *откровение*. Однако это не делает познание бессмысленным, а просто определяет его границы и возможности.

Умозаключениям должен предшествовать анализ понятий, которые не должны быть ни «темными», ни «конфузными». Именно эта аналитическая работа приводит к тому, что «познание философское делает в человеке через кратчайшее время больше разума и рассуждения в делах, нежели познание историческое».[114] Вместе с тем философское познание не может вытеснить другие виды познания. И историческое и математическое познание необходимо для решения определенных задач, поэтому в каждом отдельном случае следует выбрать необходимый уровень познания или, за недостатком данных, смириться с тем уровнем, на который удалось выйти. В любом случае путь познания сути явлений начинается с исторического познания, продолжается на уровне философском и завершается на математическом.

В своей книге Теплов дает небольшой экскурс в историю философии. Он показывает, что и за две тысячи лет не было выработано всеми признанного и непротиворечивого учения о природе познания, человеческой сущности, основах строения общества. Польза изучения истории философских учений заключается скорее в негативном, нежели в позитивном опыте. Теплов пишет о том, что он предлагает вниманию слушателей «краткую сей науки историю» не потому, что хочет научить ею, но «чтоб показать всех противные мнения, которые до сегодняшнего времени в сей науке были, надеясь, что две противные вещи, когда вместе снесены бывают, всегда лучше изъясняются».[115]

В третьей и последней главе Теплов собирается описать процесс познания, или, иными словами, проанализировать «средства, надобные для употребления разума нашего в исследовании истины». Одним из этих средств является перцепция, которую Теплов толкует не очень внятно. В тексте девятой главы он пишет о том, что *перцепция* — это «понятие» (в смысле «понимание»), однако в «Объявлении слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются», он пишет о том, что «perception» (фр.), или «perceptia» (лат.), — это «воображение». С другой стороны, «воображением» в это время называлось не только «воображение в смысле фантазии», но и «представление» в современном эпистемологическом смысле. Собственно «понятием» здесь названы «notio sive idea» (лат.), или «idee» (фр.). Маловероятно, что Теплов не давал себе отчет в употреблении понятий (терминов) или путал их. Видимо, он просто не употреблял их в строгом смысле, допуская определенную синонимию в употреблении как русского, так и «ученого» языка. Сам Теплов объясняет свои рассуждения следующим примером: «Перцепция, или понятие, есть самое первое дело во всей жизни человеческой. Все, что мы чувствуем, знаем, видим, делаем, должны наперед разумом понимать. Не по-

[111] Там же. С. 106.
[112] Там же.
[113] Там же. С. 107.
[114] Там же. С. 110.
[115] Там же. С. 240–241.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нявши же разумом, ни до чего коснуться не можем. Но понимать есть дело так малое в рассуждении всего последующего действия, что почти действие не почато, когда мы только одно простое понятие о бытии вещи имеем. Напротиву того, столько справедливость оного нужна, что оно, то есть первое основание, во всех вещах искусства человеческого. Ежели первое понятие худо учреждено или поставлено, то все последующее рассуждение как бы ни остро было , так как на лживом основании положенное, не годно. Например, будучи я уже прежде известен о часах, какая они машина, как скоро взгляну на них, то хотя не рассуждаю всех окрестностей, однако ж разумею уже, что они не животное, которое движется собою, да серебряный или золотой сосудец, в котором приведена до известного времени обыкновенная машина в движение. И таким я образом имею о сей вещи самое первое понятие, от которого производить могу все следующие заключения, то есть качество их, нужность и прочая. Человек же, например, который от роду часов не видал и не слыхал про них, да, положим, что б и того знания не имел, могут ли какие быть на свете машины, которые бы оживотворяли будто какое ни есть тело не животное, то в таком случае, ежели он легкомысленно посмотрит на часы, тотчас возьмет мнение о них дикое. И напоследок как рассудит: что все, что не оживотворено, регулярно и долговременно двигаться не может, то без дальних хлопот скажет, что в сем сосудце сидит животное, которое движется, что с малыми детьми случается. От такого-то первого самого понятия и пойдут у детей детские мысли. Я сам, когда еще был очень малолетен, думал, что в стенных боевых часах есть церковь, поп, дьячок и колокольня и что в них служба маленькими людьми отправляется. Отчего сие слабое мнение? Оттого, что я о внутреннности часов и машине перцепции и понятия за малолетством еще не имел, а церковь с колокольнею уже видал. Но ежели бы такое же тупое понятие и в возрастном человеке случилось, то его надобно причесть к бессчетным глупцам».[116]

Единство мира Теплов видит в его бытии. Он пишет: «Все вещи, хотя нам известные, хотя неизвестные, то общее между собою имеют, что они пребывают. Итак, все, что пребывает, называться должно *бытие*».[117] Восходя но цепочкам каузальных связей и зависимостей, мы приходим к идее первопричины и первоначала, или Бога. Такого рода рассуждения относятся к компетенции *натурального богословия*.

Для философского осмысления вещного мира необходимо абстрагироваться от материальных качеств и свойств вещей. Только так можно понять «существо вещи», говорит Теплов, или ее *сущность*. Полнота бытия выражается понятием «вещество». Теплов пишет: «Все вещи, однако ж, поелику они таковы, каковых мы их видим, называются *вещество*, или *substantia*; хотя они сами в себе к полному своему состоянию все имеют, хотя у других занимают», а также: «Веществом называется то, когда все части, вместе взятые, вещь самую в полную бытность приводят».[118] Части, составляющие материю («вещество»), могут быть двоякие — «одни называются образцы, другие приключения».[119] В определении этих понятий Теплов не очень ясен. «Образцом» он называет единицы, составляющие элементы некоей структуры, «приключением» — порядок этих элементов, их структуру. В то же время «образец» — это постоянные свойства вещи, составляющие ее сущность, а «приключение» — временные, несущественные свойства («приключение есть надлежность к телу, так как к веществу, а однако ж по воле

[116] Там же. С. 243–245.
[117] Там же. С. 247.
[118] Там же. С. 256.
[119] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

отнято быть может, как, например, место, на котором стоит»[120]).

Материя, или «вещество», может быть «то, которое разум имеет» (Бог, человеческая душа, ангелы и злые духи) и «не имеющее сего дара», обладающее лишь телом и протяжением («расстоянием места»).

Философское представление о бытии включает в себя понятие «взаимности», «сношения», или соотношения. Так, понятие *части* требует знания того, что такое *целое* и т. д. К области «взаимности» принадлежит понятие *небытия и отсутствия*, ибо они могут быть поняты только через бытие.

Затруднение вызывает решение вопроса о том, обладают ли бытием абстрактные понятия. Теплов выходит на проблему рационализма-номинализма, обсуждавшуюся еще в средние века, и отдает предпочтение концептуализму. В этом позиция Теплова близка воззрениям Дж. Локка. Однако концептуализм Теплова лишен известной рационалистичности Локка. Теплов не считает, что универсалии являются результатом деятельности разума, напротив, он полагает, что они имеют объективный характер, обладают *бытием*. Правда, в понятие «бытие» он включает «все то, что есть и быть может, хотя нам ведомо, хотя неведомо, и что мы в бытии понимаем сопротивное *небытию*»,[121] что безусловно расширяет понятие бытия, может быть, даже придает ему известную неопределенность, зато снимает проблему.

Теплов, как и другие русские мыслители, далек от того, чтобы вдаваться в детали терминологического спора и высветлять истину прояснением понятий. Он пишет: «Я бы желал несколько из философии слов выкинуть, ежели бы только можно было без них обойтиться, но по необходимости делаю, может быть, читателю трудность и темноту принятием многих терминов. Слова или термины в философской науке не закон, но принимаются по произволению».[122] Главное в философском обсуждении — это взаимопонимание между собеседниками. О понятиях всегда можно договориться.

Теплов различает уровни смыслов некоторых понятий. Так, говоря о «возможном» и «невозможном», он выявляет философскую, физическую («натуральную») и моральную «невозможность». Философская «возможность» объединяет по сути то, что соединяет возможность с действительностью, а «невозможность» — это обозначение того, что называется «ничто». «Невозможность в натуре» бывает разных видов. Первая предполагает противоречие между формальной и реальной возможностью или, как пишет Теплов: «Часто случается, что вещь сама собою возможная, но к возможности ее помешательством бывает что ни есть постороннее, которое не допускает до того, что б она сталася. Таким же образом часто помешательством видим и самосложение вещи, по которому она та, а не иная быть может».[123] В качестве примера первого типа возможности Теплов приводит арестанта, который имеет теоретическую возможность передвигаться где хочет, но не имеет фактической, ибо сидит под арестом. В качестве второй — довольно забавную ситуацию, предполагающую отсутствие даже теоретической возможности. «Пример другому, — пишет Теплов, — человек, когда мыслит, тогда он чувствует, что не рукою, но головою работает. Он бы хотел и в руке иногда чувствовать сей труд, когда голова его трудна, однако ж сия вещь сама собою уже так устроена, что ее переменить невозможно. И потому сие называется через себя невозможное».[124] Может быть невозможность «через взаимность», или «физическая», т. е. противоречащая законам природы. Не-

[120] Там же. С. 258.
[121] Там же. С. 264.
[122] Там же. С. 264–265.
[123] Там же. С. 268.
[124] Там же. С. 269.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

возможность «моральная», или «нравоучительная», отражает действие, идущее наперекор разуму и здравому смыслу. «Например: разумный человек из доброй воли никогда не кинется в воду. И не только разумный, но и в дураке столько смысла есть, чтобы от добровольной смерти бегать и удаляться».[125]

Тема необходимости — случайности, или проблема того, «что необходимо надобно и что по случаю только бывает», также занимает Теплова. Он пытается понять, что является «совершенной нужностью», а что лишь возможным или случайным. «Необходимо надобной» называет он такую вещь, «у которой противное невозможно»,[126] а «совершенно нужной» такую, «у которой противное крайне почитается за невозможное».[127] Таким образом, «необходимо надобное» представляет собой абстрактную, а «необходимо нужное» конкретную возможность. Случайное, по мнению Теплова, присутствует только в мире моральных поступков и есть результат душевных движений, или свободной воли.

С проблемой бытия Теплов связывает проблему времени. Он рассматривает понятия «долгоденствие», «вечность», «предвечность», «безначальность», «бесконечность». Теплов пишет: «В пребывании или в продолжении пребывания мы понимаем начало и конец, а ежели то отъимем, то продолжение пребывания называется вечное. Отъимем одно только начало от пребывания, то оное будет предвечное или безначальное. Возьмем прочь конец, то будет вековое или бесконечное».[128] Время не имеет дискретного характера. Невозможно выявить «атом» времени, или, как говорит Теплов, «пункт или точку невидимую», составляющую единицу времени.

Временные последовательности характерны только для материального мира. Бог находится вне времени, ибо является его творцом. «В Божием пребывании нет дней, ни моментов, ни в его свойствах каких отмен, но всегда един, всегда совершен, всегда собою самим доволен и всегда тот же, ибо время соединяется только с тварью временною, которой положено от Бога начало и конец, с вечным же существом время не соединяется».[129]

Вопрос изменения во времени тесно связан с проблемой *тождества*. Могут ли существовать вещи, не изменяющиеся во времени (кроме Бога, конечно)? Может ли одна вещь быть равной (тождественной) другой или самой себе в разные отрезки времени? Обыденное сознание отвечает на это положительно, однако строго, или «философски», говоря, это не так. Тождество — это понятие абстрактное, оно указывает на отношения, могущие быть помысленными, но не обязательно существующими в реальности. «Следовательно, мы видим, — пишет Теплов, — что *тожество* вещи состоит только в разуме нашем, а в яве философское *тоже* не находится».[130] Тот или иной объект может быть тождествен сам себе только при выполнении определенных условий. Строго говоря, в реальной жизни невозможно, чтобы «существо в здравом и ненарушимом своем прежде состоянии остаться могло и быть тоже, что прежде».[131]

Наблюдение в природе постоянных изменений наводит Теплова на мысль исследовать феномен причинности. Он рассматривает систему категорий «причина — следствие», которое получает у него название «вина — эффект». Конечно, Теплов некорректен здесь терминологически, ибо смешивает традици-

[125] Там же. С. 270.
[126] Там же. С. 272.
[127] Там же. С. 273.
[128] Там же. С. 277.
[129] Там же. С. 281.
[130] Там же. С. 284.
[131] Там же. С. 286.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

онно антропоморфное и «суперполисемичное» понятие «вина» и строго научное физическое понятие «эффект». Следует отметить, что в эпоху «единства физики и метафизики» понятия достаточно часто являлись достоянием двух различных сфер знания. При этом при определенной синонимичности они сохранили существенную часть смыслов при переходе из одной в другую. Так, категория «причина» могла выражаться понятиями «вина», «сила», категория «следствие»—понятиями «конец», «эффект», «произведение». Отметим также «гуманитарный» образ таких понятий механики, как «инертность»—«грубость», «леность» или «страдать»—«испытывать воздействие».

Теплов «выпрямляет» каузальные переплетения, демонстрируя, что все линии сходятся в одной точке — Боге, являющемся «первой виной» всего сущего. Кроме «первовины», Теплов предлагает выделять «просто вину» и «посредство», т. е. то, что послужило непосредственным орудием совершаемого воздействия. Случайность, «азард», «удача», «слепой случай», «ненарочитость», «ненарочность», по мнению Теплова, служат нам лишь «на закрытие нашего незнания». Он пишет: «Когда мы не умеем прямой сыскать вины какой-нибудь вещи, то обыкновенно ссылаемся на азард или ненарочность».[132] На самом деле, все существующее в мире имеет причину, даже Бог, который есть причина самого себя. Следует, конечно, различать причину и «соединение посредств». Когда одна чаша весов опускается, то другая поднимается вверх, однако причиной этого является не то, что первая чашка весов *опускается*, а то, что она *тяжелее* второй. Двигаясь по узловым точкам соединений, мы можем исследовать причинные связи. Однако они не бесконечны: «*От вины к вине не можно поступать бесконечно*»,[133] ибо метафизическим «концом», а точнее «началом», является Бог.

Теплов продемонстрировал, «каким образом можно рассуждать о вещах генерально, не прикасаясь их самих материи».[134] В следующей книге он задумывал изложить «правила винословия» и аргументации, т. е. логику, однако неизвестно, была ли она написана. Возможно, вовлеченный в самый центр административной работы и политических интриг, Теплов оставил занятия философией.

Трудно сказать, как развивалось преподавание философии после смерти Брауна в 1768 г. Ряд событий второй половины XVIII в. сделал менее значимым традиционный курс «логики и метафизики», да и Академический университет, понизивший свой статус до Училища Академии, переживал период упадка. С 1755 г. начал работу Московский университет, в стенах которого сосредоточилось преподавание и изучение академической философии.

Философия «московская» несколько отличалась от философии «петербургской». Она в большей степени была направлена на умозрительные проблемы, не была так тесно связана с естественной наукой, как в Петербургской Академии. Кроме того, изменились маршруты стажировок. Студенты, становящиеся впоследствии профессорами, стали получать образование не только в Германии и Франции, но также в Англии и Шотландии. Однако «основы», воспроизводящиеся впоследствии с завидным постоянством,[135] были заложены именно в «резиденции», а не в «столице». Поэтому так важно изучение начального этапа становления философского дискурса академического типа.

«Исследование поддержано РФФИ. Проект № 99-06-80223».

[132] Там же. С. 296.

[133] Там же. С. 297.

[134] Там же. С. 300.

[135] См. об этом: Артемьева Т. В. Кафедральная философия в России: Истоки и традиция // Сфинкс. Петербургский философский журнал. 1994. № 2.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Г. А. КРЫНДАЧЕВСКИЙ

«НАЗЫВАТЬ ОДНИМ ИМЕНЕМ УЧИЛИЩЕ АКАДЕМИИ». ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Предлагаемая здесь вниманию читателей небольшая коллекция документов по истории Петербургского университета является лишь ничтожно малой частью выдающегося собрания, бережно хранимого в фондах Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Она подобрана таким образом, чтобы при небольшом объеме информации показать, что и в конце XVIII — начале XIX в. учебный процесс в стенах академических учебных заведений не прекращался, что аудитории были наполнены гимназистами и студентами, а учителя и академики читали лекции. Больше всего вопросов вызывает именно этот период деятельности Университета. Были или не были подготавливаемы специалисты по университетской программе на рубеже XVIII–XIX вв.?

Часто из одной публикации в другую кочует фраза о том, что после смерти в 1765 г. выдающегося организатора образования и науки ректора Петербургского университета М. В. Ломоносова это прославленное учебное заведение «закрылось», «перестало существовать» или «было ликвидировано» и т. п. Но при этом никогда не приводятся в доказательство документы, свидетельствующие о его упразднении. Допустить же подобное событие как самовольный поступок в таком централизованном государстве, каким была Российская империя, не представляется возможным.

Хотелось бы отметить, что идея преемственности университетского образования в городе на невских берегах не является исключительной собственностью Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, высказанной ими в монографии «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Л., 1988) и ряде статей, появившихся в печати до и после ее опубликования. Не умаляя заслуги этих ученых в установлении подлинной даты основания Петербургского университета Петром Великим в 1724 г., следует отметить, что в отечественной историографии были и другие исследования в поддержку идеи преемственности университетского образования. Еще в 40-е годы XIX в. такую же точку зрения в статье «Перемещение университета в Санкт-Петербурге» обнародовал в «Современнике» (Т. X. 1838) П. А. Плетнев. Всем, кто сомневается в преемственности деятельности Университета в Петербурге в XVIII и XIX вв., стоит перечитать эту работу Плетнева, который рядом примеров доказывал, что «учебное заведение, по идее Петра Великого возникшее вместе с Академией наук и существовавшее нераздельно с нею до времени Екатерины II, Санкт-Петербургский университет должен был перейти множество степеней и подвергнуться разным видоизменениям, прежде нежели священная воля благополучно царствующего императора (Николая I. — *Г. К.*) возвела его на нынешнюю блестящую череду». И далее, в той же работе будущий ректор Университета утверждал, что «по своему педагогическому влиянию на все наши ученые и учебные заведения Санкт-Петербургский университет может называться рассадником европейского образования в России».

Если от слов Плетнева о «множестве степеней и видоизменений», которые пережил Петербургский университет за свою долгую историю, перейти к публикуемым ниже документам, то уже первый из них (д. 1086) дает ясное указание на то, что Университет никуда не исчез, не прекращал самовольно своего существования, а, «применяясь ко вновь сочиненному уставу», Гимназия и Университет были объединены и стали называться «Училище Академии». В таком виде они

(c) Г. А. Крындачевский, 2000.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

просуществовали до начала XIX в., до введения в действие Регламента Академии наук. При этом во внутреннем делопроизводстве чаще использовалось название «Гимназия» или «Академическая гимназия». В тех же случаях, когда возникали внешние сношения и требовалась точность в терминах, чаще использовались слова «академическое Училище», «Училище Академии». Приведем нижеследующий пример с повторяющимся использованием этого наименования.

Когда на престоле после смерти Павла I оказался его старший сын Александр I, активно начинают обсуждаться проблемы совершенствования деятельности Академии наук, в том числе и Училища Академии. С письмом к Александру I обратились 15 декабря 1801 г. академики Н. Я. Озерецковский, С. Е. Гурьев, А. Ф. Севастьянов (см. об этом: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 362 и далее). Одновременно с их письмом, но отдельно от перечисленных авторов, по тому же адресу и на ту же тему писал академик Н. И. Фус. Общее у этих писем то, что они перечисляют одни и те же недостатки, но в первом письме высказывается мысль о сохранении Университета при Академии наук, а во втором об этом нет и упоминания. Для нас же в данном случае важно то, что, исходя из содержания, можно сделать такой вывод: в декабре 1801 г. существует якобы исчезнувшее учебное заведение. «Училище при Академии, по регламенту оной положенное и состоять долженствующее из гимназии, в 20-ти учениках, и университета, в 30-ти студентах, ныне столь расстроено, что совсем не походит на то место, в котором основания просвещения получили столь славные мужи, каковы суть: Ломоносов, Барсов, Поповский — первые столпы процветающего ныне Московского университета, и многие другие, честь россиянам приносящие. Ибо училище сие, в нынешнем его состоянии, если не хуже, что в Англии называют школами подаяния (school of charity), то равняется оным, но и то может быть в содержании, а не в учебных пособиях».

Далее в письме следуют слова, свидетельствующие о том, что причиной его появления было не только состояние учебного дела, но и групповые противоречия, которые приведут через несколько месяцев (уже в 1802 г.) к увольнению ректора Училища Академии К. Ф. Германа (см. ниже об этом публикации VIII и IX). «Ректор, — продолжают авторы письма, — учредитель в оном распорядка, есть иностранец, академии не известный, без испытания ея принятый, и по всем известиям до членов академии доходящим совершенно о должности своей не брегущий; столь же мало, и может быть еще меньше, известны его учители сего училища; предметы без цели и системы преподаются; словом, училище сие, долженствующее по регламенту наполнять корпус академический и доставлять во все места российского государства ученых людей, в нынешнем состоянии своем не соответствует никакому предопределению и не может доставить годных людей ни к которому состоянию».

Здесь мы снова прервем цитирование письма академиков и укажем на факты, которые свидетельствуют об ином состоянии Училища Академии на рубеже XVIII–XIX вв. Помещенные ниже документы IV — Дело Попугаева Василия Васильевича, известного писателя и общественного деятеля, и V — Об определении студента Алексея Волкова к академику Ловицу для обучения химии, упоминаемые в этих и других публикациях имена учившихся студентов — соучеников В. Попугаева и А. Волкова — Г. Мальгина, Н. Судакова, братьев Красовских свидетельствуют о ярких публицистических способностях авторов-академиков. Чего же они хотят? Их желание не ново, оно высказывалось еще основателем Университета Петром Великим — готовить научные кадры, наполнять корпус Академии русскими специалистами. «Неосновательно мнение тех, — продолжают авторы письма Александру I, — которые думают всегда выписывать академиков (из-за границы. — *Г. К.*), запустив и расстроив академическое Училище до самой крайности».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Для совершенствования университетской программы они предлагают тоже не новые способы, а те, которые были желанны еще в начале деятельности Университета и Гимназии. Важно, считают они, освободиться от чиновников, сидящих в канцелярии Академии. «Чтобы училище академическое совершенно зависело от собрания академии, которое бы приемом в оное как учеников, так и учителей и других чинов непосредственно располагало, которое бы из своих даже членов могло по надобности употреблять к обучению или надзиранию и, наконец, которое бы совершенно и отвечало за происходящее в училище». Есть в тексте письма немало и других предложений по улучшению работы Училища Академии. Еще раз возвратимся к началу, чтобы указать на использование в данном документе термина «Училище Академии» и отсутствие — «Академическая гимназия».

Публикуемые здесь документы: II, III, VI, VII — дают некоторое представление об учебном процессе в Училище Академии, об изучаемых предметах, о числе студентов, о характере и содержании лекций по химии Я. Д. Захарова, о некоторых попытках улучшить учебный процесс. О студентах как «наирачительнейших слушателях» говорит в отчете и Я. Д. Захаров, обязанность посещать лекции вменяется студенту А. Волкову, о своем согласии безвозмездно читать в 1805 г. студентам лекции соглашаются ученые в документе X.

Лекции академиков и адъюнктов посещали не только студенты, но и жители города: чиновники, офицеры, учителя, учащиеся других петербургских учебных заведений. Предоставим слово одному из слушателей той эпохи — писателю Н. И. Гречу (Русский архив. Т. 1. 1873), который вспоминал: «В 1800 году посещал я публичные лекции Академии наук. Императрица Екатерина II пожаловала Академии капитал в 30 000 руб., из процентов его выдавалась награда четырем академикам (из русских), которые читали летом публичные лекции о разных предметах в залах Академии и в Кунсткамере». Укажем здесь в дополнение, что с приходом Е. Р. Дашковой на пост директора Академии наук в 1783 г. чтение лекций на русском языке, на которых, кроме студентов академического Училища могли присутствовать бесплатно все желающие, стало важной формой педагогической и одновременно просветительской работы. Е. Р. Дашкова со свойственной ей энергией и аккуратностью требовала от лекторов отчета каждый раз по окончании лекций, контролировала ход занятий и беспощадно материально наказывала лекторов, нарушавших трудовую дисциплину — прогуливавших или опаздывавших, да и сама нередко присутствовала на чтениях. Помещенный ниже отчет Я. Д. Захарова на имя Е. Р. Дашковой дает достаточно полное представление об организации занятий, уровне и содержании курса по химии.

У Н. И. Греча от лекций в 1800 г., когда читали Е. С. Гурьев — высшую математику, Я. Д. Захаров — химию, В. М. Севергин — минералогию, а Н. Я. Озерецковский — зоологию и ботанику, сложилось в целом благоприятное впечатление. «Я не мог, — вспоминает Н.И. Греч, — понимать лекции Гурьева, не имев достаточных до того приготовительных познаний, но тем ревностнее следил за другими, особенно за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирал выражений, но умно, ясно и увлекательно. В числе его слушателей были многие морские и горные офицеры. Я был самым младшим из посетителей, но вскоре обратил на себя внимание академика исправным посещением лекций и постоянным вниманием $< \cdots >$. С чувством искренней благодарности вспоминаю я об этих лекциях, доставивших мне случай к развитию моих понятий и приобретению основательных сведений о некоторых предметах».

Последний, X, из публикуемых ниже документов является не только свидетельством того обстоятельства, что, несмотря на новый Регламент Академии наук 1803 г., глава IX которого, посвященная воспитанникам, не содержит и намека на сохранение Гимназии или Университета, существуют и в 1804 г. какие-то стремления среди академиков, направленные на сохранение учебного процесса

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в Академии. Иначе зачем и кому понадобилось это гарантийное письмо? Из этого же документа ясно видно, что в Академии и в 1804 г. есть еще какая-то группа учащихся, обучающихся «в верхнем классе». В конце XVIII — начале XIX в. Училище Академии не только существовало, но и пользовалось широкой популярностью среди населения. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к руководству Академии наук и Училища родителей и опекунов, обеспокоенных судьбой своих сыновей, племянников, внуков, с просьбой о приеме на учебу. На эту тему мы предлагаем два документа — VI и VII — прошение механика И. П. Кулибина и лесничего К. Фейерейзена.

Известно, что гимназисты и студенты продолжали учиться в Училище Академии и в начале XIX в. Какая же связь между этим учебным заведением, функционировавшим в системе Академии наук, и Петербургским университетом, созданным в структуре Министерства народного просвещения? Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин в своей монографии «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» уже отвечали на этот вопрос. Они показали, что 50 академических гимназистов были переведены в Петербургскую гимназию. Однако это было сделано без должных комментариев и ссылок на существующие документы. Мы уверены в том, что вопрос этот должен быть специально и всесторонне изучен, что судьбы всех (по нашему мнению 52. — *Г. К.*) питомцев академического Училища должны быть установлены поименно и проанализированы. Приведем лишь небольшой отрывок из давно, еще в середине XIX в., опубликованной работы (ее в свое время уже цитировали И. В. Керзум и Г. А. Тишкин в «Очерках по истории Ленинградского университета». Вып. VI. С. 234). В отрывке этом идет речь о последующей, т. е. после 1805 г., судьбе академических воспитанников, но уже за стенами Училища Академии. «Гимназия, бывшая при Академии наук с 1725 года, упразднена была в 1805 году, и воспитанники ее, в числе 50, переведены в пансион С.-Петербургской гимназии, с платою по 250 руб. асс. за каждого из экономической суммы Академии, — так сообщает А. Воронов в работе «Историко-статические обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно» (СПб., 1849. С. 126) и продолжает, указывая на связь питомцев с Педагогическим институтом при Петербургском университете, — воспитанники эти приготовлялись для Академии и преимущественно были из детей Академиков, Адъюнктов и других академических чиновников. Потом, когда стали принимать посторонних, то 19 августа 1810 года сделано было ограничение, чтобы дети, воспитываемые за счет Академии наук, непременно оканчивали курс; лучшие из них должны были поступать в Педагогический институт и оттуда в Академию наук в звание *элевов*, прочие же обязаны были прослужить в учительском звании 6 лет».

Настоящая подборка документов содержит еще одно важное и не привлекавшее должного внимания свидетельство преемственных связей между Петербургским университетом, действовавшим в системе академических учреждений с 1724 по 1805 г., и Университетом, функционировавшим в XIX в. в системе Министерства народного просвещения, — это расположенные под номером VIII две докладные Записки ректора Училища Академии Карла Федоровича (Теодора) Германа и Выписка из журнала заседания Комиссии от 24 марта 1802 г. Многие знатоки исторического прошлого Петербургского университета не достаточно уделили внимания такой замечательной личности, как К. Ф. Герман.

Ректор Училища Академии в 1798–1802 гг. К. Ф. Герман и ординарный профессор по кафедре статистики (с 1806 г.) и декан историко-филологического факультета Петербургского университета — это одно и то же лицо. Преемственные связи между Петровским университетом и Александровским университетом существовали и на уровне педагогов, живых людей, а не только научных идей, учебной литературы и общего места — стрелки Васильевского острова. В боль-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

шинстве исследований по истории Петербургского университета, по истории общественного движения в России в первой четверти XIX в. судьба К. Ф. Германа не могла быть обойдена молчанием. Потому что он вместе с А. П. Куницыным, П. Д. Лодием, А. И. Галичем, К. И. Арсеньевым и другими привлекался в 1821 г. по громкому и широко известному «делу профессоров» Петербургского университета. В обзоре архивных документов «Материалы по истории Ленинградского университета» (Ред. С. Н. Валк. Л., 1961) этому событию, которое уже современники называли погромом, посвящен специальный раздел. Но связь Германа-профессора с предыдущим местом службы Германа-ректора не анализировалась. В своей монографии «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Л., 1988) Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин несколько раз упомянули Германа, но не проследили его дальнейшую судьбу, приведшую его в Педагогический институт и Петербургский университет. Более того, они под влиянием монографического исследования Н. П. Черепнина (Имп. в восп. Общество благородных девиц. Пг., 1915. Т. III. С. 405) посчитали К. Ф. Германа «окончившим Санкт-Петербургский университет в 1795 г.».

На самом же деле, К. Ф. Герман (Данциг, 5 сентября 1767 г. — Петербург, 19 декабря 1838 г.) является питомцем Геттингенского университета. В Россию он прибыл 28-летним по приглашению графа Гурьева, как воспитатель его детей. Одновременно и, видимо, не без протекции он стал преподавателем истории, географии и статистики в Морском и 1-м Кадетском корпусах. А уже через три года, в 1798 г., он был назначен на должность ректора одного из престижных учебных заведений — Училища Академии.

Из публикуемых ниже документов видно, что Герман на посту ректора прослужил четыре года, до июня 1802 г. Сам по себе факт ухода Германа из Училища Академии не разорвал навсегда его связи с Университетом. В 1805 г. 27 марта он был избран адъюнктом Академии наук по «разряду политической экономии и статистики», а в следующем, 1806 г., был назначен — далее мы дословно цитируем слова из формулярного списка Германа — «при Петербургском университете ординарным профессором» (см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 18/289. Л. 45 (об) — 46). Для тех, кто заполнял формулярный список, Педагогический институт «при Петербургском университете» был самим Университетом. Одним словом, Герман вернулся к студентам, но уже профессором.

Маститый ученый был в расцвете сил и пользовался в столичном обществе большим авторитетом. Круг его деятельности значительно расширился: он был назначен инспектором Смольного института и училища ордена Св. Екатерины. Герман принес присягу на подданство России, и его имя было внесено в родословную книгу дворян С.-Петербургской губернии. Но особенно большой резонанс имело то, что Герман по просьбе частных лиц открыл приватный курс лекций по статистике и политической экономии.

В 1819 г. при преобразовании Педагогического института в Университет он был оставлен ординарным профессором по кафедре статистики и избран деканом историко-филологического факультета. Позиция Германа во время следствия по «делу профессоров» неоднократно анализировалась историками, в том числе и в монографии Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина «Единым вдохновением», готовящейся к выходу в свет в ближайшее время в Издательстве Петербургского университета.

Содержание ниже публикуемых (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9) документов, дальнейшее углубленное изучение истории Педагогического института при Петербургском университете, анализ деятельности С.-Петербургской гимназии, поиски новых свидетельств о подготовке специалистов по университетской программе — все это позволит, без сомнения, пролить дополнительный свет на историю одного из старейших учебных заведений России — Петербургского университета.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

I

[Дело 1086, на 2 листах. Конец 1782 г. — до назначения Е. Р. Дашковой на пост директора Петербургской Академии наук, без подписи.]

Объяснение об университете и гимназии

По состоянии регламента Академии и штата утвержденного собственноручным подписанием Блаженной и Вечнодостойной Памяти Государыни Императрицы Елизаветы Петровны[1] основан был при Академии Университет и приведена была в предписанный Регламентом порядок Гимназия. Университет составляло юношество набранное из разных семинарий положившее довольное основание в языке латинском, так чтоб могло разуметь профессорские наставления на сем языке преподаваемые. В Гимназию же на казенное содержание принимаемы были всякого звания дети вольнорожденные. Студенты жили при Академии в Обществе и снабжаемы всем нужным содержанием, а гимназисты жили у своих отцов и родственников, получая от двенадцати до тридцати рублей в год. В таком состоянии пребыли университет и гимназия до 1759 года, когда сии училища вверены были смотрению Покойного Статского Советника Михайла Васильевича Ломоносова.[2] Сей пекущейся о распространении Наук муж, видя, что обучающиеся гимназисты на казенном содержании не могут приносить ожидаемого плода, теряя лучшее время в переходе из дому в училище и из оного в дом и там оставаясь без надлежащего присмотра, учредил общежитие и для гимназистов, которые как столом, так и одеждою и всем нужным к учению снабжены были на казенное иждивение. Число их составляло 40 человек. Учащиеся в оной по совершении гимназического учения переходили в Университет под названием студентов и в оном продолжали словесные и математические науки.

Вследствие данного ея Императорским Величеством о воспитании общего Наставления в 1765 году, сверх Гимназии и Университета учреждено было училище малолетних на такой особливо конец, чтоб детей большею частью от родителей ниского состояния рожденных от самых мелких когтей приучить ко благонравию, опрятности и чистоте.

В 1776 году по высочайшему повелению учрежденная при Академии наук Комиссия обратила внимание свое на училища, яко департаменты от коих она имела ожидать со временем достойных членов Академии и снабжать по возможности другие места людьми положившими твердые основания в науках; по сему предписан был в особливом наставлении образ надзирания определенной к малолетним надзирательнице; приданы были ей особливые учители, и поставлен порядок и время обучения возрасту их соответствующее, с коего под буквою «. . .» прилагается список. Число малолетних простиралось тогда до 30 человек, и из коих наполнялася Гимназия.

Для обучавшихся так называемых взрослых Гимназистов сочинено было положение как в разсуждение их содержания, так и в разсуждение учения, которые прилагаются под буквою «. . .». Сии вверяемы были особливым Над-

[1] «Регламент императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», утвержденный Елизаветой 24 июля 1747 г. В нем Университету были посвящены статьи 36–49. Одновременно с Регламентом было утверждено и штатное расписание — «Штат императорской Академии наук и художеств» (см.: Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975).

[2] Е. С. Кулябко, автор одной из лучших работ, посвященных деятельности М. В. Ломоносова по руководству Университетом и Гимназией, указывает иную дату. Она считает, что распоряжение президента о поручении М. В. Ломоносову было подписано 24 марта 1758 г. (см.: Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 86).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

зирателям под именем Инспектора к коим в помощь определен был Гимназии конректор и еще один из Гимназических учителей, кои для надзирания над их поведением и упражнением вне классов жили подле комнат самих воспитанников. Число при учреждении Комиссии было до 30 человек. Студентам, коих число при учреждении Комиссии было 8 человек, преподаваемы были наставления порядком в Регламенте предписанным; но сии потом по желанию их его сиятельством графом Владимиром Григорьевичем Орловым[3] все уволены от Академии, и для слушания у Профессоров и Академиков лекций выбраны были некоторые из взрослых воспитанников столько успевшие, что могли пользоваться их наставлениями и некоторые из них приданы были Академикам для особливого наставления.

По смерти профессоров филозофии и физики Брауна,[4] древностей и истории Фишера[5] предписано было логику читать бывшему при Гимназии Инспектору Бакмейстеру,[6] древности и латинских авторов толковать бывшему при Гимназии Конректору Штриттеру,[7] между тем преподаваемы были наставления в Математике, Химии, Анатомии и Истории натуральной, так что хотя Гимназия и Университет применяясь ко вновь сочиненному Уставу и назывались одним именем УЧИЛИЩЕ АКАДЕМИИ но составляющие оное воспитанники обучались большему числу наук нежели в Регламенте об Университете предписано, и таким наипаче, кои по вновь сочиненному Уставу нужны были для Академии.

При вступлении в дирекцию Академии его превосходительства настоящего господина директора число воспитанников было 48 и 5 элевов, из коих 4 отправлены были в чужие края для совершения учения, и образ учения выше сего описанный наблюдаем был несколько времени, т. е. училище сие разделяемо было на два возраста, учение продолжалось по введенному при Его Сиятельстве порядку, и некоторым успевшим пред прочими воспитанниками наставления в науках преподавали Академики и некоторые (воспитанники. — *Г. К.*) переименованы студентами. Потом г. директор мало-помалу начал уменьшать число воспитанников Академии отпуская их от оной, но не пополняя все убылые места. Выше сего упомянутые Бакмейстер, Штриттер оставили Академию и должности их в разсуждение наставлений принятым после в Гимназию под названием Конректора, одним г-ном Гакманом не могли быть все исполнены. Когда наконец в 1779 г. число воспитанников дошло до 29 человек то его превосходительство оба возраста соединил воедино, и по выпуске в разные времена воспитанников, Училище Академическое состоит ныне только из 28 человек, препорученных в смотрение одного только учителя и двух Элевов со стороны принятых. В 1777 году Академики Котельников, Румовский, Протасов и Лепехин, кои составляли Комитет для разсмотрения Училища назначенный; видя, что поднесенный ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Устав Академии возвращен в Комиссию его Сиятельством без высочайшей конфирмации во мнении своем об учреждении в Гимназии учения представляли между прочим Его превосходительству г. директору ко учреждении Университета в силу Регламента Академии, но все представление его превосходительством оставлено без уважения.

[3] Орлов Владимир Григорьевич (1743–1831) — главный директор Академии наук.

[4] Браун Иосиф (Иоган) Адам (1712–1768) — академик, профессор физики и философии в Петербургском университете.

[5] Фишер Иоган Эбергард (1697–1771) — филолог и историк, профессор, ректор Гимназии и инспектор Университета.

[6] Бакмейстер Логин Иванович, Гартвиг Людвиг Христиан (1730–1806) — преподаватель и инспектор Гимназии и Училища Академии (1766–1778).

[7] Стриттер (Штриттер) Иван Михайлович, Иоганн Готгильф (1740–1801) — конректор Гимназии и академического Училища, историк, почетный член Академии наук.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

II

[Дело 488, на 6 листах. Сентябрь — октябрь 1793 г. Рапорты академиков Н. Я. Озерецковского, Я. Д. Захарова и С. К. Котельникова о лекциях, читанных ими старшим гимназистам академической Гимназии. Рапорт Я. Д. Захарова, л. 4–4 (об), получен 3 октября 1793 г., вх. № 1691.]

Ея Сиятельству, Ея Императорского Величества статс даме, Академии наук директору, Российской Академии председателю и кавалеру княгине Екатерине Романовне Дашковой[1]

Покорнейший рапорт

Имею честь донести Вашему Сиятельству, что я химические свои преподавания, начатые 18 мая, 24 числа сентября закончил, при коих и наблюдал я нижеследующий порядок:

Начал я кратким предложением и истолкованием истории химии с показанием знаменитейших в сей науке писателей, определил должные пределы химии, объяснил союз оной с другими науками и влияние на художества и ремесла. Самое вступление составил я из изъяснения о стихиях как в смысле физическом так и в смысле химическом. Сие сугубое толкование почел я за нужное наипаче потому, что многим из слушателей не упражнявшимся в физике хотел дать ясное понятие об оных, у химиков же принимаются они во первых как действующие силы во вторых как растворяющие и низвергающие средства, и для большего союза в моих предложениях привел в сей главе химические операции, замечая при оных бываемые явления и произведения, коих равным образом изъяснял силы растворяющие и низвергающие. Проходя статью о телах низвергающих, не оставил я изъяснить и сродство химических тел, так же и те тела, которые химикам служат средствами противодействующими. Проходя же главу о солях, начал со щелочных солей, о способах добывать оные и их качествах, потом предложил о кислотах из всех трех царств природы, а именно: о купоросной, селитряной, соляной, самопальной, плавиковой, мышьяковой, буровой, янтарной, вольфрамовой и молибденовой — из царства растений; о кислоте винной, лимонной, сахарной, молочной, молочносахарной, росного ладана, яблочной, камфорной, уксусной, орешковой и муравьиной — из царства животного; о кислотах лазоревой, шелковых червей и камня мочевого — о кислотах пригорелых из царства растений о древесной, жирной, сахарной и винной. И глава сия занимала так же толкование какие соли из союза щелочных солей с кислотами происходят. Сверх сего при кислотах из столь различных тел получаемых не упускал я случая изъяснять то, что могло до них коснуться; при кислотах получаемых из царства прозябаемых предлагал я о различных массах и способах добывать оные, а толкуя о растворяющей силе кислот коснулся я и самих металлов и объяснил способы какими оные выплавляются.

Все мои предложения и все химические операции старался я утверждать опытами, сколько назначенное на прохождение химических преподаваний время и припасы позволить мне могли.

Что же касается до слушателей, то имею честь донести Вашему Сиятельству, что с начала было у меня их очень много, а особливо тогда когда я читал о различных искусственных воздухах так что целая половина стояла в лаборатории и за неимением ни надлежащих орудий, ни довольного количества ртути я многих слушателей просьбы удовлетворить не был в состоянии; когда начал я о кислотах, то ходило ко мне всегда столько, что горница была слушателями весьма наполнена, и сие продолжалось до самых тех пор, пока

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

я должен был выехать из бывшего Бонова дома[2] предуведомя своих слушателей, что я ради отдаленности моего жилища не в состоянии делать надлежащих к химическим моим преподаваниям опытов, так что наконец стало ко мне ходить не более как 12 и 16 человек. Наирачительнейшие слушатели были кроме академических студентов по большей части учители из нормальных школ, воспитанники Горного корпуса, также и обучающиеся хирургии в госпиталях.

При сем осмеливаюсь так же испросить Вашего Сиятельства кому приказать изволите сдать находящиеся теперь в лаборатории казенные вещи и оставить ли вставленные в стены и записанные у меня в росписи шкафы в Лаборатории, или изволите приказать оные вынуть.

Сентября 27 числа 1793 г. Адъюнкт Яков Захаров[3]

---

[1] Директор Академии наук Е. Р. Дашкова много сделала для восстановления ломоносовской традиции чтения лекций на русском языке. Она установила профессорам и академикам доплату и требовала своевременного начала и окончания занятий, высокого научного уровня, рапорта-отчета лекторов по завершении курса с указанием в нем, «сколько у них было» слушателей (см.: Тишкин Г. А. Е. Р. Дашкова и учебная деятельность в Петербургской Академии наук // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Л., 1989. С. 198–201). На основании полученных рапортов 3 октября 1793 г. Е. Р. Дашкова распорядилась из суммы, определенной «для русских профессоров», в дополнение к установленному жалованию выдать 1 324 рубля для академиков С. К. Котельникова (математика) и Н. Я. Озерецковского (естественная история) по 375 руб., адъюнктам А. К. Кононову (физика) и Я. Д. Захарову (химия) по 287 руб. (ПФА РАН. Ф. 3. Он. 9. Д. 488. Л. 5).

[2] Бонов дом — одно из зданий Академии наук — располагался на Васильевском острове (угол 2-й линии и Среднего проспекта).

[3] Захаров Яков Дмитриевич (1765–1836) — химик и физик, адъюнкт по химии с мая 1790 г., экстраординарный профессор с января 1798 г.

III

[Дело 520, на 2 листах. 8 января 1795 г. Набросок проекта учебного плана Академической Гимназии, окончание отсутствует, без подписи.]

Академия наук приемля в уважение умножившееся число гимназистов, желая устроить упражнения их, за благо разсудила предписать г-ну инспектору гимназии и академику Иноходцову* всех господ учителей обучающих при Гимназии собрать и согласясь с ними образовать удобнейшее расположение часов и разделить учащихся по их способности, приноравливаясь сколько возможно следующему начертанию: разделить всех обучающихся на шесть частей, предполагая *первому классу* состоять из студентов, коих упражнения должны состоять в следующем: в латинском языке, французском, немецком, итальянском и английском, в коих языках должны они упражняться переводом, толкованием авторов и сочинением в истории зачиная с 8-го столетия до нынешних времен, в географии подробной каждого государства, локальной и политической, которая кончится математическою и сферическою. В физике теоретической и опытной, в математике, включая геометрию, тригонометрию, алгебру и далее ежели способности учащихся и время оное до окончания года дозволит. *Второму классу* предполагаются таковые же упражнения в языках, изключая только итальянский, уважая однакож, что обучающиеся в сем классе таковые, которые не имея еще великих успехов в языках, требуют учителей, которые должны входить более в подробнейшее обучение каждого ученика в сем классе не будут обучать ни физике, ни высшей математике, а одной только геометрии. В истории займется обучающий первоначальным основанием оной продолжая преподавание сие до 8-го столетия. О географии должно внушить всеобщие понятия, не входя в частное

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и подробное описание каждой земли, протчее же время займется рисованием и обучением в чистописании российском и иностранном. *Третий класс* исключая английского, в тех же языках, как и второй, упражняется; но будучи слабее в знании оных тем займется, чтобы на следующий год вступить во второй класс. В науках же равномерно будет иметь учителей в геометрии, паче же в окончательном познании арифметики, также вместо гражданской истории будет учиться священной истории. В сем еще классе должно быть крайне уважено, чтобы обучить хорошему и чистому писанию для чего и в рисовании должно стараться чтобы успевали. *Четвертый класс* имеет быть составлен из таковых, кои умея читать и писать, могут заняться первоначальными основаниями грамматики во всех обучающихся языках, катихизисом, рисованием, чистописанием и арифметикою. *Пятый и шестой класс* имеет одинаковые упражнения, и для того только надвое разделен, что число малолетних неспособных еще ни к какому обучению, по неумению грамоте столь велико, что неудобно в один класс может поместиться и оный единственно чтением и писанием в четырех означенных языках, также и по знанию арифметических знаков и первых оных употреблению занимается. Но как число обучающихся недостаточным может быть окажется для достижения предписанного, то и предоставляется господину инспектору гимназии об оном уведомить Академию, коя не преминет снабдить тогда нужными учителями. Разположение часов почитает следующее способнейшим, чтобы первому, второму и третьему классам заниматься поутру от 8 до 12, после обеда же от 2-х до 7 часов, оставляя свободные часы в сем числе на приуготовление к следующему дню. Четвертому классу поутру от 8 до 12, после обеда от 2-х до 6, употребляя также незанятые учителями часы на приуготовление. Пятому и шестому от 9 до 12 по утру, от 2 до 4 после обеда. Академия желая привести в действие вышеозначенное положение начертила основания, на коих утверждены должны быть обучения воспитанников гимназии. Расположение часов и времени совершенно предоставляется г-ну инспектору, требуя от него, чтобы...

---

* Иноходцев Петр Борисович (1742–1806) — астроном, студент и выпускник Петербургского университета, много внимания уделял педагогической работе в Училище Академии, читал лекции по математике. В 1779 г. он был избран экстраординарным, а в 1783 г. — ординарным академиком (см.: Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 79–85).

IV

[Дело 1018, на 12 листах. 1796–1797 гг. Личное дело студента Академического Училища, впоследствии известного писателя и общественного деятеля Василия Васильевича Попугаева. Л. 2 — письмо академика П. Иноходцева. Л. 8 — прошение студента В. Попугаева. Л. 12 — отпуск аттестата студента В. Попугаева.]

1

В Канцелярию Императорской Академии наук

На присланный ко мне 23 сентября запрос ответствую, что из прежних студентов, кои иностранные языки довольно разумели и переводить на российский могли, все выпущены кроме Глеба Мальгина,[1] который имеет склонность и охоту к преподаваемым наукам, а особенно физике, и желает утвердиться более в языках Английском и Итальянском. Желать надобно, чтоб и другие сему примеру следовали, и не к одним языкам, но и к наукам прилежали, дабы со временем могли заступить место русских Академиков, соответ-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ственно высокомонаршей воле изображенной в регламенте Академическом. Из произведенных в конце прошлого 1795 года студентов, по свидетельству господ учителей переводить могут Василий Попугаев и Алексей Волков, кои за год до того были уже в первом отделении; а прочие, двое Красовских и Судаков[2] находятся в сем отделении девять только месяцев, и нужно им еще усовершаться как в языках, так и в преподаваемых науках.

Академик Петр Иноходцев

Сентября 25 дня 1796 года.

2

В Канцелярию Императорской Академии наук

от студента Василия Попугаева[3]

всепокорнейшее прошение.

Будучи принят 1785-го года в число учащихся в оной гимназию воспитанников Директором Ее Сиятельством Княгинею Екатериною Романовною Дашковою, и продолжая учение удостоен звания студента с 1795-го года 24-го дня декабря Директором его Превосходительством Павлом Петровичем Бакуниным ныне с соизволения родителей прошу увольнения, имея желание вступить в действительную его Императорского величества службу. Студент Василий Попугаев.

1797-го года генваря 30 дня.

3

Аттестат

По Указу Его Императорского Величества из Императорской Академии Наук дан сей Студенту Василью Попугаеву в том, что он принят в Гимназию Ея на казенное содержание в августе 1785 года: с 1790 помещен в число пенсионеров Их Императорских Высочеств, а в конце 1795-го произведен студентом. Обучался языкам Латинскому, французскому и немецкому с изрядным успехом, в последние два года нарочито также успел в Аглицком и Итальянском языках и собственным упражнением во всех оных еще более усовершиться может. Сверх того с похвальным прилежанием и успехом упражнялся в чистой Математике, Истории, Географии, Физике и Минералогии. При бывших экзаменах в отличие награждаем был книгами; вел себя добропорядочно и заслужил от господ учителей похвалу и одобрение. Ныне же по прошению его для определения в действительную Его Императорского Величества службу при другой команде от Академии Наук уволен.

С.Петербург генваря 26 дня 1797 года

Действительный статский советник и Императорской

Академии Наук директор.

Подлинный аттестат получил и расписался студент

Василий Попугаев.

---

[1]Студент Глеб Мальгин после окончания образования в Академическом училище был принят на службу в Камерц-Коллегию в связи с хорошим знанием языков французского, английского и немецкого (см: ПФА РАН. Ф.3. Оп.9. Д.982).

[2]Упоминаемые в письме П.В.Иноходцева в Канцелярию Академии наук студенты — соученики В.В.Попугаева. Вл.Н.Орлов в своей работе о русских просветителях 1790–1800-х годов называет студентов Училища Академии А.Г.Волкова, В.В.Дмитриева, В.И.Красовского, Н.И.Судакова товарищами В.В.Попугаева по

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«Вольному обществу любителей словесности, науки и художеств» (см.: Орлов Вл.Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. М., 1953. С. 286).

[3]Попугаев Василий Васильевич (1779–1816) — выдающийся питомец Петербургского университета, писатель, переводчик, публицист. Он был горячим поклонником А. Н. Радищева, решительным противником крепостного права. Особенно ярко его идеалы отразились в статьях «О политическом просвещении», «О публичном общественном воспитании и влиянии оного на политическое просвещение», «Об истории как предмете политического просвещения», «Об участи земледельцев». В своей монографии Вл. Н. Орлов посвятил характеристике деятельности и творчества В. В. Попугаева отдельную главу (Указ. соч. С. 281–356).

V

[Дело 923, на 3 листах. Об определении студента Алексея Волкова к академику Ловицу для обучения химии с произведением ему жалования по 200 рублей в год с 1 генваря 1798 года и о прочем. Копия из журнала заседаний Комиссии Академии наук 7 сентября 1797 г. Л. 2.]

Студента Алексея Волкова[1] по усмотренным в нем прилежности и успеха в науках на основании Регламента Академии Наук первого артикула определить к г-ну профессору Ловицу для дальнейшего обучения химии с произвождением жалованья по двести рублей в год. Почему из воспитанников при Гимназии его Волкова выключить, вписать в список служащих в Академии и быть ему в точном ведении и послушании у оного г-на Ловица[2]. До окончания же года ему Волкову иметь хождение в Академические классы и на лекции и в оной Академии иметь жительство. О чем кому следует дать выписки. На подлинном подписано — Павел Бакунин.

[1]Волков Алексей Гаврилович (1780–1826) — химик, адъюнкт по химии с декабря 1803 г. по октябрь 1809 г.

[2]Ловиц Товий Егорович (1757–1804) — химик и фармацевт, ординарный академик с мая 1793 г.

VI

[Дело 730, на 1 листе. Сентябрь 1800 г. Прошение механика Ивана Кулибина о приеме в Гимназию его сына Дмитрия на казенное содержание. На документе канцелярская запись: «В меморий сего числа господином президентом написано исполнять кроме статьи о Кулибине».]

В Канцелярию Императорской Академии Наук
от механика Ивана Кулибина*

Покорнейшее прошение

Резолюциею оной Канцелярии на прошение мое 1798-го года майя в 15-й день последовавшею определено сына моего Дмитрия принять в Гимназию Академии Наук на первую вакансию, которая от того числа очистится на казенное содержание и на первый год платье, белье, обувь, ложку серебрянную и на постельный прибор — денег десять рублей от меня принять, и о том — кому следовало тогда ж предписано указами, и мне копиею с оной резолюции объявлено; но как оный сын мой и до ныне по силе прописанной резолюции в Гимназию не изтребован; а я уведомился, что находящийся в Гимназии на казенном содержании воспитанник Пипин о увольнении его из оной подал в Канцелярию прошение; почему Канцелярию Императорской Академии Наук покорнейше прошу на основании сделанной резолюции и мною вышеписанной; показанного сына моего Дмитрия в Гимназию на казенное содержание принять, определенные же на постельный прибор десять рублей при сем прилагаю.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К сему прошению механик Иван Кулибин руку приложил.
Сентябрь 1800 года.

* Кулибин Иван Петрович (1735–1818) — механик-самоучка, изобретатель, заведующий механической мастерской Академии наук в 1769–1801 гг. Автор ряда выдающихся разработок в области мостостроения, судоходства, обработки стекла и др. Создатель оригинальных часовых механизмов, музыкальных инструментов, оптического телеграфа. Имел четырех сыновей — Александра, Дмитрия, Павла, Семена (см.: Рукописные материалы И.П.Кулибина в Архиве Академии наук СССР // Труды архива. Вып.11. М.; Л., 1953. Библиография о Кулибине. С.707–714.)

VII

[Дело 773, на 6 листах. 17 мая 1801 г. О переводе в «Верхние классы» Гимназии сыновей форстмейстера Карла Фейерейзена. Л.2–2 об.]

В Канцелярию Императорской Академии Наук

Покорнейшее прошение

За два с половиною года я подавал письменное прошение на Высочайшее имя Государя императора Павла I-го о принятии в Академическую Гимназию трех моих сыновей, и имел то счастие, что они по именному повелению в оную были приняты. Обстоятельства заставили взять старшего сына домой; но младшие оба остались в Гимназии для совершенного окончания преподаваемого там учения, дабы со временем они могли сделаться искусными и государству полезными людьми. Я уведомился, что недавно сделана в учении новая перемена, в разсуждении которой живущие в нижнем этаже воспитанники, между коими находятся и мои дети, назначаются к должностям низкого состояния: а живущие вверху воспитываются для состояния ученых, художников и т.п. При чем их наставляют в вышних науках и содержат лучше: сии последние называются гимназистами или студентами, а первых зовут просто синяками! Мне до того нет надобности в каком бы платье дети мои ни ходили в синем или сером: но я долгом своим почитаю сколько возможно стараться, чтобы дети мои были основательно научены, и к чести императорской Академии Наук сделались искусными и полезными людьми.

По сей причине осмеливаюсь Канцелярии Императорской Академии Наук письменно о сем представить и Ее всепокорнейше просить, дабы Опая благоволила, если можно, дать приказание о перемещении детей моих Георга и Экзавера Фейерейзеных в верхние классы. Я не сомневаюсь, что Канцелярия удостоит внимания мою справедливую просьбу, принимая в уважение ту обязанность, которую имею я как отец стараться о пользе своих детей. Сию для моих сыновей великую милость я приму с величайшей благодарностию.

Форстмейстер* 9-го класса Карл Фейерейзен
Петергоф мая 17-го дня 1801 г.

* *Форстмейстер* — лесничий, смотритель за лесом.

VIII

[Дело 759, на 13 листах. Март—октябрь 1801 г. Докладная записка ректора К.Т.Германа о необходимых мероприятиях для улучшения состояния Академической гимназии. Л.2, перевод с немецкого.]

Желая содействовать всему, чрез что Гимназия Императорской Академии Наук может быть приведена на высочайший степень совершенства, осмели-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ваюсь предложить моему начальству следующее:

1) назначить в непродолжительном времени учебные часы, дабы новое расположение классов могло принять свое начало после Пасхи;

2) учителям истории г. Струковскому и географии Красовскому учинить за 12 часов по 50 рублей прибавки к их жалованью.

3) предписать всех принимаемых в число воспитанников Гимназии наперед ко мне присылать для Экзамена, а к доктору для освидетельствования, также Академической Канцелярии о таковых доносить, дабы, с одной стороны, число обучающихся чтению воспитанников не увеличивать принятием новых, кои ни чести ни пользы Гимназии не приносят, а с другой стороны впредь в Гимназии не воспитывать имеющих телесные недостатки.

4) Учеников отлично аттестуемых от своих учителей в продолжении четырех месяцев, а равно и от надзирателей, награждать за прилежание и хорошее поведение книгами, тем же кои по прошествии года получат три книги, давать в награждение малую серебряную медаль, а которые будут награждены четырьмя книгами, тем давать но одной большой серебряной медали.

5) Для наказания учеников за ленность и дурное поведение назначить карцер. дабы в таковых случаях не всегда употреблять телесные наказания.

6) Следующие доставить книги для употребления в классах:

— 5 экз. Латинской грамматики Лебедева — в нижнем латинском классе.

— Лессингова драматических сочинений, — Геллертовых писем, басен, нравоучительных сочинений — по два экземпляра для верхнего немецкого класса

— Гелтергофовой грамматики 25 экз. для I среднего класса.

— Contes moraux de Mormontel 8 экземпляров для верхнего французского класса

— Ami de jeuns gens 20 экземпляров для 1 среднего французского класса

— Тригонометрия г. Головкина 7 экземпляров для верхнего класса.

— Всемирной истории изданной для народных училищ Российской Империи в 3-х частях 40 экземпляров; да Ролленову историю в 10 частях для употребления в верьхнем историческом классе.

Марта 10-го дня 1801 года

Ректор К. Т. Герман.

Герман Карл Федорович (Карл Теодор) (1767–1838) — экономист, статистик, историк, адъюнкт по статистике и политической экономии с марта 1805 г., экстраординарный академик с января 1801 г., ординарный академик — с 1835 г.

IX

[Дело 816, на 22 листах. 24 марта — 13 июня 1802 г. Документы об увольнении Ректора Академической гимназии К. Т. Германа. Л. 8 — выписка из журнала заседаний Комиссии Академии наук от 24 марта 1802 г. Л. 12–12 об. — рапорт ректора о состоянии Гимназии, перевод с немецкого.]

1

Под председательством господина президента[1] Академии в комитете состоявшем из вице-президента[2] и господ академиков Лепехина[3] и Шуберта,[4] разсуждаемо было о приведении учения гимназии в лучший порядок, и по зрелом разсуждении определено ректору Герману дать указ следующего содержания: из разположения классов гимназии поданного в Канцелярию Академии наук усмотрено, что в нем не соблюдено никакого порядка, и самовольно убавлено вами у самого себя и у некоторых учителей по нескольку часов против

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

первоначального расположения, потом из подаваемых в Канцелярию рапортов о приходе учителей явствует, что некоторые из них следуя подаваемому вами примеру, часто в классах не бывают, иные пожже надлежащего приходя или ранее классы оставляя от должности своей уклоняются. Отсюда произошло, что при нынешнем экзамене успехи учащихся особливо в вышнем латинском классе несоразмерны были времени пред бывшим прежде сего экзаменом. Почему для приведения учения в лучший порядок определено предписать вам и сим предписывается: 1) расположить классы по приложенному при сим разписанию, 2) учеников латинского, французского, немецкого и российского грамматических классов по выбору учителей верхних классов перевесть в верхние, а тех кои умеют уже читать и писать в грамматические по выбору учителей грамматики, а из арифметического в геометрический по выбору учителя геометрии; 3) зделав ученикам по их успехам расписание на классы, подать в Канцелярию на утверждение списки, какие именно ученики, в какие классы и в какие часы ходить должны. 4) не переводить их из класса в класс (ранее. — *Г. К.*) как по прошествии полугода, ниже собою делать какую-либо перемену в классах противную приложенному при сем расписанию, а о могущих встретиться затруднениях или явных неудобствах представить Канцелярии на разсмотрение; 5) учителям объявить, что ежели кто пренебрегая обязанность свою будет уклоняться от должности, то пренебрежение его не оставлено будет без взыскания и не бытия в классах — болезнь только в извинение принимаема будет; 6) оставя логику, преподавать вам не только наставления в вышнем латинском классе по осьми часов в неделю, но и в другие дни, посещая прилежно классы, подавать собою пример учителям и советы в разсуждение образа и порядка в наставлении юношеству; 7) подать в Канцелярию роспись, какие в каждом классе употребляются книги для наставления и сколько их в гимназии налицо находится. 8) Не безизвестно Комитету, что по сему разположению не будет доставать учителя для нижнего или грамматического французского класса, то покамест не сыщется способной к сему человек, класс сей препоручить на время гимназисту Тенигину и его обнадежить за труд сей соразмерным воздаянием, о чем ему объявить.

Наконец по елику неослабное надзирание над учащими и учащимися и под образом преподавать наставления требуют человека, который бы всем своим временем жертвовал Гимназии, без чего желаемых успехов быть в ней никогда не может, то письменно уведомить вам Канцелярию, согласны ли вы, оставя все посторонние упражнения, всего себя посвятить на пользу Гимназии.

2

Рапорт
о состоянии Гимназии
в марте месяце 1802-го г.

Состоит на лицо в академической гимназии:

67 гимназистов, 19 пенсионеров, 1 вольный ученик — вообще 87.

Донесения учителей, никакой жалобы в себе не заключающие, свидетельствуют о прилежании учеников, кои все то выполняют, чего по их летам требовать можно.

Также и от надзирателей в прошлом месяце никакой жалобы не было.

О новом разделении часов повещено учителям, и они все довольны кроме учителя нижнего немецкого класса г-на Николаи, да и сего рачительного учителя можно бы было удержать малою переменою часов.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Требован учитель французского языка, который бы был природный француз. В числе явившихся ко мне для занятия сего места не было ни одного настоящего француза, но были однакож таковые, которых бы можно к сему с пользою употребить.

На запрос могу ли я решиться оставить прочие свои места и посвятить себя вовсе гимназии, долженствую донесть, что невозможность столь малым окладом жалованья себя содержать, была единственною причиною тому, что я доднесь сих мест не оставляю. И так ежели б место мое в академической Гимназии могло доставлять мне достаточное содержание, то б с удовольствием выполнил я таковое требование.

Да как из предначертания явствует, что для верхнего латинского класса потребен учитель, который бы совершенно разумел российский язык, то желал бы я должность оного до тех пор исправлять, пока кто-либо на сие место не сыщется.

К. Т. Герман.[5]

---

[1] Президент — Николаи Андрей Львович (1737–1820), в должности с апреля 1798 г. по февраль 1803 г., писатель.

[2] Вице-президент — Румовский Степан Яковлевич (1734–1812), в должности с 1800 по 1803 г., астроном и математик, академик. Студент и профессор Петербургского университета (см.: Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 164–175).

[3] Лепехин Иван Иванович (1740–1802) — натуралист, путешественник, академик. Студент и профессор Петербургского университета. В 1774 г. Лепехин назначен директором Ботанического сада Академии наук, с 1777 г. — в должности инспектора Академического Училища (см.: Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. С. 121–131).

[4] Шуберт Федор Иванович (Теодор Фридрих) (1758–1825) — астроном, математик, академик, дед С. В. Ковалевской по материнской линии.

[5] В ответ на публикуемый здесь «Рапорт» ректора К. Т. Германа последовала такая резолюция: «...иного жалования как то, которое он получает, дать не может да и то на известных ему условиях, и потому представляет ему искать себе выгоднейшего места, и что то же он может сказать учителю нижнего класса, который, часто недомогая, не соглашается на новое расписание уроков» (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 816. Л. 14 об.). К. Т. Герман подал формальное прошение (т.е. оплаченное гербовым сбором в 30 коп.) об увольнении 3 июня 1802 г. Исполняющим обязанности ректора Академического Училища был назначен конректор Винчевский.

X

[Дело 489. Рапорты в Комиссию Академии наук о лекциях, прочитанных для старших гимназистов Академической гимназии в 1771–1804 гг. Л. 29 — обязательство академиков и адъюнктов читать безвозмездно лекции с января 1805 г., 16 июня 1804, подлинник.]

Мы нижеподписавшиеся, соглашаемся безмездно преподавать нижеследующие лекции воспитанникам Академической Гимназии, обучающимся ныне в верхнем классе, до полного их образования, и начать оные, когда сии воспитанники окончат Геометрию, начальную Алгебру и тригонометрию; что, как надеяться можно, последует около генваря месяца будущего 1805 года; к каковым лекциям может быть приглашена и самая публика.

1. Математические. Адъюнкт Висковатов.[1]
2. Физико-Математические. Академик Гурьев.[2]
3. Химические. Адъюнкт Волков.[3]
4. Зоологические. Экстраординарный академик Севастьянов.[4]
5. Ботанические. Экстраординарный академик Смеловский.[5]

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

6. Минералогические. Экстраординарный академик Севастьянов.

Июня дня 1804 года

[1]Висковатов Василий Иванович (1779–1812) — математик и механик, адъюнкт по математике с августа 1803 г., экстраординарный академик с марта 1807 г.

[2]Гурьев Семен Емельянович (1766–1813) — математик и механик, ординарный академик с января 1798 г.

[3]Волков Алексей Гаврилович (1780 — не ранее 1826) — химик, адъюнкт по химии с декабря 1803 г. по октябрь 1809 г., студент Академического Училища, ученик академика Т. Е. Ловица (см. выше публикацию V (дело 923)).

[4]Севастьянов Александр Федорович (1771–1824) — естествоиспытатель и переводчик, экстраординарный академик с августа 1803 г., студент Академического Училища, ученик академика И. И. Лепехина.

[5]Смеловский Тимофей Андреевич (1771–1815) — ботаник, медик, фармацевт, экстраординарный академик с августа 1803 г.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ В XVIII в.

Академия наук, основанная в Петербурге в 1724 г., до начала XIX столетия являлась не только научным, но и учебным центром, состоявшим из собственно Академии, Университета и Гимназии. Необходимость создания подобной «триады» мотивировалась в сенатском указе, учреждавшем Академию следующим образом: «Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в портчих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства...» «Здешнее состояние» характеризовалось низким уровнем развития и распространения просвещения и диктовало одновременное решение двух задач: «размножение наук» и «чрез обучение распложение оных... в народе». Однако «при заведении простой Академии наук обои намерения не исполнятся...а при заведении университета — и меньше того, ибо...еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет...».[1] Цитируемый документ — проект Положения об учреждении Академии наук и художеств — был разработан по распоряжению Петра I и при его участии. Формально так и оставшись проектом, фактически он являлся действующим Уставом Академии до введения Регламента 1747 г. Его текст был полностью изложен в известном указе Сената от 28 января 1724 г., который, таким образом, не только учреждал Академию, но и вводил в действие ее первый Устав, нередко называемый в литературе «Генеральным регламентом». Провозгласив «триединую» структуру Академии, он определил в ней и место Гимназии как подготовительной к Университету школы.

Учебная деятельность Академии привлекала внимание историков еще в XIX в. Важные сведения о работе членов Академии с гимназистами и студентами можно найти в «жизнеописаниях» Л. Эйлера, Г. Рихмана, И. Фишера, Т. Байера и других, составивших первый том «Истории императорской Академии наук» П. Пекарского.[2] Исключительную ценность для исследователя представляет другой фундаментальный труд прошлого столетия — «История Российской Академии» М. И. Сухомлинова.[3] Составленный по тому же принципу, что и работа Пекарского, он включает в себя биографии многих выпускников Академии и дает подробные сведения не только об их жизни в гимназический и студенческий период, но и о самих этих учебных заведениях. Примечания, составляющие едва ли не половину объема каждого их шести томов этого издания, могут использоваться современными исследователями в качестве источника, так как содержат большое количество архивных документов, нередко приводимых полностью, без сокращений.

Тогда же, в конце XIX в., появились и специальные исследования, непосредственно посвященные истории академических учебных заведений. Первой попыткой создания истории Гимназии стала обширная, но малоизвестная статья М. В. Владимирского-Буданова, вышедшая в 1878 г.[4] Автор рассмотрел учебные программы, провел выборочный анализ социального происхождения школьников, назвал имена многих учителей и гимназистов, показал

© С. Н. Лисицкая, 2000.

[1] Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 32–33.

[2] Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1970.

[3] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 1–6. СПб., 1874–1882.

[4] Владимирский-Буданов М. В. Первая гимназия в России // Педагогический музей. СПб., 1878. № 1–3. С. 17–27, 91–112, 183–194.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

органическую связь всех звеньев Академии. Комментируя негативные оценки работы Гимназии ее современниками — членами Академической канцелярии, М. В. Ломоносовым, автор пришел к выводу: «При устройстве учебной части, шедшем, так сказать, еще ощупью, без твердого плана, неудивительно, что успехи гимназии постоянно выставляются ничтожными со стороны людей разных партий в самой академии. < ··· > Но мы, удаленные уже на большую историческую перспективу, можем судить беспристрастно и должны признать, что ученики Академической Гимназии... положили первые основания общего просвещения, когда при Екатерине II настал для него большой простор. Первые русские профессора Московского Университета, лучшие деятели в государственных учреждениях вышли оттуда». Подчеркивая важность изучения опыта «первого правительственного среднего учебного заведения, которому с самого основания присвоено имя гимназии», Владимирский-Буданов писал: «Несмотря на то, не только не появилось до сих пор полной истории ея, но — что всего печальнее — не обнародованы и материалы для нее».[5] Значительно шире известна историкам работа другого автора — Д. А. Толстого.[6] Занимавший в это время пост министра просвещения граф Толстой явно стремился приписать все заслуги в деле распространения систематического образования деятелям своего века, потому он заметно тенденциозен в оценке учебного опыта деятелей предшествующего столетия. Впрочем, построив свою работу в значительной мере на перечислении недостатков гимназической деятельности, автор в итоге пришел к следующему заключению: «Несмотря на всю неустроенность гимназии, она принесла все-таки пользу русскому юношеству, приготовив несколько ученых и даровитых административных деятелей и доставив некоторое образование многим сотням обучавшихся в ней учеников. В истории же просвещения России академическая гимназия имеет несомненное значение как первая учрежденная в империи гимназия».[7] Перу того же графа Толстого принадлежит и первое специальное исследование по истории Академического университета, работу которого автор расценил как кратковременный опыт, не получивший серьезного развития и прекратившийся в середине 60-х годов XIX в. Впрочем, вопреки собственному утверждению, автор привел и другие данные, свидетельствующие о продолжении университетской деятельности в более позднее время. Он писал: «В конце директорства Дашковой в университете осталось три студента. Университет угас...»[8] (Е. Р. Дашкова была уволена с поста директора Академии наук в 1796 г. в связи с приходом к власти императора Павла). Несмотря на явную противоречивость, взгляд Толстого на продолжительность деятельности Университета без должной критики был воспринят последующими исследователями,[9] превратившись в устойчивую историографическую традицию. К сожалению, не избежали этого заблуждения и монографии Е. С. Кулябко,[10] представляющие собой наиболее детальное исследование учебной деятельности Академии, особенно в ломоносовский период.

[5] Там же. № 2. С. 112.

[6] Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885.

[7] Там же. С. 192.

[8] Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 61.

[9] Бороздин А. К. Академический университет в XVIII в. // Исторический вестник. 1896. № 4; Рождественский С. В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912; Шабаева М. Ф. Академический университет // БСЭ. М., 1969. Т. 1. С. 312.

[10] Кулябко Е. С.: 1) М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962; 2) Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Серьезному сомнению эта устоявшаяся концепция была подвергнута в начале 80-х годов в ходе прошедшей на страницах газеты «Ленинградский университет» дискуссии. Ее открыли историки Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин статьей «Сколько лет Петербургскому — Ленинградскому университету?».[11] Итогом обсуждения стала монография этих же авторов, убедительно показавшая, что учебная деятельность Академии продолжалась до начала XIX столетия и ее следует рассматривать как часть истории Санкт-Петербургского университета, его первый период.[12]

Дополнительные доказательства преемственности между Академическими учебными заведениями XVIII столетия и Петербургским университетом XIX в., а значит и нынешних веков, были представлены в VI и VII выпусках «Очерков по истории Ленинградского университета».

Новые аргументы в пользу данной концепции может дать детальное изучение истории Академической гимназии, непрерывная деятельность которой не вызывает сомнений и прослеживается вплоть до 1805–1822 гг. В «триедином академическом здании» Гимназия создавалась и существовала прежде всего как предуниверситетская школа и без своего старшего собрата оказалась бы просто ненужной. Ее деятельность прекратилась бы вместе с университетской. Этого не произошло. Следовательно, именно через историю Гимназии можно попытаться заполнить некоторые лакуны в истории Университета. Кроме того, первый в России гимназический опыт бесценен сам по себе, а потому воссоздание полной истории этого уникального учебного заведения безусловно является делом важным и необходимым.

Учебный процесс в Академической гимназии начался в январе 1726 г. К этому времени, кроме «Генерального регламента» 1724 г., который, собственно, только провозгласил создание «гимназиума», появился «Проект Академического регламента». Он был составлен первым президентом Академии Л. Блюментростом и, в отличие от предыдущего документа, весьма конкретно рассматривал вопросы академического образования. Новый проект состоял из 51 параграфа, из которых 10 непосредственно посвящались Гимназии и еще 4 касались ее проблем. Даже эти чисто количественные детали говорят о подчеркнутом внимании президента к академической школе. В ней предлагалось установить пять классов со следующей программой обучения в каждом:

— «в первом классе учение будет: по-латински и по-немецки читати и обоих языков письмена изображати»;

— «во втором классе учением сопряжений и склонений отроческие умы изощряться будут, не оставляя и протчих яже к грамматике не принадлежат»;

— «в третьем классе... удобнейших к разумению авторов, и словесно, и письменно, на свой язык переводити и удобнейшие экзерциции слагати начнут»;

— «в четвертом... к сочинению труднейших экзерциций латинского языка приложатся; также и арифметике и географии... учится начнут»;

— «в пятом... предаваться будут онаго штиля экцерициям, которыя упражняются в сочинении ораций и эпистолий... к тому история и первыя математики начатки, также география, с глобусом соединенная».

---

[11] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Сколько лет Петербургскому — Ленинградскому университету? // Ленинградский университет. 1983. 18 марта. С. 6.

[12] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Проект предусматривает возможность, даже необходимость развития предлагаемой программы, в частности, в ближайшем будущем дополнить ее изучением греческого, французского и итальянского языков.

Устанавливались и способы проверки знаний гимназистов, призывающие к высокой требовательности, следствием чего был неизбежный, видимо, для всех неординарных учебных заведений отсев школьников. («Дважды же по вся год установлены суть испытания, то есть единова весною и единова осенью, в присутствии собрания академического и иных ученых людей, где слабые к вышним наукам неспособные разума отставятся, прилежные же и к учениям способные производитися будут».) Отчисленных «за скудость остроты» следовало «к тем художествам определять, к которым природную склонность и охоту имеют».[13] Действительно, многие несостоявшиеся гимназисты уходили в ученичество к мастерам вспомогательных академических подразделений — в типографию, рисовальную и гравировальную палату, в инструментальные мастерские.

Автор рассматриваемого документа Л. Блюментрост лично занимался приглашением иностранных специалистов в Академию, поэтому, как никто другой, понимал остроту кадровой проблемы для Гимназии. В России не было своих, «природных» учителей, как не было и учебного заведения, которое бы таковых готовило, поэтому предлагалось направлять для обучения «младых отроков» лучших студентов Университета, которые «верно и радетельно» учили бы гимназистов. Впрочем, студентам отводилась роль не основных преподавателей, каковыми должны были стать, видимо, иноземные специалисты, а своего рода толкователей, поэтому в каждом классе следовало иметь двух учителей, «чтоб един из них знал по-русски говорить и писать».[14]

Следует отметить, что процитированный документ, хотя и обсуждался Сенатом, но не был утвержден Екатериной I, т.е. так и остался проектом. Тем не менее предложенные им основные принципы гимназического обучения были подтверждены сенатским указом, оповещавшим в декабре 1725 г. широкую общественность о начавшейся деятельности Академии. Публикация этого документа во многом должна была сыграть роль рекламы. Императрица по этому поводу писала «господам Сенату»: «И сей указ велите в народ публиковать, дабы о той академии всяк ведал, и имели б тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников».

В опубликованном сообщении напоминалось, что начавшая свою деятельность Академия «устроена на основании, учиненном» Петром Великим, поэтому «должность... в сей академии собранным двойна будет: как в тщании и умножении новыми обретениями наук... так и в учении российских юнош». Для выполнения второй задачи, как гласило сообщение, «соизволися гимназиум пятьми классами составити, в которых Г. Ортгисе, Г.-В. Крафт, И. Вейтбрехт, Г. Миллер, Л. Блида, И. Горецкий, Декомбель, А. Крамер, М. Шванович, М. Кроль прилежание свое покажут, дабы ученики... при германском, французском, латинском и греческом языцех, в арифметике, геометрии, географии учение имели». Этот документ сохранил для нас имена первых преподавателей Гимназии, среди которых находим таких известных ученых, как историк Герард Фридрих Миллер, физик Георг Вольфганг Крафт. Всего — 10 фамилий, по два преподавателя на класс, как и предполагалось в проекте Академического регламента.

Основной задачей Гимназии явно считалась подготовка учащихся к высшему образованию — Университету, о чем, хотя и косвенно, говорит следую-

[13] Материалы для истории императорской Академии наук. Т. I–X. СПб., 1885–1900. Т. 1. С. 318–322.

[14] Там же. С. 319.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

щая цитата: «...а чтобы и тем довольно учинилося, которые высоким наукам учиться не могут, но однако ж другия художества. в житии человеческом преполезныя, перенимать желают, четыре человека к тому делу определены, которым впредь другие прибавлены будут: К. Шесслер... арифметику, геометрию, тригонометрию и оптику толковать будет... Х. Марселий... архитектуру гражданскую... Г. Гессель... рисовать учить будет, К. Оснер ваятельное художество... покажет».[15] Итак, неспособные к «высоким наукам» могли учиться «художествам», по сути, ремеслам. Но даже ремесленное обучение не было простой передачей профессиональных навыков, а предполагало широкую образовательную программу. Не случайно лучшие наборщики, граверы, инструментальщики XVIII столетия работали при Академии. Именно здесь их и готовили.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что к началу учебного процесса, т.е. к январю 1726 г., в Гимназии существовали два документа, составляющие теоретическую основу академической школы. Она должна была состоять из пяти классов, время пребывания в каждом из них, как и общий срок обучения, не оговаривались. Непременным условием являлось наличие на уроке учителя, говорящего на русском языке. Для соблюдения этого предполагалось одновременное пребывание в классе двух преподавателей, общий штат которых состоял из 10 человек. В намеченной программе преобладали предметы гуманитарного цикла, прежде всего языки, причем упор, естественно, делался на латынь — общеевропейский язык науки того времени. Обучение было бесплатным, не существовало, видимо, и каких-либо сословных ограничений, иначе и то, и другое непременно бы оговаривалось. Таковы были теоретические представления учредителей Гимназии, значительно изменившиеся в первые годы практической деятельности.

Свидетельством этому стало Положение («Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiumus»), составленное и введенное в действие в 1731 г. ректором и инспектором Гимназии Байером. Не изменяя уже сложившуюся пятиклассную структуру, Байер разделил академическую школу на две ступени — латинскую, состоявшую из двух классов, и немецкую — из трех классов. Первая — высшая — ступень непосредственно готовила к Университету. Вторая ступень считалась низшим, подготовительным отделением, необходимым прежде всего для того, чтобы гимназисты научились понимать своих иноземных учителей.[16] Видимо, Байер фиксировал то, что силой обстоятельств уже сложилось в Гимназии. Благие намерения ее учредителей, чтобы каждый второй учитель «знал по-русски говорить и писать», оказались пока невыполнимыми. Отсутствие отечественных учительских кадров было тем бедствием, которое, в частности, можно было преодолеть успешной деятельностью Гимназии.

Успехи, впрочем, были невелики. Переезд императорского двора в 1728 г. в Москву, затем открытие Кадетского корпуса в Петербурге, дававшего своим выпускникам, в отличие от Академии, чины, заметно понизили престиж Гимназии, особенно для отпрысков дворянских фамилий. Но школа продолжала свою деятельность и, благодаря энтузиазму некоторых сотрудников, постепенно преодолевала болезни роста. Этот процесс можно проследить по многочисленным проектам устройства и усовершенствования Гимназии, составленным в 30–40-е годы. К сожалению, эти материалы слабо изучены и редко привлекались исследователями, возможно, потому что все они так и остались проектами. Но следует учесть, что их составители работали в Гим-

[15] Там же. С. 169, 171, 172.

[16] Толстой Д. А. Академическая гимназия... С. 1.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

назии и по мере сил и возможностей претворяли свои идеи в жизнь. Кстати, и вся Академия действовала в это время по так и не утвержденному «Генеральному регламенту», т. е., строго говоря, по проекту. Поэтому, безусловно, имеет смысл обратиться к этим источникам.

В 1733 г. в академическую канцелярию поступила записка с предложениями по усовершенствованию гимназической деятельности. Ее составил адъюнкт И. Э. Фишер по поручению нового президента академии Кайзерлинга. Фишер преподавал в Гимназии и хорошо знал ее состояние. Он исходил из того, что «гимназия по своему статусу выше обычной школы, поэтому кроме латыни необходимо изучение французского и греческого языков, латинской поэзии, истории цивилизаций, политической географии, риторики, логики и морали». Фишер предлагал и свои методические приемы преподавания. Как филолог-специалист, он утверждал, что «древних авторов следует изучать и толковать не разом, а поочередно, во всяком случае не более двух, и обязательно разноплановых, например, одного поэта, а другого — историка». Фишера беспокоил большой отсев гимназистов, для его уменьшения следовало, по мнению автора, «наполнить школу надежными учениками, для чего учредить 30 стипендий». Стипендия должна была составлять 4 рубля в месяц в младших классах, 5 рублей — в среднем и 6 — в старшем. Фишер подсчитал, что общая годовая стипендиальная сумма составит 1 600 рублей, а содержание Гимназии в целом обойдется в 4 000 рублей. Автор убеждал, что лишний расход быстро окупится, так как из стипендиатов будут подготовлены, в частности, учителя школ, которые непременно возникнут в России. Значительно дешевле иметь своих учителей, чем выписывать их из-за границы.

Записка Фишера осталась нереализованной. Заказчик проекта — Кайзерлинг, пробыв на посту президента около полугода, перешел на дипломатическую службу. Его преемник — барон фон Корф — в январе 1735 г. представил в Сенат доношение, в котором напоминал, что по «прожекту Петра» об Академии наук «обретающиеся при оной профессора не токмо собственными своими изобретениями науки в большее совершенство приводить, но притом и молодых людей в оных обучать долженствуют». Из дальнейшего текста очевидно, что предложения Фишера не были забыты: оставшись всего лишь проектом, они тем не менее «работали». Развивая их, Корф писал, что для лучшего исполнения второй задачи Академии — обучения юношества — «надлежит ... сначала 30 человек молодых людей доброго нрава и довольныя надежды выписывать и содержать, и не токмо в приличных, но и вышних науках... так обучать, чтобы они со временем государству полезныя услуги показывать могли. Содержание оных станет, по исчислению, в 3678 рублей 25 копеек».[17]

Указом Сената от 13 января 1735 г. Академия получила право содержания за счет казны 20 учащихся, для чего ежегодно должно было выделяться 3000 рублей. Так в Гимназии появились «казеннокоштные», или «жалованные», ученики, составившие ту «надежную» часть контингента, о которой мечтал в своем проекте Фишер.

Одна проблема была решена, но оставалось много других, поэтому в августе 1737 г. вышло распоряжение президента Корфа: «...для лутчего при Академии порядка и учреждения о содержании учеников и об обучении учинить особливую комиссию». В нее вошли профессора Байер, Гольдбах, Крафт и Эйлер.[18] В связи с работой комиссии появилась серия новых «прожектов» по усовершенствованию академической школы.

[17] Там же. Т. II. С. 349, 351, 360–361, 584, 805.
[18] Материалы... Т. III. С. 470.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Проект Байера предлагал сохранить существующее деление Гимназии на высшую и низшую ступени, но изменить число классов в них: высшее отделение должно было состоять из трех, а низшее — из двух классов, причем обучение в каждом продолжалось бы два года. Так впервые был поставлен вопрос о сроках гимназического образования, полный курс которого определялся в 10 лет. Исключение можно было делать для особо одаренных детей, переведя их из класса в класс ранее установленного срока.[19]

Любопытную записку вновь представил в комиссию уже упоминавшийся выше Фишер, бывший в это время ректором Гимназии. Он, в частности, писал, что составление образовательной программы требует учета «национальных особенностей, которые столь различны... Так, например, в Германии процветают языки латинский, греческий и еврейский, Аристотелева философия, римское право... все это мало ценится в России, за исключением латинского языка. Здесь упор делают главным образом на практичность, в особенности на науки математические, полезные для страны в военное и мирное время. Поэтому при учреждении Гимназии в России нужно в особенности сообразоваться с этими взглядами».[20]

Нетрудно заметить, что взгляды Фишера с 1733 (от его первой записки) до 1737 г. существенно изменились. Он стал склоняться к мысли о превращении Гимназии из школы классического образца в школу «реальную» (как стали называть подобные учебные заведения в России в XIX в.). Кстати, столь же прагматично начинал «образовательную» деятельность и Петр I — открытием школ «цифири и землемерия», Навигацкого и Инженерного училищ. Острая нехватка специалистов в стране, казалось, обрекала отечественное образование на развитие исключительно по профессионально-техническому пути. С учреждением «триединой» Академии эта ограниченность была преодолена. Миновали подобную опасность и позже — Академическая гимназия осталась классическим учебным заведением для подготовки юношества к «высшим наукам». А соблазн переориентации, думается, был велик. В школу профессионально-технической специализации, исходя из российских реалий того времени, шло бы значительно большее число учеников. Исчезли бы проблемы с набором и сохранностью контингента... Однако, отказавшись от сиюминутной выгоды, Академия предпочла изнурительную борьбу с этими проблемами и сохранила классическую концепцию Гимназии.

Кстати, из представленных в «особливую комиссию» мнений в том же 1731 г. был составлен «Reglament des Gymnasii bei der Kaiserlischen Academie der Wissenschaften in St. Petersburg», который вновь не был утвержден.

Только в 1747 г. появился долгожданный официальный академический устав, на основе которого в следующем году был составлен и утвержден устав гимназический. Первый — «Регламент Академии наук и художеств», — решая проблемы учебных заведений, отразил намерение сохранить и упрочить органическую связь Гимназии с Университетом и по сути определил ее главную задачу как предуниверситетской школы. Так, Регламент гласил: «А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить гимназию, при которой 20 человек молодых людей содержать на коште академическом и годных производить в студенты, а негодных отдавать в академию художеств». Слова «учредить гимназию» не означают, что до этого времени ее не было; в Регламенте задачи всех академических подразделений и обязанности должностных лиц определяются именно с 1747 г., что не означает отсутствия их предыдущей деятельности. Такого рода формулировки, как

[19] Толстой Д.А. Академическая гимназия... С.X–XI.
[20] Там же. С.IV.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

правило, используются и в последующих уставных документах. Стараясь решить проблему количества обучающихся, Академия не собиралась понижать требования к качеству обучения. Регламент гласил: «...президент должен экзаменовать учеников в гимназии и студентов в университете, из чего узнать можно бы было труды учащихся и прилежание и успех учащихся». Качеству преподавания посвящалась и следующая установка: «учители все обучать должны на русском языке, а профессора — на латинском»,[21] которая являлась скорее целью, нежели констатацией существующего — русскоязычных учителей пока не хватало.

Основные принципы, определенные Регламентом, были подробно раскрыты и конкретизированы в «Расположении Санкт-Петербургской гимназии в 1748 году». Автором его стал И. Э. Фишер, после возвращения из Камчатской экспедиции вновь занявший должность ректора Гимназии. Нетрудно заметить, что этот документ в значительной мере построен на основе ранее рассмотренных нами проектов, вновь доказывая, что они, не будучи официально утвержденными, тем не менее постепенно претворялись в жизнь. Первый пункт Положения гласит: «Гимназия особливо для русских заведена, дабы они, обучившись каким языкам и наукам, отечеству тем большую пользу принесть могли». Впервые официально объявлялся принцип бесплатного обучения, впрочем, действовавший с основания Академии: «Всех гимназических учеников учители безденежно учат...». Документ формально зафиксировал сложившееся деление учащихся на различные категории и определил права и обязанности каждой группы: «Ученики в гимназии есть двоякие — русские и иноземцы. Русские же разделяются на учащихся на собственном коште и на жалованных».[22] На содержание последних Регламент 1747 г. определил сумму в 600 рублей (по 30 рублей в год на каждого).[23] «Собственнокоштные» ученики считались вольными и могли учиться «тем языкам и наукам... которым они хотят... они не принуждены при Академии впредь в службу вступить; но щастия своего искать могут там, где похотят, но о жалованных того сказать не можно...».[24] Им вменялось в обязанность освоение всех наук, «дабы они учение свое в Академии далее продолжать могли».[25]

Полный гимназический курс состоял из 11 «языков и наук... кроме православныя веры греческого исповедания», т. е. из 12 предметов, для преподавания которых, как сказано в Положении, «потребны 11 учителей». Количество классов было сокращено до четырех, что объяснялось лаконичной фразой: «по нынешним обстоятельствам». А обстоятельства состояли в том, что в 1747 г. сгорело здание Кунсткамеры, где располагались Гимназия и Университет. В доме барона Строганова, арендованном для «погорельцев», Гимназия получила только 4 помещения, что и определило, собственно, количество классов.

Школа по-прежнему делилась на немецкое — нижнее и латинское — высшее отделение, по два класса в каждом. Общий срок обучения определялся в 7 лет, из них три года отводилось на нижнюю ступень, четыре — на высшую. Поскольку существовали и другие мнения о продолжительности гимназического обучения, Положение не просто устанавливало «семилетку», но и убеждало в необходимости именно этого срока: «В семь лет можно мальчика хорошо наставить, так что он способен будет учение свое в университете далее продолжить, и ежели мальчик 10-ти или 12-ти лет в школу придет и

[21] Там же. С. 52–53.
[22] Там же. Т. IX. С. 179, 181, 182.
[23] Уставы... С. 58.
[24] Материалы... Т. IX. С. 181.
[25] Там же. С. 182.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

оные семь лет прилежно учиться станет, то он не стар еще будет к продолжению учения». Из приведенной цитаты видно, что в Положении впервые поставлен вопрос о возрасте поступающих в Гимназию. Действительно, сохранившиеся списки учащихся показывают, что в одном классе находились 7-летние дети и 20-летние юноши, что, конечно, ставило учителей в сложное положение. Впредь этого не должно было случаться, так как Положение объявляло: «Никакого ученика, которому больше 10 лет от роду и который еще ни писать, ни считать не умеет, в академическую службу принимать нельзя; но буде он умеет уже читать и писать, то такого и 12-ти лет принять можно. Но ежели старее будет и ничему еще не учился, то нельзя много надеяться о будущем его успехе».

Документ содержит расписание уроков на неделю для каждого класса. Обучение для всех было шестидневным, занятия продолжались по 6–7 астрономических часов. Нагрузка для того времени была немалая, не все, видимо, считали ее оправданной, особенно для младших классов. Споря с этими неизвестными нам оппонентами, Положение гласило: «Но, может, кто возразит, что немецкая школа весьма многими лекциями отягощена и подлежит некоторым из них до латинской школы оставить... однако все желают учиться всему тому, что к пользе их касается. И подлинно, ежели спросят, к которым-то языкам и наукам дети сего государства склонность еще имея, их любят и оным учиться охотятся, то оные числятся: немецкий и французский язык, арифметика, геометрия, каллиграфия, рисовальное художество и танцованье». Учебный план предусматривал регулярное проведение экзаменов с обязательным присутствием на них профессоров Академии, а в годовых (переводных) экзаменах должен был участвовать и президент. Для осуществления административных функций был «определен ректор, которому как за учащимися поручено смотреть... и неусыпно стараться о прирощении гимназии».[26]

Таким образом, документ, имевший значение гимназического устава, свидетельствует, что к концу 40-х годов XVIII в. сложились и были официально определены структура и концепция академической школы. При этом процесс становления Гимназии не казался его участникам завершенным. Само название документа «Расположение... в 1748 году» предполагало возможность (или необходимость) изменений в последующие годы. Наиболее заметно учебные заведения Академии были реформированы позже, во время ломоносовской перестройки.

Итак, период становления Академической гимназии был долгим, трудным и соответственно сопровождался многочисленными недостатками в ее деятельности. Их справедливо критиковали современники, а затем и позднейшие исследователи, но, думается, несколько преувеличивая негативные моменты в работе академической школы. Так, распространенное утверждение, что учителя и профессора Академии занимались в основном обучением иноземной молодежи, неубедительно. Данные Генерального списка учеников Гимназии свидетельствуют, что в 1726 г. из 112 человек, поступивших в школу, 76 были русскими, в 1727 г. из 58 — 32, в 1728 г. из 27 — 14. В последующие годы число россиян в составе гимназистов увеличивалось: например, в 1731 г. из 29 поступивших их было 21, в 1733 г. из 47 — 35. Да и большинство нерусских мальчиков-гимназистов происходило из семей, проживавших в Петербурге не одно поколение.

Известно, что далеко не все, принятые в Гимназию, заканчивали ее, но, видимо, сохранность контингента — действительно острая проблема школы — не была безысходной, если в 1733 г. (в сложнейшее для Гимназии время, свя-

[26] Там же. С. 180–181, 182, 184, 193.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

занное с открытием сильного конкурента — Кадетского корпуса) из школы были отчислены 12 человек, так как «они учились уже несколько лет в немецком классе гимназии, но понеже они: 1) ничему не научились, хотя всякое возможное старание при них употреблено; 2) они уже стары для того, что некоторым из них больше 20 лет...».[27] В сентябре 1748 г. в Гимназии было 57 учеников, среди них — несколько человек, «взятых на пробу». Такая категория учащихся в уставных документах школы не упоминалась вовсе. Видимо, она появилась в результате поисков новых путей пополнения контингента. Однако, борясь за количественные показатели, Гимназия не снижала требований к качеству: из четырех «пробных» учеников двое по представлению ректора отчислены, так как «в учении малый успех показывают». По той же причине И. Э. Фишер просил Академическую канцелярию «из гимназии выключить и определить ... при Академии художеств» еще одного школьника.[28] Вряд ли такое было возможно при отсутствии учеников.

Гимназия «прирастала». В 1753 г. учеников в ней было: «53 — на жалованье, 9 — на пробе, вольных — 82».[29] В 1756 г. в «Реестре учеников "верхнего" латинского класса» состояло 27 гимназистов, из них 18 человек учились одиннадцатый и двенадцатый год, остальные — девятый и десятый.[30]

Число гимназистов увеличивалось, прием осуществлялся в течение всего года, а поступившие ученики имели разный уровень подготовки: «достаточное» знание латыни могло сочетаться с полным отсутствием представления о геометрии, естественной истории... Понятно, что это сильно затрудняло организацию учебного процесса, который на практике осуществлялся двумя путями: часть гимназистов училась по утвержденной программе, двигаясь от пятого класса к первому (счет классов был обратным), а часть (прежде всего, видимо, прибывшие из духовных семинарий) посещала некоторые уроки нижнего класса, а некоторые — верхнего класса. Возможность подобной практики предусматривалась «каталогами лекций» (расписанием), составляющимися на каждый семестр.

Понятно, что при такой постановке дела результаты экзаменов, проводившихся не по всем предметам, не могли дать полного представления об успехах школьников. Поэтому систематически администрация Гимназии представляла в Академическую канцелярию списки учеников с общей оценкой их успеваемости. Примером может служить документ, составленный инспектором Гимназии Г. В. Крафтом. датированный 3 февраля 1743 г. В нем названы 69 фамилий школьников, о каждом приведены сведения такого типа:

«А. Горожанинов — записался в гимназию в 1740 г., сначала обучался читать и писать по-русски, по-немецки и по-латыни, что, окончив, обучался в главном классе немецким и русским переводам, в которых он нарочито искусен, также обучался истории, географии и арифметике, и последнюю окончил».

«А. Штаденгаген — записался в гимназию в 1736 г., сначала обучался в последнем классе по-латински, а ныне находится в главном классе, где делает латинские и немецкие переводы и притом обучается геометрии, географии, по-французски и танцевать».[31]

В 1754 г. ректор Гимназии С. П. Крашенинников и инспектор К. Ф. Модерах составили характеристики на 61 ученика. Они выглядели так:

---

[27] Материалы... Т. II. С. 338–339.
[28] Там же. Т. IX. С. 277-278.
[29] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 51. Л. 2.
[30] Там же. № 74. Л. 1–2.
[31] Там же. № 14.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«1. Филипп Федоров, 18 лет. В гимназии с 1748 г. май 22. Обучается в латинском, верхнем немецком и геометрическом классах. Посредственного понятия и слаб здоровьем».

«3. Василий Матвеев, 15 лет. В гимназии с 1750 г. октябрь 25. Годовое жалование 30 руб. Учится в верхнем латинском, верхнем немецком и геометрическом классах. Преизрядного понятия и честных поступков».[32]

Эти документы — показатель неформального индивидуального подхода к школьникам, который, вероятно, и помогал преодолевать трудности, происходившие из-за разноуровневой подготовки учащихся.

Кстати, в последнем документе характеристика дана не только гимназистам, но и их преподавателям. О них сообщались сведения такого типа: «Цезарь Герасимов — учитель верхнего латинского класса. У него учеников в классе жалованных — 26, на своем коште — 7. Принят на службу с 1 июля 1753. Годовое жалованье — 200 рублей. Обучает с изрядной пользою и ведет себя честно».

Э. Миллер, работавший в Гимназии с 1731 г., имел 28 учеников и годовое жалование — 300 рублей, обучал «хорошо, но за слабостью здоровья не всегда ходил в классы».

В нижнем немецком классе преподавал студент Яков Козельский, имевший скромную оплату в «24 руб. сверх студентского жалования», хотя и обучал «с величайшей пользою».[33]

Интересно отметить, что всего в списке 19 учителей, из них 10 — «природные россияне».

Факты свидетельствуют, что медленно, ценой частичного отступления от задуманного, достигалось главное: Гимназия наполнялась учениками, которые «ум свой к учениям простирают и оным себя посвящают», а в преподавательском штате половину мест стали занимать «доморощенные» учителя. Не столь плачевным, как это часто представляется, было и финансовое положение Академии, а значит, и Гимназии. Назначенная еще Петром I сумма в 24 912 рублей[34] дополнялась прибылью от коммерческой деятельности.

Только петербургская академическая книжная лавка (была и московская) с 1729 по 1734 г. дала 22 854 рублей[35] за счет сбыта изданий собственной типографии. В затруднительных случаях императорская Академия обращалась, естественно, в Зимний дворец. Просьба далеко не всегда игнорировалась. Например, в сентябре 1733 г. по указу Е. И. В. было выдано дополнительно к годовой сумме 30 000,[36] а в сентябре 1740 г. — 29 935 рублей.[37] С ростом академической суммы увеличивались и расходы на Гимназию. В 1734 г. 9 учителей получили жалование на общую сумму 1 888 рублей,[38] в 1739 г. на такое же число штатных единиц было выдано 2 317 рублей,[39] по Регламенту 1747 г. расходы на Гимназию определялись в 2 800 рублей (из них 600 — на содержание 20 учеников),[40] а в 1760 г. согласно отчету о доходах и расходах Академии на Гимназию было израсходовано 6 148 рублей (для сравнения: на Университет — 9 100 рублей).[41]

---

[32] Там же. № 57. Л. 4.
[33] Там же. Л. 1–2.
[34] Материалы... Т. I. С. 30.
[35] Там же. Т. II. С. 499.
[36] Там же. С. 383.
[37] Там же. Т. IV. С. 295.
[38] Там же. Т. II. С. 500.
[39] Там же. Т. IV. С. 256.
[40] Уставы... С. 58.
[41] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 563-564.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Все вышеизложенные факты позволяют сделать вывод, что в структуре Академии младшее учебное заведение не было брошено на произвол судьбы, о нем заботились, его опекали. Доктор медицины Кратценштейн хлопотал (и успешно) о бесплатном снабжении больных учеников лекарствами.[42] Длительная бюрократическая переписка по поводу освобождения гимназистов от уплаты «мостовых» денег закончилась тем, что в сентябре 1750 г. Академическая канцелярия извещала, «что для перевоза учеников за малую и большую Неву куплено 2 щербота и чтоб для учеников назначить часы, когда собираться к пристани, и кто опоздал, тот за свои деньги перевозиться».[43]

Наконец, известно, что в Гимназии учились дети графа Скавронского, брата императрицы Екатерины I, сыновья многих сотрудников Академии — Фишера, Шванвица, Гзеля, сюда привез своего племянника М. Ломоносов. Все это свидетельствует о вполне успешной работе Гимназии уже во время ее становления.

Достижения были налицо, но недостатков, пожалуй, сохранялось больше. Их преодоление стало целью тех реформ учебной части Академии, которые с полным основанием называют ломоносовской перестройкой.

Имя адъюнкта Михаила Васильевича Ломоносова впервые появилось в «Каталоге академических лекций» в 1742 г. Его влияние на деятельность Университета и Гимназии стало особенно заметным в 50-е годы, но противостояние чиновников от Академии мешало осуществлению задуманных преобразований. Яростная полемика Ломоносова с Шумахером довольно хорошо освещена в литературе.[44] Накал страстей был велик, поэтому нельзя абсолютизировать эмоциональные высказывания, допускавшиеся в пылу спора обеими сторонами. К сожалению, именно это делают некоторые исследователи, считая, что ссылка на самого Ломоносова не должна вызывать сомнений. Добиваясь полной свободы для проведения своих реформ, доказывая их срочность и необходимость, Ломоносов действительно заявлял, что дела Гимназии находятся в «весьма худом состоянии», что «в гимназии каково расположение было, из того видно, что ни един школьник в студенты из ней не выпущен...».[45] Безусловно, эти заявления делались из соображений риторических, для большей убедительности. Категоричность суждений была в этот момент необходима Михаилу Васильевичу. Возможно, именно она заставила президента Академии К. Г. Разумовского принять сторону Ломоносова и передать в его единоличное ведение Университет и Гимназию — «два департамента суть наинужнейшие к приращению наук в отечестве», как определил их сам Ломоносов.

Его первым нововведением в Гимназии стало учреждение «российских классов», в которых были организованы циклы занятий по изучению русского языка и русской истории. Ломоносов стремился к тому, чтобы все предметы, кроме иностранных языков, преподавались по-русски и только философия — по-латыни. В отсутствии «русскоязычного» обучения Ломоносов видел косвенное сословное ограничение для многих потенциальных гимназистов, против чего резко возражал. Известно, что попытки «одворянивания» академической школы делались неоднократно. Еще при ее открытии «для юношей благородных, в академическом доме живущих», был назначен надзиратель И.-К. Геринг, наблюдавший, чтобы «те, которые в знатнейшем на сем государстве достоинстве рождены, не токмо разным наукам обучались,

[42] Материалы... Т. IX. С. 653–654.

[43] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 37. Л. 8.

[44] См., напр.: Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 49 след.

[45] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 38–39.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

но ко всякой учтивости и к приятному обхождению с людьми привыкали».[46] В декабре 1734 г. «4 русских ребят в академию прислано», в приеме им было отказано на том основании, что Гимназия «токмо для благородных и других знатных людей детей учреждена».[47]

В ответ на предложение Фишера прекратить допуск к академическому обучению представителей «подлейшего» сословия, Ломоносов писал: «...удивления достойно, что не впал в ум господину Фишеру, как знающему латынь, Гораций и другие ученые знатные люди в Риме, которые были выпущены на волю из рабства, когда он толь презренно уволенных помещичьих людей от Гимназии отвергает, не вспомнил того, что они в Риме не токмо в школах с молодыми дворянами, но и с их отцами за одним столом сидели...».[48] Защищая право каждого желающего на образование, Ломоносов ссылается на примеры других европейских государств, где «ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете студент тот почтенней, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды».[49] Академическая гимназия так и осталась всесословной. Преобладали в ней разночинцы и солдатские дети, но вместе с ними учились дети дворян различных состояний, в основном проживавших в Петербурге и недалеко от него.[50]

«Российские классы» стали любимым детищем Ломоносова. По его просьбе здесь преподавали адъюнкты С. Разумовский и М. Софронов, наиболее способные студенты Университета Д. Макеев и Д. Легкий. Заботился Ломоносов и о латинских классах, готовивших гимназистов к университетским лекциям, которые читались по-латыни. Здесь стали работать адъюнкты Н. Н. Матонис и Г. В. Козицкий, «имена которых, — замечает Е. С. Кулябко, — могли бы украсить историю всякого учебного заведения».[51]

Реформа Гимназии сопровождалась жесткими дисциплинарными мерами. В 1763 г. за недостойное поведение были уволены три учителя, хотя их педагогическая деятельность оценивалась высоко. Более того, Ломоносов учредил должность надзирателя — «педеля», который должен был наблюдать за приходом и уходом учителей и докладывать о нарушениях в еженедельных рапортах. Все учителя получили инструкцию, которая предписывала «во время опасного перехода при вскрытии реки и когда лед становится, пребывать на Васильевском острове», потому что «сие от них в отговорку принято не будет, когда за таким от них отлучением классы праздны останутся».[52]

Ломоносов запретил преподавателям выбирать учебные руководства по своему усмотрению и категорически требовал использовать только те пособия, которые порекомендует канцелярия (т. е. сам Ломоносов). Против этого пытался возражать профессор И. А. Браун, который считал, что «надлежит оставить нечто и на смотрение и благоразумие учащего... ибо при образце учения не можно дать столь строгих предписаний, чтобы по усмотрению обстоятельств нельзя было чего отменить».[53]

Возражений Ломоносов не принимал, сохранив жесткий контроль за учителями и, конечно, за гимназистами, надзор за которыми вменялся в обязан-

[46] Материалы... Т. I. С. 171.

[47] Там же. Т. II. С. 530–531.

[48] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 544.

[49] Там же. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 55.

[50] Владимирский-Буданов М. В. Первая гимназия в России // Педагогический музей. № 2. С. 93.

[51] Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов... С. 101.

[52] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 465.

[53] Билярский С. П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 411–412.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ность и преподавателям, и «педелю». Основным контрольным мероприятием для школьников были экзамены. С особым пристрастием экзаменовали старшеклассников, чтобы выяснить, «кто из гимназистов может перейти к более глубоким занятиям и кто из них может быть допущен к слушанию лекций профессоров».[54]

Еще одним новшеством в жизни Гимназии стал перевод «казеннокоштных» учеников с денежного довольствия на натуральное и создание для них академического общежития. Убеждая своих коллег в необходимости этих перемен, Ломоносов подготовил речь, где утверждал, что подобные нововведения «есть прекрасная надежда получить в Академической гимназии избраннейших и алчущих учения юношей, обучая которых, вы можете с лучшей стороны показать отечеству свое рвение. Ведь до этого учащиеся, рассеянные по обширнейшему городу, тратили большую часть времени на долгий путь или на служение своим родителям, совращались дурными примерами в порочную жизнь, мерзли голодные, в рваной одежде и были чужды всякой любви к учению, а теперь соединенные в общежитии, прилично одетые, имея достаточное питание, они могут употреблять и употребляют все свое время на занятия. Вынесите постановление об этом полезном для отечества деле и о той славе и благодарности, которые вы получите от распространения наук в нашем государстве».[55] Ломоносов просил выделить 1 800 рублей на устройство общежития и на содержание 60 «казеннокоштных» гимназистов, из расчета по 30 рублей на каждого. Ему возражали. Выразил, в частности, сомнения в необходимости такого количества «жалованных» учеников Фишер, услышавший в ответ следующую гневную отповедь Ломоносова: «Шестьдесят гимназистов почитает за излишнюю казне тягость, а паче всего спрашивает, куда их девать. Его ли о том попечение?... Его ли дело располагать академической суммою? И ему ли спрашивать, куда девать студентов и гимназистов? О том есть, кому и без него иметь попечение. Мы знаем и без него, куда в других государствах таких людей употребляют, и также куда их в России употребить можно».[56]

Ломоносов получил 2/3 запрашиваемой суммы, т. е. 1 200 рублей, но задуманное осуществил. В 1761 г., получив от студентов и гимназистов жалобы, «что им приготовляется пища всегда одинакая», Ломоносов распорядился «приготовлять ествы разные... по приложенному при сем расписанию попременно...». Далее следовал составленный самим Ломоносовым перечень блюд, где преобладали рыбные продукты и овощи. Например, рекомендовалось «рыбы варить и жарить»: осетрину, белугу, лосося; каши готовить: гречневую, просовую, овсяную; пироги печь: с капустою, с груздями, с гречневой кашей и снетками: давать овощи: огурцы, редьку, свеклу...[57] Полный перечень включал 19 наименований, что позволяло составлять довольно разнообразное ежедневное меню.

Значительную часть своих сил и времени Михаил Васильевич, безусловно, отдал Академической гимназии, так как считал, что без нее «университет как пашня без семян». «Порученные мне единственно департаменты — университет и гимназия, не взирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке», — писал Ломоносов. В 1765 г. его не стало. Многое из задуманного осталось не реализовано. Не состоялась долгожданная инаугурация Университета. Не осуществился и архитектурный проект

[54] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. С. 111.

[55] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 551–552.

[56] Там же. С. 544.

[57] Там же. С. 573.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

строительства комплекса зданий, который объединил бы все отделы Академии в одном месте — на стрелке Васильевского острова. Наиболее остро «жилищная» проблема стояла перед учебными «департаментами» Академии. С 1747 г. (после пожара в Кунсткамере) Университет и Гимназия в весьма стесненных условиях располагались в доме баронов Строгановых, а в 1756 г. они были переведены в арендованный дом на углу 15-й линии и набережной большой Невы. Здание принадлежало подворью Троице-Сергиевой лавры. Оно было достаточно просторным, но крайне ветхим. Инспектор Гимназии академик С. К. Котельников в 1764 г. сообщал в Канцелярию: «Починка зачиналась очень поздно и никогда не приходила к окончанию, отчего дом беспрестанно приходил в большое разрушение и живущие в нем претерпевали зимой от холода нужду... Учители в зимнее время дают в классах лекции, одевшиеся в шубу, разминаясь вдоль и поперек по классу, и ученики, не снабженные теплым платьем и не имея свободы встать со своих мест, дрогнут, отчего делается по всему телу обструкция и потом рождаются короста и скорбут, которых ради болезни принуждены оставить хождение в класс».[58]

Ценой огромных усилий Ломоносов добился покупки для Академии дома баронов Строгановых. Переговоры по этому поводу шли почти 9 лет, в мае 1764 г. была подписана купчая, а переезд учащихся состоялся лишь осенью 1765 г., когда Ломоносова уже не было. Приобретенное его стараниями здание оставалось гимназическим домом почти 30 лет. В 1793 г. специально для академической школы было построено здание на 7-й линии. Из названных строений до сегодняшних дней сохранилось лишь одно — Кунсткамера. Оно — символ многих российских начинаний, и, думается, будет справедливо, если установленная на его фасаде мемориальная доска, увековечив память о «триединой» Академии, станет напоминанием о неразрывности науки и образования, их взаимной необходимости друг другу.

После смерти Ломоносова учебная часть Академии подверглась новым преобразованиям, которые привели к слиянию Университета и Гимназии. Именно этим и объясняется редкое упоминание (но не полное отсутствие) в документах того времени самого слова «университет» и появление нового понятия — «Училище при Академии». Именно так нередко стали называть объединенные учебные «депортаменты» Академии, причем вовсе не исчезло и привычное наименование — Академическая Гимназия. Некоторая путаница в названиях учебных заведений, а соответственно и их питомцев, именуемых то студентами, то гимназистами, вполне объяснима. Обратимся к суждениям такого авторитетного знатока истории просвещения, как М. И. Сухомлинов. Так, он писал: «В XVIII столетии не было резкой грани между названиями студент и гимназист; нередко одни и те же лица в один и тот же период времени слушали лекции в университете и учились некоторым предметам в гимназии или в народном училище. Гимназии считались то низшими, то средними, то высшими учебными заведениями, в последнем случае однозначными с университетом». Конкретизируя эту мысль, Сухомлинов привел следующие извлечения из материалов екатерининской Комиссии для учреждения училищ: «Всякий может записаться в студенты. Каково бы звания и лет он ни был... На первый случай испытание не должно быть строго, ибо российское юношество не имеет способов надлежащим образом приобретать школьные знания: недостающее можно пополнить или приватными уроками или в главном народном училище, находящемся в том же городе, где и университет».[59] Таким образом, нечеткость названий происходила из тех жизненных обстоя-

[58] Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. С. 651.
[59] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 3. С. 304, 306.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тельств, которые зачастую диктовали учащейся молодежи пребывание сразу в двух состояниях — гимназиста и студента.

Считается, что реформу, объединившую академические учебные заведения, осуществил в 1770 г. инспектор Гимназии Г. Бакмейстер. Он ввел для лучших учеников старших классов преподавание университетских курсов на латинском и немецком языках.[60] Следует отметить, что предпосылки к такой реорганизации были заложены, во-первых, уставными документами Академии, утверждавшими «триединость», близость всех академических подразделений, во-вторых, текущими распоряжениями администрации, адресованными, как правило, и Гимназии, и Университету, и, наконец, теми обстоятельствами, что оба учебных заведения располагались в общем здании, а работали в них одни и те же люди.

«Доучивание» студентов по отдельным предметам гимназической программы, участие гимназистов в слушании публичных лекций по университетским курсам, совместное участие в научных экспедициях — все это практиковалось с момента основания Академии и готовило почву для реформы 1770 г.

Интересно, что апробация подобного совместного гимназическо-университетского обучения прошла еще при Ломоносове. По его инициативе из самых способных учеников Гимназии был создан так называемый директорский класс, где преподавался «заключительный курс, близкий по методу изложения к университетскому».[61] Видимо, по этому поводу Ломоносов предложил профессорам Академии создать краткое и ясное изложение своей науки, так как «при выпуске гимназистов из Гимназии надлежит иметь краткое понятие о всех науках, которым в Академии обучают, дабы они могли избрать всяк по своей склонности — в которой употребить главное свое упражнение». Неизвестно, сколько коллег Ломоносова откликнулись на его предложение. Но сохранившийся сокращенный курс философии профессора Брауна подтверждает, что таковые были.[62] Во всяком случае, успехи Ломоносова в подготовке гимназистов к университетскому образованию были хорошо известны и давали Бакмейстеру надежду на успех его реформы, близкой к ломоносовской.

Действительно, реорганизация проходила удачно. Если в 1770 г. в особом, можно сказать, «самом верхнем» классе Гимназии занятия вели академики Вольф, Гернет и Лексель, то с 1771 г. к ним присоединились Лаксман и Крафт, что свидетельствует об увеличении числа университетских курсов в программе. С 1773 г. учеников этого класса стали именовать «элевами». Они имели особый статус, отличный от младших гимназистов. Символом этого отличия стало разрешение носить шпаги, которое давалось только студентам Университета. Д. А. Толстой привел такую запись из протокола академической комиссии от 23 октября 1773 г.: «...старшего гимназиста Михайла Головина, поелику уже из общества гимназистов вышел, переименовать элевом и впредь писаться ему сим званием...».[63] Добавим, что, по свидетельству П. Пекарского, коллегам М. Головина по высшему классу были Фридрих Рихман, Александр Хвостов, Кузьма Флоринский, Федор Синский.[64] Эти имена «уже вышедших из гимназического общества» элевов — доказательство продолжающейся деятельности «закрывшегося» Университета.

---

[60] Толстой Д. А. Академическая гимназия... С. 69.

[61] Владимирский-Буданов М. В. Первая гимназия в России //Педагогический музей. № 2. С. 111.

[62] Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. С. 412.

[63] Толстой Д. А. Академическая гимназия... С. 71, 73.

[64] Пекарский П. История... С. 715.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Занимаясь поисками следов коллективных форм университетского образования, следует помнить, что для XVIII в. более характерным было индивидуальное обучение студентов, причем не только в Петербурге. По уставу Парижской Академии наук времен Людовика XVI «каждый из действительных членов должен был принять под свое руководство академического питомца (élève) и приготовить его к дальнейшей ученой деятельности».[65] Безусловно, индивидуальные образовательные программы широко практиковались и в Петербургской Академии. Так, особую группу универсантов послеломоносовского периода составили те, кто получил основы высшего образования в научных экспедициях. Подобная форма обучения использовалась в Академии и раньше. Примером тому может служить широко известная вторая Камчатская экспедиция, в которую наряду с учеными Гмелиным, Миллером, Делилем были направлены пятеро студентов. Один из них, С. П. Крашенинников, позже признавался, что профессор Гмелин «давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал».[66] Таким образом, с самого начала совместное пребывание в экспедициях академиков и студентов мыслилось и осуществлялось как комплексное практическое и теоретическое обучение.

В 1768 г. для исследования Оренбургской и Астраханской губерний было отправлено пять академических экспедиций, состоявших из руководителя и студентов. Так, с профессором И. П. Фальком уехали студенты И. Бычков, М. Лебедев, С. Кошкарев, с И. Г. Гмелиным — И. Михайлов, А. Соколов, Я. Ключарев, Н. Крашенинников, с академиком П. С. Палласом — В. Зуев, Валантер, Н. Соколов. С И. И. Лепехиным — Т. Мальгин, Н. Озерецковский. Все эти имена приводятся в монографии Марголиса и Тишкина по протоколам Академической конференции,[67] и их подробное перечисление кажется вполне уместным: все они оказываются студентами «несуществующего» Университета. Этот список можно дополнить и другими фамилиями. В рапорте, датированном 25 сентября 1796 г., академик П. Б. Иноходцев писал: «...из прежних студентов все выпущены кроме Глеба Мальгина... Из произведенных в конце прошлого 1795 года студентов... переводить могут Василий Попугаев и Алексей Волков, кои за год до того были уже в первом отделении; а прочие, двое Красовских и Судаков находятся в сем отделении девять только месяцев. И нужно им еще усовершаться как в языках, так и в преподаваемых науках».[68] Шесть имен названы в этом документе. Из него же ясно, что были и другие студенты, которые к сентябрю 1796 г. «все выпущены».

Деятельность Гимназии — Академического училища, конечно, не ограничивалась обучением элевов. Во второй половине XVIII в. в русском обществе все заметнее проявляется стремление к знаниям. Число гимназистов росло, ушли в прошлое полупринудительные наборы учащихся из духовных семинарий. Появилась даже очередь из желающих поступить в Гимназию на казенный кошт. Известный изобретатель И. П. Кулибин дважды (в 1798 и 1800 гг.) обращался в канцелярию Академии с просьбой «сына... Дмитрия принять в Гимназию Академии Наук на первую вакансию, которая от того числа очистится на казенное содержание...». Ходатайство было удовлетворено только через два года, после повторного обращения Кулибина, когда, наконец, появилась вакансия: «находящийся в Гимназии на казенном содер-

[65] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 3. С. 40.

[66] Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. С. 60–61.

[67] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. С. 160, 162.

[68] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1018. Л. 2.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

жании воспитанник Пинин о увольнении его из оной подал в Канцелярию прошение».[69]

Интересен и другой документ, который показывает возросший престиж Гимназии и ее деление на «нижние» классы, где готовили «к должностям низкого состояния», и «верхние» классы, где учащиеся «воспитываются для состояния ученых, художников и т. п. Причем их наставляют в высших науках и содержат лучше: сии последние называются гимназистами или студентами, а первых зовут просто синяками» (ученики «нижних» классов имели форму синего цвета). Эти строки взяты из прошения форстмейстера К. Фейерензена, который в 1801 г. ходатайствовал о переводе своих детей из младшего отделения «синяков» в классы «гимназистов, или студентов». При этом Фейерензен указывал, что ранее «подавал письменное прошение на высочайшее имя Государя императора Павла I о принятии в Академическую Гимназию трех... сыновей и имел то счастье, что они по именному повелению в оную были приняты».[70] Растущая популярность Гимназии — Училища среди петербуржцев была вполне оправданной. Здесь сохранялся и поддерживался тот стиль взаимоотношений между учащимися и преподавателями, который и поныне именуется «академическим». Даже первые самостоятельные начинания питомцев находили уважительный отклик со стороны старших наставников. И. И. Лепехин, активно занимаясь научной деятельностью, ведя общественную работу (так, в течение 15 лет «без всякого особливого воздаяния» он был инспектором Гимназии), писал в 1789 г. своему воспитаннику Василию Поленову по поводу его первого переводческого опыта: «Грамматике учатся для того, чтобы уметь различать времена и падежи. Трудившийся в переводе всегда смешивает времена и вместо настоящего или будущего ставит прошедшее и проч. Всякое переложение с одного языка требует рачительного внимания и точного разбирательства смысла, что трудившийся в сем переводе, может быть, считал за мелочь. Впрочем, начальный труд похвален, и я желаю видеть дальнейшие сего рода произведения».[71]

Забота Лепихина о подрастающей научной смене не была исключением. В фондах Петербурского филиала Архива РАН сохранились рапорты академиков Н. Я. Озерецкого, Я. Д. Захарова и С. К. Котельникова «о лекциях, читанных ими старшим гимназистам Академической гимназии» в 1793 г. Описанное авторами содержание курсов не вызывает сомнений, что они излагали учащимся высшие достижения в своих науках того времени.[72]

В 1804 г. члены Академии дали письменное обязательство «безвозмездно преподавать нижеследующие лекции воспитанникам Академической гимназии, обучающимся ныне в верхнем классе, до полного их образования... к таковым лекциям может быть приглашена и самая публика.

1. Математические. Адъюнкт Висковатов.
2. Физико-математические. Академик Гурьев.
3. Химические. Адъюнкт Волков.
4. Зоологические. Экстраординарный академик Севастьянов.
5. Ботанические. Экстраординарный академик Смеловский.
6. Минералогические. Экстраординарный академик Севастьянов».[73]

Начало XIX в. стало временем бурного обсуждения дальнейшей судьбы Академии и прежде всего ее учебных «департаментов». Действительно, ситуация в стране изменилась, возникла сеть малых и главных народных

[69] Там же. № 730. Л. 1.
[70] Там же. № 773. Л. 2–2об.
[71] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 2. С. 471.
[72] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 488. Л. 1–6.
[73] Там же. № 489. Л. 29.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

училищ, т. е. система массового образования. Огромную роль в этом сыграла петербургская академическая «триада», которая, как и было задумано ее учредителями, на протяжении XVIII столетия способствовала «расположению наук в народе», играла роль «рассадника» просвещения. Сотрудники Академии и ее выпускники перевели на русский язык лучшие учебные пособия того времени — Эйлера, Крафта, Кестнера, Бюффона. Благодаря трудам В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, В. П. Светова, А. А. Барсова «наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского языка, но и истории русской образованности вообще». Огромное значение имела деятельность «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», фактическим главой которого был Г. В. Козицкий. Под его руководством было переведено 112 книг, среди них труды Вольтера, Мабли, Монтескье, Руссо, множество статей из французской Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Сам выпускник Академии, Козицкий привлек к работе и других ее питомцев — Я. П. Козельского, В. П. Светова, А. Я. Поленова.

В 1755 г. «открывать» Московский университет Ломоносов отправил своих учеников Н. Н. Поповского, А. А. Барсова, Ф. Я. Яремского. В следующем году к ним присоединился А. А. Константинов. Попечителем нового университета был назначен выпускник Петербургской Академии В. Е. Адодуров.

Н. Н. Поповский стал первым профессором Московского университета и «притом одним из его лучших и даровитых профессоров. Фактически он открывал Московский университет чтением "философических лекций" в июле 1755 г.». Вопреки общепринятой традиции Поповский читал курс на общедоступном русском языке, а вступительную лекцию начал словами: «Нет такой мысли, кою бы на российском языке изъяснить было невозможно!». Поповский занимал должность ректора университетской гимназии в Москве, вел большую преподавательскую работу с гимназистами и студентами, возглавлял кафедру красноречия на философском факультете. После его смерти в 1761 г. эту же кафедру получил А. А. Барсов. Он был инициатором и руководителем «Вольного российского собрания», бессменным ректором университетской газеты «Московские ведомости». Яремский и Константинов стали учителями университетской гимназии, преподавали такие важнейшие дисциплины, как русская грамматика, латинская и русская риторика.[74] Другими словами, учебный опыт Петербургской Академии ее выпускники с успехом использовали при устройстве и первых шагах Московского университета.

М. Е. Головин и В. Ф. Зуев были приглашены к работам Комиссии по народным училищам в 1783 г., стали преподавателями Главного народного училища, а затем — Учительской семинарии. Таким образом, питомцы Академии являлись активными участниками тех реформ, которые, отвечая требованиям времени, привели к реорганизации и самой академической структуры. 6 мая 1805 г. специальным постановлением Министерства народного просвещения «пятьдесят воспитанников, ныне на иждивении Академии наук находящихся в Академической гимназии», были переведены в Санкт-Петербургскую гимназию. При этом оговаривалось, что «Академия наук приемлет на себя обязанность из собственных своих доходов производить сумму, потребную для содержания сего числа воспитанников». По 250 рублей в год на каждого гимназиста (12 000 рублей всего) предписывалось «заимствовать из суммы, на Санкт-Петербургский университет положенной».

Из очередного постановления Министерства народного просвещения видно, что «класс воспитанников Академии наук при Санкт-Петербургской гимна-

[74] Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 45–46, 52, 103.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

зии» существовал еще в 1818 г., причем с 1810 г. «сумма на содержание воспитанников увеличилась на 3 000 рублей», т. е. составила 15 000 рублей, а позже, «по увеличившейся дороговизне» на эти же деньги стали содержать не пятьдесят, а сорок воспитанников. Постановление заканчивалось словами: «Всем воспитанникам академическим, находящимся ныне налицо в Гимназии, окончить в оной свой курс учения, но по мере их выхода мест их не замещать новыми...».[75] Очевидно, что академические питомцы и после этого постановления продолжали выходить из стен Санкт-Петербургской гимназии, которая стала обычным средним учебным заведением только с 1822 г. До этого времени аттестаты ее выпускников при чинопроизводстве приравнивались к университетскому диплому. Позже необходимость в этом отпала, так как уже готов был выпустить первых питомцев возобновивший самостоятельную деятельность Санкт-Петербургский университет.

[75] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802–1825. СПб., 1875. С. 412–413, 1081–1082.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ФИЗИКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XIX в.

Университетское образование в С.-Петербурге закладывалось очень не просто. Университет, основанный одновременно с Академией по Петровскому указу 1724 г., к концу царствования Елизаветы пришел в упадок. Его финансирование сократилось после открытия в 1755 г. университета в Москве, а потом практически сошло на нет. Пришедшая в 1762 г. к власти Екатерина II в вопросах образования находилась под сильным влиянием идей французских энциклопедистов. Последние утверждали, что университет является устаревшей формой образования, что нужно не элитарное, а широкое народное образование. Трудно не согласиться, что широкое народное образование в это время было более насущной задачей для России, и если возникало противопоставление высшего и среднего образования, то оно должно было решаться именно в пользу последнего. Вместе с тем высшее образование в рамках образовательных учреждений Петербургской академии не прекращалось.[1]

В 1765–1766 гг. был утвержден генеральный план государственных гимназий. Открылось Главное народное училище, при котором подготовка учителей осуществлялась специальной Комиссией. В 1786 г. Комиссия «отделилась как самостоятельная специальная школа, Учительская семинария, или гимназия, с курсом, параллельным курсу Главного народного училища, но преподаваемым с большей основательностью и притом профессорами и адъюнктами Академии наук. Обозначилось в этой школе и некоторое подобие факультетского деления. Сообразно склонностям учащиеся специализировались на одной из двух групп предметов: 1) на математике, физике и архитектуре; 2) на истории натуральной, политической и географии ...».

«...Потребность подготовить большую партию учителей подхлестнула в 1794 г. Учительскую гимназию... Она дотянула до новой учебной реформы, когда была преобразована 16 апреля 1804 г. в Педагогический Институт, уже прямое ядро будущего Университета».[2] «Сметные штаты на Петербургский университет, одинаковые со штатами Московского, Казанского и Харьковского университета, были Высочайше утверждены еще весной 1803 г.». Педагогический институт постоянно рассматривался Министерством просвещения как зерно «имеющего учредиться в С.-Петербурге Университета... В 1816 г. учебное заведение это переименовалось в Главный Педагогический институт...».[3]

При Александре I в России продолжились реформы образования. В 1802 г. были возобновлены Виленский и Дерптский университеты, в 1803 г. открыты университеты в Казани и Харькове. Среди инициаторов реформ был М. М. Сперанский, для которого реформа образования представляла лишь одно из направлений общественных преобразований. После окончания С.-Петербургской духовной академии в 1791 г. М. М. Сперанский некоторое время

© И. В. Комаров, 2000.

[1] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX века. Л., 1988.

[2] Рождественский С. В. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. Пг., 1919.

[3] Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования. СПб., 1870. С. 3.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

преподавал там физику (вместе с математикой, красноречием, а затем и философией) и опубликовал школьный учебник физики.[4]

Подготовка к открытию университета в С.-Петербурге затянулась, что отчасти было связано с войной 1812 г. Наконец, 8 февраля 1819 г. Александр I утвердил доклад министра просвещения Голицына, по которому Главный Педагогический институт переименовывался в Университет, и 14 февраля 1819 г. состоялось торжественное открытие С.-Петербургского университета (наименование «императорский» он приобрел в 1821 г.).[5] Вторая попытка оказалась успешнее первой, хотя поначалу уровень Университета был более чем скромен. В 1827 г. Е. И. Паррот (о нем — ниже) писал в своем проекте «Mémoire sur les Universités de imperior de la Russie»: «...bien des raisons font presumer, que l'Universite de Petersbourg ne reussira jamais bien» («... существуют веские причины, по которым Петербургский университет никогда не привести в порядок»);[6] впрочем, эти причины Паррот не приводит.

Университет унаследовал факультетское деление Главного Педагогического института на три факультета: философско-юридический, историко-филологический и физико-математический. Располагался Университет в здании 12 коллегий, занимая 4 коллегии (Министерство просвещения отдало свои помещения и выменяло принадлежащие ему другие здания, находящиеся на Васильевском острове, на еще две коллегии).

Чтобы передать отношение к образованию и науке в то время, приведем два мнения, высказанные при обсуждении параграфа 1 Устава Университета, в котором формулировались его цели и задачи. Первое мнение принадлежит влиятельному общественному деятелю и одному из высших иерархов православной церкви Филарету (в миру Дроздову), в то время архиепископу Тверскому. В 1825 г. он отпевал Александра I, позже руководил С.-Петербургской духовной академией, был митрополитом Московским; его имя мы встречаем среди авторов крестьянской реформы 1861 г. В начале 90-х годов XX в. он был причислен к лику святых, и его мощи покоятся в Сергиевом Посаде. Традиционное средневековое деление университетов на 4 факультета, по мнению Филарета, «образует достойных граждан — богослова, философа, правоведца и врача». «...Но какой класс общеполезных граждан образует факультет физико-математический?» — спрашивает Филарет и разъясняет: «... одно из важнейших в нынешние времена приложений математики есть приложение ее к наукам военным, но военные науки не преподаются в Университете. Физика, химия, технология, натуральная история, рассматриваемые в достоинстве наук, принадлежат к области философии, а в приложении к искусствам составляют область, заграничную для Университета, который есть царство наук, а не художеств».[7] Это не было специально отрицательным отношением к математике и естественным наукам — аналогичным образом Филарет обосновывал ненужность в Университете историко-филологического факультета. Подобную же категориальную систему обоснований, базирующуюся на простых надуманных софизмах, можно встретить и в XX в.

Мнение Филарета было учтено в уставе 1835 г., по которому физико-математический факультет переименовывался во второе отделение философского. Аналогичные переименования были и в немецких университетах. Впрочем, еще в проекте М. М. Ломоносова 1761 г. физику предполагалось

[4] Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским. СПб., 1797.

[5] История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки. Л., 1969. С. 37.

[6] Рождественский С. В. Материалы по истории С.-Петербургского университета.

[7] Там же. С. 73–74.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

присоединить к философии. Существенного влияния это не оказало, и прежнее название было восстановлено в 1852 г., хотя еще долго были в Университете люди, рассматривающие физику лишь как иллюстрацию общих философских построений.

Другое мнение о целях Университета принадлежит М. Л. Магницкому — попечителю Казанского учебного округа, которому одно время подчинялся Петербургский университет. Он писал: «В Санкт-Петербургском университете нет особенной надобности пещись об усовершенствовании... наук, потому что здесь есть особенная Академия наук, которая с давних пор для сей цели установлена».[8] Это мнение господствовало в XIX в., и потребовались значительные усилия, чтобы университетская наука, в частности физика, добилась права на существование. Однако и сейчас науку иногда делят не по предмету и целям исследования, а по чиновно-организационному признаку на академическую, вузовскую и отраслевую. В условиях нынешнего кризиса университетской науке по-прежнему приходится доказывать свое право на существование.

На самом малочисленном в начале XIX в. физико-математическом факультете Университета было два отделения, объединявших в разное время 12–13 кафедр. Физика вместе с математикой, механикой и астрономией входили в математическое отделение. Отделение естественных наук включало остальные естественнонаучные кафедры, начиная с химии. Специализация на отделениях отсутствовала: будущий физик должен был изучать математику и астрономию в тех же объемах, что и специалисты по этим предметам.

К началу XIX в. физиков, как и ученых многих других специальностей, в России практически не было, и их приглашали из-за границы. Отбор приглашенных делался достаточно бессистемно, и протекция играла не последнюю роль. Иногда стечение случайных обстоятельств давало хороший результат. Так, организацию университета в Дерпте в 1802 г. поручили домашнему учителю барона Сиверса, выходцу из Вюртембурга Е. И. Парроту, который проявил себя в России как замечательный физик и талантливый администратор.

Но в 1819 г. денег на приглашение иностранных специалистов в Петербург было очень мало. Российских физиков, способных возглавить кафедру, не нашлось; поэтому при открытии Университета кафедра физики оказалась вакантной и ее присоединили к кафедре химии. Первым преподавателем физики был выпускник Петербургского Педагогического института (1814 г.) Николай Прокофьевич Щеглов (1793–1831). Он читал лекции 4 часа в неделю по собственному учебнику («Курс общей физики» 1823 г.) и по учебнику Biot «Precis élementaire de Physique». «Оживление на его лекциях царило неизменное».[9] Физический кабинет при кафедре физики был очень беден. С помощью имевшихся приборов «нельзя было не только производить каких-либо новых исследований, но и повторять многих, давно известных и совершенно необходимых опытов».[10] Просьбы Щеглова о выделении средств «для приведения кабинета в состояние, сколь-нибудь сообразное с назначением высшего учебного заведения», оставались без ответа. Щеглов был очень активным и разносторонним человеком своего времени. Он издал руководства по ботанике, химии и минералогии, по которой он был членом-корреспондентом Академии наук. Щеглов издавал промышленную газету «Северный муравей» (1828–1831). Там он, в частности, пропагандировал строительство железных дорог в России, каналов типа Волго-Донского, рассказывал о новостях технологии. Другим изданием Щеглова был «Указатель важнейших открытий

[8] Там же. С. 93.

[9] Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 70–71.

[10] Там же. С. 81.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

по физике, химии, естественной истории и технологии» (1824–1831), состоявший в основном из сделанных им самим переводов. В этом далеком предке журнала «Успехи физических наук» впервые на русском языке и с минимальной задержкой по отношению к оригиналам были опубликованы новые тогда работы Ампера, Араго, Эрстеда и других физиков по связи электрических явлений с магнитными. В нашу национальную историю Щеглов вошел, кроме того, как «своенравный цензор "Литературной газеты" Дельвига, Пушкина и Сомова».[11] О смерти Щеглова от холеры летом 1831 г. Пушкин писал Вяземскому: «Кстати, о цензуре: Щеглов умер: не нашего полку, чужого».[12] Можно добавить, что столь нелюбимый Пушкиным Ф. Булгарин (несомненно, «чужого полку») также публиковал в своей «Северной пчеле» популярные статьи по физике.[13] Научно-популярные статьи печатались во многих газетах и 40–50 журналах любых политических направлений.[14] Известно, что Пушкин накануне дуэли просил напомнить кн. П. Б. Козловскому о заказанной ему для первого номера «Современника» статьи о теории паровых машин.[15]

Вообще среди физиков XIX в. встречаются близкие отношения с властями. Уже упомянутый Е. И. Паррот был одно время советником Александра I. Сильный толчок университетской карьере Н. П. Щеглова дало то, что в деле Рунича он активно поддержал позицию администрации.[16] Вскоре после окончания разбирательства в 1822 г. он стал экстраординарным профессором, а с 1826 г. возглавил отделившуюся кафедру физики. Н. П. Щеглов получил от Александра I бриллиантовый перстень, денежную поддержку на издание «Указателя...» (2000 рублей) и книгу «Хозяйственная ботаника». Щеглов исполнял множество государственных и общественных поручений; упомянем, в частности, что в 1828 г. он был назначен инспектором студентов Петербургского университета и стал непременным секретарем Вольного экономического общества, а с 1829 г. — почетным членом ученого комитета Морского штаба.[17] Позднее традиция связи университетской физики с царской фамилией была развита: в разное время в царской семье преподавали профессора Э. Х. Ленц (с сентября 1840 г. физика и математика для Великих князей Константина, Александра и Ольги, с 22 апреля 1850 г. физика, химия и механика для Николая Николаевича и Михаила Николаевича[18]) и П. И. Боргман (в 1883–1901 гг. преподавал физику, в частности, будущему Николаю II).[19]

В 1835 г. был введен новый университетский устав. Для физики это означало повышение научного уровня и большую математизацию преподавания. Кафедра физики была преобразована в кафедру физики и физической географии (так предлагалось еще в 1819 г.; физическая география была присоединена к физике в 1820 г.[20]).

---

[11] Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 506.

[12] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1938. Письма № 308, 364, 432.

[13] См., напр.: Булгарин Ф. Новые успехи на поприще электромагнетических опытов и радостные надежды на будущее // Северная пчела. 1839. 26 сент.

[14] Френкель В. Я. Петр Борисович Козловский. Л., 1978. С. 58.

[15] Там же. С. 92–106.

[16] Рождественский С. В. Материалы по истории...

[17] Русский биографический словарь. Т. 24. СПб., 1912. С. 21–22.

[18] Лежнева О. А. Из истории открытия электромагнетизма и электромагнитной индукции // Тр. ИИЕ. 1959. Т. 22. С. 132–148.

[19] Малахов А. С. История кафедры физики Петербургского университета во второй половине XIX века: Автореф. канд. дис. Л., 1954. Прилож. С. 62, 67.

[20] Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 113. — Применение физических методов к исследованию Земли было одной из важнейших тематик работы кафедры физики на протяжении всего XIX в. В этом направлении

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С 31 декабря 1835 г. кафедру возглавил Э. Х. Ленц, 33-летний ординарный академик Петербургской Академии наук. Ученик Е. И. Паррота Э. Х. Ленц к этому времени был уже ученым с европейским именем благодаря своим работам в области электомагнетизма. Нынче каждый школьник знает закон Джоуля—Ленца и правило электромагнитной индукции. В юности Ленц совершил трехлетнее кругосветное путешествие на шлюпе «Предприятие». Ему удалось выполнить обширные исследования распределения солености и температуры морской воды на разных глубинах, содержания кислорода в воздухе, магнитные измерения и др. Показателем его высокой профессиональной культуры была обработка экспериментальных данных по методу наименьших квадратов. Позже, будучи адъюнктом академии, Ленц участвовал в Кавказской экспедиции для выполнения магнитных и гравиметрических измерений (обрабатывать результаты этой экспедиции по методу наименьших квадратов у него уже не было времени). Ленц одним из первых поднимался на Эльбрус, не дойдя до вершины всего несколько сотен метров. Приняв университетскую кафедру как место для преподавания (не научной работы), Ленц по-прежнему вел научные исследования в Академии. В этот период наиболее известны его совместные работы с Б. С. Якоби по применению достижений электромагнетизма в технике и особенно в военно-морском деле. Ленц предпринял значительные усилия для укрепления физического кабинета лабораторными приборами. «К концу 1861 г. общее число физических приборов и машин в Кабинете простиралось до 469, ценностию, приблизительно, почти на 19 000 р. сер.».[21] Тем не менее для проведения лекционных демонстраций в Университете Ленцу приходилось брать приборы из физического кабинета Академии — благо, здания находились на Университетской набережной по соседству, в домах № 5 и № 7. Университетские приборы не всегда годились даже для лекционных демонстраций, не говоря уже о научном эксперименте. Кроме лекций по физике, Ленц читал также курс физической географии. В конце жизни Ленц заинтересовался вопросами оптики газового разряда. Он пользовался большим авторитетом, отличался уравновешенным характером, избирался деканом физико-математического факультета с 1840 по 1862 г. и был первым выборным ректором С.-Петербургского университета с 1863 по 1865 г.

Общественный интерес к физике был по-прежнему исключительно слаб. Математическое отделение в 1824–1859 гг. заканчивало лишь несколько студентов в год. Итогом преподавательской деятельности Ленца в Университете была подготовка всего 6 (!) физиков. Вообще интерес к наукам, сосредоточенным на математическом отделении физико-математического факультета, по нынешним меркам был более чем скромен: с 1819 до 1917 г. защищено 24 магистерских и 11 докторских диссертаций. Вместе с тем на протяжении всего XIX в. заметен постоянный рост интереса к естественным наукам, в том числе к физике.

Преемником Ленца по кафедре физики был Ф. Ф. Петрушевский,[22] работавший в Университете с 1862 по 1904 г. 23 года он руководил кафедрой и почти 36 лет заведовал физическим кабинетом и физической лабораторией. Научные интересы Петрушевского включали электрические и магнитные явления, оптику и цветоведение, теплоту и термоэлектричество. Он подходил к физике как к сугубо экспериментальной науке и несомненно усту-

---

работали в разное время Н. П. Щеглов, Э. Х. Ленц, А. И. Воейков (1842–1916). Последний преподавал на кафедре физики в 1881–1916 гг. (см.: Малахов А.С. История кафедры физики... Прилож. С. 87).

[21] Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 292.

[22] Малахов А. С. История кафедры физики...

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

пал по профессиональному уровню Ленцу. Петрушевский изучал, например, физическими методами цвета красок и масел, применяемых в живописи, маячное освещение. В частности, он предлагал определять состояние атмосферы по дальности видимости калиброванного источника. В 1873 г. он разработал план исследования поверхности Луны по распределению поляризации света от отдельных частей диска Луны.[23] Современные исследования пошли именно тем путем, на который обратил внимание Петрушевский. Самобытность научных интересов Петрушевского проявилась в его работах «Правильные формы сыпучих тел» и «Измерение неглубоких фарватеров и профилей дна по цвету или тону поверхности». С именем Петрушевского связано открытие в Университете учебной лаборатории по физике — первой в России и одной из первых в Европе.[24] Благодаря новой организации преподавания Университет стал выпускать будущих ученых-физиков, хотя еще в очень малом, но постоянно увеличивающемся количестве: единицы в год. Петрушевский был одним из основателей Русского физико-химического общества (РФХО) при Петербургском университете. 28 декабря 1867 г. I Всероссийский съезд естествоиспытателей рекомендовал создать при всех университетах научные общества.[25] Вслед за Русским химическим обществом, образованным при С.-Петербургском университете 26 октября 1868 г., в мае 1872 г. было организовано физическое общество. Среди восьми его учредителей Ф. Ф. Петрушевский, П. П. Фан-дер-Флит, Р. Э. Ленц представляли Университет, А. В. Гадолин, Д. К. Бобылев — Артиллерийскую академию, К. Д. Краевич — Главный Педагогический институт, Б. С. Якоби и Н. Н. Тыртов — Академию наук. На одном из первых заседаний Физического общества 8 ноября 1872 г. два сообщения сделал Д. И. Менделеев (о результатах поездки в Париж для сличения эталонов и о применимости закона Ньютона для разных тел на близких расстояниях).[26]

Это было добровольное объединение профессионалов: жители Петербурга платили 10 руб. в год, а иногородние 5 руб. в год; внесшие единовременно 100 руб. освобождались от членских взносов.[27] Но физиков было слишком мало (55 членов общества в 1874 г.) для экономической самостоятельности. (В Университете к этому времени было уже три кафедры химического профиля и лишь одна кафедра физики и физической географии.) Объединение химического и физического обществ было зарегистрировано юридически 11 декабря 1877 г. Мотивы объединения были чисто экономические (в частности, малочисленному сообществу физиков крайне трудно было выпускать отдельный журнал). Профессиональная деятельность химического и физического отделений происходили независимо, и президентом Общества поочередно становились председатели отделений.

Общество, просуществовавшее до переезда в Москву в 1931 г. Академии наук СССР вслед за другими правительственными учреждениями, оказало существенное влияние на развитие физической науки в стране. Оно проводило ежемесячные научные заседания, организовывало экспедиции, по особенно успешной была его издательская деятельность. Известный каждому физику «Журнал экспериментальной теоретической физики» (ЖЭТФ) является одним из преемников физической части «Журнала русского физико-

[23] Шкуратов Ю. Г., Мелкумова Л. Я. План физического исследования поверхности Луны 1873 года // Природа. 1984. № 3.

[24] Вопросы по истории физики и ее преподавания. Тамбов, 1961.

[25] Степанский А. Д. История общественных организаций в дореволюционной России. М., 1979.

[26] Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л., 1984. С. 146.

[27] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7697.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

химического общества»(ЖРФХО), издававшегося с 1873 г. (первоначальное название было двойным: «Журнал русского химического общества и журнал русского физического общества»). Первым редактором-физиком был ученик Петрушевского и первый физик-теоретик в Петербургском университете Д. К. Бобылев.[28] Его интересы уже к 1874 г. сместились в область механики, и редактирование физической части ЖРФХО последующую четверть века (с 1875 по 1902 г.) вел И. И. Боргман.

В истории РФХО самым выдающимся событием оказались заседания, на которых выступил выпускник Университета 1883 г. А. С. Попов. 25 апреля 1895 г. он сделал доклад «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям», где рассказал о приборе для обнаружения и регистрирования электрических колебаний,[29] и 12 марта 1896 г. продемонстрировал этот прибор. Петербургская экспериментальная физика получила результат мирового класса.

Приведем несколько чисел, дающих представление о масштабах Общества и темпах его роста. В отделении физики к 1 января 1904 г. было зарегистрировано 113 постоянных и 39 иногородних членов; на 1 января 1917 г. стало уже 170 постоянных и 64 иногородних членов соответственно.

Во второй половине XIX в. в России начинается университетский период, когда научная активность в области естественных наук, ранее сосредоточенная лишь в Академии, перемещается также и в университеты. В самом Университете продолжился заметный рост естественных наук. Если в начале XIX в. физико-математический факультет был самым малочисленным, имея, например, в 1829 г. лишь 15 студентов из 130, то к концу века факультет стал вторым по численности в Университете после юридического факультета. Общее число студентов в Университете на 1 января 1900 г. достигло 3 643,[30] и примерно треть из них обучалась на физико-математическом факультете. Под общей крышей физико-математического факультета оказались очень разнородные области естественнонаучного знания, уже представленные заметным числом специалистов в своих областях, которые часто имели различные административные интересы. Накануне Первой мировой войны из 430 студентов математического отделения физико-математического факультета 245 изучали математику, 61 — астрономию и 124 — физику.[31] Появилась проблема приведения в соответствие с новой реальностью структуры управления естественнонаучными дисциплинами, которая была решена лишь в 20-х годах XX в.

В 1871 г. Ф. Ф. Петрушевский начал долгую борьбу за самостоятельность физиков в остро стоявшем тогда вопросе о сдаче магистерских экзаменов. Сдача магистерских экзаменов для физика, особенно экспериментатора, по общей программе с чистыми математиками превращалась в обременительную обязанность, не помогающую, а затрудняющую его работу в физике. Такие известные петербургские физики, как В. В. Лермантов, А. С. Попов, А. А. Гершун, В. К. Лебединский, В. Ф. Миткевич и др., не имели звания магистра. Попытки изменения структуры физико-математического факультета предпринимались по инициативе Петрушевского в 1873, 1877, 1897 гг. Лишь в 1919/20 учебном году Д. С. Рождественскому удалось на практике административно отделить физиков от математиков. Формально самостоятельный физический факультет существует с 19 сентября 1932 г.

---

[28] Изв. АН. 1917. № 5. С. 301–306.

[29] ЖРФХО. 1895, август.

[30] История Ленинградского университета... С. 44.

[31] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Среди наиболее ярких университетских физиков конца XIX в. особое место занимают О. Д. Хвольсон (1852–1934) и И. И. Боргман (1849–1914). Последний заведовал кафедрой физики Университета с 1889 г., избирался ректором Университета в 1905–1910 гг.

Научные работы Хвольсона были посвящены, в основном, вопросам диффузии излучения и оказались полезными для оптики атмосферы и астрофизики. Сын известного университетского филолога-восточника он начал в 1881 г. работу над русской терминологией в физике, включая как уже применяемые, так и появляющиеся понятия.[32] Главным достижением Хвольсона стало создание известного многотомного «Курса физики». Курс был переведен на европейские языки и пользовался успехом во многих университетах. В 1909 г. А. Эйнштейн называл этот курс «превосходным»,[33] а Э. Ферми учился по нему в Италии в 1920-х годах. Так Россия впервые стала экспортировать научно-педагогическую продукцию по физике.

И. И. Боргман был энтузиастом электромагнитизма. Его многочисленные экспериментальные работы по измерению магнитной восприимчивости жидкостей, прохождению тока через газы, а позднее и радиоактивности не оставили большого следа в истории физики. Но его научно-организационная деятельность была исключительно плодотворна. Уже упоминалось его многолетнее редактирование физической части ЖРФХО. Он был одним из создателей русской школы электротехников. При его активном участии был создан журнал «Электричество», продолжающий выходить и в наше время.

Физики Университета активно поддержали открытие в С.-Петербурге в 1886 г. «Технического училища почтово-телеграфного ведомства», ныне Электротехнического университета. Хвольсон в 1896 г. стал первым профессором училища, а с 1983 г. Боргман начал читать в нем курс по теоретическим основам электротехники.[34]

В конце XIX в. университетским физикам удалось решить вопрос о постройке здания для заметно выросшей лаборатории.[35] Исключительную роль в этом сыграл Боргман. Положительное решение о строительстве было достигнуто с третьей попытки. Осенью 1896 г. оказалось, что в Министерстве народного просвещения есть остаток в 1,5 млн рублей на новые здания университетских лабораторий и можно надеяться на успех, если не позднее трех месяцев представить проект и смету. Проект здания за 250 руб. без объявления конкурса 3 февраля 1897 г. составил архитектор И. Н. Коковцев по эскизам Боргмана, который регулярно посещал европейские физические институты, в основном немецкие. Министерство дало положительный ответ 28 апреля 1897 г., и 1 декабря 1897 г. было получено высочайшее повеление «в 1899–1900 гг. равными частями отпустить 262 тыс. рублей на устройство библиотеки при Новороссийском университете (в г. Одесса) и физического кабинета при С.-Петербургском университете».[36] Закладка здания состоялась в июне 1899 г., а уже в 1900 г. в недостроенном еще здании начались первые студенческие занятия. Строительство велось без подрядчика — его функции выполняла «Высочайше утвержденная строительная комиссия», составленная из ученых физико-математического факультета. Торжественное откры-

[32] Малахов А. С. История кафедры физики... Прилож. С. 80.

[33] Эйнштейн А. Собрание научных работ. М., 1966. Т. 3. С. 181.

[34] 100 лет ЛЭТИ. Л., 1985. С. 18.

[35] Лермантов В. В. Очерк развития физической лаборатории С.-Петербургского университета под руководством профессора Ф. Ф. Петрушевского // Сборник статей по физике, посвящаемый памяти дорогого учителя профессора физического факультета Федора Фомича Петрушевского. СПб., 1904. С. VII—XVI.

[36] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3, Д. 11 112.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тие здания состоялось 9 сентября 1901 г. в 1 час 30 мин пополудни. Это было первое в России здание, специально спроектированное и построенное для Физического института. Хотя первоначально здание предназначалось в основном для студенческой лаборатории, довольно скоро в нем стали выполняться серьезные экспериментальные исследования.[37] Важнейший этап создания основ материальной базы физики в Петербургском университете был завершен.

В заключение представим состав кафедры физики и физической географии Санкт-Петербургского университета соответственно в 60-е, 80-е и 90-е годы XIX в.:

60-е годы:
1 профессор,
1 штатный доцент,
1 механик по найму.
Всего 3 человека.

80-е годы:
4 профессора,
4–6 приват-доцентов,
3–6 штатных и внештатных лаборантов.
Всего 12–17 человек.

90-е годы:
5 профессоров,
1–4 приват-доцентов,
6–8 штатных и внештатных лаборантов.
1 механик.
Всего 12–17 человек.

[37] Рождественский Д.С. Избранные труды. М.; Л., 1964.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Ю. А. ЕНДОЛЬЦЕВ

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ БЫТ — ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Проблема организации быта педагогов и учащихся встает обычно одновременно с началом деятельности того или иного учебного заведения. Без рассмотрения этой стороны существования Университета и его история выглядит недостаточно полной и несколько односторонней. Социальные концепции, существующие в тот или иной период, отражаются как на учебно-научном процессе, так и на организации быта. Однако вниманием исследователей эта сторона жизни Университета заметно обойдена; обращение к ней носит эпизодический, случайный характер. Тем более что если история старых университетских учебных корпусов более или менее изучена, то истории, например, старых университетских общежитий практически никто не касался. Нам представляется это несправедливым. Известно, что исторический центр старого Петербурга, наиболее интересная его часть, занимает лишь 12% всей современной территории города. Васильевостровский комплекс Университета и часть его учебных зданий располагаются именно здесь. Но здесь же находятся и некоторые университетские общежития. Недостаток информации об их прошлом является причиной множества стойких слухов и легенд. Спросите, например, живущих ныне в общежитиях на Мытнинской набережной, проспекте Добролюбова или на 5-й линии Васильевского острова, что в этих зданиях было до революции. Задайте тот же вопрос теперешним дедушкам и бабушкам, жившим здесь в студенческие годы. Многие из них вполне серьезно и уверенно ответят: «Публичный дом». Мне приходилось слышать точно такой же ответ в 50-е годы от тех, кто проживал тогда в общежитии на набережной Мойки, 104 (сейчас там квартиры некоторых университетских сотрудников). Напрашивается вопрос: «Неужели Университет унаследовал для своих общежитий только бывшие публичные дома?».

С другой стороны, общежития — существенная часть прошлой и настоящей университетской действительности, как уже отмечалось. В общежитиях всегда существовала особая сплачивающая атмосфера. Для каждого выпускника, проживавшего хотя бы некоторое время в общежитии, первые воспоминания о студенчестве связаны именно с ним. Студенческая жизнь без проживания в общежитии представляется какой-то неполноценной. А ведь в 60–70-е годы здесь проживало до 50, а то и до 60% всех обучающихся. Как можно историку не учитывать этот пласт университетской жизни?

Итак, попытаемся привлечь внимание к этим «белым пятнам» университетской истории.

Знакомство с исследованиями по истории академического Университета в первой половине XVIII в. помогает нам представить такую картину. В 1726–1733 гг. в нем обучалось 38 студентов, русских и иноземных.[1] Проживали они по частным адресам и порою не имели денег, чтобы переправиться на Васильевский остров и регулярно посещать занятия, которые тоже проводились не в одном месте. О требованиях к поведению студентов во внеучебное время свидетельствует «ордер», составленный в 1748 г. первым ректором — профессором Г. Ф. Миллером. Он гласит: «... вина горячего и прочего подобного в квартире не держать и табаку не курить. В карты и другие игры на деньги отнюдь никогда бы играть не дерзали. Посторонних пришлых муже-

© Ю. А. Ендольцев, 2000.

[1] Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 33.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ска полу ни на одну ночь, а женска полу ни на одну минуту пущать крайне запрещается, а в противном случае таковых брать через солдат и объявлять в канцелярию...».[2] Довольно жесткие требования предъявлялись и к преподавателям. В 60-е годы XVIII в. для «элевов» (студентов Университета) выделяется флигель трехэтажного дома Строгановых на стрелке Васильевского острова (сейчас на этом месте — Музей почвоведения им. В.В. Докучаева). Профессора проживают неподалеку. До наших дней сохранился, правда, в несколько перестроенном виде, дом, где проживал профессор математики Л. Эйлер (ныне — набережная лейтенанта П. Шмидта, дом 15), помеченный в его честь мемориальной доской.

Затем наступает длительная пора реорганизаций. В 1817 г. указом Александра I был создан Благородный пансион при Главном педагогическом институте, затем Университете. Предназначался он для дворянских детей и располагался по 1820 г. в зданиях на Фонтанке за Старо-Калинкиным мостом (ныне — набережная Фонтанки, 164). После окончания Лицея здесь преподавал российскую словесность и жил на одной из квартир В.К. Кюхельбекер. Тогда же здесь учились и жили младший брат А.С. Пушкина Лев и будущий композитор М.И. Глинка, будущие декабристы М.Н. Глебов и С.М. Палицын. В конце 1820 г. Благородный пансион переезжает на Линию за Семеновские казармы — улицу, которая с 1822 г. стала называться Кабинетской. В 1821 г. здесь был приобретен участок земли у купца И. Сыренкова: предполагалось строительство зданий для всего Университета.[3] В 1823 г. сюда же были переведены и учебные факультеты всего возрожденного учебного заведения. В построенный комплекс вошли учебный корпус, церковь «Во имя преображения Господня» и жилые флигели для педагогов и учащихся. Частичную перестройку зданий здесь производил А.Ф. Щедрин, работавший и в зданиях Двенадцати коллегий. Именно здесь в 1834/35 г. читал лекции по всеобщей истории Н.В. Гоголь, в 1834–1837 гг. учился на историко-филологическом факультете И.С. Тургенев (ныне — ул. «Правды», дома 11–17).

Жизнь, как известно, нередко вносит свои коррективы в задуманные планы. В 1830 г. Благородный пансион был преобразован в Первую гимназию для детей всех сословий, откуда после восьми лет учения можно было без экзаменов поступить в Университет. В 1837 г. после реконструкции Университету было передано все здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове. Использование его планировалось следующим образом: в 3-м этаже помещались «камеры казеннокоштных», т.е. живших на казенном иждивении, студентов; во 2-м этаже были аудитории, учебные кабинеты, библиотека и правление Университета; в нижнем этаже — квартиры профессоров и служащих. Количество студентов постепенно возрастало. Часть из них снимали углы или комнаты вблизи учебного заведения. Так в 1839 г. вынужден был поступить Н.А. Некрасов, зачисленный вольнослушателем на историко-филологический факультет. Во время учебы в Университете снимали комнаты Н.Г. Чернышевский — на 2-й линии, Д.И. Писарев — на Большом проспекте, неподалеку — Г.И. Успенский. В начале 1880 г. был объявлен конкурс на строительство большого отдельного общежития для студентов Санкт-Петербургского императорского университета. Место для него было отведено за зданием Историко-филологического института на Университетской набережной в переулке, который получил затем название Филологического. В

[2] Цит. по: Марголис Ю.Д., Тишкип Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988. С. 51.

[3] Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Петербургский университет, 1819–1895 / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1963.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

конкурсе победил проект известного российского архитектора Л. Н. Бенуа. Позднее незначительные коррективы в этот проект внес архитектор Р. А. Гедике. Деньги на строительство дал известный железнодорожный концессионер и благотворитель С. С. Поляков. Л. Н. Бенуа вспоминал: «Фасады я старался воспроизвести под Университет, но, сознаюсь, это не вполне удалось».[4] В сентябре 1880 г. состоялась закладка здания, а через два года сюда уже вселились первые студенты. Называлось здание Коллегией имени императора Александра II, или просто Александровской коллегией. Вначале здесь проживало около 100, а в советские годы более 400 человек. Несколько поколений студентов прошло через это здание. Жил здесь, в частности, и будущий известный арабист академик И. Ю. Крачковский. В 1899 г. на юридический факультет Университета поступил приехавший из Симбирска сын тамошнего директора гимназии А. Ф. Керенский. Вначале он думал снимать комнату на Васильевском острове, но затем изменил решение. Проживание в общежитии давало ему возможность широкого общения со студентами из разных городов России. «Другим достоинством общежития было его местоположение, — вспоминал он. — Здание общежития... стояло в самом начале улицы, ведущей к набережной Невы. Красота набережной не переставала восхищать меня».[5] В подобных высказываниях чувствуется удовлетворение студенческим бытом, хотя с позиций нашего времени он представляется несколько примитивным. Бывшие студенты конца XIX в. Д. А. Засосов и В. И. Пызин писали в своей книге: «В общежитии всегда был кипяток, приходил булочник, по пути с занятий покупали полфунта дешевой колбасы».[6] Общежитие в этом здании размещалось до начала 1970-х годов. В 20-е годы его именовали «Научкой», так как тогда оно считалось привилегированным: селились здесь главным образом научные работники. Затем до 1974 г. его занимал факультет журналистики, а сейчас здесь располагаются некоторые языковые кафедры, административные, финансовые и хозяйственные службы.

Университетская профессура традиционно селится недалеко от места работы. «Ректорский флигель», или «ректорский дом», известен каждому университанту; само название подсказывает, для кого он предназначался. Дом этот в 1837 г. был приобретен для нужд Университета и несколько перестроен архитектором А. Ф. Щедриным к 1840 г. С этого года и на протяжении двадцати последующих лет здесь проживал избранный ректором профессор П. А. Плетнев, друг А. С. Пушкина. Выбрав одну из комнат 1-го этажа для кабинета, Петр Александрович рядом устроил маленькую гостиную — «эрмитаж», затем библиотеку, а с другой стороны — большую гостиную и спальню.[7] С этого времени почти на протяжении последующих ста лет дом становится одним из центров духовной жизни Петербурга. На литературных вечерах П. А. Плетнева бывали: П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, Е. А. Баратынский, бывший директор Лицея в Царском Селе Е. А. Энгельгардт, детская писательница А. О. Ишимова, профессор и цензор А. В. Никитенко, историк, бывший лицеист М. А. Корф, издатель А. В. Краевский, украинский писатель Е. П. Гребенка, будущий автор знаменитого словаря В. И. Даль, поэтесса Е. Ростопчина, автор исторических романов И. И. Лажечников, поэт И. П. Мятлев; позднее Ф. И. Тютчев, художник Ф. И. Иордан, историк Я. И. Грот, географ П. П. Семенов Тян-Шанский, И. С. Тургенев и

[4] Бенуа Л. Н. Записки о моей деятельности // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 7–65.

[5] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 14.

[6] Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991. С. 160.

[7] Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 1. СПб., 1885. С. 357–364.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

многие другие. В 1876 г. ректором Университета и очередным хозяином этого дома стал «отец русской ботаники» А. Н. Бекетов. 16 ноября 1880 г. в одной из боковых комнат верхнего этажа у его дочери Александры Андреевны родился сын, которого назвали Александром, ставший впоследствии знаменитым поэтом. Сейчас о месте рождения Александра Блока напоминает мемориальная доска при входе в здание. Образ «старинного дома над Невой» был запечатлен Блоком в поэме «Возмездие».

По адресно-справочным книгам Петербурга начала века можно легко обнаружить адреса других университетских профессоров. В здании Историко-филологического института на Университетской набережной, 11 проживали профессора Л. П. Карсавин, А. М. Ловягин, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Малеин; а в Главном здании Университета — О. А. Добиаш-Рождественская; в здании Физического института — О. Д. Хвольсон и Д. С. Рождественский; на Тучковой набережной, 12 — С. П. Глазенап, И. М. Гревс, Н. С. Державин. Специфику заселения центральной части Васильевского острова отмечают документы городского Врачебно-полицейского комитета за 1910 г. Например: «Университетская набережная до 5-й линии заселена исключительно ученым и учащимся людом, как-то: академиками, профессорами, студентами, воспитанниками 1-го Кадетского корпуса».[8] Кое-кто из универсантов проживал подальше. На фасаде дома 29 по 16-й линии надпись на мемориальной доске извещает: «В этом доме с 1906 по 1942 год жил выдающийся физиолог академик Алексей Алексеевич Ухтомский». Выпускник физико-математического факультета 1906 г. А. А. Ухтомский (1876–1942) был оставлен на кафедре физиологии человека и животных. С того времени и поселился он в этом доме (в нем в 1903–1906 гг. также располагалось общежитие). В 1917 г. получил звание доцента, в 1922 г. возглавил лабораторию физиологии, реорганизованную затем в Физиологический институт, который ныне носит его имя. Скончался ученый в блокадном Ленинграде.

В 1900 г. рядом с Химической лабораторией во дворе Главного здания был построен угловой кирпичный флигель в три этажа по проекту архитектора В. В. Эвальда. Предназначался он для проживания сотрудников Университета. Еще в середине 70-х годов здесь сохранялись некоторые их квартиры.

Пожалуй, главным центром духовной жизни являлась университетская церковь на третьем этаже Главного здания. В апреле 1836 г. был утвержден план ее строительства, предложенный опять-таки архитектором А. Ф. Щедриным. В июне 1837 г. университетскую домовую церковь «Во имя святых апостолов Петра и Павла» освятили. Здесь профессора и служащие Университета венчались, крестили детей, отпевали своих друзей и коллег. Среди прихожан были профессора Д. И. Менделеев, В. И. Тищенко, А. Н. Бекетов и многие другие. Здесь крестили Александра Блока и Любовь Дмитриевну Менделееву; в феврале 1903 г. в этой же церкви проходил обряд их обручения. Все торжественные даты в жизни Университета и универсантов отмечались также здесь.

Основным местом общения студенчества считался коридор Главного здания. В. Шкловский вспоминал: «Студенты ходили в университетском коридоре, считая, что именно здесь с криком решаются все планы будущего. Бастовали. Спорили. Стояли в очередях. Решали научные вопросы».[9] Подобную оценку содержат мемуары многих универсантов.

Еще одним центром общения была университетская столовая. В 1899 г. у княгини З. Н. Юсуповой Обществом вспомоществования студентам Петер-

[8] Врачебно-полицейский надзор за городской проституцией. СПб., 1910. С. 42.
[9] Шкловский В. Б. Жили-были. М., 1966. С. 91.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

бургского университета был куплен за воротами университетского городка участок земли в основном на деньги историка Миллера. Возводилось здание столовой в 1900–1901 гг. тем же архитектором И. Н. Коковцевым, который строил и Физический институт. Недаром многие детали украшений (барельефы, русты, лепные обрамления окон) обоих зданий идентичны. При отделке главного фасада столовой архитектор использовал детали флорентийского палаццо. К сожалению, фасад сейчас закрыт более поздними невыразительными постройками. В ходе возведения столовой были применены последние для того времени строительные новинки — несгораемые потолки из металлических конструкций, перекрытия и своды из бетона. 2 октября 1902 г. столовая была открыта. Здесь отмечались торжественные даты в жизни Университета и универсантов, нередко проходили тайные заседания революционных студенческих организаций, из-за чего на протяжении 1905–1906 гг. столовая неоднократно закрывалась. С осени 1906 г. она вновь стала действовать. Д. А. Засосов и В. И. Пызин вспоминали: «Обстановка столовой была скромная: длинные столы, покрытые клеенкой, на них большие корзины с черным и серым хлебом, которого можно было есть, сколько угодно... Администрация столовой иногда предлагала бесплатно тарелку щей без мяса».[10] Добавим, что и в начале 1960-х годов столовая тоже нередко выручала студентов бесплатными хлебом и гарнирной капустой. В те годы она была расширена, при обслуживании введена механизация, что позволяло ежедневно принимать более 6 тыс. человек. Цены здесь были традиционно ниже, чем в других городских столовых. Старейшей в России студенческой столовой уже около 100 лет. Сейчас она закрыта на реконструкцию.

Университет активно откликался на все социальные потрясения, происходившие в стране. Актовый зал Главного здания, в частности, являлся свидетелем многих немаловажных исторических событий. Здесь, например, проходили студенческие митинги в 1861 г. в связи с общей напряженной политической ситуацией в стране на рубеже 50–60-х годов. В мае 1861 г. правительство запрещает студенческие сходки, публичные лекции, вводит ряд других ограничений для студентов. Но демонстрации и митинги учащихся продолжаются, что привело к их столкновению с солдатами 12 октября и заточению около 300 человек в Петропавловскую и Кронштадскую крепости, а затем и временному закрытию Университета. Многолюдные студенческие сходки антиправительственной направленности проходили здесь и позднее: в феврале 1881 г., феврале 1899 г., в марте 1901 г., феврале 1903 г., феврале и октябре 1905 г., ноябре 1910 г., феврале 1917 г.[11] Иногда местом митингов становилась площадь перед входом в здание со стороны Университетской (Менделеевской) линии, о чем напоминает одна из мемориальных досок на фасаде Главного здания. Балкон над входом тогда превращался в трибуну, с которой звучали призывы к борьбе за социальную справедливость. И вот 1917 г. принес как будто победу в этой борьбе. Этот год радикально изменил жизнь в стране и, конечно же, в Университете. Универсанты были в правительстве при Николае II, Временном правительстве и Совнаркоме, разных политических партиях, в Красной и Белой армиях, в эмиграции, в подвалах Петроградской ЧК на Гороховой, 2 и в руководстве партии большевиков, пришедшей к власти. Меняются порядки в стране, меняется и университетский быт.

В 1918–1920 гг. из промышленных предприятий Петрограда работали лишь те немногие, которые удовлетворяли военные нужды. Жилищное и комму-

[10] Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. С. 160.

[11] История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1969. С. 153–181.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нальное хозяйство было в запущенном состоянии. Во многих частях города перестали работать водопровод и канализация. Численность населения в городе ежегодно сокращалась как за счет естественной убыли, так и за счет выезда жителей. К концу 1920 г. в Петрограде осталось 730 тыс. жителей, из них уроженцев города около 48% (в начале 1917 г. население города составляло 2,5 млн, в 1897 г. — 1 265 тыс. жителей).[12] На этом фоне в Университете происходит структурная реорганизация, смена его названия и изменение классового состава студентов. Общее число студентов почти не меняется (в 1913 г. — 7 442, в декабре 1919 г. — 7 500).[13] 2 июля 1919 г. В. И. Лениным был подписан известный декрет СНК, которым провозглашался свободный доступ молодежи в любые высшие учебные заведения без предъявления каких-либо документов; плата за обучение и экзамены отменялась. Новые условия приема и обучения привели к тому, что в вузах оказались дети представителей в основном бывших неимущих слоев населения, которые и по общему развитию, и по знаниям отставали от требуемого уровня. С целью помощи им при Едином Петроградском университете, как тогда именовался Университет, 8 декабря 1919 г. открывается Рабочий факультет. Его Василеостровское отделение, куда принимается 220 человек, в основном бывших красноармейцев, располагается в домах 31, 33 и 35 по 10-й линии, где раньше находились Высшие женские курсы. Смольнинское отделение с приемом в 166 человек размещается в бывшем Александровском институте. Таким образом, Университет шагнул за пределы своего компактного учебного городка, стал осваивать новые площади. Остро встала проблема поселения студентов: большинству из них было не по силам снимать комнаты или углы в городе. Единственное университетское общежитие, как уже говорилось, перестало быть студенческим. В 1919 г. для студентов и рабфаковцев городом передается здание на Мытнинской набережной за Биржевым мостом, а в конце 20-х годов — здание на 5-й линии, дом 66. Напрашивается вопрос: «Почему именно эти здания были предоставлены под общежития?» И здесь уместно будет обратиться к их прошлому, которое видится многим в скандально-романтическом ореоле.

В петровское время застройка набережных Городского (Петербургского) и Васильевского островов разрешалась «именитым» людям, т. е. дворянам. Внутренние территории могли застраивать горожане купеческого сословия. Но условие это уже тогда выполнялось с трудом, а в XIX в. и вовсе было забыто. В начале XX в. характерным для городской застройки становится появление «доходных домов», принадлежащих частным владельцам и сдаваемых ими «в наем» имущим людям разных сословий. Естественно, что жилье в центральных районах как более комфортабельное сдается за бо́льшую плату. Интересующие нас дома на проспекте Добролюбова, 6 (имя это проспект получил в 1923 г.) и Мытнинской набережной, 5/2 имеют много общего. Начнем с того, что это не два разных дома, а один. Если идти по Зоологическому переулку к Неве, то справа легко отсчитать три дома. Слева на первый взгляд, тоже три дома, но, внимательнее приглядевшись, замечаешь, что они соединены между собой и числятся даже под одним номером 2 по Зоологическому переулку. Во двор этого длинного здания с переулка можно было еще недавно пройти, минуя старые металлические ворота. В 1913–1917 гг. строительство дома на проспекте Добролюбова (тогда Александровском) вел архитектор И. Зарс, а завершал И. И. Долгинов, видный представитель неоклассицизма в петербургской застройке начала XX в. По его же проекту полностью построено здание на Мытнинской набережной, более впечатля-

[12] Даринский А. В., Старцев В. И. История Санкт-Петербурга. XX век: Учебное пособие. СПб., 1997. С. 79–81.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 25. С. 66.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ющее своим внешним видом. Часть этого общего здания, обращенная на проспект, выглядит скромнее. На уровне 3-го этажа ее украшают только маскароны — изображения мужских бородатых лиц. А часть здания на набережной украшают маленькие женские головки, лепные гирлянды цветов и изящные кариатиды, поддерживающие громоздкие эркеры. Они как бы украдкой посматривают через дорогу — на угловой противоположный дом, который охраняют мускулистые атланты, без труда поддерживающие руками его балкон. Согласимся, что место для этого дома выбрано очень удачно — отсюда открывается одна из лучших панорам центра города с видом на Петропавловку, Дворцовую набережную и Васильевостровскую стрелку. Подчеркивали красоту здания и декоративные наружные фонари. Следы их мы обнаружили в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга — Правление студенческого общежития в ноябре 1923 г. приняло решение о передаче последнего из них «как исторической ценности» в Музей императора Александра III.[14] Владело этим длинным домом до революции семейство Ф.Ф., М.Ф. и А.М. Кириковых — купцов 1-й гильдии. На 1-м этаже здания по Александровскому проспекту находилась аптека «Новомытнинская». В обеих частях здания, соединенных между собой, сдавались меблированные комнаты. В части здания на набережной они, надо полагать, были более высокого класса и носили претенциозное название «Княжий двор». О причине такого названия можно догадаться: вокруг располагались дома, которыми владели лица княжеского происхождения. Дом с атлантами принадлежал Великим князьям Кириллу, Борису и Андрею Владимировичам. Сами они здесь не проживали, квартиры в нем также сдавались. Кирилл Владимирович, будущий глава Российского императорского Дома за рубежом, жил в собственном особняке на ул Глинки, 13 (сейчас там детский сад), недалеко от казарм Гвардейского морского экипажа, которым он командовал. Борис Владимирович имел дворец в Царском Селе. А Андрей Владимирович, будущий муж М.Ф. Кшесинской, купил дом на Английской набережной, 28, где сейчас находится первый в нашей стране Дворец бракосочетания. На Александровском проспекте дом 2 принадлежал светлейшей княгине А.К. Юрьевской, дом 4 — князьям Сергею и Владимиру Оболенским (на их месте сейчас здание послевоенной постройки под номером 2, за ним сразу идет наше общежитие под номером 6). Видимо, такое окружение было приятно владельцам меблированных комнат на Мытнинской набережной, и название их лишний раз привлекало внимание к удачному расположению. Но было и другое, настораживающее, соседство.

В 1842 г. от начала Александровского проспекта и далее, вдоль Кронверкского проспекта, был разбит парк, тоже получивший название Александровского (в честь новгородского князя Александра Ярославича и 600-летия его победы на льду Чудского озера). В 1911 г. вслед за другими сооружениями в парке архитектором Г.И. Люцедарским было построено большое здание, получившее название Народного Дома имени императора Николая II. В нем располагались читальни, комнаты для работы всевозможных кружков, Общество трезвости, Оперный зал, где выступали Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов и другие артисты (сейчас здесь Планетарий и Мюзик-холл). Парадокс заключался в том, что этот центр культуры и образования летними вечерами превращался в иной центр — хулиганства и разврата. В журнале «Вестник полиции» за 1910 г. читаем: «Что такое Народный Дом — об этом хорошо известно всем петербуржцам. Угар от повального флирта, от водки, проносимой контрабандой, от свободного торга любовью... Вблизи Народного

[14] Там же. Д. 153. С. 26.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Дома в лабиринтах узких извилистых, плохо освещенных переулков постепенно стали открываться одна за другой гостиницы для "проходящих".[15] Может быть, здесь надо искать истоки легенд? Но какой смысл соблазнительницам заманивать клиентов на Александровский проспект, который постепенно становится одним из центральных и престижных, а значит, и дорогостоящих мест проживания, если ближе немало более дешевых «гостиниц для проходящих»? Надо отметить, что традиции держались долго, и в 20-е годы партийный и комсомольский актив университетских общежитий не раз мобилизовывался на выявление проституток в Александровском парке.

Думается, что нашему современнику дореволюционные публичные дома видятся в несколько искаженном свете. Довольно любопытная и достоверная информация по этой теме содержится в недавно вышедшей книге Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровского.[16] Публичных домов с наполняемостью в 200–300 человек в Петербурге никогда не было. Авторы приводят, например, данные за 1897 г. Все публичные дома столицы находились тогда по окраинам города, их насчитывалось 69; в каждом доме имелось в среднем по 11,7 женщин. Обратимся к более позднему времени. Из просмотренных нами и уже упоминавшихся документов Врачебно-полицейского комитета за 1910 г. по Васильевскому острову представляется, например, такая картина.[17] Остров делился на 3 административных части: 1-я часть — от Университетской набережной до 5-й линии, 2-я часть — между 5-й и 14-й линиями, далее до Гавани — 3-я часть. В 1-й части существование публичных домов запрещалось. Фиксируется 8 заведений во 2-й части. Подчеркивается, что они должны быть удалены от церквей, училищ, школ и общественных учреждений не менее чем на 230 сажен, т. е. почти на полкилометра (489,9 м). С учетом этого обратимся еще к одному адресу — 5-я линия В.О., дом 66.

Городские архивы имеют очень скудную информацию об этом доме. В середине XIX в. дом сменил нескольких владельцев, в основном купеческого сословия.[18] С 1866 г. здесь располагалось товарищество по производству пива «Гамбринус». В 1894 г. дом покупает купец Т. А. Хаймович, а в 1911 г. он поступает во владение Ольги Абрамовны Хаймович, которая поручает его переделку архитектору Д. А. Крыжановскому, академику архитектуры, представителю стиля модерн в городской застройке. Сама владелица проживала по другому адресу — 6-я линия, дом 55. Оба дома имеют общий двор. Объявления начала века извещали о сдаче комнат в обоих домах. Этот район скромнее Мытни и Александровского проспекта. Здесь целый ряд зданий и сейчас имеют неоштукатуренные кирпичные фасады и напоминают собой казармы или старые фабричные корпуса. Соседние с интересующим нас домом по 5-й линии дома 68 и 70 (ныне отсутствующий) принадлежали Городскому обществу дешевых помещений для нуждающихся, учрежденному в 1858 г. Своим внешним видом дом 66 отличался в лучшую сторону от названных соседей, но уступал соседу под номером 64, который в 1914 — 1915 гг. сдавался в аренду Пансиону для подготовки в морской корпус. Вспомним условия, за выполнением которых должен был строго следить Врачебно-полицейский комитет. Таким образом, в доме 66 сдавались меблированные комнаты менее состоятельным жильцам. На 1-м этаже располагался склад АО «Латипак» (по производству вина). Нужно отметить, что тот же Врачебно-полицейский

[15] Вестник полиции. СПб., 1910. № 44. С. 1162–1163.

[16] Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. — 40-е годы XX в.). М., 1994. С. 29–32.

[17] Врачебно-полицейский надзор... С. 85; см. также: Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской помощи. СПб., 1897. С. 628.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1594.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

комитет в 1910 г. фиксировал случаи использования меблированных комнат даже в центре города как комнат свиданий. Порою в поле зрения Комитета попадали даже студентки-бестужевки. А в 20-е годы отдельные проститутки снимали номера в гостиницах «Москва» на Невском проспекте и «Англетер»; тем не менее никому и в голову не придет называть эти гостиницы публичными домами. Среди причин, по которым здания на Мытне и на 5-й линии были переданы под студенческие общежития, прежде всего, видимо, нужно отметить, что они требовали минимальных внутренних переделок для новых потребностей. Удобно было и небольшое расстояние от места учебы студентов. Не случайно долгие годы в общежитии на 5-й линии проживали представители математико-механического и химического факультетов, которые сами находились в здании бывших Высших женских курсов на 10-й линии и Среднем проспекте, 41.

Теперь о доме 104 на Мойке, где в 50-е годы проживали студенты ряда гуманитарных факультетов. П. Я. Канн отмечает факт проживания в нем в 1781–1799 гг. тайного советника, обер-прокурора Синода, известного коллекционера, графа А. И. Мусина-Пушкина, обнаружившего и одно время хранившего здесь «Слово о полку Игореве».[19] Адресные книги Петербурга начала XX в. называют училище и женскую гимназию при Реформатских церквах, располагавшихся в этом доме.

Воспоминания бывших студентов помогают нам представить первое советское университетское общежитие. Именуют его обычно «Мытней» с Александровским флигелем. Проживали тогда в нем в основном по 4–5 человек в комнате. Ряд комнат на 6-м этаже предоставили служащим. Жили студенты чаще всего «коммунами», делясь стипендиями и пайками. Стипендии получала едва половина учащихся. Зато выдавался паек, включавший хлеб, сахар, растительное масло, селедку или воблу. Хуже обстояли дела с отоплением. И. Лепко, проживавшая в 20-е годы на Мытне, вспоминала: «Комнаты с отсыревшими стенами и обледеневшими окнами. Во время мытья пола вода превращалась в лед... В комнатах появились буржуйки, но даже эти печурки трудновато было растопить сырыми дровами».[20] Правление общежитий в 1922 г. то и дело выносит, например, такие решения: «Заявление хозкома научных работников о выдаче электрических лампочек... отклонить за отсутствием таковых на складе Университета»; «Заявление представителей студенческого хозяйства на Мытнинской набережной о выдаче дров для общежития отклонить».[21] Но были и светлые воспоминания. На 1-м этаже «Мытни» появился кипятильник, по вечерам к нему выстраивались очереди, и место это превращалось в своеобразный клуб. Создается артель «Красный студент», которая обеспечивала желающих работой (например, разгрузкой торфа с барж на Университетской набережной). Затем на 3-м этаже создается настоящий клуб с хором и драмкружком. Одним из активных организаторов его становится студент-биолог Исай Презент (в конце 40-х годов профессор И. И. Презент с неменьшим энтузиазмом выступает с речами на тему «Идеологическая борьба на биологическом фронте» и помогает громить генетиков в Университете). В списках проживавших в то время на Мытне встречаются порою известные в будущем фамилии: студента-экономиста А. А. Вознесенского и будущего хранителя Пушкиногорья С. С. Гейченко. «На огонек» в общежитие заскакивают молодежные поэты В. Саянов, А. Безыменский, И. Садофьев, В. Князев и др. Летом 1920 г. студенты принимают участие в озеленении Марсова Поля.

[19] Канн П. Я. Прогулки по Петербургу. СПб., 1994. С. 172.
[20] На штурм науки / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 56.
[21] ПГИА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 25. С. 34.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Происходят изменения и в жизни преподавателей Университета. В 1918 г., накануне университетского юбилея, вышло «Отношение Комиссариата народного просвещения» за подписью А. В. Луначарского. В этом документе, как и в поздравительной речи наркома 21 февраля 1919 г., объявлялось о льготах преподавателям и научным работникам Университета: освобождении от всеобщего обучения военному делу, охране личных библиотек и научных коллекций, гарантии от вселения в квартиры посторонних лиц, от производства всевозможных реквизиций и обысков и т. д. Однако последующие факты не подтвердили этих гарантий. В августе 1921 г. были расстреляны профессор географии В. П. Таганцев, его 26-летняя жена, известный поэт Н. С. Гумилев — всего более 60 человек, обвиненных в монархическом заговоре. В этой истории до сих пор много неясностей. В июле 1921 г. арестовывается В. И. Вернадский. Впоследствии он то исключался из состава академиков, то вновь восстанавливался. В 1922 г. в составе большой группы философов высылаются за границу профессора Петроградского университета Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, П. А. Сорокин, С. Л. Франк и др. В квартиру Л. П. Карсавина на Университетской набережной, 11 вселяются канцелярия и библиотека Научного общества марксистов. Высланные российские ученые преподавали затем, как мы знаем, в самых престижных университетах мира. Скончавшийся недавно почетный доктор нашего Университета, нобелевский лауреат В. В. Леонтьев до выезда из страны в 1925 г. не раз попадал в одиночную камеру Петроградской ЧК на Гороховой, 2. В 1929–1931 гг. прошла новая волна арестов в связи с «делом академиков», когда были арестованы и обвинены в монархическом заговоре такие видные университетские историки, как С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, С. В. Рождественский, Н. П. Анциферов и др. Полная реабилитация участников выдуманного заговора состоялась лишь в июле 1967 г.

На факультетах и в общежитиях в это время происходят чистки коллектива учащихся от социально чуждых элементов и антирелигиозные кампании. В марте 1924 г. Правление студенческого общежития «Мытня» постановило: «Учитывая социальный состав намеченных к выселению лиц... бесполезность их для общественной жизни и безусловную вредность для общежития, считать свое решение о выселении принципиально правильным».[22] Газета «Студенческая правда» за 6 марта 1930 г. публикует резолюцию общего собрания студентов, рабочих, служащих и научных работников Ленгосуниверситета, в которой говорится: «Добиться закрытия домов сектантов в первую очередь в рабочих районах, передать их под общежития студентов и рабочие клубы... снять колокола со всех церквей города Ленинграда и передать металл на нужды индустриализации страны...». Та же газета в номере за 18 марта писала: «Наш быт некультурен, глубоко индивидуален и служит ареной борьбы классового врага. Он незаметно, исподволь разлагает неустойчивых товарищей, прельщая мещанским благополучием, чарльстонами, крашеными губками». К социально чуждым элементам относят прежде всего детей дворян, кулаков, священнослужителей.

Дошла очередь и до университетской церкви. Руководство вуза предпринимает ряд мер, чтобы не допустить ее закрытия. 9 июня 1919 г. староста церкви, известный египтолог академик Б. А. Тураев получил «Охранное свидетельство», в котором, в частности, отмечалось, что как памятник искусства она «не может быть видоизменена и перестраиваема и подлежит сохранению в полной неприкосновенности». И тем не менее к моменту принятия общим собранием процитированной резолюции церковь была уже закрыта, а поме-

[22] Там же. Д. 153. С. 37.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

щение ее было передано студенческому клубу имени тогдашнего заместителя наркома просвещения историка М. Н. Покровского. В числе других мероприятий клуб организовал, например, диспут между наркомом просвещения А. В. Луначарским и митрополитом А. Введенским, выступления В. В. Маяковского, встречи студентов с популярным журналистом М. Кольцовым, Героем Советского Союза полярным исследователем О. Ю. Шмидтом, отважной четверкой И. Д. Папанина после дрейфа ее на льдине в Северном Ледовитом океане (среди папанинцев были и питомцы Университета гидробиологи П. П. Ширшов и Е. Б. Федоров). Газета «Студенческая правда» то и дело сетовала, что обстановка здесь не всегда соответствовала «новому высокому назначению помещений». Так, в номере за 30 марта 1930 г. отмечалось: «Дело доходит чуть ли не до драки. Так было, когда пьяного "литератора" тащили мимо трибуны, с которой говорил Маяковский». В клубе работают творческие кружки. Драмкружком, в частности, руководил широкоизвестный впоследствии киноартист Ефим Копелян. Его спектакль «Интермедии» по произведениям Мигеля де Сервантеса Сааведры пользовался огромной популярностью. Нахождение клуба в бывшей церкви было типичным явлением в 30-е годы. Но после войны здесь обосновалась спецлаборатория математико-механического факультета, разместившая в помещениях огромную аэродинамическую трубу. Сами помещения подверглись перестройке.

В 30-е годы атмосфера на факультетах и в общежитиях сгущается в связи с судебными процессами над «врагами народа». Острота и откровенность споров в аудиториях и местах проживания постепенно затухает: за неосторожное слово могли и арестовать. Среди «врагов народа» и их «покровителей» оказывались неожиданно самые разные люди: от ректора М. С. Лазуркина, профессоров Г. Д. Карпеченко и В. А. Амбарцумяна до аспирантов и студентов-первокурсников. Типичными становятся обвинения типа: «Товарищ Кравченко, рассказывая свою биографию, забыл сообщить собранию, что жена его — бывшая дворянка, что жили они вместе с тещей — тоже дворянкой» («Ленинградский университет», 22 апреля 1937 г.). В общежитии на Мытне вдруг обнаруживается стенгазета «Наше слово». Вспоминают, что так в 1915–1916 гг. называлась газета, издававшаяся за границей «злейшим врагом советского народа Троцким». Нетрудно догадаться, что за этим последовало. Подобные факты заполняют газету «Ленинградский университет», звучат в передачах местного радио в общежитиях «Мытня» и «Научка».

В то же время в Университете широко развернулось социалистическое соревнование — персональное, между учебными группами, кафедрами, факультетами, комнатами в общежитиях, общежитиями, стенгазетами и т. д. Студенты брали обязательства — «сдать ленинизм на 5», «посещать кино, театр, гимнастическую и волейбольную секции», преподаватели — защитить кандидатскую или докторскую диссертации, опубликовать столько-то статей или прочитать столько-то лекций на заводах и в общежитиях. Почти ежегодно по итогам соревнования переходящее Красное Знамя вручается общежитию № 2 «Научка». Но и в общежитии на Мытне был создан Совет жен, открыты кварцевая, детская и фото комнаты, библиотека. В общежитии на 5-й линии кабинет педагогики организует большую выставку, посвященную самостоятельной работе студентов.

Накануне открытия XVIII съезда ВКП (б), в начале марта 1939 г., в Университете состоялось знаменательное и долгожданное событие — было заселено новое общежитие на ул. Стахановцев, 17, на Малой Охте. Строилось оно долго, с учетом расширения в перспективе городских кварталов именно в том направлении. Оно имело 5 этажей, в нем планировалось 146 комнат на 600 мест, балконы, читальные залы, Красные уголки. 28 февраля 1939 г. газета

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«Ленинградский университет» так описывала преимущества нового общежития: «Комнаты рассчитаны на 4, самое большее на 5 человек; в светлых коридорах душевые, по 2 на каждом этаже. Круглые сутки в умывальниках подается горячая и холодная вода. Это будет культурное и уютное общежитие. В нем нет ни одной темной комнаты — солнце везде, даже на лестницах, широких и красивых. В просторном вестибюле два гардероба. Ни один человек не поднимется по лестнице в галошах, ни одно пальто не будет валяться на кровати». Не скрываются и недостатки: «В жилых комнатах нет ни этажерок, ни вешалок, в коридорах нет дорожек. Не хватает шахмат и шашек, газет и журналов». На протяжении почти 20 последующих лет здесь жили студенты гуманитарных факультетов. Общежитие стало фаворитом администрации и общественных организаций, и периодически уже ему вручается переходящее Красное Знамя (сейчас здесь живут студенты Гидрометеорологического института, находящегося неподалеку).

А в адрес Мытни все чаще раздаются упреки. Вот строки из университетских газет 30-х годов: «Чистка университетского аппарата прошла мимо Мытни... Мытня славилась своими беспорядками, грязью и бездеятельностью работников» (11 октября 1930 г.); «Шум в общежитии не стихает до поздней ночи. В этой обстановке нельзя ни спать, ни заниматься» (7 января 1939 г.).

Великая Отечественная война — особая героическая и трагическая страница в жизни Университета, как и всей страны. Об этой поре написано немало, в том числе и университетскими историками. Утром 23 июня в лектории исторического факультета собрались на митинг историки, экономисты, философы и географы. В принятой резолюции участники митинга заявили о своей готовности бороться за Родину. В те годы 2,5 тыс. студентов и преподавателей сражались на фронтах. В сентябре одна часть Университета была эвакуирована в Елабугу, другая в феврале 1942 г. — в Саратов. Для сохранения научных и культурных ценностей, которые не удалось эвакуировать, в городе был оставлен небольшой коллектив из сотрудников, рабочих и служащих (141 человек). Специалисты, оставшиеся в Ленинграде, продолжали вести научную работу: выполнялись задачи по изысканию источников питания для населения города, задания оборонных организаций. В части Главного здания и на 3-м этаже истфака были развернуты госпитали. До начала 1942 г.еще шли занятия. Одна из студенток, Е. Миллер, вспоминала: «Истфак в ноябре-декабре 1941 года. Страшно холодно. Дымит времянка. Совсем рядом слышны разрывы снарядов. В. В. Мавродин рассказывает о создании русского национального государства».[23] Студенты и преподаватели дежурили в зданиях круглосуточно, охраняя их от пожара при бомбардировке с воздуха и во время артиллерийских обстрелов. Мемориальные доски с именами погибших на фронтах и в блокированном Ленинграде и памятник во дворе Главного здания напоминают нам сейчас о том времени. Сотни погибших универсантов включены в «Книгу Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета», но, как с горечью отмечают сами ее составители, книга эта еще не завершена.[24]

Уже весной 1944 г. факультеты Университета начинают возвращаться на свои постоянные места. В том же году ректор А. А. Вознесенский утвердил смету расходов на восстановительные и ремонтные работы почти всех университетских зданий, покрытие асфальтом двора Главного здания, стро-

[23] История Ленинградского университета... С. 367.

[24] Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета 1941–1945 / Ред. коллегия: Л. А. Вербицкая. В. Ф. Барабанов. Г. Л. Соболев и др. СПб., 1995.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ительство гаража во дворе филфака и другие работы. Сюда вошли и надстройка общежития на Малой Охте, ремонт без восстановления разбомбленной части общежития на 5-й линии, общежитий на Зоологическом переулке. Часть работ выполнялась начиная с 1945 г. силами самих студентов. С этой целью были созданы штаб ремонтно-строительных работ во главе с доцентом В. А. Овсянкиным и школа молодого строителя. В январе в общежитие на проспекте Добролюбова должны были вернуться студенты из Саратова. Но буквально накануне в здании замерз водопровод. Тогда из общежития с Малой Охты трамваями приехали около 300 будущих филологов и юристов, которые всю ночь работали, отогревая трубы и приводя в порядок общежитие на Петроградской стороне. Уговаривать долго студентов не требовалось — они понимали ситуацию.

Дело в том, что после войны на факультетах появился особый контингент — бывшие фронтовики. Среди них были, например, на юридическом факультете Герой Советского Союза А. Романютин, на филфаке Герой Советского Союза С. Яцковский, на истфаке бывший член подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» г. Краснодон Г. Арутюнянц. Активную общественную работу вели бывшие фронтовики А. Бережной, К. Кондратьев, Г. Софронов, В. Филиппов и др. Некоторые из них жили в общежитиях и задавали там соответствующий тон. Например, проживавшие в общежитии на проспекте Добролюбова настойчиво ставили вопрос, что в комнатах нет шахмат, шашек, домино; единственное развлечение — танцы под патефон по субботам. В общежитии на Охте, где теперь жило более 800 человек, изредка демонстрировались старые кинофильмы.

Крыло здания на Университетской набережной, 11, обращенное к Ректорскому флигелю, после перевода отсюда средней школы № 21 и ремонта было тоже передано под общежитие восточников. Здесь проживало более 200 человек, но отсутствовали элементарные удобства. В комнатах жили по 10–20 человек, не было бака для питьевой воды, ящиков под мусор. В коридоре приходилось включать для обогрева примусы, а за чаем бегать в буфет филфака. Без конца звучали претензии и со стороны аспирантов, живших на 7-й линии. Конечно, администрация старалась принимать меры для улучшения студенческого быта. В апреле 1947 г. во дворе филфака (там, где сейчас лингафонные классы) открывается студенческая столовая № 17; в ней можно было сравнительно недорого питаться по абонементам. Учащимся математико-механического факультета передается под общежитие соседний дом под номером 31 по 10-й линии. В мае 1951 г. в общежитии на Мытне был открыт для студентов профилакторий на 25 мест, где в течение 24 дней они могли жить под лечебным наблюдением и получать усиленное питание. (Сейчас профилакторий на Мытне расширил диапазон медицинских услуг и принимает в смену по 40 человек, в том числе и сотрудников Университета. Но с 1991 г. основная лечебно-профилактическая база переместилась в Петергоф. Она включает 130 основных мест и 80 — на платной основе, фитозал, стоматологический кабинет, сауну, солярий, видеосалон и зал лечебной физкультуры. Там предоставляются также теплолечение, электросветолечение, различные виды лечебных душей, электросон, ингаляции.)

В 1957 г. бывший 1-й Ленинградский институт иностранных языков слился с факультетом иностранных языков, который затем вошел в структуру филологического факультета. Здание бывшего Александровского института у Смольного, где находились учебные помещения и общежитие, передается Университету. Туда переезжает с Охты и юридический факультет.

Система работы, сложившаяся на факультетах и в общежитиях в 30-е годы, продолжается, несколько трансформировавшись, в послевоенные годы.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Звучат здравицы И. В. Сталину и обвинения «космополитам», которых обнаруживают буквально на всех факультетах (говоря откровенно, не без помощи коллег). В то же время более 1 000 студентов выезжают летом на строительство Медведковской и Шульгинской ГЭС в Ефимовский район Ленинградской области, работают при закладке Московского Парка Победы.

В 50-х годах в общежитиях проживало более 40% всех учащихся. Принцип факультетского расселения тогда еще было трудно соблюсти. В общежитии на проспекте Добролюбова, например, проживали представители 6 факультетов. Практикуются прежние формы соцсоревнования, но вместо Красных и Черных досок появляются призы: электропатефоны, радиоприемники, скромная мебель, иногда денежные премии. В общежития приходят с лекциями известные профессора С. Э. Фриш, А. Д. Александров, Е. И. Наумов и др. Устраиваются концерты, конкурсы художественной самодеятельности. Учреждается должность заместителя декана по работе в общежитиях, составляются планы работы там общественными организациями и кафедрами, создаются соответствующие сектора в парткоме, профкоме, комитете ВЛКСМ. В середине 50-х быстро распространяется слух про легендарную Эдиту Пьеху, которая учится на философском факультете и живет в мытнинском общежитии (рассказывают, что недавно она приезжала с видеокамерой в свою бывшую комнату № 88 на 2-м этаже).

Вообще «Мытня» в середине 50-х после ремонта переживает период ренессанса. Здесь появились большая столовая с буфетом, мастерские по ремонту обуви и пошиву одежды. Общежитие стало привилегированным: туда стали селить студентов-иностранцев, а для правильного воспитания к ним подселяли студентов самого серьезного факультета — философского. Правда, иногда было трудно понять, кто кого воспитывает. Пройти туда было не так-то просто — представительные вахтеры-мужчины свое дело знали хорошо. Проживавших в общежитии можно было только вызвать в нижний вестибюль до определенного часа.

С конца 50-х годов Университет начинает осваивать для проживания район Гавани. Сейчас нам трудно представить Гавань прошлых времен. И. С. Генслер в 1863 г. так описывал этот окраинный район: «Все в Гавани глядит ветхостью, покривилось и пошатнулось: трубы, крыши, окна, калитки, ворота и заборы, все скрипит, кряхтит и кашляет, доживая последние минуты своего существования... У многих домов перед окнам палисадники, с черемухой, рябиною и другими дорогими нашими фруктовыми деревьями».[25] В конце XIX в. район этот, заселенный в основном отставными чиновниками, был еще известен одним из самых больших кладбищ Петербурга — Смоленским, названным так от храма во имя Смоленской иконы Божьей Матери. Спустя столетие деревянных домов здесь почти не осталось, а одноэтажных каменных барачного типа было много. На фоне их общежитие на Детской (раньше Княгининской), а затем и на Симанской, 25 (ныне ул. Шевченко) выглядели великанами. Как-то незаметно каменных бараков становилось все меньше. Исчезали и более солидные постройки — например, комплекс Гаванского рынка на месте нынешней гостиницы «Гавань».

Перед переездом студенты с удовольствием ходили сюда на воскресники для выноса строительного мусора и других мелких работ. Еще бы! После 12–14-местных комнат у Смольного и на Мойке въезжали в 3–4-местные, а в подвалах зданий их ожидали, пусть немного тесноватые, души и прачечные. В общежитие на Детской переселились около 800 студентов математико-

[25] Генслер И.С. Гаванские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и ночи: Очерк // Душа Петербурга: Петербург в произведениях русских писателей XIX века. СПб., 1996. С. 214.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

механического факультета, а на Симанку столько же филологов. Рядом с этими общежитиями затем появилось еще одно — на 200 аспирантов и иностранных стажеров, с режимом мытнинского. Студенческий гвалт оживил сонную Гавань. Ходили слухи, что строительство общежитий будет продолжено с еще большим размахом где-то на ул. Кораблестроителей, но тогда, в начале 60-х, в это не верилось. Проживавшие здесь были довольны расположенным по соседству на Гаванской маленьким кинотеатром «Маяк» и тем, что летом можно было готовиться к экзаменам на Смоленском кладбище, купаться и загорать на песчаном пляже под ивами там, где сейчас Морской вокзал и гостиница «Прибалтийская».

15 декабря 1966 г. правительством нашей страны было принято решение о строительстве нового комплекса зданий для Ленинградского университета в Петергофе. У истоков этой идеи стоял бывший ректором в 1952–1964 гг. действительный член АН СССР профессор А. Д. Александров. Идея сводилась к созданию «нового Оксфорда» с научно-исследовательской автономией, современными жилищными условиями для преподавателей и учащихся, комплексом спортивных и культурных сооружений, современным транспортом. В 1969/70 учебном году приняла студентов первая очередь новых сооружений — корпуса физического факультета и Научно-исследовательского физического института. Но строительство затянулось. К тому же с течением времени выяснилось, что существуют серьезные просчеты в осуществлении этого замысла — Петергоф удален от научного и культурного потенциала города: библиотек, театров, других учебных и научных центров. Тем не менее в настоящее время в Петергофе сооружен комплекс учебно-научных и вспомогательных зданий общей площадью более 250 тыс. кв. м, жилых домов около 60 тыс. кв. м, студенческих общежитий на 5,5 тыс. мест. Здесь сейчас работают со своими научно-исследовательскими структурами факультеты физический, химический, математико-механический и прикладной математики — процессов управления. Но дальнейшее строительство затормозилось отчасти в силу указанных выше причин. Многие преподаватели, получив здесь квартиры, поменяли их на жилплощадь в городе. Существование Университета на двух достаточно удаленных друг от друга площадях постоянно рождает проблемы в управлении им.

Если по одну сторону железной дороги в Петергофе находится «новый Оксфорд», то по другую сторону железной дороги находится огромный парк, объявленный сейчас Государственным памятником природы. В глубине его за прудами и речкой Кристателькой привлекает к себе внимание дворец, построенный в 1839–1842 гг. известным архитектором А. И. Штакеншнейдером. Это бывшая дача Сергиевка, подаренная Николаем I в марте 1839 г. его старшей дочери Марии Николаевне по случаю ее бракосочетания с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. С весны 1920 г. здесь располагался Петроградский естественнонаучный институт, который с 17 февраля 1925 г. стал именоваться Биологическим научно-исследовательским институтом ЛГУ. Сейчас институт включает в себя 29 научных лабораторий и 3 филиала в разных районах страны. Он является также основной научной базой для обеспечения многоуровневого разностороннего учебного процесса.

Если от Сергиевского дворца спуститься вниз, перейти дорогу и выйти на берег Финского залива, взгляд невольно задержится на необычной деревянной даче с балконами и просторными верандами, резным коньком крыши, выделяющейся башенной частью, крытой металлическими листами. На самом верху — флажок из жести с датой «1896». Все здание — зеленого цвета и этим тоже контрастирует с соседними, одно из которых окрашено в голубой, а другое — в желтый цвета. Могучие ели окружают дачу. Она привлекает к

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

себе внимание своими необычными пропорциями, оригинальностью внешнего оформления, удачным расположением у песчаного схода к воде. А принадлежала она одному из представителей славной династии — Михаилу Николаевичу Бенуа (1862–1930). Хозяин являлся флотским офицером, выпускником Морского кадетского корпуса на Николаевской набережной, совершившим на последнем курсе в составе русской военной эскадры кругосветное плавание на парусном клипере «Пластун». Сын его Константин Михайлович в 1912 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, считается основоположником метеорологической педагогической школы в Военно-Морском флоте России. Строил эту дачу своему брату известный нам в связи с Александровской коллегией на Филологическом переулке архитектор Л. Н. Бенуа. В своих «Записках» он вспоминал Петергоф: «... брат Михаил купил себе место рядом, и я построил ему дачу несколько бóльших размеров с башнею. Стиль взял несколько иной, придерживаясь мотивов фронтонов на английских домах из Неша... При въезде у ворот поставили домик с прачечной и баней, которой брат угощал любителей банного режима».[26] Война не тронула это место. И упомянутые домики угадываются рядом с дачей. Вот только сама дача вызывает чувство уныния. После войны в ней и двух соседних домах располагался уютный Дом отдыха «Учитель». О нем напоминают еще кое-где сохранившиеся цветочные вазы на постаментах да таблички с номерами павильонов. В 1959 г. здания были переданы Университету. Впоследствии здесь располагались база воскресного отдыха для сотрудников, летний спортивный студенческий лагерь, общежитие для первокурсников (хотя для этой цели здания менее всего подходят). А последние годы дачи пустуют и постепенно растаскиваются. А ведь дача Бенуа является памятником архитектуры!

К сожалению, это не единственная примета нового времени. Еще 10 лет назад до 80% студентов нашего города были приезжими и проживали в основном в общежитиях. Сейчас их наберется едва ли 30%. Ныне вместе с петергофскими Университет располагает двадцатью двумя общежитиями. Но атмосфера в них какая-то другая. При входе чаще всего не застаешь вахтера. Идешь мимо голых стен и не чувствуешь общежитского уюта. Возможно, центр общественной активности переместился на факультеты? Зато в первых этажах появились сомнительные пивнушки и кафешки, что раньше было совершенно недопустимо. Пивом и подозрительными напитками торгуют в многочисленных университетских буфетах. (В уже упоминавшейся резолюции общего собрания универсантов, принятой в марте 1930 г., говорилось: «Прекратить продажу пива и других спиртных напитков во всех кооперативных столовых и буфетах, проводить дальнейшее свертывание пивных и винных лавок...».) На фоне обновленных и обновляющихся учебных корпусов как-то проигрывают некоторые старые университетские общежития. В настоящее время Университет занимает около 400 зданий, располагающихся по 100 адресам города, области и страны. Многие из них сами являются памятниками отечественной истории и культуры. В 1994 г. Указом Президента Российской Федерации Санкт-Петербургский университет объявлен объектом национального достояния. Этим подчеркивается его особая роль в русской истории и культуре. И потому больно порою наблюдать контрасты нашего времени в сфере его многостороннего быта.

[26] Бенуа Л. Н. Записки о моей деятельности... С. 58.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Н. В. ЧЕБЫКИНА

БЫТ СТУДЕНЧЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

По материальному положению студенты Санкт-Петербургского университета делились на казеннокоштных (стипендиатов и пансионеров), полностью или частично находившихся на казенном или благотворительном обеспечении, и своекоштных. По окончании курса содержащиеся за счет казны обязаны были шесть лет работать по назначению, своекоштным же студентам предоставлялось право самостоятельно избрать род службы.

Поначалу стипендий не было. В 20–30-е годы XIX в. казенным студентам выдавались на руки «по пятидесяти копеек ассигнациями в месяц»[1] на разные нужды. В 40–50-е годы «существовали особые "балловые деньги" — семь с полтиной в месяц, которые выдавались помесячно, но только через год, после переходных экзаменов во второй курс, как бы в награду за 4 1/2 балла в среднем; причем на следующий год, если бы студент получил на испытаниях баллов хотя бы четвертью менее, эта месячная премия за хорошую науку прекращалась».[2]

И лишь 8 декабря 1846 г. по Высочайшему повелению были учреждены три стипендии Его Императорского величества по 300 руб. каждая. С конца же 1840-х годов стали жертвовать капиталы на учреждение стипендий и премий в пользу студентов как частные лица, так и целые корпорации. В 1848 г. завещан был действительным статским советником А. Ивановым капитал в 7 143 руб. серебром, чтобы из процентов выдавались ежегодно на торжественном акте награды отличнейшим из окончивших курс студентам под названием «Ивановских премий». В 1850 г. студент Университета князь Николай Юсупов пожертвовал 10 тыс. руб. серебром, чтобы из процентов были учреждены две стипендии по 200 руб. каждая для беднейших студентов Университета, которые на вступительном экзамене получат высшие баллы по русской словесности и русской истории. В 1852 г. из добровольной складчины студентов образовался капитал в 2 500 руб., чтобы обратить его в стипендию для содержания в Университете одного студента под названием «стипендиат Мусина-Пушкина» в размере 100 руб. В 1855 г. действительный статский советник Евреинов пожертвовал капитал в 7 500 руб. серебром для учреждения из процентов стипендии «Александра Евреинова» в пользу отличнейших по успехам студентов III курса юридического факультета в размере 300 руб. Тогда же, с открытием факультета восточных языков, факультет получил для воспитанников своих 11 стипендий (каждая по 300 руб. в год) от Министерства народного просвещения, 10 стипендий (по 300 руб. в год) от Министерства иностранных дел, 8 стипендий (по 300 руб. в год) от Новороссийского края и др.

Подавляющее большинство студентов Санкт-Петербургского университета составляли своекоштные. Указом от 21 марта 1839 г. была установлена плата за обучение. Чтобы избежать взноса платы, студентам нужно было достать через полицию свидетельство о недостаточном состоянии их самих или их родителей. Сумма, собираемая со студентов и вольнослушателей,

© Н. В. Чебыкина, 2000.

[1] Лапшин В. И. Из воспоминаний // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 269. № 5. С. 122.

[2] Острогорский В. Из истории моего учительства. СПб., 1895. С. 83.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

употреблялась на вспоможение беднейшим студентам и на необходимые в течение года расходы по содержанию заведений в случае недостатка штатных и экономических сумм.

Денежный сбор составлял 100 руб. ассигнациями, или 28 руб. 57 1/7 коп. серебром в год. В июле 1845 г. плата за обучение была увеличена на 35%. 31 декабря 1848 г. Николай I решил вновь повысить плату за обучение в университетах. Теперь она достигала 50 руб. серебром в год. Все это делалось для устранения из университетов молодых людей недворянских сословий: мещан, крестьян, разночинцев. Но меры эти сказались и на некоторых дворянах, для которых плата стала непосильной. Среди своекоштных преобладали выходцы из небогатых семей, и материальная необеспеченность служила одной из причин большого отсева учащихся.

В 30-е годы XIX в. мода побуждала молодых людей высшего аристократического круга поступать в университеты. Студенты-аристократы резко выделялись из студенческой семьи. «Сообщались между собой члены этого кружка не иначе, как на французском языке, приезжали в Университет, по большей части, в собственных экипажах, отличались от других студентов развязностью манер, которая нередко заходила за границы приличия».[3]

Носили они «шинели с великолепными бобрами, сюртуки с широчайшими рукавами и тяжелые золотые цепочки».[4] Они редко посещали лекции, но некоторые из них ездили в Университет с гувернерами. Н. М. Колмаков вспоминал об оказии, случившейся с гувернером графа Нессельроде: «Он на лекции заснул и захрапел, а потом свалился, как сноп, со скамейки; произошел смех, после чего он перестал появляться в Университете».[5] Впрочем, личностей, принадлежавших к действительно аристократическим фамилиям, находилось мало: были сыновья разжившихся откупщиков, богатых домовладельцев, ловких управляющих.

Как казеннокоштные, так и своекоштные студенты были вынуждены зарабатывать деньги. Одни писали литературные работы в «Библиотеку для чтения» О. И. Сенковского, в «Журнал Министерства народного просвещения», в издание «Энциклопедического лексикона», другие переводили статьи с иностранных языков, занимались корректурой. Многие давали уроки в частных домах. Л. Ф. Пантелеев вспоминал об уроках, что «гонорар не позволял студенту брать менее одного рубля за час, и это еще считалось очень плохой платой»,[6] тем же, кому везло, удавалось получать уроки в богатых домах по два и по три рубля за час. Н. И. Иваницкий, дававший много уроков, писал: «...у меня денег было достаточно на чай, кофей, табак, на извозчиков, на театр и пр., и пр. Биржа была теперь подле Университета, и потому мы часто навещали ее».[7] Но увлечение уроками не всегда проходило бесследно: студенты уделяли им больше времени, чем своему образованию, а это приводило к тому, что они оставались на второй год на предыдущих курсах.

Само собой, что и пища соответствовала средствам, которые добывали студенты. Зачастую и голодали, живя на пеклеванном хлебе с маслом, или на сайках с рубцом, или на двух-трех бутербродах, а иногда и того не было;

---

[3] Чумиков А. А. Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1869. Кн. 3. № 9. С. 125.

[4] Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. 17. № 7. С. 128.

[5] Колмаков Н. М. Очерки и воспоминания с 1816 г. // Русская старина. 1891. Т. 70. № 5. С. 458.

[6] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 141.

[7] Иваницкий Н. И. Автобиография // Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С. 268.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

насыщались также пирогами на Апраксином дворе по 3 коп. за штуку. Сохранились воспоминания И. Д. Белова о голодном быте студентов 40-х годов XIX в. Так, он пишет: «Вижу тебя (одного из своих однокурсников. — *Н. Ч.*), как ты, с какой-то торжественностью расставляешь силки на окне и с трепетом ждешь, забывая все и всех на свете, но помня лишь о том, что у всех нас 12 копеек капитала; ждешь прилета голубей, чтобы поймать их и сварить суп, изжарить жаркое. Помню покупки чаю, сахару на какие-нибудь 15 копеек; помню холод от нетопленных печей».[8]

При каждом высшем учебном заведении обычно создавалось общество вспомоществования студентам, которое использовало ресурсы частной благотворительности, устраивало вечера в пользу студентов, организовывало дешевые и бесплатные столовые, облегчая в некоторой степени борьбу студентов за существование. И хотя в Санкт-Петербургском университете до 1850-х годов не было так называемой кассы, в распоряжении кого-нибудь из старших всегда был известный фонд или собирались известным кружком деньги для помощи нуждающимся студентам при их болезни, при необходимости по семейным делам ехать в деревню или в других крайних случаях.

В 1857 г. в Петербургском университете студентами стал издаваться «Сборник», при нем получила возможность существования касса взаимопомощи. 3 декабря 1857 г. студентам-редакторам и депутатам, выбранным большинством голосов от каждого факультета, было положено заведовать кассой. Выдачи производились двояким образом: во-первых, в виде заимообразной ссуды; во-вторых, в виде вспоможения или предварительного вознаграждения за статью для «Сборника». Источники кассы были следующие: 1) взносы произвольной суммы достаточно обеспеченных студентов для помощи своим бедным товарищам; 2) ежегодные музыкальные упражнения, производимые в университетском зале, а также концерты, проводимые там; 3) суммы от публичных лекций профессоров. Имея такие источники и средства, касса с 31 декабря 1857 г. до 1 июня 1859 г. выдала 9 тыс. руб. серебром. «Правление Университета в этот промежуток времени выдало стипендиями и единовременными пособиями 7 160 р.с. Г-н инспектор студентам из сумм, выручаемых за музыкальные упражнения, раздал около 3 000 р.с.».[9] На 1860/61 учебный год кассе удалось забрать концерты в свое заведование.

Жилищные условия студентов Санкт-Петербургского университета в дореформенный период также были различны: в зависимости от их финансового состояния в целом. Казеннокоштные студенты проживали в «номерах». С 1823 г. Университет арендовал их в частных домах на 6-й линии Васильевского острова, на Кабинетской улице в Московской части и у Калинкина моста (последний адрес появился благодаря Д. Руничу — попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с 1821 по 1826 г., который прославился «разгромом» Университета в 1821 г.).

В основном Университет помещался на углу Кабинетской и Звенигородской улиц, напротив Семеновских казарм. Это было узкое, двухэтажное, продолговатое здание в виде литеры «П». Фасад второго этажа, обращенный на Звенигородскую улицу, служил помещением для библиотеки и музеев, в которых читались также лекции профессорами физико-математического факультета, а фасад по Кабинетской улице заключал в себе аудитории юридического и филологического факультетов; во дворе этого фасада, во флигеле (верх деревянный, низ каменный) помещались казеннокоштные студенты. В нижнем

[8] Белов И. Д. Университет и корпорации (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 4. С. 803.

[9] Летопись внутренней жизни Университета // Сборник, издаваемый студентами императорского Петербургского университета. Вып. II. СПб., 1860. С. 4.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

этаже всего здания, за исключением одной комнаты, служившей аудиторией, и другой, отведенной под химическую лабораторию, жили с семьями некоторые из профессоров и служители. «Большая зала, предназначенная для жительства, разделялась перегородкою на две половины. Одна из них служила общею спальнею, на день запиралась, другая — для местопребывания и занятий не в лекционное время для тридцати человек. В этой половине стояли по обеим сторонам высокие, топорной работы, комоды с ящиками для двух студентов. В них хранились одежда, книги, бумага, чай, сахар, хлеб. Между комодами помещались один или два стола рыночные, перед каждым простая табуретка. Вечером выдавалась сальная свеча. Уткнувшись в такой промежуток, и приходилось заниматься».[10]

В здании же 12 коллегий, куда в 1838 г. Университет окончательно переехал, на первом этаже находились столовая, хозяйственные склады и служебные помещения; на втором этаже — аудитории и длинная, вдоль целого здания, стеклянная галерея, занятая библиотекой; на третьем этаже находились комнаты для казеннокоштных студентов. «Со стороны двора тянется ряд небольших комнат, в которых мы занимаемся, — сообщал в письме родителям Ю. Бартошевич, — в каждой из них есть шкаф с зеленым стеклом, с полками, куда мы складываем наши книги. Каждый из нас имеет свой письменный стол. Со стороны улиц находится три больших комнаты, одна из них зовется большой, в ней проходят уроки танцев по 3 раза в две недели, в другой комнате стоит семь больших шкафов, каждый студент имеет там свой отдел для одежды. Третья комната предназначена для сна, в ней стоит 58 кроватей, по 29 с каждой стороны, при кроватях стоят маленькие тумбочки».[11]

Жилищные же условия своекоштных студентов были разнообразны. Но по большинству это были довольно бедные люди, которые «занимали углы и комнаты в 5–10 и не более 25 руб. ассигнациями в месяц, помещаясь по двое и трое вместе. Особого имущества у студента на квартире не было».[12] В. М. Сорокин вспоминает, что у одного из его товарищей дверь небольшой комнаты «без всякой передней выходила прямо на черную лестницу огромного дома, по которой постоянно проходило множество народа». Из мебели был большой круглый стол перед крошечным стареньким диванчиком.[13] Случалось студентам в теплое время ночевать и на скамье Адмиралтейского бульвара (ныне Александровский сквер) или же на Петербургской стороне, в Александровском парке.[14] Были и еще более неимущие студенты, особенно в конце 50-х годов XIX в., когда плата за обучение неимоверно возросла. В. В. Берви-Флеровский вспоминал об одном обследовании условий жизни студентов, поразившем крайней нищетой: «...найдены были, например, два студента, которые жили в шкафу, студент, который жил зимой в дощатой будке, где когда-то помещалась известь».[15]

Территориально почти все профессора и большая часть своекоштных студентов добирались до Университета через Неву.

Конечно же, материальное положение студентов в целом не могло не оказывать влияния на их учебу. Если молодому человеку приходилось, заплатив

---

[10] Лапшин В. И. Из воспоминаний. С. 122.

[11] Письмо Ю. Бартошевича к родителям // Tygodnik Powszechny. 1882. № 23. S. 358.

[12] Колмаков Н. М. Очерки и воспоминания с 1816 г. Т. 70. № 6. С. 657–658.

[13] Сорокин В. М. Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. Т. 60. № 12. С. 619.

[14] Острогорский В. Из истории моего учительства. С. 86.

[15] Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 69.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

за курс обучения в Университете, экономить на всем, жить в ужасных условиях, питаться впроголодь, да еще и искать способ заработать денег, то ни о какой учебе речи быть не могло. Но некоторые не сдавались и получали высшее образование.

Стоит заметить, что молодые люди, поступившие в Санкт-Петербургский университет, попадали в своеобразную автономную республику, живущую по своим законам. Конечно, наибольшей сплоченностью отличались казеннокоштные студенты, которых объединяла бедность и совместная жизнь в университетских «номерах». Утром они вставали, кто как захочет, и отправлялись в столовую пить чай. Казенного чая тогда еще не было, а потому студенты делали складчину человека по три или по четыре. «Служители приносили горячую воду в больших медных чайниках».[16] После чая уходили наверх, и кому нужно было, тот шел на лекцию, а кому не нужно или просто не хотелось, тот оставался в комнатах или куда-нибудь уходил. «Обедали в три часа, и после надевали халаты и занимались каждый своим делом: иные уходили в столовую пить кофе, иные ложились на столы отдыхать, иные играли на каких-нибудь инструментах, иные садились в кружок и разговаривали, иные пели песни, иные уходили на частные уроки или просто гулять и т. д.».[17] В восьмом часу чаепитие было раздольное, сопровождавшееся шумным весельем. После этого почти все расходились по гостям. Около полуночи или позже, так как инспектор Филиппов до середины 1830-х годов давал студентам совершенную свободу, когда уже почти все студенты собирались домой, садились в кружки и рассказывали друг другу о приключениях дня. Круговая трубка переходила из рук в руки.

В 1836 г. инспектор получил от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа несколько выговоров за то, что многие студенты часто не ночуют в Университете. Инспектор приказал, что студенты должны возвращаться до 12 часов вечера, а кто хотел прийти позже, тот должен был просить у него разрешения. И хотя двери в студенческую спальню в 12 часов запирались, студенты все равно умудрялись прогуливать всю ночь. Однако чтобы попасть к себе, им необходимо было идти на крыльцо к инспектору и пройти через его спальню и кабинет. Об этих поздних возвращениях остались воспоминания Н. И. Иваницкого. Он пишет: «Возвращаешься часу во 2-м, инспектор еще не спит; надобно проходить через кабинет так, чтобы он не видал из-за ширм, — тогда снимешь буквально в передней сапоги и на четвереньках (чтобы через ширмы не видно было головы), держа сапоги и шпагу в зубах, пробираешься к своим дверям».[18]

Студенты сближались между собой, но поначалу образовывались лишь небольшие кружки: человек по пять-шесть. Корпорации же в Санкт-Петербургском университете появляются лишь в 1836–1837 гг. С 1837 г. в шинельной у булочника Василия, кормившего студентов «прескверными пирожными и бутербродами с отвратительной колбасой»,[19] которая служила в то же время и курильней, стали появляться сплоченные группы студентов. Там обсуждались «домашние» (университетские) дела, составлялись компании для кутежей, шли толки о добывании денег, о закладе различных вещей.

В конце 1837 г. между членами корпорации стали происходить разногласия из-за некоторых правил корпорационного устава. И из прежней одной корпорации составились две: русская — Ruthenia, основателем которой был поэт Н. М. Языков, и немецкая — Baltika, которую возглавил П. Прейс. Кор-

[16] Лапшин В. И. Из воспоминаний. С. 251.
[17] Иваницкий Н. И. Автобиография. С. 251.
[18] Там же. С. 268.
[19] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... С. 131.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

порационные «цвета», присвоенные знамени корпорации и фуражкам ее членов, были едва ли не единственными отличительными признаками этих двух корпораций. «Цвета» Рутении были оранжевый, белый и черный, а Балтики — голубой, белый и золотой. «Фасон фуражек у первой был военный, с высокой тульей, у последней — с низкой, на манер дерптских».[20] Обе корпорации жили между собой в ладу. В корпорациях избирали сеньора (председателя), фукс-ольдермана (начальника фуксов, т. е. молодых, только что поступивших в Университет, студентов), казначея.

Для принятия студентов в корпорацию назначался в известный день конвент (сходка) на квартире одного из товарищей. Обряд этот заключался в следующем: «Вновь посвящаемый входил в круг старых студентов, держа в одной руке эспадон, и пел:

Меч, что блещешь предо мною
Неизменчивым клинком,
Шапку я колю тобою,
Клятвой я клянусь святою
Быть достойным бурсаком.

При словах: "Шапку я колю тобою" он должен был проколоть шапку насквозь. Когда посвящаемый кончал петь приведенные слова, то один из буршей, по преимуществу сеньор корпорации, держа над головой посвящаемого эспадон, пел:

Твое чело теперь я покрываю
И сталью осеняю.
Да здравствует наш брат (такой-то)! (*два раза*)
Будь проклят, кто тебе вредит! (*три раза*)
Тебе навек мы други,
Будь братом в нашем круге!
Да здравствует наш брат (такой-то)!

Затем пели хором:

Да гремит над тем проклятье,
Кто унизится из нас,
Да не знает он объятья,
И да глухи будут братья
На его призывный глас!

Кончив последнее слово, посвящаемый залпом выпивал стакан вина, который ему подавал сеньор».[21]

Затем всякий вновь поступивший в корпорацию должен был подписаться в книге избранным им псевдонимом в том, что он свято будет исполнять все постановления комана, т. е. корпорационного устава, в котором находились не только главные существенные правила корпорации, но и все мелкие правила относительно комерсов (большие праздники корпорации) и кнейпов (маленькие праздники, на которые сходились отдельными кружками, между тем как на комерсах участвовали все члены корпорации), правила шкандалов (дуэлей), бывших в ходу в то время между членами корпорации. Вводилось также пение немецких Burschenlieder (студенческие песни) вперемешку с русскими студенческими песнями Н. М. Языкова.

Главная задача корпораций состояла в том, чтобы развить дух товарищества и солидарности между студентами, в то же время корпорации преследовали и цели саморазвития, выдвигая, впрочем, не столько научную сторону,

[20] Чумиков А. А. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-х годах (Из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 373.

[21] Белов И. Д. Университет и корпорации. С. 787-788.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сколько общественную — Университет призван не только двигать науку, но и воспитывать будущих граждан. Корпорации имели целью наблюдать, чтобы студенты не позволяли себе поступков, недостойных честных людей, например, оскорбления женщины, обманов. Студент, совершивший подобный поступок, подлежал суду чести. Этот суд имел право наложить на виновного или временное исключение из общества студентов, или, в случаях более важных, и окончательное исключение из Университета.

Если студент оскорблял своего товарища словом или поступком, то он должен был драться с ним на дуэли. Студенческий суд присуждал виновного к поединку; «если обиженный, по слабости сил или по неумению, не был в состоянии защищаться, то суд назначал лицо, с которым обидчик должен был драться».[22] Для выполнения этой последней обязанности студенты упражнялись в фехтовании и стрельбе. «Фукс-ольдерман, получив извещение о шкандале, немедленно поручал одному из фуксов озаботиться поездкой к оружейному мастеру (жившему в то время на Мещанской) для заказа отточенных клинков эспадонов».[23]

Обычно местом для поединков «служила гостеприимная квартира студента-сибарита К., проживавшего в одном из домов, выходящих на Михайловскую площадь. В подобных случаях, из предосторожности, усылалась прислуга со двора и на окнах спускались шторы».[24] На дуэлях у каждого противника было по секунданту; затем избирался особый посредник, который обязан был считать удары противников, наблюдать, чтобы удары соответствовали правилам комана. Дрались обыкновенно до первой крови. Дуэли исполнялись буквально по немецкому уставу: на голову надевалась кожаная каска, на шею — волосяной галстук, на руки, до самого изгиба, — перчатки, на живот — волосяной набрюшник. По окончании дуэли противники сходились и целовались в знак полного примирения и забвения прошлого. Начинался кнейп со своими песнями и смехом. «Собирались где-нибудь на Крестовском, говорили много вздора, курили непременно кнастер (до головокружения), а главное, много пили, пили брудершафт».[25]

На кнейпах, комерсах фуксы обязаны были исполнять приказания старших студентов — бурсаков, или буршей: набивать им трубки, наливать пунш, обыкновенный для таких случаев напиток, выполнять различные поручения по делам корпорации. По частным же своим делам бурш не имел права распоряжаться фуксом. «Комерсы обыкновенно начинались очень систематично, — вспоминал И. Д. Белов, — но уже далеко до половины пира начинали раздаваться песни, не входившие в состав указанных уставом песен: раздавались, например, недуманно-негаданно "Вниз по матушке по Волге" или "Во лузях, лузях зеленых". Еще далеко до половины вечера иные студенты, забывая все правила и постановления, всю немецкую дисциплину, снимали сюртуки и оставались в одних рубашках. Взгромоздившись на стол, они посреди пирующих произносили речи».[26]

Но эта корпорация просуществовала недолго. Студенты, не принадлежащие к корпорации, выдвинули протест против нее из-за попытки корпорантов привлекать их к своему суду. Протестанты выбрали своих представителей и были допущены на конвент. Это привело к расколу внутри корпорации, и в середине 40-х годов XIX в. она распалась.

---

[22] Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя. С. 15.

[23] Белов И. Д. Университет и корпорации. С. 792.

[24] Чумиков А. А. Студенческие корпорации... С. 373.

[25] Оже де Ранкур Н. Ф. В двух университетах: Воспоминания. 1837–1843 // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 572.

[26] Белов И. Д. Университет и корпорации. С. 793.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В 1850-е годы, точнее в первые годы после Крымской войны, едва началось освободительное движение в Университете, студенты тотчас разделились на партии — правых, левых и центра. Правых, собственно говоря, нельзя было назвать партией. Это были студенты индифферентные, не принимавшие участия в студенческих делах. К этой категории принадлежали, во-первых, дети богатых родителей; во-вторых, студенты, исключительно преданные науке и с головою ушедшие в книги; в-третьих, поляки, составлявшие свой особенный замкнутый кружок. Таким образом, в студенческом движении участвовали лишь две партии: умеренный центр и крайние левые, которых прозвали «волками». Умеренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентам вольностями, по возможности избегать шума и относиться к начальству не с настойчивыми требованиями, а с почтительными просьбами. «Волки» же, «щеголяя, нарочно в пику беложилетникам, всклокоченными волосами и ветхими, никогда нечищеными сюртуками»,[27] являлись представителями самых радикальных требований, любителями крутых мер и скандальных демонстраций.

Такая сплоченность студенчества не обходилась, разумеется, без собраний и сходок. После 20 апреля 1857 г., когда состоялась общая сходка по поводу издания «Сборника учено-литературных трудов студентов Санкт- Петербургского университета», начальство, в лице попечителя учебного округа князя Г. А. Щербатова, разрешило студентам иметь два раза в месяц факультетские сходки, издавать «Сборник», учредить кассу взаимопомощи, библиотеку под руководством студенческих депутатов. Для сходок были даже определены залы разных гимназий. Так, для сходок филологов была предназначена зала пятой гимназии у Аларчина моста. «Вечера эти устраивались на товарищескую складчину, для этого избирался распорядитель».[28]

Хотя сходки имели специальное назначение читать статьи, предназначенные для «Сборника», который издавали студенты, зачастую это было не так. «Помню бесконечные разговоры, молодые мечты и споры, — писал А. М. Скабичевский, — помню чтение то новых выпусков "Колокола" А. И. Герцена, то тех или других запрещенных стихотворений и статей, распространившихся в то время обильно в рукописных списках».[29]

Ежедневно проходили сходки в XI аудитории, которая была самой большой в Университете. Собирались они по поводу каких-нибудь общественных вопросов. На одной из сходок «единение студентов вылилось в призыв к организации в некую республику в недрах Университета, имеющую свое правление, законы, казну и пр. Каждый факультет избрал своих старост, которые и составляли правительство республики. Они заведовали кассой и всеми прочими студенческими делами, были вместе с тем судьями при различных столкновениях студентов между собою или с начальством».[30]

Существовали в Университете и более узкие кружки, которые носили скорее научный, литературный характер. В ту же пору были заведены студенческая читальня и библиотека. Что касается университетской библиотеки, то в ней можно было пользоваться только старыми книгами; новые или особенно необходимые были по большей части на руках у профессоров. «Студентам Грибоедову и П. А. Гайдебурову пришла мысль устроить на коммерческом основании библиотеку для студентов».[31] Библиотека называлась студенче-

[27] Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 101.

[28] Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. Т. 1. № 3. С. 23.

[29] Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. С. 93.

[30] Там же. С. 97.

[31] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 159.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ской, но так как пользование книгами было платное (50 копеек в месяц или 5 рублей в год), то распоряжались ею только подписчики. Библиотека должна была работать с 9 до 15 часов.[32] «В библиотеке можно было видеть лишь студентов, приходивших взять или вернуть книги. Правда, имелся стол с газетами, но тогда чтение газет не было в большом ходу, а для всяких собеседований могла лучше служить любая из аудиторий, чем довольно тесное помещение библиотеки».[33] Помещалась эта студенческая библиотека в квартире редакции «Сборника».

Тогда же П. А. Гайдебурову пришла мысль устроить спектакль в пользу студентов, причем исполнителями должны были явиться сами студенты. Так был поставлен «Ревизор» Н. В. Гоголя, который, правда, не снискал популярности у публики.

В начале 1859 г. для жителей столицы были организованы публичные лекции в пользу бедных студентов. «Мысль чтения публичных лекций по праву принадлежала студентам: они впервые заговорили об этом, они приглашали профессоров, на их заботливости лежало все устройство этих лекций».[34]

Помимо всего вышеперечисленного студентами Санкт-Петербургского университета издавались печатные и рукописные газеты и журналы. Даже в самую глухую пору николаевской реакции в условиях подполья существовали нелегальные издания. Так, около 1837 г. польские студенты начали издавать рукописный журнал под названием «Паментник» («Дневник»). В нем студенты помещали свои стихи, статьи, переводы, давали отзывы о культурных событиях в Петербурге и студенческой среде, рецензировали прочитанные книги.

К 1839 г. накопилось столько материала, что издатели обратились к цензурным властям с просьбой разрешить выпуск ежегодника. В начале 1840 г. появился первый номер альманаха под заглавием «Незабудка». Однако цензурные ограничения не позволяли публиковать то, что по-настоящему волновало студентов Университета. Поэтому, вероятно, наиболее активная группа польских студентов не прекратила издавать рукописный журнал. В том же 1840 г. вышли номера журнала «Меркуры» («Меркурий»), а в 1841 г. — «Паментник полноцны» («Северный дневник»).

В 1857 г. вышел в свет первый коллективный труд студентов: уже упомянутый «Сборник, издаваемый студентами императорского Петербургского университета». Инициаторы создания «Сборника» ставили его задачей издание оригинальных и переводных сочинений ученого содержания и мелких историко-литературных заметок, написанных студентами.

Была открыта подписка по факультетам на составление капитала для издания «Сборника». По подписке студентов и профессоров «собрано более тысячи рублей; вне Университета, по частным подпискам, почти столько же».[35] Пожертвовавшие не менее 1 руб. имели право на получение первого номера «Сборника». По единодушному желанию студентов профессором-редактором был избран М. И. Сухомлинов; из числа студентов III и IV курсов было избрано 12 редакторов — по два от каждого разряда, на которые делились факультеты. Студенты-редакторы собирались у Сухомлинова на совещание два раза в месяц, обыкновенно на его квартире.

«Сборник» выдержал только два выпуска, третий был подготовлен, но вышел в рукописном варианте, издан же он был только в 1866 г., да и то не полностью.

---

[32] Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 336. Оп. 1. Ед. хр. 9030. Л. 56.

[33] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 163.

[34] Летопись внутренней жизни... Вып. II. С. 15.

[35] Там же. Вып. I. СПб., 1857. С. 384.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Круг студенческих занятий не ограничивался трудами, публикуемыми в «Сборнике». Одни занимались полезными трудами по факультетским предметам, другие трудились и помещали свои оригинальные или переводные статьи в журналах, некоторые издавали отдельные книги. Когда во второй половине 50-х годов XIX в. студенческое общество разделилось на партии, то каждая из них начала выпускать свой особенный орган в виде рукописных газеток: умеренные — «Вестник свободных мнений», «волки» — «Колокольчик». В листках этих помещались сведения о том, что обсуждали и что решили на той или другой сходке, отчеты о действиях кассы, распоряжения старост, партийная полемика, сатира на профессоров и студентов и др. Сохранились и отдельные рукописные листы, напоминающие листовки: «К товарищам студентам» и «Собратам», сатирическая поэма «Аристократиада».

В ноябре 1857 г. начала издаваться рукописная газета «Студентский мир». Ее целью было передавать «общестудентскому сведению все интересные мысли, возникающие между студентами. Потому редакция приглашает всех желающих присылать ей свои статьи, адресуя: "Издателям Студентского мира", и оставлять пакеты на столике швейцара».[36]

Осенью 1858 г. в Петербургском университете нелегально издавался рукописный сатирический журнал «Светоч».

По мере дальнейшего развития общественно-политической активности студентов в годы первой революционной ситуации в России (1859–1861 гг.) издание нелегальных рукописных газет и журналов в Университете прекратилось.

Еще одной стороной деятельности Университета, объединявшей студентов, являлась его музыкальная жизнь. Согласно принятому в 1835 г. уставу, в университетах вводилось обучение казеннокоштных студентов рисованию, танцам и музыке. Постепенно к занятиям музыкой привлекалось все большее число любителей, складывался регулярно собиравшийся кружок. Это-то занятия, постепенно перерастая рамки кружка любителей, приобрели общественный характер, превратившись с 1842 г. в столь известные «Музыкальные упражнения студентов Санкт-Петербургского университета». Эти концерты были публичными: о них давали объявления в газетах, вход был платный, в качестве солистов в них участвовали профессиональные певцы и музыканты. Существенную роль в организации музыкальных занятий и концертов студенческого симфонического оркестра сыграло увлечение музыкой инспектора студентов А. И. Фицтума-фон-Экштедта. Они начались по его инициативе и пользовались его постоянной поддержкой.

С января 1846 г. началась новая серия концертов — «музыкальные утра»: при помощи университетского оркестра и при содействии известных солистов, порой артистов и примадонн императорских театров, ежегодно в течение зимы в Актовом зале Санкт-Петербургского университета, по воскресным дням, устраивались десять симфонических концертов. Концерты сплачивали вокруг себя молодежь и в то же время носили просветительский характер, приобщая их к классической музыке; в репертуар входили преимущественно произведения Бетховена, Мендельсона, Моцарта, Гайдна и Баха.

В конце 50—начале 60-х годов XIX в в стенах Университета появляются женщины. Студенты сочувственно встречали учащихся женщин в аудитории, оказывали им всестороннюю поддержку. Влияние женской половины было взаимным: жестокие университетские нравы, разгул и «свободоязычие», царившие в годы реакции, с конца 50-х годов XIX в. стали исчезать.

Успевали студенты и развлекаться на широкую ногу. Выбор в этом отношении у них был довольно разнообразен. Так, каждый праздник у попечителя

[36] Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 336. Оп. 1. Ед. хр. 9030. Л. 1об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

учебного округа обедали двое из студентов. Приглашали молодых людей и на вечера к ректору И. П. Шульгину (он состоял в этой должности с 1835 по 1840 г.), например, по случаю именин его жены. Проходили вечера и у инспектора, куда, кроме студентов, приглашались и институтки. Некоторые из студентов в 1840-е годы посещали по средам вечера у П. А. Плетнева (он был ректором Петербургского университета с 1840 г.). Квартира Плетнева в Ректорском флигеле была местом встреч и бесед представителей литературного и ученого мира. Здесь в тихой, уютной обстановке, за чаем обсуждались литературные новинки, городские и политические новости, перечитывались любимые произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига. Посещались студентами и литературные вечера профессора А.В.Никитенко по пятницам. В конце 50—начале 60-х годов XIX в. молодых людей принимал профессор К. Д. Кавелин на своих воскресных утренних журфиксах, существовавших специально для студентов. Там обсуждались научные вопросы, новости литературы и явлений внутренней жизни Университета.

Вообще стоит заметить, что у студентов с профессорами были очень теплые отношения. При выходе с лекции любимые студентами профессора, окруженные слушателями, обыкновенно провожались с Васильевского острова через Неву на Адмиралтейскую площадь до квартиры. Профессора посещали вечеринки, иногда и кнейпы, устраиваемые студентами. Примером близких отношений является и то, что профессор А. В. Никитенко был даже посаженным отцом на свадьбе одного из своих выпускников.

Студенты, желавшие следить за политическими новостями, отправлялись в 1830-е годы для этого в так называемое Справочное место на Гороховой улице, платя за каждый раз по гривеннику.[37] В 1840-е же годы многие петербургские кондитерские являлись местом времяпрепровождения интеллигенции того времени. Владельцы этих заведений выписывали для чтения посетителей не только русские, но и иностранные газеты и журналы. Таким образом, кондитерские с успехом заменяли отсутствовавшие читальни. Наиболее популярными из них были следующие: Вольфа, которая помещалась в доме купца К. Котомина на углу Невского проспекта и набережной Мойки, Излера — напротив Вольфа, на первом этаже западного, трехэтажного флигеля армянской церкви, Иванова — на Невском проспекте, при ресторане «Доминик», а также кондитерская «Пассажа». Здесь студенты совмещали приятное с полезным, заказывая кофе или чай.

В 1830-е годы в Петербурге не было ни одного клуба, где бы молодежи, любящей потанцевать, можно было отдохнуть от своих серьезных и более или менее утомительных занятий. Существовавшие немецкие, или так называемые шустерклубы, считались для студентов неприличными. Потому студенты отдавали предпочтение частным шпицбалам, «даваемым различными домами под видом празднования своих именин или дня рождения (так объявлялось, обыкновенно, полиции), но с главною целью поправления своих истощенных финансов».[38]

По несколько вечеров в неделю молодые люди проводили в разных семейных домах, во многих из которых собирались ученые, литераторы, художники, более или менее выдающиеся администраторы, где слушали произведения одних и рассуждения других. Были там и танцы. Вечера в частных домах продолжались, как правило, с 8 до 12 часов вечера.

---

[37] Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // Русский архив. 1869. № 2. Стб. 340.

[38] Чумиков А. А. Студенческие корпорации... С. 375.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Студенты посещали театры. Так, в 1830-е годы существовал деревянный Симеоновский театр, в котором билеты на места внизу возле кресел стоили 1 руб.; правда, все представление приходилось стоять на ногах. Посещали Большой, Александринский и Михайловский театры. Уходили в эти театры пораньше, чтобы занять удобные места на галерке. «Особенное наслаждение, — вспоминал В. Острогорский, студент конца 50—начала 60-х годов XIX в., — доставляло мне по зимам периодическое посещение, через неделю, итальянской оперы, да еще так, что восседал я в скверном форменном сюртучишке, в прекраснейшем номере ложи 3-го яруса. Ложа абонировалась в складчину таким количеством лиц, что даже, несмотря на очередь абонентов посещать спектакли каждому через раз, все-таки ложа была набита битком, — так что каждому приходилось уплатить всего рублей около десяти за весь сезон».[39]

На публичных гуляньях, в театрах, обыкновенно по взаимному согласию, присутствовали старшие и пользующиеся влиянием студенты, чтобы предупреждать всякие безобразия и неприятные столкновения.

Студенты посещали кондитерскую Кинше на углу Большого проспекта и Первой линии Васильевского острова, где был бильярд, на котором состязались любители. Но «большинство студентов пробавлялось там чаем и сладкими пирожками».[40] Ходили также на 27-ю линию кататься с ледовых гор одного из шустерклубов, при этом били немцев, сидя на их спинах, спускали с гор, да и вообще производили на Васильевском острове всевозможные шалости.

Весьма редко происходил какой-либо крупный скандал на улице, учиненный студентами. Полиция не вмешивалась ни во что, касавшееся студентов, поскольку у последних за порядком в стенах Университета и вне его следили инспектор и субъинспектора. «Когда же дело наше домашним образом не могло быть улажено и принимало более серьезные размеры, — вспоминал А. М. Дондуков-Корсаков, — то мы всегда первые доносили о том начальству. Инспектор обыкновенно улаживал дело, а когда этого было нельзя, то обращался к отцу моему (попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. — *Н. Ч.*). Он отправлял студентов немедленно в карцер и ехал к обер-полицеймейстеру. Тот утром, донося о происшествии Государю, старался смягчить происшествие. Николай Павлович обыкновенно говорил: "С них уже взыскано, скажи, однако, чтобы не губили карьеру молодых людей". Все кончалось несколькими днями ареста».[41]

Однако 6 мая 1859 г. последовало Высочайшее повеление о подчинении студентов вне Университета надзору полиции на общем основании; при задержании студента за преступления или проступки, подлежащие судебному преследованию, к следствию командировался депутат от Университета. С этого времени столкновения с полицией участились. В большинстве случаев они происходили на частных студенческих квартирах и в меблированных комнатах. На шум, который учиняли подвыпившие студенты, хозяин звал городовых и квартальных, и начиналось побоище.

Молодежь была довольно азартной: студенты ходили кутить на биржу, которая располагалась рядом с Университетом, собирались на квартирах для игры в вист, преферанс, винт. Н. Ф. Оже де Ранкур вспоминал, что однажды в один вечер проиграл три тысячи рублей ассигнациями, после чего уже не

[39] Острогорский В. Из истории моего учительства. С. 111.

[40] Устрялов Ф. Н. Воспоминания. С. 131.

[41] Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания // Старина и новизна. 1902. № 5. С. 172.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

садился за игровой стол.[42] Однако играть в карты в университетских «номерах» казеннокоштным студентам запрещалось.

В свободное время студенты заходили в какой-нибудь ресторанчик выпить. Излюбленными студенческими ресторанами на Васильевском острове были «Лондон» и Гейде на Кадетской линии, Кинша — на Первой, «Золотой якорь» — на Седьмой и Тиханова — на набережной напротив Николаевского моста, а также разные «залы» в Загибенином переулке. В некоторых студенты даже пользовались своеобразными привилегиями: у Гейде «за рубль ассигнациями получали порядочный обед и опивались скверным пивом»,[43] а в Загибенином переулке платили меньше за вход.

Когда приходили туда человека по два, пирушки носили «скромный характер: выпивалась одна бутылка на двоих красного вина и две-три бутылки пива. И друзья мирно расходились по домам».[44] Когда же собирались компаниями, то «было немало битых бутылок и стекол, но, по соглашению студентов с хозяевами трактиров и лавок, окна, в которые бросались бутылки, всегда выходили во двор, а не на улицу».[45]

Но чаще студенты собирались у кого-нибудь на квартире. Пирушки устраивались в складчину. В таких случаях водка и пиво совсем отсутствовали. Предпочтение отдавалось почти одним иностранным винам — мадере, хересу, лафиту, сен-жульену, бургонскому. Когда позволяли средства, появлялось на столе и шампанское. «За три, за четыре рубля можно было покупать в погребах бутылку любой марки — и редерер, и клико; таким образом, приходилось не более полтинника или рубля на брата. В общем, пирушка обходилась с вином и закусками не дороже пяти руб. на человека».[46] Первый тост был, по обыкновению, посвящен отечеству и государю. «За вторым бокалом каждый должен был избрать предмет по сердцу и пить в честь его. Пили за дружбу, за успехи драматической поэзии, за здоровье друзей, за любовь и дружбу, за отечество, за свою возлюбленную, за счастье и славу друзей и т. п.».[47] Этого хватало молодежи, чтобы довольно быстро напиться, так как все вина они мешали без разбора. «Нередко и мертвецки пьяные студенты валялись по улицам».[48] Но это было не безнаказанно: если такой студент был обнаружен и приведен в Университет, то его могли отправить в солдаты, исключив из учебного заведения.

На своих вечеринках студенты плясали, шутили, пели песни.

А вечером студенты отправлялись на Невский проспект искать приключений. В 1830-е годы шутки были невинные: студенты, например, празднуя Новый год, останавливали мужчину, ехавшего на лошади, и начинали его поздравлять. В 1850-е же годы студенты, «то, идя пьяною ватагою по Николаевскому мосту, сбивали и бросали в Неву с прохожих шапки, то перевешивали вывески магазинов, то залезали в колодцы и пугали подъезжающих лошадей, неожиданно вскакивая и осаждая их за узду назад, то выходили на балконы плясать в костюмах Адама, то забирались на чужие свадьбы, пользуясь тем, что на свадьбах обыкновенно гости со стороны жениха не знакомы с гостями со стороны невесты и т.п.».[49]

---

[42] Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах. С. 572.

[43] Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. С. 172.

[44] Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. С. 120.

[45] Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827–1855). Пг., 1917. С. 177.

[46] Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. С. 120.

[47] Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877). Т. 1. СПб., 1904. С. 182.

[48] Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя. С. 12.

[49] Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. С. 75.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Конечно же, отмечались и выпускные вечера. Причем для студентов выпускного курса праздник устраивали младшие курсы. О выпуске 1838 г. сохранились следующие воспоминания Н. И. Иваницкого: «Выбрали место на берегу озера в Парголове, накупили вина и подготовили кутеж. Каждый должен был приезжать туда в сюртуке, фуражке, со своей трубкой и табаком. Кто имел свой экипаж, тот ехал на своих; но большая часть взяли омнибусы. Собралось вокруг омнибусов до 10. На празднике было всего человек 400: пили, ели, дурачились и пр. почти до утра».[50]

Все студенческие пирушки по окончании курса проходили подобным образом. Собирались и на втором озере Озерков и в других местах за городом.

Бывало студенты и просто развлекались. Так, «один студент, князь, имея на конюшне много лошадей без дела, забавлялся тем, что под вечер выезжал на улицу в качестве извозчика и предлагал свои услуги в особенности юным женщинам. Вот раз наняли его две молодые дамы и, поместившись в санях, повели между собой интимный разговор на чисто французском языке о том, где и в каком месте можно с удовольствием устроить свидание со своим кавалером. Вдруг наш извозчик тоже, на том же языке, вмешался в разговор и сделал им возражение. Мои дамы, услышав его и вообразив, что это был переодетый разбойник или мошенник, выскочили из экипажа, подняли крик, взывая: караул, разбойники и т. д. Маленькая суматоха на улице кончилась, разумеется, ничем».[51] Был и еще один случай, запечатленный в воспоминаниях К. Ф. Головина. В то время городовые помещались в будках довольно неуклюжего фасона, расположенных на уличных перекрестках. У этих будок, устроенных для жилья, замки были везде одинаковы. Узнав про это, один студент заказал подходящий к этим замкам ключ и в одну майскую ночь вместе с четырьмя товарищами запер всех петербургских городовых. За все это пятеро были посажены в карцер на три дня.[52]

Не обходилось и без, так сказать, амурных дел. Когда студенты прогуливались по Невскому проспекту, то студент «не только не задумывался заглянуть под всякую шляпку, но и вступал в самые непринужденные разговоры и отношения с прекрасными девицами».[53] Влюблялись студенты без разбора, начиная от швеи до светской дамы. Каждая женская головка у окна служила предметом воздыхания, летняя же ночь оглашалась песней под окном или балконом. Любовные записки всегда были наготове в кармане.

В подобного рода развлечениях и проходило свободное время студентов. Правда, с февраля по май студенты принимались готовиться к экзаменам. В этот период времени сходки, попойки и различные праздники, если не прекращались совершенно, то, во всяким случае, уменьшались очень значительно. Здесь стоит заметить, что молодые люди в Университете по-разному относились к учебе. Для одних целью было нравственное и умственное самоусовершенствование, эта категория студентов составляла свои узкие кружки, которые носили скорее эстетический, нежели общественный характер, все свои силы они отдавали науке. Для других тяга к знаниям не была столь сильна, на первое место у них выступали общественные интересы, целью своей они ставили объединение студентов, что, конечно, не обходилось по молодости лет без всякого рода развлечений. Были в Университете и такие молодые люди, которых, судя по всему, ничто не интересовало, они все свое время посвящали пьянству и разгулу, но такие в стенах учебного заведения долго не задерживались.

---

[50] Иваницкий Н. И. Автобиография. С. 283.

[51] Колмаков Н. М. Очерки и воспоминания с 1816 г. Т. 70. № 6. С. 662.

[52] Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. 1. (до 1881 г.) СПб., 1908. С. 52.

[53] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 218.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Подводя итог, можно лишь добавить, что Санкт-Петербургский университет вписал немало блестящих страниц в летопись отечественной науки, высшего образования и освободительного движения. Неисчислимыми нитями он был связан с жизнью страны, испытывал на себе ее многостороннее воздействие и, в свою очередь, оказывал влияние на те или иные процессы, происходившие за стенами Университета. Из него вышло много людей, оставивших свой след как в науке, так и в развитии прогрессивных идей в России. Но его история была бы безусловно неполной без рассмотрения социально-бытового аспекта студенческой жизни.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

М. Д. УФИМЦЕВА, И. И. КОРЧАГИНА

ФИТОГЕОГРАФИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ботаническая география (фитогеография) входит в комплекс географических наук, находясь на стыке двух крупных областей естествознания, — ботанической науки и физической географии. Но прежде чем она стала самостоятельной наукой со своей методологией, объектом и методами исследований, фитогеография прошла длительный путь развития. Основным истоком ее становления послужили глубокие изменения, произошедшие в политической, экономической, общественной и культурной жизни России, связанные с реформами Петра Великого. Безусловно, рубеж первой четверти XVIII в., когда при Петербургской Академии наук по указу Петра создавались два учебных заведения — Академическая Гимназия и Академический Университет, стал вехой в развитии многих областей науки в России. Несомненная заслуга в этом прежде всего принадлежит великому российскому ученому М. В. Ломоносову (1711–1765), представляющему энциклопедический тип ученого. Он обоснованно признается основоположником и русской географической науки. Известные его географические труды связаны преимущественно с проблемами географии Северного Ледовитого и Тихого океанов и представляют большой интерес для океанологии и картографии. Велика роль М. В. Ломоносова и в организации работы в Гимназии и Университете, особенно с 1760 г., когда эти заведения были переданы в его полное ведение. М. В. Ломоносов отчетливо сознавал необходимость создания отечественных кадров для культурного развития России. Благодаря его усилиям прием в эти заведения осуществлялся на демократической основе без сословных ограничений. Он всячески опекал способных студентов. Под непосредственным педагогическим воздействием М. В. Ломоносова в стенах Университета выросло целое поколение «природных русских ученых» в различных областях, ставших продолжателями его просветительских традиций. Это поколение дало и ярких натуралистов, исследования которых, основанные на экспедиционных материалах, явились предтечей для формирования биогеографических представлений. Среди питомцев Академических Гимназии и Университета, сыгравших исключительную роль в географическом изучении растительного покрова, прежде всего необходимо отметить Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802) и Василия Федоровича Зуева (1752–1794). Их исследования принесли славу русской флористике XVIII в. До них были известны первые естественнонаучные исследования в виде изданной в 1747–1759 гг. в четырех томах «Флоры Сибири» И.-Г. Гмелина, в которой содержится описание 1 178 видов растений, из них около 500 новых, и двухтомного «Описания Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1713–1755), изданного в 1755 г. Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) уже девятнадцатилетним юношей работал в Петербургской академии наук, а в 1731 г. стал академиком, был участником Второй Камчатской экспедиции В. Беринга в 1732–1743 гг., но на Камчатку не поехал, а остался в Сибири, послав туда студента Крашенинникова. К. Линней в 1744 г. в своем письме в Академию наук отмечал, что Гмелин открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли все вместе. Кроме описания растений, во введении к первому тому Гмелин дал первый ботанико-географический очерк Сибири. Талантливый русский натуралист С. П. Крашенинников был студентом Славяно-греко-латинской академии в

© М. Д. Уфимцева, И. И. Корчагина, 2000.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Москве, когда в 1732 г. его включили в состав Второй Камчатской экспедиции в качестве помощника И. Гмелина, а с 1737 по 1741 г. он уже самостоятельно работал на Камчатке. В его труде, переведенном потом на многие иностранные языки, есть глава, посвященная растительности Камчатки. В 1745 г. Крашенинников был избран академиком. Последние годы своей жизни он занимался изучением флоры Петербургской губернии, или, как тогда ее называли, Ингерманландии, оставил рукопись «De plantis Ingricis», изданную уже после его смерти.

Считаем необходимым более подробно остановиться на деятельности первого русского натуралиста, окончившего вначале Академическую Гимназию, а потом Академический Университет И. И. Лепехина, родившегося 10 сентября 1740 г. в Петербурге. Отец его был солдатом Семеновского полка. По указу Сената 20 марта 1751 г., малолетний Иван Лепехин был зачислен в Академическую Гимназию. Через 3,5 месяца его зачислили на казенное содержание. В Академической Гимназии, ректором которой в то время был талантливый русский натуралист С. П. Крашенинников, Лепехин был лучшим учеником. Он овладел немецким и латинским языками, прошел по ломоносовской программе курс русского языка и приобрел серьезные математические знания. В 1760 г. М. В. Ломоносов, являясь ректором Академического Университета, перевел Лепехина (в числе восьми лучших гимназистов) в студенты, а в начале 1762 г. предложил студентам старших курсов избрать себе определенную специальность и совершенствоваться в ней. Лепехин выбрал натуральную историю и просил для совершенствования в этой области отправить его за границу, так как профессора по этой дисциплине в Академии не было. С 22 ноября 1762 до осени 1767 г. Лепехин успешно обучался в Страсбургском университете. Более того, к нему очень благосклонно относился профессор химии и ботаники Я.-Р. Шпильман, который после смерти Ломоносова способствовал его продвижению. Уже 23 мая 1768 г. Лепехин единогласно был избран адъюнктом Академии.

Во второй половине XVIII в. стало осуществляться физико-топографическое описание России. Замысел этих экспедиций принадлежал еще Ломоносову. Предполагалось обследовать громадные пространства от западных границ России и Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря, а также степи юга Российской империи.

Первую физическую экспедицию в Оренбургский край и Сибирь возглавил академик Петр Симон Паллас (1741–1811), в молодые годы переселившийся в Россию, в 1768 г. ставший академиком и отдавший весь свой талант своей второй родине. Руководителем второй экспедиции был назначен Лепехин. Экспедициям надлежало исследовать малоизученные районы России, их участникам вменялось в обязанность, кроме исследований в области естественных наук, собирать сведения о хозяйстве, городах и населении.

Экспедиция Лепехина продолжалась с 1768 по 1772 г. Он подробно изучил природные богатства Поволжья, Урала, Сибири и Крайнего Севера Европейской России, собрал ценные материалы по зоогеографии, истории, этнографии, фольклору и народной медицине, привез богатейшие ботанические и зоологические коллекции, пополнил экспонаты Кунсткамеры. Лепехин описал растения посещенных им районов, выделил ряд особых видов из различных семейств, дал очерк Демидовского ботанического сада в Соликамске с перечислением представителей огромных коллекций, находившихся в саду. Результаты исследований впоследствии были опубликованы И. И. Лепехиным.[1]

[1] Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1772 гг. Ч. I—IV. СПб., 1771–1805.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Первые три тома «Записок» Лепехина были изданы на немецком, а в выдержках на французском языках. В рецензиях на эти издания его труды ставили наравне с трудами знаменитого Палласа. Признание Лепехина за границей выразилось в его избрании в 1776 г. в члены Берлинского общества естествоиспытателей.

Большое значение имела и вторая экспедиция Лепехина, организованная Академией наук в 1773 г. для изучения присоединенной к России территории Белоруссии.[2]

Лепехин вел большую административную работу. С 1774 г. он был бессменным директором Ботанического сада Академии наук, оставаясь им в течение 28 лет до самой смерти.[3] Он уделял большое внимание пополнению коллекций сада, а также наладил связь с участниками экспедиций и зарубежными ботаниками. При нем стали поступать посылки с семенами редких растений из Амстердамского, Копенгагенского, Страсбургского, Туринского и других ботанических садов. В свою очередь, из Петербургского ботанического сада регулярно отсылались семена и в другие ботанические сады, в том числе и зарубежные. Более того, Лепехин выращивал неизвестные растения и составлял их описания.

С 1777 г. Лепехин стал заниматься управлением Академической Гимназией, которая после смерти Ломоносова пришла в упадок. И в этом отношении он во всем следовал своему учителю — Ломоносову. Но чрезвычайно тяжелые условия работы и полное равнодушие академической администрации вынудили его сложить с себя эти обязанности.

Лепехин был одним из главнейших участников всех трудов Академии наук и являлся ее секретарем с 1783 г. до конца своей жизни. С 1784 по 1794 г. он участвовал в составлении шеститомного «Словаря Академии Российской», изданного в С.-Петербурге в 1789–1794 гг., определяя слова, относящиеся к естественным наукам.

Лепехин известен и как переводчик. Им одним переведено значительное число томов «Естественной истории Ж.-Л. Бюффона», выдающегося естественнонаучного труда второй половины XVIII в. После смерти Лепехина перевод этого труда прекратился. Перевод «Естественной истории» Бюффона снабжен многочисленными примечаниями, большая часть которых составлена Лепехиным, исправившим ошибки, допущенные Бюффоном в области географии и этнографии. Многие сведения, приводимые Бюффоном о животном мире, Лепехин дополнил материалами своих экспедиций.[4] Известны и другие переводы Лепехина.

Лепехин первым из членов Академии получил золотую медаль, присуждаемую на основании академического устава, за плодотворную деятельность.

Биография другого питомца М. В. Ломоносова В. Ф. Зуева во многом сходна с биографией И. И. Лепехина. В. Зуев, поступив в гимназию в 12 лет 16 января 1764 г., учился в ней на казенный счет, так как был сыном солдата Семеновского полка. Уже в конце первого учебного года он был отмечен как один из лучших учеников и представлен к награде. В 1768 г. в его судьбе произошло знаменательное событие: несмотря на молодость, он был взят академиком Палласом в Сибирскую экспедицию. Совместная работа с Палласом заменила ему университет. В 1771 г. по поручению Палласа он со-

[2] Фрадкин Н. Д. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1950.

[3] Баранов П. А. Ботаники в Аптекарском огороде и в Академии наук (XVIII в.) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л. 1957.

[4] Кулябко Е. Н. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вершил в очень трудных условиях самостоятельный маршрут вдоль р. Оби к ее низовьям, а оттуда к берегам Северного Ледовитого океана, в район Карской губы. В 1772 г. Зуев совершил еще один маршрут — в Березовский уезд Сибирской губернии. Паллас высоко оценил результаты исследований Зуева и выполненные им этнографические работы представил в Академию наук. К сожалению, эти рукописи, как и многие другие, не были опубликованы. Сведения, собранные молодым ученым, а также его путевые дневники были использованы Палласом в его пятитомном труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства», изданном на русском и немецком языках в 1773–1788 гг. Из всех трудов Палласа прежде всего следует отметить первую попытку дать сводную флору России, осуществленную в виде «Flora Rossica» и написанную на немецком языке. Эта работа переведена на русский язык Зуевым.[5] В переделанном при переводе на русский язык предисловии Палласа Зуев пишет от лица авторов этого предисловия, что они пытаются дать «экономическое и физическое» описание всех наиболее полезных растений, произрастающих на территории России. Эти описания сопровождались изображениями растений, поражающими совершенством своего исполнения. Зуевым была переведена также в 1788 г. ч. III. 1-я и 2-я половины 1772 и 1773 гг. уже упомянутого пятитомного труда. В этом труде, подобно И. Гмелину, Паллас делает попытку ботанико-географического описания растительного покрова юго-востока Русской равнины и Сибири. Сюда относятся сравнительная характеристика растительности песков, засоленных пространств и подробное описание степной растительности и ее ритмики в связи с режимом осадков. Большое внимание Паллас уделяет полезным растениям, составляет многочисленные списки видов растений, встреченных в посещенных им районах (Урал, Алтай, Западная Сибирь, Забайкалье и др.). Кроме того, в приложениях к томам «Путешествия» даны описание и изображение 148 новых видов растений.

Однако и сам Зуев стал выдающимся русским натуралистом. По возвращении из экспедиции Палласа он был послан для усовершенствования знаний за границу. Зуев слушал лекции известных ученых в Лейденском и Страсбургском университетах. За период командировки им было написано 4 работы, 3 из которых по зоогеографии. В 1779 г. он был утвержден в звании адъюнкта и прикомандирован к Палласу. В 1781 г. по инициативе директора Академии наук Зуев посылается в экспедицию на юг России, но в начале 1783 г., ставшая директором Академии наук, княгиня Е. Р. Дашкова прекратила финансирование экспедиции, и лишь помощь генерала И. А. Ганнибала помогла Зуеву справиться с возникшими трудностями. Вскоре Зуев получил приказ сдать в Академию все привезенные им коллекции, географические карты, личные дневники. Он задержал у себя дневники, чтобы подготовить их к печати, но смог обработать лишь часть материала, так как был привлечен к работе в Комиссии об учреждении народных училищ. Впоследствии Зуев получил предложение преподавать естествознание в Учительской семинарии при Главном народном училище и читать лекции учителям по естественной истории. Он обнаружил педагогические способности и в поощрение получил чин коллежского асессора, что давало ему право на получение дворянского звания. Однако в Академии наук Зуева ждали неприятности: за участие в делах народного училища без разрешения Е. Р. Дашковой он был отстранен от академической службы. Зуев был восстановлен в должности только благодаря вмешательству академика П.-С. Палласа. В 1786 г. вышел напи-

[5] Паллас П.-С. Описание растений Российского государства с их изображениями. Т. 1. «Flora Rossica». СПб., 1786.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

санный Зуевым оригинальный учебник в двух частях «Начертание естественной истории для народных училищ Российской империи», имевший большой успех и издававшийся 5 раз. По отзыву Палласа, этот учебник превосходил все тогдашние иностранные руководства по данному предмету.

В 1787 г. вышли «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.» Зуева. Это сочинение обогатило науку новыми ботанико-географическими сведениями, а также сведениями по физической и экономической географии не только малоисследованных южных, но и центральных губерний. Спустя два года книга Зуева была переведена на немецкий язык. В предисловии подчеркивалось, что записки Зуева достойно завершают серию сочинений таких известных путешественников, как Г.-Ф. Миллер, И.-Г. Гмелин и др.[6]

27 сентября 1787 г. Зуев единогласно был избран академиком.

Велика заслуга Зуева и как переводчика научных трудов на русский язык. Кроме перевода трудов Палласа, он участвовал также в переводе «Естественной истории» Бюффона, повлиявшей на русскую ботаническую терминологию. В 1791 г. Зуев представил в Академию наук перевод сочинения датского миссионера Эггеда «Описание Гренландии» с французского издания, вышедшего в Женеве в 1763 г. Рукопись взяла Е. Р. Дашкова и не вернула.

7 января 1794 г. Зуев скончался. Коллеги отмечали, что он мог бы еще долгое время быть полезным науке и Академии.

Начиная с академических экспедиций И. И. Лепехина и В. Ф. Зуева, открылся «золотой» бум географических экспедиций, организуемых Императорским Русским Географическим обществом в самые различные районы России и за ее пределы (Центральная Азия). В ходе этих экспедиций накопился обширный фактический материал о природных условиях, в том числе и о растительном покрове этих районов. Назрела необходимость оформления в самостоятельную науку исследований о растительном покрове, являвшихся в течение XVIII в. частью натуральной истории. Зарождение фитогеографии, или ботанической географии, в России относится к середине XIX в. — сложному периоду в развитии естествознания, ознаменовавшемуся во всем мире переходом от метафизического воззрения на природу к ее диалектическому пониманию. Основоположником ботанической географии является выдающийся русский ученый и прогрессивный общественный деятель Андрей Николаевич Бекетов. А. Н. Бекетов родился 8 декабря 1825 г. в селе Алферовке под Пензой. После окончания гимназии, в 1841 г. он был принят в число студентов Санкт-Петербургского университета на восточный факультет. Бекетов уже перешел на второй курс, выдержав экзамены, но понял, что ошибся в выборе факультета, и оставил Университет. По совету отца он поступает на военную службу юнкером в лейб-гвардейский полк, но вскоре выходит в отставку, чтобы снова пойти учиться.[7]

В 1845 г. Бекетов поступает вольнослушателем на естественный факультет Казанского университета, избрав путь натуралиста-ботаника. Окончив в 1849 г. университет, он направляется в Тифлис, где наряду с преподаванием в гимназии занимается изучением природы края. Уже в своей первой работе «Очерк Тифлисской флоры с описанием лютиковых, ей принадлежащих», опубликованной в 1853 г. и защищенной в качестве магистерской диссертации в Петербургском университете, Бекетов заявил о себе как о разностороннем исследователе в области ботаники и ботанической географии.

[6] Райков Б. Е. Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды. М., 1962.

[7] Бекетов А. Н. Автобиография // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В 1858 г. Бекетов защитил в Московском университете докторскую диссертацию, посвященную вопросам «архитектуры» растений и закономерностям в строении вегетативных органов, доказывая, что приспособление каждой части организма и приспособление всего организма к той среде, в которой он действует, обусловлено естественными причинами. В 1859 г. он получил место профессора ботаники в Харьковском университете. К этому периоду относятся первые переводы Бекетова важнейших произведений ботанической зарубежной литературы. Здесь же им написан «Курс ботаники», высоко оцененный К. А. Тимирязевым, учеником Бекетова в С.-Петербургском университете. По свидетельству Тимирязева, это руководство не имело аналогов в европейской литературе и опережало науку почти на полстолетие. В нем утверждалась необходимость экспериментальной морфологии растений, получившей «общее признание только за порогом XX столетия».[8] В связи с переездом в С.-Петербург с 1860 г. вся дальнейшая научная и преподавательская деятельность Бекетова была связана с Университетом. В 1863 г. он становится профессором и до 1888 г. — заведующим кафедрой ботаники,[9] которая была в составе естественного отделения физико-математического факультета; с 1870 г. Бекетов — декан физико-математического факультета, с 1876 по 1883 г. — и ректор Университета.

В тот период ни одной сводной работы на русском языке по ботанической географии не существовало. Потребность же в ней была велика. Понимая это, с самого начала своей научной деятельности Бекетов стал работать над созданием сводки по ботанической географии.[10] 1855 год следует считать годом становления ботанической географии в России и возникновения русской школы ботанико-географов. Дальнейшее развитие ботанической географии в Петербургском университете в полной мере отражает ее развитие в России.

Бекетов вместе с Х. Я. Гоби организовал издание первого русского журнала «Ботанические записки» (1886) и был одним из основателей Петербургского общества естествоиспытателей. С 1883 г. Бекетов — секретарь, а с 1891 — вице-президент Вольного экономического общества.[11] С 1895 г. он — почетный член Петербургской Академии наук.

В первой половине XIX в. ботаника и физическая география развивались независимо друг от друга как в плане научных исследований, так и по линии профессионального образования. Бекетов первым указал на необходимость тесной взаимосвязи между биологическими и географическими науками. В своих исследованиях он продолжал развивать это новое направление в географии. Бекетов воспринял все лучшее и передовое в ботанико-географических трудах виднейших европейских ученых того времени, творчески переработав их взгляды, и дал свое оригинальное решение целого ряда ботанико-географических проблем. Им впервые установлены закономерности распространения растительности России, картина которой была сильно искажена в работах европейских ботаников-географов, введен термин «предстепь» (лесостепь). Ботаническая география, которую Бекетов называл «географией растений», а иногда «ботанической географией» и «фитогеографией», была наиболее любимым им направлением науки, которое он развивал в течение

[8] Тимирязев К. А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Тимирязев К. А. Соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1939. С. 160.

[9] Гоби Х. Я. А. Н. Бекетов как профессор и представитель кафедры ботаники //Труды Император. С.-Петербург. об-ва естествоиспытателей. 1903. Вып. 1. Протокол 7. С. 251–257.

[10] Бекетов А. Н. География растений. Статьи 1–4. СПб., 1855.

[11] Танфильев Г. И. Андрей Николаевич Бекетов как деятель Императорского Вольного Экономического общества. СПб., 1902.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

почти 50-летнего периода своей творческой жизни, завершив его выходом первого русского оригинального учебника.[12]

Подробный анализ научных трудов Бекетова, явившихся основополагающими для развития ботанической географии, впервые дан А. А. Корчагиным.[13] Жизненный путь, общественная и научная деятельность Бекетова освещены в работах Венгерова,[14] Бородина,[15] Баранова,[16], Щербаковой[17] и др.

Мы лишь отметим, что роль Бекетова в развитии ботанической географии определялась не только значимостью его научных трудов, обосновавших широкое эволюционное ботанико-географическое направление, но и целенаправленной деятельностью в области профессионального образования: чтением в Петербургском университете первого в России курса по ботанической географии и руководством исследованиями своих многочисленных учеников по изучению растительности России.

Русская ботанико-географическая школа Бекетова дала целую плеяду талантливых ботаников-географов, таких, как А. Н. Краснов, Г. И. Танфильев, В. Л. Комаров, Н. И. Кузнецов, которые оказали большое влияние на развитие ботанической географии в С.-Петербургском университете и России. В трудах этих ученых по изучению растительного покрова различных регионов России и мира (Дальний Восток, Кавказ, Крым, Сибирь, Архангельская губерния и др.) развивались теоретические положения таких актуальнейших проблем ботанической географии, как происхождение русских степей и черноземов, безлесие степей, генезис растительности Черноморского побережья Кавказа, выявление закономерностей широтной зональности и вертикальной поясности растительности. Впервые в географии на необходимость выделения «меридиональной зональности», обусловленной степенью континентальности климата, а также отчасти и геологической историей страны, обратил внимание В. Л. Комаров.[18] В этот же период Н. И. Кузнецовым[19] закладываются основы ботанико-географического картографирования растительного покрова страны, ставшего одним из ведущих научных направлений на созданной впоследствии университетской кафедре ботанической географии.

Создание Бекетовым Ботанического сада при Петербургском университете, А. Н. Красновым Батумского ботанического сада как эталона растительности ботанико-географических областей Земного шара, работа Г. И. Танфильева в Ботаническом саду при Петербургском университете, Н. И. Кузнецова в Никитском и Юрьевском (Тартуском) ботанических садах, способствовали развитию прикладных наук. Эта сторона их деятельности имела практическое значение для акклиматизации и интродукции иноземных растений.

И, наконец, необходимо отметить исключительное значение преподавательской деятельности этих ученых в Петербургском и других университетах

[12] Бекетов А. Н. География растений. СПб., 1896.

[13] Корчагин А. А. А. Н. Бекетов как ботаник-географ // Известия Всесоюз. Геогр. Общества. 1955. Т. 87.

[14] Венгеров С. А. Послесловие к автобиогеографии А. Н. Бекетова // Критико-библиографический очерк русских писателей и ученых. СПб., 1891. С. 353–363.

[15] Бородин И. П. Биографический очерк жизни А. Н. Бекетова. Типография Меркушева. СПб., 1902.

[16] Баранов П. А. Выдающийся русский ботаник А. Н. Бекетов. М., 1952.

[17] Щербакова А. А. Андрей Николаевич Бекетов — выдающийся ботаник и общественный деятель. М., 1958.

[18] Комаров В. Л. Ботанико-географические области бассейна Амура // Труды С.-Петербург. об-ва естествоиспытателей. 1897. Т. XXVIII. Вып. 1.

[19] Кузнецов Н. И. Растительный покров и воды Европейской России // Альманах Яблонского. 1897.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тогдашней России: А. Н. Краснова в Харьковском, Г. И. Танфильева в Одесском, Н. И. Кузнецова в Симферопольском и Тартуском. Это укрепило лидирующие позиции созданной А. Н. Бекетовым Петербургской ботанико-географической школы и способствовало возникновению ботанико-географических центров на территории бывшей России.[20]

Кругосветная экспедиция А. Н. Краснова, зарубежные командировки Н. И. Кузнецова, В. Л. Комарова и других ученых, а также их участие с докладами в международных конференциях способствовали международному признанию русской ботанико-географической школы.

Таким образом, Бекетовым и его учениками во второй половине XIX столетия были заложены методологические и методические основы ботанической географии. Главной особенностью ботанико-географической школы Санкт-Петербургского университета с самого начала ее возникновения стала широкая профессиональная образованность и эрудиция ее представителей и преемственность научных традиций.

Дальнейшее развитие ботанической географии в Петербургском университете проходило на иной фундаментальной основе. Базирующиеся на анализе комплекса природных условий блестящие труды плеяды ученых во главе со своим патриархом А. П. Бекетовым имели основополагающее значение также для почвоведения и физической географии и были высоко оценены выдающимися географами того времени В. В. Докучаевым, П. П. Семеновым-Тяншанским, Л. С. Бергом. Своими исследованиями, научными трудами и педагогической деятельностью они наравне с географами внесли свой вклад в организационное оформление профессионального географического образования в Петербургском университете. Но этому предшествовал длительный подготовительный период, закончившийся составлением проекта специального Географического института. Однако вместо института в марте 1914 г. было разрешено открыть при Докучаевском почвенном комитете Высшие географические курсы, которые начали систематически работать только с 17 января 1916 г. С этого времени развитие ботанической географии как науки и специальности организационно связано с географией.

В декабре 1918 г. Высшие географические курсы были преобразованы в Географический институт, в составе которого было 16 кафедр и 21 кабинет, в том числе ботаническая география с ботаникой. Первым заведующим кафедрой ботанической географии был проф. В. Н. Любименко. Вскоре для подготовки молодых ученых при Географическом институте была создана Ученая коллегия, преобразованная в 1922 г. в Географо-Экономический Научно-исследовательский Институт (ГЭНИИ), при котором осуществлялась подготовка молодых ученых из числа способных к научной работе выпускников института, а также проводились почвенно-ботанико-географические исследования Петербургской губернии.[21]

С 1921 г. в Географическом институте начинает работать профессор Н. И. Кузнецов, у которого был кабинет фитогеографии. После ухода В. Н. Любименко он возглавил в 1923 г. кафедру ботанической географии.

В 1925 г. Географический институт вместе с ГЭНИИ был включен в состав

[20] Рубцов Н. И. Жизнь и научная деятельность проф. Н. И. Кузнецова в Крыму // Программа и тезисы докл. научной конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. И. Кузецова. Тарту, 1964. С. 84–86; Трасс Х. Х. Тартуский период в жизни Н. И. Кузнецова // Там же.

[21] Сваричевская З. А. 50 лет Географическому факультету Ленинградского университета // Вестн. Ленингр. ун-та, 1975. № 18. С. 12–23; Сваричевская З. А., Яковлев В. В. Из истории создания Географического факультета и Научно-исследовательского института ЛГУ // Там же. 1979. № 24. С. 106–108.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С.-Петербургского (Ленинградского) университета как самостоятельный факультет. При этом были несколько изменены его структура и учебный план. На географическом отделении факультета в составе 10 кафедр сохранилась кафедра ботанической географии. или фитогеографии. К сожалению, начиная с 1928–1929 гг. происходили многократные перестройки структуры факультета и учебных планов, дробления и изменения номенклатуры кафедр. Восстановить эту картину по годам не представляется возможным в связи с недостаточно полным отражением имевших место изменений в архивных материалах. Кафедра фитогеографии в эти годы сохраняла свой самостоятельный статус. Кроме Н. И. Кузнецова, читавшего фитогеографию тропических и субтропических стран и фитогеографию России, здесь работали проф. Б. А. Федченко (география технических растений, фитогеография России), В. Н. Сукачев (экология растений, фитосоциология, лесоведение, болотоведение), И. М. Крашенинников (растительность степей и пустынь).

Точное число студентов, окончивших кафедру до 1938 г., неизвестно. Среди них крупные ученые: исследователь растительного покрова пустынь, академик Туркменской АН, проф. М. П. Петров; исследователь растительности болот северо-запада России, доктор биологических наук В. Д. Лопатин; Н. Н. Дзенс-Литовская, окончившая в 1930 г. две кафедры — фитогеографии и географии почв. Научная деятельность Н. Н. Дзенс-Литовской неоднократно получала высокую оценку со стороны проф. Н. И. Кузнецова и академика Б. Б. Полынова. Дзенс-Литовская была непревзойденным знатоком почв и растительности степного Крыма. В 1954 г. она защитила на Ученом Совете географического факультета докторскую диссертацию «Географические условия почвообразования в степном Крыму». Вся ее деятельность была связана с ГЭНИИ (в настоящее время НИИГ) географического факультета. Дзенс-Литовская трагически погибла 23 июля 1958 г. в экспедиции в Вологодской области;

В 1932 г. при реорганизации структуры Университета кафедра ботанической географии, как и многие другие, была ликвидирована. Предмет «ботаническая география» осуществлялся в курсах лекций учебного плана кафедры фитосоциологии во главе с проф. В. Н. Сукачевым. В дальнейшем она была переименована в кафедру геоботаники и в 1934 г. была передана вместе с другими ботаническими курсами на биологический факультет.[22] Потерял свою самостоятельность и географический факультет, который был объединен вместе с почвенным сектором с геологическим факультетом.

В 1936 г. была восстановлена самостоятельность географического факультета, а в феврале 1938 г. вновь воссоздалась на географическом факультете и кафедра ботанической географии.

Довоенный период в развитии кафедры ботанической географии был кратковременным. Возглавил кафедру проф. Н. А. Буш, известный ботанико-географ, флорист и систематик растений. Он читал в Университете курс географии растений более 30 лет, начиная с 1909 г., сменив Г. И. Танфильева, осуществлявшего этот курс после смерти А. Н. Бекетова. Секретарем кафедры стал доц. А. А. Корчагин, взявший на себя всю организационную работу по восстановлению учебного процесса. В 1938 и 1939 гг. преподавательский состав кафедры был немногочисленным. Кроме Буша (ботаническая география и растительность вне СССР) и А. А. Корчагина (геоботаника и растительность СССР), на кафедре были доц. М. В. Сенянинова-Корчагина (общая ботаника и систематика растений), асс. Л. В. Бахтин (занятия по

[22] Корчагин А. А. Развитие биогеографии в Ленинградском университете // Вестн. Ленингр. ун-та. 1968. Серия геол. и геогр. № 24.; Блюменталь И. Х. Геоботаника в Ленинградском университете // Там же. 1970. Сер. биол. № 21.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

курсу ботаники и ботанической географии). При кафедре состояли аспирантами И. И. Абрамов и И. В. Грушвицкий. Н. А. Буш, как А. Н. Бекетов и Н. И. Кузнецов, изучал растительность и флору Кавказа, создав Юго-Осетинский горно-луговой стационар, на котором проходили специальную практику студенты и вели исследования аспиранты кафедры. В сферу научных интересов Буша входили также исследования ледников Кавказа. За комплексные исследования природы Кавказа Русское Географическое общество наградило его малой золотой, малой серебряной и медалью им. Пржевальского. Вклад Буша в развитие Ботанической географии достаточно полно охарактеризован А. А. Корчагиным.[23]

Началась Великая Отечественная война. Во время эвакуации Университета в Саратов кафедра прервала работу, а с осени 1942 г. вообще прекратила учебный процесс. 1 августа 1941 г. в г. Белозерске в пути во время эвакуации на Кавказ умер Буш; Л. В. Бахтин (1911–1941) был мобилизован в армию и вскоре погиб под Новгородом; прошел финскую и всю Отечественную войну И. И. Абрамов. Чтение ботанических курсов на географическом факультете в Саратове осуществляла доц. И. Д. Гиенэф-Богдановская. А. А. Корчагин и М. В. Корчагина остались в Ленинграде. А. А. Корчагин выполнял специальные работы по обследованию болот окрестностей осажденного города для оборонных целей и вместе с М. В. Корчагиной и студентами кафедры организовал сбор сфагнового мха, используемого в качестве гигроскопичного и антисептического перевязочного материала в блокадные годы.

Послевоенный период функционирования кафедры ботанической географии начинается с осени 1944 г., когда Университет реэвакуировался из Саратова. А. А. Корчагин возвращается на кафедру в июне 1944 г. профессором и заведующим, бессменно оставаясь им более 30 лет. Первоочередной задачей явилось формирование нового состава кафедры. Были избраны: профессором кафедры — М. В. Корчагина, доцентом — вернувшийся с фронта В. Д. Лопатин, до войны бывший научным сотрудником Саблинской учебно-научной станции и с 1938 г. ассистентом кафедры ботанической географии; ассистентами — Л. М. Зауер, работавший ранее лаборантом кафедры, а также окончившие аспирантуру при кафедре И. И. Абрамов (1948 г.) и М. Д. Скарлыгина (1954 г.). В 1955 г. И. И. Абрамов и Л. М. Зауер были избраны доцентами кафедры. Учебно-вспомогательный персонал состоял из выпускников кафедры — ст. лаборантов Я. А. Прусс, А. А. Ананьевой, Л. В. Московцевой, — высококвалифицированных ботанико-географов, ведущих занятия по систематике растений, ботанике, экологии, летнюю практику по ботанической географии, и Т. А. Метельковой, окончившей заочно кафедру физической географии, лаборанта Н. Н. Суриной. Учебный план кафедры этого периода отличался большим удельным весом специальных дисциплин с основательной подготовкой в области биологических и географических наук. А. А. Корчагин читал растительность СССР, растительность зарубежных стран, геоботанику (растительные сообщества), лесоведение, вел методологический семинар по основным проблемам и истории ботанической географии; М. В. Корчагина — общую ботанику и систематику растений, с 1949 г. — экологию растений (после организации соответствующей лаборатории), передав в 1953 г. курс общей ботаники Л. М. Зауеру; В. Д. Лопатин читал болотоведение, методы ботанико-географических исследований и полевую спецпрактику по растительным сообществам; И. И. Абрамов — луговедение, ботаническую географию для географов; М. Д. Скарлыгина — экологию и геогра-

[23] Корчагин А. А. 1) Памяти Николая Адольфовича Буша // Ученые записки ЛГУ. 1949. № 124. Серия геогр. наук. Вып. 4; 2) Научная и педагогическая деятельность Николая Адольфовича Буша // Бот. журн. 1969. Т. 54. № 11.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

фию культурных растений (для климатологов), вела занятия по ботанической географии и по лесоведению (определение древесных пород по почкам, образцам древесины, анализ хода роста). Коллектив сотрудников кафедры был очень разносторонен по своим научным интересам, что позволяло небольшому по численности штату осуществлять высоко профессиональную подготовку ботанико-географов.

Считаем своим долгом отдать дань глубокого уважения и искренней признательности своим дорогим и любимым учителям, ставшими коллегами, и привести некоторые биографические материалы о них, без чего история кафедры ботанической географии была бы неполной.

Мария Васильевна Сенянинова-Корчагина (4.02.1900–26.03.1966) окончила Московский университет в 1923 г. по специальности морфология и систематика растений, затем аспирантуру при научно-исследовательском институте ботаники МГУ. Еще в аспирантуре ею был написан ряд статей по вопросам эмбриологии и цитологии, из которых четыре были опубликованы за рубежом, получили высокую оценку и сразу же выдвинули Корчагину в число талантливых молодых ученых. В 1928 г. Корчагина переехала в Ленинград. В 1934 г. она была приглашена в Ленинградский университет на должность старшего ассистента кафедры генетики растений (биолого-почвенный факультет), а в 1936 г. была избрана по конкурсу доцентом этой же кафедры. В 1935 г. Корчагина защитила докторскую диссертацию во Всесоюзном институте растениеводства. В 1938 г. в связи с начавшимся гонением на классическую генетику она перешла на кафедру ботанической географии географического факультета, на которой работала (за исключением блокадных лет) до конца своей жизни.[24] Корчагина была непременной участницей всех кафедральных экспедиций, поэтому ее лекции по систематике растений всегда были содержательны и интересны. Корчагина была воплощением личной скромности, сердечной доброты и исключительной требовательности к себе.

Валентин Данилович Лопатин (10.08.1908–21.04.1997), окончив кафедру фитогеографии в 1931 г., поступил в аспирантуру ГЭНИИ, но потом в связи с реорганизацией университетских структур стал аспирантом А. П. Шенникова на кафедре геоботаники. Его кандидатская диссертация[25] получила высокие оценки не только официальных оппонентов проф. Р. И. Аболина и проф. Ю. Д. Цинзерлинга, но и проф. В. Н. Сукачева и проф. А. П. Шенникова. Изучению болот Лопатин отдал весь свой талант исследователя. Его интересовали не только теоретические вопросы болотоведения, включая прогнозирование всплываемости торфа при затоплении болотных массивов в связи с постройкой водохранилищ при гидроэлектростанциях, но и широкий круг вопросов, связанный с практическим использованием торфа. Лопатин кропотливо учил студентов азам полевых ботанико-географических исследований, методики камеральной обработки собранных материалов и представления их в виде курсовых и дипломных работ. В 1956 г. он перешел в Сахалинский комплексный НИИ СО АН, а в 1958 г. — в Институт биологии Карельского ФАН, где был заведующим лабораторией геоботаники.

Леонид Максимилианович Зауер (1907–1978) прошел на кафедре путь от лаборанта до доцента. Он был крупным специалистом-альгологом. В 1951 г. Зауер защитил кандидатскую диссертацию,[26] в которой была рассмотрена

[24] Корчагин А. А. Профессор, доктор биологических наук Мария Васильевна Корчагина (4.02.1900–16.03.1966) // Ученые записки ЛГУ. Серия геогр. наук. 1971. С. 3–29.

[25] Лопатин В. Д. Тесовский болотный массив. Геоботанический очерк: Автореф. канд. дис. Л., 1937.

[26] Зауер Л. М. Водоросли некоторых растительных сообществ Ленинградской

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

альгофлора вневодных растительных сообществ, закономерности распространения и экологические особенности водорослей в необычных условиях. Лекции и занятия Зауера были предельно насыщенными, на них царили доброжелательная атмосфера и внимательное отношение к каждому из присутствующих. Зауер был требовательным к себе и другим педагогом и очень интересным собеседником. Научные интересы Зауера, связанные с альгологией, обусловили его переход в 1958 г. на кафедру ботаники биолого-почвенного факультета. Им опубликован капитальный труд — монографическая сводка по сифоновым водорослям СССР.[27] Ответственный редактор этой монографии, заслуженный деятель науки, доктор биологических наук, проф. М. М. Голлербах писал: «Монографическую обработку сифоновых водорослей СССР, выполненную Л. М. Зауером, отличает не только полный учет новых литературных данных, но и глубокая критическая оценка их, без боязни отказа от тех "новинок", которые подчас внешне кажутся бесспорными, а на самом деле требуют серьезной проверки, с точки зрения редактора, эта особенность монографии Л. М. Зауера является весьма ценной».

Иван Иванович Абрамов являлся непосредственным учеником Н. А. Буша, будучи его аспирантом еще в довоенный период. Материал для своей диссертации он собирал на горно-луговом стационаре, находящемся на южном склоне Большого Кавказа в полевые периоды 1937 и 1938 гг., а также, уже восстановившись на географический факультет после демобилизации, в 1946 и 1947 гг. В 1937 и 1938 гг. Абрамов работал на юго-осетинском стационаре вместе с Е. В. и Н. А. Бушами. В 1953 г. на основе собранных материалов и используя имеющиеся гербарные сборы в БИН он защитил диссертацию,[28] в которой дан ботанико-географический анализ флоры и растительности, а также опубликовал ряд статей по некоторым растительным формациям и истории растительности Юго-Осетии.[29] Таким образом, протягивается связующая нить от А. Н. Бекетова, который заложил основы ботанической географии как науки, через последующие поколения ботанико-географов к Абрамову, воплотившем в своих исследованиях на Кавказе методологический принцип ботанической географии — исследование растительности на основе анализа флоры (степень ее эндемизма, наличие реликтов и т. д.). Именно глубокий анализ флоры позволял Абрамову проводить палеоботанические и палеогеографические реконструкции. Абрамов был прирожденным педагогом, находившим контакт с любой студенческой аудиторией с полуслова. Блестящий лектор с ораторским даром, эрудит практически во всех областях знаний, остроумный собеседник — эти и другие качества делали его лекции образными и увлекательными. Научные интересы, связанные с бриологией, в области которой Абрамов являлся ученым с мировым именем, обусловили в 1958 г. его переход в Ботанический институт им. В. Л. Комарова, где до конца своей жизни он возглавлял лабораторию бриологии и лихенологии и Отдел низших растений, одновременно являясь главным редактором ежегодника «Новости систематики низших растений».[30]

После ухода Л. М. Зауера и И. И. Абрамова на кафедру были приняты ассистентами в 1961 г. Л. Н. Алексеенко и в 1964 г. В. П. Денисенков. В 1966 г.

области: Автореф. канд. дис. Л., 1951.

[27] Зауер Л. М. Сифоновые водоросли. Флора споровых растений. Л., 1977. Т. 10.

[28] Абрамов И. И. Анализ флоры Юго-Осетии: Автореф. канд. дис. Л., 1953.

[29] Абрамов И. И. 1) Рододендровые верещатники высокогорий Юго-Осетии // Учен. зап. ЛГУ. № 166. Вып. 9. С. 355–384; 2) К вопросу об истории растительного покрова Юго-Осетии // Там же. № 219. Вып. 11. С. 257–278.

[30] Афонина О. М. Памяти И. И. Абрамова //Arktoa. 1995. № 4. С. 105–117.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

М. Д. Скарлыгина-Уфимцева и Л. Н. Алексеенко были избраны по конкурсу доцентами кафедр.

А. А. Корчагин приглашал для чтения лекций ведущих специалистов и крупных ученых других факультетов Университета и научных учреждений. Это создавало неповторимую атмосферу на кафедре и возможность духовного общения с маститыми учеными и незаурядными личностями. В этот период лекции читали проф. А. Ф. Криштофович (палеоботаника), проф. В. П. Терентьев (зоогеография, биометрия), проф. И. М. Покровская (палинология), акад. Е. М. Лавренко (степи СССР), проф. А. А. Юнатов (растительность аридных стран) и др.

К кафедре были прикреплены научные сотрудники Научно-исследовательского географического института, помогавшие в проведении летней учебной и производственной практики по ботанической географии: Г. И. Козлова, Т. Г. Абрамова, читавшая также курс болотоведения; почвоведы доктор географических наук Н. Н. Дзенс-Литовская, кандидаты географических наук Л. Л. Дворникова и И. Я. Крым.

В рассматриваемый период предстояло выработать методологический статус ботанической географии: несмотря на длительную историю развития этой науки, изучающей географические закономерности в распределении растительного покрова, все еще имело место большое расхождение и в названии науки, и в объеме, и в содержании, и в определении ее места среди других наук. В ряде статей того периода А. А. Корчагин показал, что «ботаническая география, или фитогеография, является частной географией и изучает растительный покров как один из элементов современных ландшафтов и ландшафтов геологического прошлого»,[31] обозначив следующие разделы: 1) история ботанической географии; 2) история развития растительного покрова в прошлые геологические периоды; 3) основные общие закономерности распределения современного растительного покрова; 4) принципы картографирования и районирования растительного покрова; 5) порайонная характеристика современного растительного покрова, выяснение его динамики и хозяйственного значения. Все разделы взаимосвязаны, но вместе с тем могут составлять и самостоятельный аспект ботанико-географических исследований. Указав основные разделы, Корчагин еще раз подчеркнул: «Необходимо помнить, что все эти задачи решаются ботанической географией не оторванно, а в тесной связи с другими элементами географического ландшафта или географической среды».[32] Впоследствии М. Д. Уфимцева в определение ботанической географии как науки внесла уточнение, в наибольшей степени учитывающее ландшафтообразующую роль растительного покрова: «Ботаническая география изучает растительный покров как компонент географического ландшафта. Растительный покров есть единство флоры и растительности. Объектом ботанической географии являются, с одной стороны, растительность, представляющая совокупность растительных сообществ какой-либо территории, и, с другой стороны, флора как совокупность видов, произрастающих на этой территории. Растительность и флора конкретизируются в едином явлении природы — растительном покрове».[33] Следовательно, типология растительных сообществ и история развития растительности какой-либо территории, обусловливающие ее современные особенности, должны рассматри-

[31] Корчагин А. А. Объем и содержание ботанической географии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. №5. С. 57.

[32] Там же. С. 58.

[33] Абрамов И. И., Скарлыгина-Уфимцева М. Д. Введение в ботаническую георафию. Л., 1974. С. 3.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ваться в тесной связи с процессом формирования флоры этой территории, ее генезиса и географической структуры.

На этом этапе кафедра в наиболее полной мере воплотила в жизнь традиции двух основных школ в развитии ботанической географии в Университете. Первая ведет свое начало, как уже указывалось ранее, от выдающегося ботанико-географа проф. А. Н. Бекетова, а также его учеников и последователей Н. И. Кузнецова и Н. А. Буша, воспринявших его идеи; вторая — от проф. В. Н. Сукачева, создавшего учение о растительных сообществах. Научно-исследовательская работа сотрудников кафедры определялась этими школами и была связана со следующими ботанико-географическими направлениями.

1. Надфитоценогическое направление — выявление закономерностей растительного покрова России и сопредельных стран ближнего зарубежья, а также зарубежных стран мира. Основные исследования сотрудников кафедры в рамках этого фундаментального направления, основанного на разработке теоретических принципов ботанико-географического картографирования и классификации растительности, а также ботанико-географического районирования исследуемой территории, проведены преимущественно в лесной зоне: северо-запад и северо-восток Русской равнины. Исключительное значение в решении указанной проблемы имеют работы А. А. Корчагина, особое положение среди которых занимает капитальный труд по характеристике растительности Печорско-Ылычского заповедника,[34] охватывающего большой, очень разнообразный по природным условиям и почти не исследованный регион. В этой ботанико-географической монографии Корчагин проводит подзональное подразделение территории, выделение высотных поясов, разрабатывает классификацию на основе эколого-физиономическо-фитоценологических принаков и осуществляет районирование территории. При характеристике районов растительный покров рассматривается как отражение структуры ландшафтов (за этот труд Корчагину присуждена ученая степень доктора географических наук, а позже и доктора биологических наук). В. Д. Лопатиным была разработана политипная классификация растительности и фациальная структура болот для Северо-Запада.[35] Т. Г. Абрамовой и Г. И. Козловой были выполнены карты растительности для атласов Вологодской и Архангельской областей[36]; Г. И. Козловой составлен также ряд тематических карт (лекарственных и полезных растений) для атласов Ленинградской, Архангельской, Новгородской областей; Карельской АССР, Ленинграда. Т. Г. Абрамовой и Г. И. Козловой на основе картирования растительности проведено геоботаническое районирование Северного Приладожья и Вологодской области с обоснованием методов ботанико-географического районирования. Они являются также соавторами большого коллектива исследователей, создавших геоботаническую карту нечерноземной зоны РСФСР в масштабе 1:1 500 000 и карту растительности европейской части СССР. Результаты ботанико-географических исследований степей Крыма, особенно широкомасштабно проводимые в 1951–1953 гг. в связи с проектированием трассы Северо-Крымского канала, изложены в рабо-

[34] Корчагин А. А. Растительность северной половины Печскоро-Ылычского заповедника // Тр. Печорско-Ылычского заповедника. Л., 1940.

[35] Лопатин В. Д. 1) Очерки растительности Гладкого болота // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 104. Серия геогр. Вып. 5., 2) «Гладкое болото» (Торфяная залежь и фации) // Учен. зап. ЛГУ. 1954. № 166. Серия геогр. Вып. 9.

[36] Абрамова Т. Г., Козлова Г. И. 1) Карта растительности // Атлас Вологодской области. М., 1965; 2) Карта растительности // Атлас Архангельской области. М., 1976.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тах Н. Н. Дзенс-Литовской[37] и М. Д. Скарлыгиной[38]. Для зарубежных стран А. А. Корчагиным составлены карты растительности и ареалов растений Австралии, Новой Гвинеи и Новой Зеландии, опубликованные в «Физико-географическом атласе мира».

2. Фитоценотическое направление — изучение состава, структуры, продуктивности и динамики растительных сообществ. Это направление развивалось всеми сотрудниками кафедры и представлено в их работах в соответствии с научными интересами, определяемыми выбором изучаемых типов растительности. Наиболее всесторонне эти вопросы рассмотрены в трудах А. А. Корчагина. Являясь ученым теоретического типа мышления и опираясь на большой опыт собственных исследований, он построил гипотезу о структуре и динамике разновозрастных еловых лесов Европейского Севера, определил четкость понятия «ценопопуляция». Разрабатывая проблему фитоценологии теоретически на протяжении многих лет, Корчагин обосновал концепцию об экологическом строении фитоценозов, ядром которой является синузия, установил соотношение синузии и ценопопуляции.[39] Исследованию продуктивности луговых сообществ большое внимание уделяли Г. И. Козлова, принимавшая участие в Международной Биологической программе[40], и Л. Н. Алексеенко[41].

3. Индикационное направление — использование растительного покрова в качестве индикатора условий среды — альфа и омега фитогеографических исследований. Особенности видового состава нижних ярусов являлись диагностическими критериями при типологии лесных сообществ в работах А. А. Корчагина, им же написаны статьи по ряду теоретических положений фитоиндикации; выявлением индикаторной роли мхов занимался И. И. Абрамов; луговые сообщества как индикаторы комплекса условий среды использовала Г. И. Козлова; по характеру растительности осуществляли индикацию типа торфяной залежи В. Д. Лопатин, Т. Г. Абрамова, В. П. Денисенков. Особое место в развитии этого направления занимает биогеохимическая индикация, основанная на учении В. И. Вернадского о роли живого вещества в миграции химических элементов в ландшафтах. В этой области начали исследования в 1956 г. Л. М. Зауер (на Кольском п-ве) и И. И. Абрамов (в Забайкалье). С 1960 г. и по настоящее время эти исследования проводит М. Д. Скарлыгина-Уфимцева. На кафедре сложилась научная биогеохимическая школа, получившая признание не только у нас в стране, но и за рубежом.[42] По результатам биогеохимической индикации при поисках полезных

[37] Дзенс-Литовская Н. Н. Почвы и растительность степного Крыма. Л., 1970.

[38] Скарлыгина М. Д. Основные черты растительности Крымского Присивашья: Автореф. канд. дис. Л., 1954.

[39] Корчагин А. А. 1) Внутривидовой (популяционный) состав растительных сообществ // Полевая геоботаника. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 63–124; 2) Synusial structure of forest communities // Tenth Intern. Botanical Congress. Abstracts of Papers. Ellenburgh, 1964; 3) Значение выявления внутривидового (популяционного) состава растительных сообществ при стационарных геоботанических исследованиях // Бот. журнал, 1966. Т. 51. № 6; 4) Строение растительных сообществ // Полевая геоботаника. Л., 1976. Т. V. С. 5–320.

[40] Козлова Г. И. 1) Продукция надземной и подземной частей луговых фитоценозов в разных экологических условиях поймы // Биологическая продуктивность и круговорот химических элементов в разных растительных сообществах. Л., 1971; 2) Продуктивность луговых сообществ // Ресурсы биосферы. Итоги советских исследований по международной биологической программе. Л., 1972. Вып. 1 (соавт. Н. П. Гуричева, О. М. Демина, Л. И. Номоконов, И. Д. Степанова).

[41] Алексеенко Л. Н. Продуктивность луговых растений в зависимости от условий среды. Л., 1967.

[42] Brooks R. R. Biological methods of prospecting for mineral. New York, 1983.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ископаемых опубликовано ряд статей и монографий.[43] Научные работы студентов, выполненные по этой теме, как и их руководитель, получили медаль Министерства высшего и среднего специального образования (1979 г.), дипломы I (1982 г.) и II (1983 г., 1984 г.) степени по итогам Всесоюзного и городского конкурсов на лучшую студенческую работу. В настоящее время биогеохимическая индикация связана с оценкой экологического состояния городской среды мегаполиса. Работы выполнены по договорам с администрацией Василеостровского района и мэрией С.-Петербурга.

4. Палеоботаническая география — палеогеографическая реконструкция природных обстановок геологических эпох и восстановление истории развития растительности той или иной территории на основе данных палинологии (Е. Н. Ананова[44], позже Г. М. Чернова[45]), палеокарпологии (И. А. Корчагина[46]) и анализа ботанического состава торфа (В. П. Денисенков[47]). Эту же задачу решали флорогенетические исследования И. И. Абрамова в Южной Осетии и исследования по морфогенезу и филогении растений с широких географических и палеогеографических позиций М. В. Сеняниновой-Корчагиной.

5. Эколого-морфо-физиологическое направление, развиваемое М. В. Корчагиной, Л. Н. Алексеенко[48] (с 1978 г. И. А. Корчагиной), является прикладным, но необходимым на кафедре биогеографии для познания механизма адаптации и взаимосвязи растительности с условиями среды.

Научные направления, сложившиеся в этот период на кафедре, и в настоящее время продолжают развиваться или претерпевают некоторую терминологическую эволюцию. Развитие научных направлений на кафедре обеспечивается организацией экспедиций. Только с 1946 г. было проведено свыше 15 экспедиций в различные районы страны. Наиболее значительными из них были Сихотэ-Алинская (1946 г.), Мезенская (1947 и 1949 гг.), Крымская (1948 и 1951–1952 гг.), Северо-Приладожская (1950–1951 гг.), Ленинградская (1952–1955 гг.), Северо-Двинская (1965 г.), Южно-Уральская (1960–1962 гг.), Иртышская (1980–1982 гг.) и др. Во всех экспедициях наряду с профессорско-преподавательским составом принимали участие и студенты кафедры, что позволяло им с первых шагов своей деятельности включаться в решение научных проблем.

Расширению ботанико-географического кругозора студентов кафедры способствовала и зональная учебная практика по «Растительным сообществам», которую проводила М. Д. Уфимцева по различным меридиональным маршру-

---

[43] Скарлыгина-Уфимцева М. Д., Черняхов В. Б., Березкина Г. А. Биогеохимические особенности медно-колчеданных месторождений Южного Урала. Л., 1976.

[44] Ананова Е. Н. 1) Новые данне о сарматской растительности в низовьях Днепра // Бот. журн. 1952. Т. 37. № 2; 2) Флора типа «перегляциальной» из древнечетвертичных отложений // Проблемы ботаники. 1959. Вып. 4; 3) Пыльца в неогеновых отложениях юга Русской Равнины. Л., 1974.

[45] Чернова Г. М. Ритмические составляющие спорово-пыльцевых спектров Тянь-Шаня // Вестн. СПбГУ. 1994. Серия геол. и геогр. Вып. 1 (№ 7). С. 96–101.

[46] Корчагина И. А. 1) Cyclocary и Spherocarya (Примечание к двум видам) // Ископаемые цветковые растения России и сопредельных государств. 1993. Т. 3 (совместно с О. Н. Арбузовой); 2) Phylogenetic and systematic significance of Taxodiaceous anatomicallog preserved seeds from the cretaceous to the Paleogene Floras FSU // Preceedings of the XV International Botanical Congress August-September 1993 in Tockio. Tockio, 1993 (with S. G. Zhilin, S. V. Vickulin, S. I. Frumina); 3) Alapaja (Taxodiaceae) seeds from the cenomanian-turonian of Northern Kazakhstan // Paleontological Journ. London, 1995. V. 29. № 1 A.

[47] Денисенков В. П. Растительность и торфяная залежь всплывших торфяных островов Рыбинского водохранилища // Вестн. ЛГУ. Серия геол. и геогр. 1981.

[48] Алексеенко Л. Н. Водный режим луговых растений в связи с условиями среды. Л., 1976.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

там в разные годы: в заповедниках (Тебердинском, Аскании-Нова, Центрально-Черноземном им. В. В. Алехина, Воронежском, Притеррасно-Окском, Ильменском), на учебно-научных базах биолого-почвенного и геологического факультетов (Лес на Ворскле, Крым) или в экспедициях ГЕОХИ им. В. И. Вернадского (Южный Урал, Грузия, Центральное Нечерноземье).

В подготовке специалистов ботанико-географов большую целенаправленную роль играло Студенческое Научное общество (СНО) кафедры. Руководимое вначале Н. А. Бушем, потом А. А. Корчагиным и с 1962 г. М. Д. Уфимцевой, СНО занимало лидирующие позиции на факультете и в Университете. На пленарных заседаниях студенческих научных конференций и на заседаниях СНО студенты выступали с докладами, о собственных полевых исследованиях и даже о научных открытиях. Так, Г. И. Козлова, будучи студенткой 4-го курса, обнаружила новый вид тау-сагыза, произрастающего на северных склонах Гиссарского хребта, что послужило фитогеогеографическим доказательством «геологической молодости дизъюнкций (разрывов) некогда общего ареала тау-сагызов».[49] Не случайно студенты, активно занимающиеся в СНО, стали впоследствии видными учеными по различным специализациям ботанической географии.

Биогеографический период. С 1962 г. в развитии кафедры ботанической географии начинается период, связанный с организацией учебного процесса по подготовке почвоведов-географов, что и послужило основанием для ее переименования. При кафедре образовался почвенно-географический сектор во главе с проф. Е. В. Рубилиным; в его состав входили асс. Н. С. Сотникова (в 1974 была избрана доцентом), асс. А. В. Друзин и Л. Л. Дворникова (с 1971 по 1979 г.), ст. лаборант Т. А. Метелькова, а позже выпускница кафедры Е. Ю. Окунева, являющаяся в настоящее время высококвалифицированным почвоведом-географом. Проф. Е. В. Рубилину и доц. Н. С. Сотниковой в короткий срок удалось создать оборудованную новейшими приборами лабораторию, пригодную для учебной и научной работы. Таким образом, была воссоздана связь времен, когда в Географическом институте, а позже и на географическом факультете работали такие почвоведы и почвоведы-географы, как Н. И. Прохоров, С. С. Неуструев, Б. Б. Полынов и др.

Евгений Владимирович Рубилин (род. 22.02.1904 г.) до прихода на кафедру ботанической географии свыше 35 лет заведовал кафедрой почвоведения в Горском сельскохозяйственном институте в г. Орджоникидзе, а после переезда в 1959 г. в Ленинград работал в Музее почвоведения. Е. В. Рубилин был одним из лучших знатоков почв Кавказа, в особенности региональных черноземов. На кафедре биогеографии и в НИГЭИ он организовал изучение абсолютного возраста почв. Основным направлением научно-исследовательской работы почвоведов кафедры были вопросы генезиса и географии почв северо-запада Русской равнины и вопросы мелиорации почв. Обаятельная приветливость Рубилина, его чуткое отношение к молодежи быстро сделали специализацию почвоведов-географов привлекательной среди студентов. Н. С. Сотникова — требовательная, досконально знающая свой предмет, энергичная, с колоссальной работоспособностью была генератором учебного процесса по этой специализации. Ею были подготовлены защиты диссертаций кандидатов географических наук Р. В. Десяткина и Т. И. Рахимова.

Первый выпуск почвоведов-географов состоялся в 1967 г. (всего было четырнадцать выпусков). За время существования сектор почвенной географии на кафедре биогеографии подготовил немало специалистов. Многие из них

[49] Овчинников П. А., Козлова Г. И. О нахождении тау-сагыза в Таджикистане // Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР. 1949. Вып. XII. С. 9.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

стали кандидатами наук (С. Губин, Н. Орельская, Б. Куттыев. и др.). Они работают в научно-исследовательских институтах и различных производственных учреждениях. Б. Ф. Опарин, окончивший кафедру в числе первых выпускников географов-почвоведов, защитил докторскую диссертацию. В настоящее время он является директором Музея почвоведения РАН и заведующим кафедры почвоведения и географии почв на биолого-почвенном факультете СПбГУ. Последний выпуск географов-почвоведов состоялся в 1980 г., после чего почвенно-географический сектор на кафедре биогеографии прекратил свое существование.

20 августа 1977 г. скоропостижно скончался А. А. Корчагин (родился 18 марта 1900 г.). Из современных ученых Корчагин являлся выдающимся примером ученого-энциклопедиста, крупным специалистом в области ботанической и физической географии, фитоценологии (геоботаники), лесоведения, экологии, систематики растений (особенно бриологии и семейства ивовых) и истории науки. Подробный анализ научного наследия Корчагина и полный перечень его трудов сделан в ряде статей.[50] Корчагин был соредактором пятитомной «Полевой геоботаники» (1959–1976) — издания, не имеющего аналога в истории мировой науки. 5-й том «Строение растительных сообществ», как указывалось ранее, целиком написан Корчагиным. С. А. Дыренков считает, что развиваемое Корчагиным учение о ценопопуляции «является важным вкладом геоботаники в общую биологию, в теорию эволюции, ибо устанавливает связь между генетической популяцией и разделами биогеоценологии, посвященными контрольным функциям в процессе естественного отбора».[51] Дыренков ставит имя Корчагина рядом с именами И. И. Шмальгаузена и В. Н. Сукачева. Корчагин был учителем в широком смысле слова и прежде всего прекрасным организатором профессионального образования ботанико-географов, достойным преемником и продолжателем традиций Санкт-Петербургской ботанико-географической школы, созданной А. Н. Бекетовым. Кафедра биогеографии при Корчагине была одной из ведущих кафедр факультета, на которую проводился конкурсный отбор. Это был «золотой век» кафедры. Студенты, специализирующиеся по ботанической географии, имели возможность реализовать свои профессиональные интересы в наиболее полной форме. Это достигалось как чтением специально включенных в учебный план дополнительных курсов, так и участием в экспедициях соответствующих организаций и выполнением курсовых и дипломных работ. Поэтому были выпуски специально подготовленных фитогеографов-палинологов, фитогеографов-палеокарпологов, фитогеографов-биогеохимиков и др.

Инерционный период в развитии кафедры биогеографии был объективно предопределен. Найти кандидатуру заведующего, адекватную масштабам личности А. А. Корчагина, его профессиональному научному потенциалу, педагогическому мастерству и блестящим организаторским способностям, дей-

[50] Липшиц С. Ю. Корчагин Александр Александрович // Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. М., 1955. Т. IV. С. 372–373; Матвеева Е. П., Сырокомская И. В. Александр Александрович Корчагин (К 70-летию со дня рождения) // Бот. журнал, 1970. Т. 55. № 10. С. 1536–1542; Семевский Б. Н., Разумихин Н. Н., Рубилин Е. В., Козлова Г. И. Педагог и ученый // Вестн. Ленингр. ун-та. 1975. № 12. С. 150–151; Козлова Г. И., Разумихин Н. Н., Скарлыгина-Уфимцева М. Д. А. А. Корчагин // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. № 6. С. 161–162; Скарлыгина-Уфимцева М. Д., Нешатаев Ю. Н. Педагогическая деятельность и значение работ А. А. Корчагина в развитии естественных наук // Современные проблемы биогеографии. 1980. Л., С. 3–10.

[51] Дыренков С. В. О работах А. А. Корчагина в области лесоведения // Бот. журнал. 1970. Т. 64. № 1. С. 85–99.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ствительно трудно. В течение 1977/78 учебного года заведующим кафедрой биогеографии был проф. Е. В. Рубилин, а после его смерти (1979) с 1979 по 1987 г. — проф. Л. Н. Алексеенко. С 1987 по май 1989 г. обязанности заведующего кафедрой исполнял доц. В. П. Денисенков. Произошедшие кадровые изменения на кафедре вызвали необходимость перераспределения учебных поручений. В 1978 г. по конкурсу была избрана ассистентом кафедры И. А. Корчагина (доцент с 1993 г.), начавшая осуществлять курс систематики растений, а после ухода с кафедры Л. Н. Алексеенко — экологию растений и полевую спецпрактику по экологии растений. В. П. Денисенков осуществлял чтение курсов болотоведения, ботаники, с 1977 г. — ботанической географии зарубежных стран. М. Д. Уфимцева стала читать с 1977 г. ботаническую географию СССР и биогеоценологию — курс, возникший на базе курса «растительные сообщества», продолжая читать ранее вошедший в учебные поручения курс ботанической географии для географов, превратившийся потом в курс «Учение о биосфере», а затем (с 1988 г.) и курс биогеохимической биогеоценологии. В 1992 г. М. Д. Уфимцева перешла на работу в НИИ Земной Коры им. акад. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга СПбГУ. За период работы на кафедре М. Д. Уфимцевой разработано и прочитано 16 различных лекционных курсов по специальности, подготовлено с защитой 3 кандидата географических наук из числа выпускников кафедры.

Большую помощь в учебном процессе кафедры в эти годы оказала И. С. Ильина, принятая в 1977 г. на должность старшего научного сотрудника НИИГ. Ее визитной карточкой была карта растительности Западно-Сибирской равнины, вышедшая в 1976 г., ответственным редактором и членом авторского коллектива которой она была. И. С. Ильина стала осуществлять чтение курса «ботанико-географическое картографирование» и вести семинар по методологическим проблемам ботанической географии, который ранее вел А. А. Корчагин.

Созидательная энергетика А. А. Корчагина была столь велика, что и после его ухода из жизни кафедра продолжала успешно осуществлять учебный процесс.

Пожалуй, главным итогом этого периода явился сам факт сохранения самостоятельности кафедры биогеографии в структуре факультета географии и геоэкологии, как стал называться с 1989 г. факультет. И в этом основная заслуга принадлежит ее выпускникам.

За послевоенные годы кафедру биогеографии окончили 357 ботанико-географов и 66 почвоведов, из них 102 ботанико-географа и 9 почвоведов защитили кандидатские диссертации, 12 ботанико-географов и 2 почвоведа стали докторами наук. Выпускники кафедры работают в различных регионах России, сопредельных странах ближнего зарубежья. Несколько выпускников кафедры работают в Китае, Вьетнаме, Польше, Румынии, Болгарии, Германии. Более 65%, окончивших кафедру биогеографии, работают в научных учреждениях и высших учебных заведениях. Выпускники кафедры работают практически во всех отделах БИН им. В. Л. Комарова РАН. Особо выделим лабораторию географии и картографии растительности БИН, в которой костяк творческого коллектива составляли и составляют выпускники кафедры — кандидаты географических наук Т. И. Исаченко, З. В. Карамышева, В. Н. Храмцов, доктора биологических наук И. Н. Сафронова (талантливый ботанико-географ с тонким чутьем ценофлоры и глубоким анализом растительности, что позволяет ей выявлять ботанико-географические рубежи при исследовании сложной структуры растительного покрова аридных территорий), Т. А. Комарова (доктора биологических наук, прекрасного знатока дальневосточной флоры и растительности, создавшей в Биолого-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

почвенном институте Дальневосточного отделения РАН представительство кафедры биогеографии). Кафедра гордится всеми своими выпускниками — и теми, кто посвятил свою жизнь науке, и теми, кто служит просвещению, — в высших учебных заведениях, в школе, в производственных организациях и иных структурах.

Современный период. Кардинальные изменения в нашей стране за последнее десятилетие затронули и старейшие университеты России, включая Санкт-Петербургский университет. Перестройка в системе высшего образования определила современный период в развитии кафедры биогеографии. В 1989 г. заведующим кафедры биогеографии стал ее выпускник проф. К. М. Петров. С 1995 г. кафедру возглавляет проф. И. С. Ильина. На этом этапе факультет и кафедра, как его структурное подразделение, перешли на систему трехуровенного образования — подготовку специалистов по трем ступеням: бакалавров, специалистов с высшим образованием, магистров. Это существенно изменило и усложнило учебный процесс и повысило требования к разработке учебных планов и программ.

Современный этап в учебно-научной работе кафедры можно назвать биоэкологическим. Он обогатился новым методологическим подходом — экосистемным, который широко внедряется в курсы ботанической географии, биогеоценологии, фито-экологического картографирования, теоретических проблем биогеографии и др. Экосистемный подход способствует успешному решению более широких геоэкологических проблем, что соответствует современному профилю работ факультета географии и геоэкологии СПбГУ. Основные направления, развиваемые в настоящее время на кафедре, сводятся к следующим.

1. Ботанико-географические методы выявления биологического разнообразия. Как и ранее, это — основной профиль научно-исследовательских работ сотрудников кафедры, реализуемый в постулате о единстве флоры и растительности. В предыдущие годы исследования по проблеме биологического разнообразия осуществлялись в различных регионах страны.[52] В последние годы эти исследования сосредоточены на территории Северо-Западного Приладожья, главным образом на Приладожской учебно-научной станции (ПУНС) СПбГУ в рамках общекафедральной темы «Биоразнообразие и ресурсно-экологический потенциал растительного покрова Северо-Западного Приладожья» (руководитель И. С. Ильина). Как любая комплексная проблема, она совмещает разные уровни и аспекты исследования растительного покрова: современное флористическое разнообразие (В. П. Денисенков), биологическое разнообразие в геологическом масштабе времени (Г. М. Чернова), экологическое разнообразие лугов ПУНС, их сезонный ритм развития, динамика формирования продуктивности (И. С. Ильина, И. А. Корчагина, А. Панкратова), фитоценотический (типология лесных и луговых

[52] Ильина И. С., Миркин Б. М., Денисова А. В. Синтаксономия растительности низовий Оби и Иртыша. I. Общая характеристика синтаксономии. Классы Saliceta purpurea Moor 1958 и Querco-Fagetea Br.-Bl. et Vlieger in Vlieger 1937 // Депон. ВИНИТИ, 6916, от 08. VIII. 1988. С. 1–36; Ильина И. С., Миркин Б. М., Денисова А. В. Синтаксономия растительности низовий Оби и Иртыша. II. Классы Phragmitetea Tx. et Prsg. 1942 и Molinio-Arrehenatheretea R.Tx. 1937 em 1970 // Депон. ВИНИТИ, 6917, от 08. VIII. 1988. С. 1–29; Скарлыгина-Уфимцева М. Д., Кузьмин А. И., Русаков В. Н. Экологические проблемы степных пойм при зарегулированном стоке (на примере омской поймы Иртыша). Л., 1991; Чернова Г. М., Денисенков В. П., Окунева Е. Ю. и др. Палеоэкология и биоразнообразие растительности северо-западного Приладожья в голоцене // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1997. Сер. 7. Вып. 4. № 28.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сообществ) и надфитоценотический (создание крупномасштабной фито-экологической карты) уровни (И. С. Ильина, В. П. Денисенков).

2. Фито-экологическое картографирование — современное направление в картографии растительного покрова, основывающееся на идеях академика В. Б. Сочавы. С докладами на Международных конференциях, посвященных 90-летию со дня рождения В. Б. Сочавы (1995) и созданию карты растительности Циркумполярной Арктики (1994), по результатам исследований в этой области выступала И. С. Ильина. В настоящее время сотрудники кафедры, аспиранты и студенты принимают активное участие в Международной программе по составлению обзорной карты растительности Азии.

3. Геоэкологическое направление — принципиально новое направление на кафедре, развиваемое проф. К. М. Петровым.[53] Преподавание основ геоэкологии на кафедре проф. К. М. Петровым осуществляется с позиций ботанической географии, ибо растительный покров Земли — основной средо- и ресурсоформирующий фактор биосферы; именно растительность, образуя каркас наземных экосистем, играет ведущую роль в поддержании экологического равновесия.

4. Почвенное направление. В связи с ликвидацией почвенно-географического сектора основная часть педагогической нагрузки по курсам почвоведения и географии почв была передана на биолого-почвенный факультет. Ряд учебных курсов по почвоведению, в основном для вечернего и заочного отделений, практические занятия с общим потоком студентов-географов и летнюю полевую учебную практику успешно выполняла ст. преподаватель кафедры Е. Ю. Окунева, осуществляющая руководство всеми аналитическими исследованиями в лаборатории. В настоящее время Е. Ю. Окунева совместно со студентами старших курсов занимается научно-исследовательской оценкой ресурсно-экологического потенциала лугов Приладожья и работает над кандидатской диссертацией.

Продолжают развиваться и уже сложившиеся направления: палеоботаническая география (палинология, палеокарпология, ботанический анализ торфов) и биогеохимическая индикация. Сейчас в Петербурге нет учебных заведений, где бы готовили указанного профиля специалистов, тем более важна роль кафедры в подготовке палеоботаников и фитогеографов-биогеохимиков.

Важное место в концепции университетского биогеографического образования принадлежит разработке теоретических проблем фундаментальной науки. Теоретические работы И. С. Ильиной направлены в область системно-структурных исследований: разрабатываются вопросы классификации и регионального анализа растительности на структурно-динамической основе, вопросы динамики и устойчивости растительности разных структурных уровней ее организации.[54] Это исследование было выполнено (при поддержке фонда Сороса) для пойменных экосистем крупных равнинных рек таежной зоны Сибири. Идеи системно-структурного подхода нашли отражение и в концепции ресурсно-экологического потенциала растительного покрова пойм рек И. С. Ильиной.[55]

Теоретические вопросы структуры, функционирования и устойчивости биосферы разрабатываются К. М. Петровым. В серии его публикаций развивается мысль о том, что в живом веществе биосфере заложены огромные

---

[53] Петров К. М. Геоэкология. СПб., 1994.

[54] Ильина И. С. Системный подход при региональном анализе растительного покрова // География и природные ресурсы. 1996. № 1.

[55] Ильина И. С. Ресурсно-экологический потенциал растительного покрова пойм рек. Теоретические и методические аспекты (на примере Оби и Иртыша). Новосибирск., 1992.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

резервы самовосстановления и саморазвития, что позволяет по-новому оценить механизмы ее устойчивости. Разрабатываемые теоретические предпосылки послужили основой для разработки оригинального подхода к природопользованию, позволяющего перейти от многозатратных мелиоративных работ по борьбе с опустыниванием и опустошением земель к использованию механизмов естественной стабилизации экосистем, которые сами способны регенерировать природный потенциал ландшафтов. Указанное направление нашло отражение в ряде лекционных курсов, опубликованных методических пособиях и учебнике.[56]

Тесная взаимосвязь учебного процесса и научных исследований с широким привлечением студентов в выполнении кафедральных тем позволяет осуществлять подготовку специалистов на высоком теоретическом уровне, способных решать сложные проблемы в различных сферах профессиональной деятельности.

Успех дальнейшего развития кафедры биогеографии, имеющей глубокие исторические корни и фундаментальную теоретическую основу, во многом будет зависеть от преемственности новым поколением сложившихся традиций, составивших славу Alma Mater на протяжении всего 80-летнего пути. Именно ученикам учеников А. А. Корчагина предстоит создать облик кафедры XXI в.

---

[56] Петров К. М. 1) Ботанико-географические основы геоэкологии // Основы геоэкологии. СПб., 1994. С. 223–260; 2) Общая экология: взаимодействие общества и природы. СПб., 1996 (1997).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Л. И. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

ЗНАКИ И ЖЕТОНЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вторая половина XIX — начало XX в. — один из важнейших этапов в истории развития России. Предпринятые в 60–70-х годах реформы стали началом выдвижения империи в число наиболее развитых в экономическом и культурном отношениях стран. Это время преобразований, которые затронули все важнейшие стороны жизни государства и стали причиной значительных изменений в классовой структуре общества. Капитализация одной части дворянского сословия и разорение другой его части; усиление влияния буржуазии и купечества на экономику и политику страны, рост численности и активности разночинного элемента, сформированного выходцами из духовенства, купцов, мещан, мелких чиновников и обедневших дворян, получивших хорошее образование, привели к повышению активности общественной жизни в самых различных ее проявлениях. Все это происходило на фоне роста образовательного уровня почти всех слоев населения. Эти обстоятельства несомненно повлияли на переориентацию взглядов в получении знаков отличия, которое было сопряжено с целым рядом трудностей и высоким стоимостным выражением, на знаки, отражавшие стремление к корпоративности некоего коллектива. Происходившее в это время «огосударствление» человека, подчас вне зависимости от его классовой принадлежности, утверждение и реформирование специально разработанных форм одежды требовали новой знаковой системы, нашедшей свое выражение в появлении нагрудных знаков и жетонов, которые зачастую предшествовали появлению знаков постоянного ношения.

Одной из отличительных черт, характерных для развития страны на этом этапе, было возникновение и развитие большого числа общественных организаций самой разной ориентации: научных, благотворительных, религиозных, профессиональных, спортивных и др. Естественным желанием членов таких объединений, прием в которые не зависел от классовой или национальной принадлежности входивших в них людей, было выделиться из общей массы, показав при этом свою принадлежность к данному коллективу, а в некоторых случаях и поощрить своих членов, особо отличившихся в трудах на благо общества. Ту же идею корпоративности, то же желание объединиться и выделиться мы находим и у людей, не состоящих в каких-либо обществах, а связанных настоящей или прошлой службой, учебой и т. д.

Для того чтобы обособить некую группу людей, объединенную общими интересами, выделить ее среди других, необходим был знак, призванный отразить сущность ее деятельности и способный определить некую общность людей именно как данную и никакую другую. Такими знаками стали в России нагрудные знаки и жетоны, которые наравне с орденами и медалями «отражали на себе огромную эпоху и, являясь ее знаками и эмблемами ... в то же самое время являются и самыми настоящими символами, притом весьма больших масштабов».[1]

Несомненно, важным условием развития производства знаков и жетонов стало наличие необходимой материальной базы.

В отечественных знаках и жетонах, как в зеркале, отразились все стороны жизни и общества в целом, и отдельного индивидуума.

© Л. И. Добровольская, 2000.

[1] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 313–314.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Знаки занимали по отношению к жетонам более высокую ступень в системе знаков отличия. Подавляющее их большинство утверждалось на Высочайшем уровне и вносилось в соответственные правовые документы — Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), Собрание узаконений и распоряжений правительства, издававшиеся при Правительствующем Сенате, и др.

Жетоны же проходили через Высочайшее утверждение, через людей, которым это право было предоставлено (членов императорской фамилии, стоявших во главе крупных военных формирований или руководивших делами благотворительных и иных обществ и организаций, министров и управляющих различными ведомствами в подведомственных им подразделениях), а также изготовлялись в ювелирных мастерских, минуя всякое утверждение. Огромный пласт подобных памятников составляют жетоны учебных заведений, учреждавшиеся зачастую наряду с официально утвержденными знаками. Кроме того, учащимися и преподавателями могли по частной инициативе заказываться жетоны по случаю различных юбилеев, памятных дат и других событий в жизни учебного заведения или лиц в нем обучающихся, или преподающих.

Существовали такие знаки и жетоны и во всех Российских университетах, в том числе и в Санкт-Петербургском. Утвержденные для университетов нагрудные знаки обязательного ношения были общими для всей империи.

Высочайшим повелением от 18 июля 1885 г. были утверждены знаки, присвоенные ученым степеням магистра и доктора наук.[2]

Знаки эти имеют схожие рисунки — серебряный (для доктора наук — золотой)[3] прорезной ромб, на сторонах которого между выпуклыми ободками лежат перевитые шнуры. На верхний угол ромба наложен серебряный (для доктора наук — золотой) государственный герб. На ромб наложен золотой крест, покрытый синей эмалью. Между верхним лучом креста и государственным гербом расположен золотой (для доктора наук — серебряный) круглый лавровый венок. На нижний угол ромба, заходя на нижний луч креста, наложена золотая буква «М» — магистр (для доктора наук — соответственно серебряная буква «Д»). Носить эти знаки полагалось на правой стороне груди.

11 июня 1899 г. был утвержден еще один нагрудный знак для окончивших не медицинские факультеты Российских университетов[4] (для врачей, окончивших медицинские факультеты со степенью доктора и лекаря, знаки были установлены ранее, в 1871 и 1897 гг.).[5]

Рисунок этого знака идентичен рисункам двух вышеназванных знаков с тем отличием от них, что золотой или серебряный позолоченный ромб покрыт с лицевой стороны белой эмалью, лавровый венок заменен на лавро-дубовый и орел, входящий в государственный герб, опирается на него хвостом. Какие-либо буквы на знаке отсутствуют. В Описании оговаривался и размер знака — сторона ромба — 3 см, его ширина — 3,8 см, орел (по вертикали) — 1,5 см, лавро-дубовый венок — 0,5 см.[6]

Университетские знаки разрешалось носить и военным, что было оговорено

---

[2] ПСЗ. Собр. 3-е. Т. V. СПб., 1885. № 3130.

[3] В описаниях идет речь о цветовом решении знаков, а не о металлах, из которых они изготовлялись.

[4] ПСЗ. Т. XIX. СПб., 1902. № 17171.

[5] Там же. Собр 2-е. Т. XLVI. СПб., 1874. № 49247; Собр. 3-е. Т. XVII. СПб., 1900. № 13735; Добровольская М. А. Доктор или Лекарь? // Миниатюра. 1997. № 34. С. 2, 3.

[6] ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XIX. Отд. II. Приложения. СПб., 1902. № 17171.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в специальном Приказе по Военному ведомству, причем, согласно высочайшему повелению Военного министра, для генералов, штаб и обер-офицеров, гражданских чиновников Военного ведомства и нижних чинов, окончивших курс не медицинских факультетов императорских российских университетов, был установлен нагрудный знак уменьшенного размера.[7]

После Октябрьской революции производство выпускных университетских знаков было прекращено. Новый знак для окончивших государственные университеты был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1945 г. и выдавался с удостоверением выпускникам как этого года, так и всех предыдущих лет. В рисунке знака была сохранена традиционная ромбовидная форма и расцветка; в центре помещалось позолоченное изображение герба Советского Союза. Знак изготовлялся из серебра, замененного впоследствии недрагоценными металлами.

После 1991 г. выпуск знаков с гербом СССР прекратился. К 1994 г. для выпускников Санкт-Петербургского университета был изготовлен новый знак, заказанный по решению Ученого совета медальеру Г. П. Постникову. Из нескольких авторских вариантов был выбран проект, представлявший собой тот же синий ромб с белым кантом, на котором герб СССР заменен гербом Университета. Тираж этого знака невелик — около 3 тыс. экземпляров.

В собрании Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа хранится около двух десятков знаков на окончание императорских университетов, в том числе и миниатюрных, а также знак доктора наук, знаки советского времени и выпуска 1994 г.[8] Более половины дореволюционных знаков не имеют клейм; местом производства нескольких знаков с клеймами был Петербург, поэтому можно предположить, что некоторые из них имеют отношение к выпускникам С.-Петербургского университета. К сожалению, провести более точную атрибуцию этих памятников не представляется возможным из-за их обезличенности. Конкретная информация о связи знаков с тем или иным университом содержится в высочайше утвержденных в 1889 г., почти на 10 лет раньше официальных университетских знаков для выпускников этих заведений, специальных жетонах. На прошение об их утверждении имеется виза за подписью министра народного просвещения статс-секретаря графа И. Д. Делянова: «Высочайше разрешено. Гатчина, 30 декабря 1889 года».

Согласно Указу жетон должен был быть золотой или серебряный, вызолоченный; на лицевой его стороне — изображение рельефного государственного герба под императорской короной, а на оборотной — в середине год окончания курса, наверху — заглавные буквы университета и внизу — фамилия получившего жетон, вырезанная вглубь. Края жетона и колечко должны были быть полированными, а остальные части — матовыми. Особо отмечалось и было дополнительно вписано в проект описания жетона, что жетон не заменяет знаков отличия и не должен носиться наподобие знаков отличия. Необходимо отметить, что для Высочайшего утверждения было представлено два варианта оборотной стороны жетона. На неосуществленном варианте в центре должны были располагаться заглавные буквы университета, а над ними сверху — год окончания университета. Носили жетоны обычно на груди на короткой цепочке, крепившейся к пуговице сюртука.[9]

---

[7] Патин К. А. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель всех действующих приказов по Военному Ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного Штаба и прочих Главных Управлений, и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам за 45 лет, с 1859 по 1904 г. Тамбов, 1904. Т. 1. С. 585; Патрикеев С. Б., Бойнович А. Д. Нагрудные знаки России. СПб., 1995. С. 108.

[8] ОНГЭ. Инв. № РМ-7096, ИО-29517, ИО-26400, ИО-11898.

[9] РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 97. Л. 427, 428; ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. СПб., 1889. № 6502.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Из приведенного описания следует, что жетоны дают более полную, нежели знаки, информацию как о самом университете, так и о лице его закончившем и поэтому являются важным источником при изучении вопросов, связанных с историей университетов и людей, в них обучавшихся.

В числе семи университетских жетонов, хранящихся в Отделе нумизматики Эрмитажа, два связаны с Санкт-Петербургским университетом. Первый из них, принадлежавший П. А. Колумбусу, поступил в музей в составе коллекции академика Б. Е. Быховского в 1967 г. Фамилия Колумбуса встречается в Адрес-календаре с 1876 г. Тогда коллежский секретарь Петр Андреевич Колумбус начал преподавать коммерческие науки в 1-м реальном училище Санкт-Петербурга. Позже Петр Андреевич преподавал математику в Павловском институте, арифметику в Елисаветинском училище, коммерческие науки в гимназии и реальном училище Мая; был казначеем Общества вспоможения нуждающимся ученикам Санкт-Петербургского 1-го реального училища, членом Совета и секретарем Братства Святителя и чудотворца Иннокентия при церкви Санкт-Петербургского 1-го реального училища. В 1903–1904 гг. Петр Андреевич был членом Учебного комитета Министерства финансов. В 1905 г. П. А. Колумбус умер.[10]

На лицевой стороне его жетона изображение орла цельноштампованное, поле под орлом прорезано вертикальными желобками; можно предположить, что это геральдическое изображение красного цвета. На оборотной стороне жетона — название университета, фамилия окончившего и дата окончания «1870» гравированы. Все линии, круг, заключающий дату, и ободок по краю — веревочные. Завитки, отделяющие фамилию и название университета, загнуты внутрь и сопровождаются отходящими наверх листиками. Рисунок короны, венчающий жетон, отличается от традиционного изображения императорской короны, принятого для изображения на монетах и в геральдике, и соответствует изображению Большой императорской короны. Жетон изготовлен из серебра. Клейма на соединительном кольце жетона неразборчивы.[11]

Второй жетон Санкт-Петербургского университета из эрмитажного собрания принадлежал М. Б. Неймарку, окончившему в 1895 г. обучение на юридическом факультете, о чем свидетельствует запись, сделанная в Годичном отчете Университета. После выпуска Максимиллиан Бертольдович Неймарк в чине коллежского секретаря служил помощником присяжного поверенного в Петербурге.[12] Изображение орла на принадлежавшем ему жетоне цель-

---

[10] Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц: на 1876 г. Адрес-календарь. Ч. 1. С. 373; там же, на 1877 г. Ч. 1. С. 646, 647; там же, на 1878 г. Ч. 1. С. 368, 644, 645; там же, на 1879 г. Ч. 1. С. 383, 674; там же, на 1890 г. Ч. 1. С. 343, 676; там же, на 1891 г. Ч. 1. С. 342; там же, на 1892 г. Ч. 1. С. 333; там же, на 1893 г. Ч. 1. С. 461, 465; там же, на 1896 г. Ч. 1. С. 491, 920; там же, на 1898 г. Ч. 1. С. 167, 171; там же. Ч. 1. С. 175. Адресная книга г. Санкт-Петербурга на 1892 г. / Под ред. П. О. Яблонского. Ч. 1. С. 402, 408, 409; Ч. 2. С. 93; там же, на 1896 г. Ч. 2. С. 1751, 1261, там же, на 1900 г. Ч. 1. С. 2457, 3067; Ч. 2. С. 454; Весь Петербург на 1898 г. Ч. 2. С. 260; там же, на 1899 г. Ч. 2. С. 261; там же, на 1903 г. Ч. 2. С. 317; там же, на 1904 г. Ч. 2. С. 313; Ч. 1. С. 224; там же, на 1905 г. Ч. 2. С. 308; там же, на 1906 г. Ч. 2. С. 320.

[11] ОНГЭ, инв. № ИО 13235, серебро, 19×32, вес 6,00 г.

[12] Годичный акт Императорского Санкт-Петербургского университета, 8-го февраля 1896 г. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 г. / сост. Х. Я. Гоби. СПб., 1896. С. 86. № 141. Адресная книга г. Санкт-Петербурга на 1900 г. Ч. 1. С. 2952; Ч. 2. С. 659; Весь Петербург на 1903 г. Ч. 2. С. 361; там же, на 1904 г. Ч. 2. С. 456; там же, на 1905 г. Ч. 2. С. 450; там же, на 1906 г. Ч. 2. С. 463; там же, на 1907 г. Ч. 2. С. 494; там же, на 1909 г. Ч. 2. С. 552; там же, на 1910 г. Ч. 2. С. 593; там же, на 1911 г. Ч. 2. С. 623; там же, на 1913. Ч. 2. С. 442; там же, на 1914. Ч. 2. С. 461; Весь Петроград на 1916 г. Ч. 2. С. 476; там же, на 1917 г. Ч. 2. С. 480.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ноштампованное, поле под орлом прорезано вертикальными полосками (возможно, красный цвет). На оборотной стороне наименование университета, год окончания «1895» и фамилия окончившего штампованные, а не гравированные. Форма завитков соответствует утвержденному рисунку. Венчает жетон большая императорская корона, похожая на подобную на жетоне Колумбуса. Клеймо на соединительном кольце — «ES» (Эдвард Шрамм или Эрик Штрант).[13]

Производство выпускных и иных жетонов стало традицией для огромного числа военных и гражданских учебных заведений самого разного уровня. Прерванная Октябрьской революцией, она начинает возрождаться в наши дни. Изучение и осмысление подобных памятников несомненно даст возможность лучше узнать историю учебных заведений, проследить судьбы их выпускников и членов педагогического коллектива, а также при создании новых знаков и жетонов учесть положительный опыт создания, процедуры утверждения, эмблематики и символики уже существующих подобных произведений.

[13] ОНГЭ. Инв. № Аз 2663, золото, 21×36, вес 6,73 г.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Е. Р. ОЛЬХОВСКИЙ

«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИСТОРИЯ» 1853 ГОДА

История Петербургского университета практически неисчерпаема. С нею тесно связаны развитие целых научных школ, имена великих, всемирно известных ученых и скромных тружеников науки, честных и добросовестных педагогов, любимых и глубоко уважаемых студентами многих поколений. Некоторые из них творчески искали новые, нестандартные пути преподавания, приобщения своих воспитанников к науке. Однако часто такие поиски встречали ожесточенное сопротивление гонителей-ретроградов, которые обвиняли новаторов в стремлении «подорвать основы», проповедовать «опасные разрушительные идеи» и т. д. Именно так поступили в 1821 г. Д. П. Рунич, М. Л. Магницкий, А. Н. Голицын и др., изгнав из Университета А. П. Куницына, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, Э. Раупха, А. И. Галича.[1] Так поступили реакционеры и в 1853 г., попытавшись расправиться с видным преподавателем Петербургского университета В. А. Милютиным.[2]

В. А. Милютин — третий из четырех братьев в семье, давшей России двух выдающихся ее реформаторов. Старший, Д. А. Милютин, — военный министр в 1861–1881 гг. Он был главным преобразователем российской армии в XIX в., оказал заметное влияние на многие другие стороны общественно-политической жизни России.[3] Второй, Н. А. Милютин, был главным «двигателем» крестьянской реформы 1861 г., сыграл выдающуюся роль в истории польских реформ 1863–1864 гг., земской, цензурной и других реформ 60-х годов XIX в.[4] В. А. Милютин, не дожив до 30 лет, тоже оставил яркий след в российской истории.

© Е. Р. Ольховский, 2000.

[1] См.: Феоктистов Е. М. Магницкий: Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. Т. 51. Июнь; Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864. Вып. III; Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С. 505; Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: Материалы по истории С.-Петербургского университета. Пг., 1919. С. 131–169; Плисов М. Г. Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 307–337; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 8; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 369–380; Куракин А. Б. [Мнение о деле профессоров] // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 391. — Подробнее об этом см.: Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. Единым вдохновением: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб., 2000.

[2] Упоминание об этом см.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Серия исторических наук. Л., 1948. С. 11; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 80. — Некоторые материалы настоящей статьи автор частично использовал в очерке «Роковой выстрел» (см.: Ольховский Е. Р. Петербургские истории. Город и интеллигенция в минувшем столетии (1810–1910-е годы). СПб., 1998. С. 185–218).

[3] См.: Зайончковский П. А. Д. А. Милютин. Биографический очерк // Милютин Д. А. Дневник. Т. 1. М., 1947; Филиппова Т. А. Дмитрий Алексеевич Милютин // Российские реформаторы XIX — начала XX в. М., 1995. С. 116–145; Власть и реформы: От самодержавия к Советской России. СПб., 1996. С. 290–376.

[4] Leroy-Beaulien A. Un homme d'etat russe (Nicolas Milutine). Paris, 1884; Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (по русским и иностранным источникам). СПб., 1901; Кизеветтер А. Николай Алексеевич Милютин // Исторические отклики. М., 1915; Linkoln B. Nikolai Miliutin an Enlighten Russia Bureaucrat of the 19th (Russian Biography Series. N 3). Neutonville. Mass.,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Владимир Алексеевич Милютин родился 16 декабря 1826 г. и учился, как и его братья, в Благородном пансионе Московского университета, а затем на юридическом факультете Петербургского университета, который и окончил в 1847 г. Еще в студенческие годы Милютин заинтересовался политической экономией и утопическим социализмом. В 1847 г. он опубликовал ряд замечательных экономических статей: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции»,[5] две большие статьи в связи с выходом в свет книги А. Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии»,[6] «Мальтус и его противники»[7] (все эти статьи в наши дни переизданы, об их смысле и общественной борьбе вокруг них существует целая литература[8]).

Научные интересы В. А. Милютина соответствовали в повседневной жизни его близости к радикальному демократическому течению. Уже в середине 40-х годов он входил в довольно многочисленный кружок либералов и либерально настроенных чиновников, группировавшийся вокруг его брата, Н. А. Милютина, а позднее — и К. Д. Кавелина (Д. А. Милютин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, И. П. Арапетов, К. К. Грот, В. П. Безобразов и др). Этот кружок в конце 40-х — начале 50-х годов называли в столице «партией петербургского прогресса». Его члены открыто (естественно, настолько, насколько это было возможно в последнее «мрачное семилетие» правления Николая I) выражали недовольство положением дел в России, сохранением крепостного строя и неограниченного самодержавия.[9] Правда, большинство членов милютинского кружка и тогда решительно отмежевывалось от лагеря революционной демократии, заявляли себя либералами, признавали более полезным мирное, постепенное и легальное развитие с помощью реформ, называли революцию «разрушительной силой», считали, что она взыскивает за прогресс слишком большую социальную цену. Члены кружка были в основном противниками революционных переворотов, революционной борьбы и широкого народного движения.[10]

1977; Захарова Л. Г. Записка Н. А. Милютина об освобождении крестьян (1856 г.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983; Ольховский Е. Р.: 1) Экономические труды Н. А. Милютина // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Ч. II. М., 1993; 2) Забытый государственный человек //Звезда. 1996. № 12.

[5] Отечественные записки. 1847. Т. L.

[6] Современник 1847. № X, XI, XII; Отечественные записки. 1847. Т. LV.

[7] Современник. 1847. № VIII, IX.

[8] Семевский В. И. Сен-симонисты и фурьеристы в России // Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. 2. М., 1914; Милютин В. А. Избранные произведения. М., 1946; Блюмин И. Г. Экономические воззрения В. А. Милютина // Там же; Дубнов А. С. Экономические взгляды В. А. Милютина. М., 1958; Мартыновская В. С. В. А. Милютин // История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. М., 1958; Боярский Ш. М. Экономические взгляды В. А. Милютина: Автореф. канд. дис. Л., 1955; Ярыгин П. И. Экономические взгляды В. А. Милютина: Автореф. канд. дис. М., 1955; Романов Г. И. Критически-утопический социализм В. А. Милютина: Автореф. канд. дис. М., 1980. — Все эти работы, правильно акцентируя внимание на элементах утопического социализма в мировоззрении В. А. Милютина, обходят важные вопросы, поставленные еще до революции (статья «Л.» (очевидно, И. И. Лучицкого) в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. XIX. СПб., 1896. С. 319–320)) о том,что истинной и существенной целью политической экономии, по мнению Милютина, является открытие тех общих, постоянных законов, по которым совершается материальное развитие обществ, а также о том, что В. А. Милютин был первым русским позитивистом, следовавшим идеям О. Конта.

[9] Розенталь В. Н. Идейные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 384–385.

[10] Милютин Д. А. Путевой дневник (Рукописный отдел Российской государ-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. А. Милютин был тесно связан с кругом журналов «Современник» и «Отечественные записки»:[11] с В. Г. Белинским, Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, М. Е. Салтыковым, В. Н. Майковым. Первые экономические труды Милютина оказали определенное влияние на молодого Н. Г. Чернышевского. М. Е. Салтыков («Н. Щедрин») посвятил Владимиру Алексеевичу свою острую сатирическую повесть «Противоречия» (1847), за которую и поплатился ссылкой в Вятку. В. Г. Белинский в ноябре 1847 г. писал В. П. Боткину: «Теперь есть еще в Петербурге молодой человек, [В. А.] Милютин. Он занимается con amore и специально политическою экономиею. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою, и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснодуший».[12]

Какое-то время В. А. Милютин был связан также с кружком М. В. Буташевича-Петрашевского.[13] До 1847 г. Милютин бывал на знаменитых «пятницах» Петрашевского, но потом от кружка отошел и потому аресту или репрессиям по делу петрашевцев не подвергался, хотя первоначально и был отдан приказ о его задержании.[14] По взглядам Милютин был безусловно близок к этому передовому общественно-литературному кружку. Недаром о влиянии «пролетарских» статей Милютина говорится в известном романе петрашевца И. А. Пальма «Алексей Слободин», посвященном деятельности кружка.

Целую эпоху в жизни В. А. Милютина составляла его деятельность в Императорском Русском географическом обществе. Уже в 1845 г., при возникновении этого общества его членами стали почти все члены милютинско-кавелинского либерального кружка. Недаром Д. А. Милютин впоследствии вспоминал: «Наш кружок почти весь находился тут в сборе».[15] Уже вначале В. А. Милютин вместе с братьями активно боролся за более либеральный устав Общества, за право более деятельного участия каждого члена в делах Общества. Владимир Алексеевич сначала был секретарем Статистического комитета Общества (при председателе А. П. Заблоцком-Десятовском), а затем секретарем всего Общества и главным редактором «Вестника Географического общества».[16] Он энергично перестроил всю структуру изданий Географического общества. Следы его кипучей деятельности сохранились на столбцах «Вестника» и других книг, а также в архивохранилищах.[17]

В 1850 г. Милютин был назначен адъюнкт-профессором в Петербургском университете. Можно не сомневаться, что к этому назначению имел прямое отношение ректор университета, известный историк литературы П. А. Плетнев. Он, издатель-редактор «Современника» с 1836 по 1846 г. и участник «Отечественных записок» в 30–40-х годах, хорошо знал Милютина. Владимир Алексеевич с конца 40-х годов начинает заниматься проблемами истории русского права. В 1849 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию на тему «О недвижимых имуществах духовен-

---

ственной библиотеки. Ф. 169. Папка 2. Д. 2).

[11] См.: Богрд В. Э. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. Л., 1959. С. 788; Кривенко С. Н. М. Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1891. С. 23–24; Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 242–243, 276.

[12] Белинский В. Г. Письма. Т. III. СПб., 1914. С. 272.

[13] Дело петрашевцев. Т. II. М.; Л., 1941. С. 143; Т. III. М.; Л., 1951. С. 303–309.

[14] См.: Блюмин И. Г. Экономические воззрения В. А. Милютина. С. 6.

[15] Милютин Д. А. Мои старческие воспоминания. Кн. 4 (Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Папка 12. Д. 4. Л. 177).

[16] См.: Русская периодическая печать. С. 325, 337.

[17] См., напр.: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 734. Д. 3; Ф. 171. Д. 189; Ф. 608. Оп. 1. Д. 2483; Ф. 37. Д. 874.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ства в России».[18] В 1850–1851 гг. Милютин читал лекции на юридическом факультете Петербургского университета о действующих гражданских законах с включением законов о судопроизводстве, в 1850–1853 гг. — об основных законах и законах о состояниях. В этот период из-под его пера вышли следующие работы по истории: «Очерки русской журналистики, преимущественно старой»,[19] «Обзор дипломатических сношений древней России с Римской империей»,[20] «Алквиад».[21] И, естественно, Милютин стал преподавать русскую историю. Точнее, историю учреждений Российской империи. Его лекции производили большое впечатление на молодежь, интеллигенцию, собирали на юридическом факультете Петербургского университета массу слушателей.

Вокруг занятий историей государственных учреждений России, которые проводил Милютин со студентами, и разыгралась интересующая нас «университетская история».

Чтобы понять ее смысл, надо прежде всего уяснить общую обстановку в Петербургском университете, состояние преподавания здесь российской истории вообще и смежных с нею дисциплин. Вполне правомерно считая, что в 20–30-х годах XIX в. российской истории как учебной дисциплине в Петербургском университете не повезло из-за случайности и формализма в подборе профессоров, самый авторитетный историк Университета и методики преподавания исторических дисциплин С. Н. Валк заметил: «Воздухом науки повеяло на исторической кафедре Университета лишь в тридцатых годах, когда в 1835 г. преподавание русской истории перешло в руки П. Г. Устрялова...»[22] Но Устрялов «не мог явиться ни создателем университетской школы, ни творцом нового направления в нашей историографии».[23] Взгляды Устрялова обычно относят к официальной историографии XIX в., говорят о том, что они вполне укладывались в рамки теории «официальной народности». Его многотомная «История царствования Петра Великого»[24] была подвергнута суровой критике Н. А. Добролюбовым за фактологический уклон. У Устрялова вышла «весьма живая картина деяний Петровых, весьма полное собрание фактов... но истинной истории, во всей обширности ее философского и прагматического значения, нельзя видеть в ныне изданных томах "Истории Петра В[еликого]"».[25] Весьма критической оказалась также рецензия знаменитого в будущем историка С. М. Соловьева.[26] В 1836 г. Устрялов написал «Русскую историю», а в 1842 г. дополнил ее «Историческим обозрением

---

[18] Напечатана после его смерти в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» за 1859–1861 гг. (М., 1862) в типографии Московского университета.

[19] Современник. 1851. № 1. Отд. II; № 8. Отд. II.

[20] Там же. № 7. Отд. II; № 8. Отд. II.

[21] Там же. 1855. № 1. Отд. II; № 2. Отд. II; № 9. Отд. II. — Кроме этого, В. А. Милютин поместил в «Современнике» ряд важных рецензий на исторические темы: «О состоянии женщин в России до Петра Великого» (1850. № 12. Отд. III), «История судебных учреждений в России» (1851. № 10. Отд. III), «О производительных силах России» (1851. № 12. Отд. III), «Материалы для познания Российской империи» (1852. № 7. Отд. III), «Этнографическая карта Европейской России»(1852. № 9. Отд. III), «О производительных силах России»(1854. № 6. Отд. IV). Во всех этих исследованиях В. А. Милютин применял историко-сравнительный метод, далеко не ограничивавший, как тогда было принято, автора рамками фактологического описания событий.

[22] Валк С. Н. Историческая наука... С. 4.

[23] Там же. С. 5.

[24] Из 10 намеченных томов вышли только: Т. 1–3. СПб., 1858; Т. 4. СПб., 1863; Т. 6. СПб., 1859.

[25] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1936. С. 120, 121; Т. IV. М., 1937. С. 194.

[26] Остро критиковал и фактические ошибки в труде Устрялова об истории Петра, и его общую концепцию С. М. Соловьев. Он завершил свою рецензию так: «Петр

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

царствования государя императора Николая I». Эти верноподданнические сочинения составили основу «официального направления» в русской историографии.[27] Последние сочинения Устрялова были утверждены в качестве официальных учебников.[28] Устрялов начинал с критики исторической концепции Н. М. Карамзина, но фактически не был самостоятелен в науке и следовал карамзинским схемам впоследствии настолько, что не занял особого места в русской историографии.[29]

В течение 12 лет Н. Г. Устрялов был деканом историко-филологического факультета, часто замещал своего приятеля П. А. Плетнева на посту ректора Петербургского университета при его отлучках и болезнях. О манере чтения лекций Н. Г. Устряловым дают достаточно полное представление воспоминания весьма заинтересованного и благожелательного свидетеля, его сына Ф. Н. Устрялова, известного исторического романиста, поступившего в начале 50-х годов на Камеральный разряд юридического факультета Петербургского университета. Ф. Н. Устрялов писал: «Первые лекции моего отца, где говорилось об источниках и учебных пособиях для изучения русской истории, представляли некоторый интерес с научной точки зрения. Далее лекции рассказывались по его же пространному руководству, следовательно, не заключали в себе ничего нового. Иногда только он несколько оживлялся, особенно, когда дело касалось Петра Великого (во II курсе); но оживление быстро проходило... Я застал его уже в конце его педагогической деятельности, когда он устал и утомился от своих непрерывных кабинетных занятий. Его лекции посещались небольшим числом студентов».[30]

Гражданское право на юридическом факультете читал профессор и декан этого факультета К. А. Неволин. Его ученые сочинения: «Энциклопедия законоведения», «История российских гражданских законов», «О пятинах и погостах новгородских» — поражали глубиной знаний, тщательностью разработки летописей, глубокими познаниями автора в области философии права. Все книги Неволина были отмечены Академией наук Демидовскими премиями, лекции же его были вялыми и монотонными, унылыми и дословно воспроизводившими второе издание литографированных записок. Сам Неволин был среднего роста, согнутый, с постоянным подергиванием рук и головы, «с физиономией, совсем не соответствовавшей профессорскому званию, с тускло-серыми глазами, небрежно одетый, без признаков белья — он представлял собою болезненный, поистине жалкий вид».[31]

Полицейское право преподавал адъюнкт-профессор И. Е. Андриевский, отличавшийся трудолюбием, основательными знаниями и прекрасным изложением своего предмета.[32] Увлекал студентов и преподававший историю европейского средневековья адъюнкт-профессор М. М. Стасюлевич.[33]

нуждается в истории, а не в панегириках» (см.: Соловьев С. М. История царствования Петра Великого Н. Устрялова // Атеней. 1858. № 27–28. Ч. 4. С. 82).

[27] Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 414.

[28] Овчинников Р. В. Н. Г. Устрялов // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 898.

[29] Отметим, что один из видных современных историографов А. Л. Шапиро в своей «Историографии с древнейших времен до 1917 года» (М., 1993) об Н. Г. Устрялове даже не упоминает.

[30] Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 591. — Отметим, что про своего дядю, известного проф. М. С. Куторгу, преподававшего историю Западной Европы, Ф. Н. Устрялов дал куда более критический отзыв.

[31] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... 1884. Т. XVII. С. 116–118.

[32] Там же. С. 126.

[33] Там же. С. 119. — Стасюлевич — известный впоследствии публицист и обще-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Самое отрадное впечатление оставляло и преподавание истории русской литературы ректором Петербургского университета П. А. Плетневым. Плетнев умел новаторски организовывать занятия со своими студентами, предоставляя им возможность быть активными участниками учебной работы.[34] Очевидно, именно этим он привлек В. А. Милютина в Университет. Достаточно симпатичный портрет Плетнева, близкого приятеля его отца, рисует все тот же Ф. Н. Устрялов, один из главных героев «университетской истории» 1853 г. Он пишет: «Очень живо до сих пор представляется мне в памяти этот прекрасный, добрейшей души человек, соединявший в себе все привязанности и симпатии тогдашних славных представителей литературы, помогавший им словом и делом, ходатайствовавший за них перед царем, покровительствовавший им в первых начинаниях. Высокого роста, со слегка склонившеюся на плечо головою, тихий, скромный, легкой поступью проходил он по комнатам...».[35] Большое значение в общественно-культурной жизни Петербурга 40–50-х годов XIX в. играли творческие встречи, которые устраивал Плетнев в своей квартире в Ректорском флигеле Университета.[36] О Плетневе имеется в целом немалая литература, однако его служебным занятиям как педагога и ректора Петербургского университета уделено явно недостаточное внимание.[37]

Словом, привлечение в качестве лектора на юридический факультет В. А. Милютина в 1850 г. пришлось как нельзя более кстати. Ф. Н. Устрялов пишет: «Самой симпатичной, красивой наружности, с густыми каштановыми волосами, в высшей степени скромный, сдержанный, даже отчасти робкий, с спокойным, всегда ровным голосом, Владимир Алексеевич Милютин в конце сороковых годов блистательно окончил курс в Петербургском университете, был утвержден магистром государственного права (по защищении диссертации), назначен адъюнктом и года два-три читал в Университете для юристов и камералистов 1-го курса учреждения Российской империи. Метода его чтения была совсем особенная: он обладал необычною памятью, которая славилась между студентами его выпуска; известна была пословица и в наше время: "У него память, как у Милютина". Дословное запоминание доставалось ему, можно сказать, без всякого труда: говорят, ему было достаточно прочесть два-три раза целую печатную страницу, чтобы проговорить ее наизусть, без малейшей ошибки и без малейшего усилия. Владимир Алексеевич приходил в аудиторию, не имея никаких записок (литографированных "учреждений" еще не было), садился за кафедру и наизусть читал лекцию. Из любопытства мы следили по письменным запискам прошлого года за его словами. Ни разу не могли мы найти ни одной ошибки. Эта метода чтения, однако, нисколько не действовала неблагоприятно на наши нравы. Он обладал даром перефразирования: одну и ту же мысль он настолько искусно повторял на разные лады, что она в конце концов поневоле врезывалась в памяти слушателя».[38]

Большое впечатление на студентов производила и манера В. А. Милютина

ственный деятель. Интересно, что Ф. Н. Устрялов сравнивает Андриевского и Стасюлевича с В. А. Милютиным и указывает, что Андриевский потом напоминал временами Милютина, а Стасюлевич методически действовал в духе Милютина.

[34] Грот К. Я. Плетнев П. А. // Русский биографический словарь. Т. «Плавильщиков-Примо». СПб., 1905. С. 81.

[35] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 582.

[36] См.: Шубин В. Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. V. Л., 1984. С. 86–93.

[37] Подробнее об этом см.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Единым вдохновением.

[38] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 591.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

держаться, и высказываемые им мысли о неразработанности истории учреждений России. Ф. Н. Устрялов пишет: «Странными были его к нам отношения: он часто краснел, точно молоденькая девушка, а между тем мы все относились к нему с таким уважением, с каким не относились даже к иным старым профессорам: мы видели в этом молодом ученом, искренне и бескорыстно любившем науку, что-то себе родственное; между нами, очевидно, была духовная связь, подразумевавшаяся инстинктивно с обеих сторон, и привела она к следующему результату. В своих лекциях В. А. Милютин не раз высказывал ту мысль, что историческая часть "Учреждений Российской империи" мало разработана, а между тем представляет много интересных данных, и исследование последних облегчило бы изучение некоторых не вполне выясненных сторон отечественного права. Эти слова нам, новичкам, стремившимся к работе, по возможности самостоятельной,пришлись как нельзя более по душе».[39]

Студенты с радостью пошли навстречу серьезным мыслям об изменении методики преподавания важной исторической вспомогательной дисциплины, предложениям В. А. Милютина о возможной активизации методов обучения. Ф. Н. Устрялов пишет: «Небольшой кружок студентов ухватился за мысль об обработке одного из важнейших отделов государственного права и предложил Милютину, не найдет ли он возможным задать желающим несколько тем из истории "учреждений", тем более, что он сам, как бы нарочно, навел нас на нее. Он обещал избрать несколько наиболее замечательных фактов из истории развития государственного права вообще и представить их в смысле задач на рассмотрение и утверждение университетского совета, а затем раздать их желающим. При этом он высказался, что совет без сомнения примет также в уважение его ходатайство о том, чтобы наилучшие сочинения, написанные студентами на заданные темы, считались диссертациями, требуемыми обыкновенно от студентов при получении ими степени кандидата».[40]

Интересно,что студенты сами гораздо правильнее оценили методическое новшество, чем в недалеком будущем высшее учебное начальство. Ф. Н. Устрялов пишет: «Мысль нашего профессора была во всех отношениях прекрасная: она давала пищу молодым умам, заставляла их работать, самостоятельно обращаться к самим источникам русского права, ознакомляться с летописями и, вместе с тем, возбуждала соревнование».[41]

Наметились сразу две тенденции в работе студентов, два типа их исследования. Отнюдь не склонный к самоуничижению Ф. Н. Устрялов пишет: «Почти совсем незнакомый с историею русского нрава, я выбрал то, что казалось мне полегче, а именно историю комитета министров. В библиотеке моего отца находилось Полное собрание законов; целые два месяца рылся я неустанно в этом "Собрании", выписывал разные указы и постановления, приводил их в систему и месяца через три одолел наконец свою задачу. Это было простое историческое изложение страницах на сорока или пятидесяти, основанное на источниках. Главнейшим же результатом работы для меня явился некоторый навык к историческому труду, приобрелось какое-то умение обращаться с историческим материалом и интересоваться предметом, несмотря на его кажущуюся вначале сухость. Все это впоследствии принесло мне большую пользу».[42]

Более плодотворной оказалась работа другого студента, о котором Ф.Н.Устрялов пишет: «Совсем другой прием, с совершенно иным взгля-

[39] Там же. С. 591–592.
[40] Там же. С. 592–593.
[41] Там же. С. 593.
[42] Там же. С. 593–594.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дом — взглядом вполне сознательным и самостоятельным, приложил к своей работе мой товарищ по Университету, А. А. Евреинов, юноша необычайно способный, умный и образованный. Он начал с летописей, корпел над ними дни и ночи; работа так его поглотила,так привлекла его к себе, что он в течение двух-трех месяцев ни о чем другом не думал. Он разработал на основании летописных материалов, исторических монографий и небольшого числа новейших исследований весьма важный и интересный период возникновения и первоначального развития боярской думы, со времени Иоанна III до Алексея Михайловича. Его "рассуждение" было действительно образцовое, и Милютин по рассмотрении представленных ему сочинений отдал первенство работе Евреинова, отнесясь к ней со всеми приемами ученого критика, посвятив на ее обсуждение едва ли не целую лекцию, строго взвесив все недостатки и хорошие стороны молодого студента. Высказав его произведению полное уважение, какого оно вполне заслуживало, Милютин отозвался в лестных словах и о некоторых других из представленных сочинений».[43]

Большой интерес представляют заданные студентам Милютиным темы, например: «Какое влияние имели бояре во время царствования Алексея Михайловича на управление государством?» или «Какие взаимные отношения между Сенатом, Государственным Советом и Комитетом министров?».[44] Нечего и говорить, что темы эти вполне соответствовали преподаваемой дисциплине — истории учреждений России, — едва ли несли какую-нибудь скрытую политическую нагрузку и вовсе не подрывали основ самодержавия и абсолютизма. Однако «прошло около трех месяцев, а об окончательной судьбе наших диссертаций не было и помина: точно в воду они канули. Нас, понятно, в высшей степени интересовала их дальнейшая участь, так как вследствие лестных отзывов профессора мы еще более надеялись, что эта работа... избавит нас от представления официальной кандидатской диссертации в последнем курсе. Спрашивать Милютина об участи наших трудов было неловко, и никто из нас на это не решался».[45]

Тем временем вокруг Милютина и заданных им тем для сочинений развернулась позорная «университетская история» 1853 г. Следы ее сохранились в дневнике либерального профессора Университета, цензора Комитета по делам печати А. В. Никитенко. Товарищ министра народного просвещения А. С. Норов, вскоре ставший министром, писал Никитенко: «Приглашал меня, чтобы поговорить об адъюнкте В. А. Милютине. Ему какое-то важное лицо говорило о лекциях последнего. Дело в том, что Милютин задавал студентам темы для сочинений по истории русского права. Одна из тем следующая: "Показать на основании летописей и других источников, какие были у нас совещательные лица при князьях, как они назначались, в чем состояли их обязанности, как они титуловались". Важное лицо нашло эту тему почему-то либеральною. "Вот, — сказал я товарищу министра, — как истолковывают наши дела. Каждый невежда считает себя вправе в них вмешиваться и распоряжаться ими. После этого на лекциях нельзя слова сказать без опасения, что его перетолкуют по-своему и самую простую общую мысль науки обратят в опасную либеральную идею. Чтобы мы, работники науки и образования, могли успешно совершать свое дело, необходимо, чтобы мы были защищены

[43] Там же. С. 594.

[44] ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. 1853 г. Д. 5667 (Дело канцелярии Попечителя С.-Петербургского учебного округа по докладной записке адъюнкт-профессора С.-Петербургского университета В. А. Милютина о темах, которые он давал слушателям в университете). Л. 1.

[45] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 594.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

от посягательств грубого невежества". Авраам Сергеевич, с своей стороны, не нашел в выше означенной теме ничего "неблагонамеренного" и обещался поговорить с министром в этом смысле».[46]

Существо и смысл придирок к Милютину, волновавших все руководство Петербургского университета, вскрыты в примечаниях И. Я. Айзенштока к «Дневнику» А. В. Никитенко. Айзеншток пишет: «Донос важного лица на В. А. Милютина характеризует подозрительное отношение к нему властей, особенно после дела петрашевцев. Хотя к делу этому Милютин не привлекался, однако был "на сильном подозрении", усугублявшемся его популярностью среди передового студенчества».[47] Можно предположить, что это «важное лицо»-доносчик принадлежало к руководству одного из министерств (внутренних дел или народного просвещения) или к Отдельному корпусу жандармов.

Так или иначе, судя по «Дневнику» А. В. Никитенко, инициатива официального расследования исходила от руководителей Министерства народного просвещения. Был, очевидно, к ней причастен и А. С. Норов, несмотря на его оценку заданных Милютиным тем как «благонамеренных». Норов, храбрый юнкер в Отечественной войне 1812 г., потерял в сражении при Бородино ногу, поступил служить в Министерство народного просвещения и поднялся здесь к 1850 г. до самых вершин, хотя и был посредственным администратором. Академик, известный библиофил и лингвист, он заметно увеличил прием студентов в университеты, ввел заграничные стажировки для соискателей профессорских кафедр, в университетах расширил программу обучения древним языкам. Ф. Н. Устрялов рисует приятеля своего отца Норова как очень доброго, знающего и даже (в некоторых случаях) передового человека. Но Норов отличался крайней слабостью характера. Например, когда кто-то[48] из влиятельных ретроградов обратил его внимание на готовившуюся магистерскую диссертацию Н. Г. Чернышевского, он спросил у декана историко-филологического факультета Петербургского университета Н. Г. Устрялова: «Как Вы могли это пропустить?». Тот ответил, что экзамен выдержан магистрантом, диссертация одобрена Советом факультета, напечатана и день диспута назначен и объявлен.[49] «Отменить! Остановить все это! Я не могу согласиться! — решил Норов. — Как хотите, но такая диссертация («Эстетические отношения искусства к действительности». — *Е. О.*) невозможна, и все это дело следует окончить».[50] Таковы были понятия у министра народного просвещения Норова, выступавшего порою в роли «передового» человека! (Настолько передового, что при нем ставился даже вопрос о пользе гласности.[51]) В результате, пишет Ф. Н. Устрялов, Н. Г. Чернышевский, вы-

[46] Никитенко А. В. Дневник. Т. 1 (1826–1857). М., 1955. С. 365.

[47] Там же. С. 528.

[48] Этим «кто-то» был, скорее всего, И. И. Давыдов, директор Главного Педагогического института. Делал он это в том числе и для того, чтобы отвлечь внимание Норова от своего Института, где в начале 1855 г. были найдены заграничные издания А. И. Герцена у студентов Н. А. Добролюбова и Д. Ф. Шеглова (Sic! — тогда впервые Чернышевский услышал от проф. И. И. Срезневского о Добролюбове), но по просьбе Срезневского решил не поднимать дела и не «выносить сор из избы» (см.: Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. 1828–1889. М., 1953. С. 103, 108; Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905. С. 22).

[49] Диссертация Н. Г. Чернышевского была напечатана 3 мая 1855 г. Оппонентами назначались проф. А. В. Никитенко и адъюнкт-профессор Сухомлинов. Защита состоялась 10 мая 1855 г. (см.: Чернышевская Н. М. Летопись... С. 108–109). На защите Чернышевский успешно отстоял свой главный тезис о том, что искусство должно адекватно отражать народную жизнь.

[50] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 588.

[51] О пользе гласности: Письмо Е. П. Растопчиной П. А. Вяземскому и А. С. Норо-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

державший официальный магистерский экзамен, не получил ученой степени, его напечатанная диссертация была конфискована.

Однако Ф. Н. Устрялов ошибается относительно несостоявшейся защиты Н. Г. Чернышевского. Она состоялась. Об этом свидетельствует не только обширная литература,[52] но и сохранившиеся документы. Донесение декана Н. Г. Устрялова попечителю Петербургского учебного округа датировано маем 1855 г.[53] Попечитель донес об этом министру народного просвещения со своим благоприятным отзывом.[54] Но Норов оставил все эти документы без всякого ответа, и степень Чернышевскому утверждена не была.

В случае с В. А. Милютиным в 1853 г. А. С. Норов действовал по-иному, очевидно, потому, что сам не нашел в заданных студентам темах ничего «неблагонамеренного». Министерство народного просвещения поручило попечителю Петербургского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину выяснить существо дела. Этот чиновник был известен «крутым нравом, грубостью, самодурством и самым строгим обращением с университетской молодежью, не исключая даже, в некоторых случаях, и профессоров».[55] На вступительных экзаменах Мусин-Пушкин резко осудил Федора Устрялова (в присутствии его отца) за употребление слова «цивилизация». Мусин-Пушкин строго затребовал от Милютина объяснений. Темы сочинений, видимо, мало интересовали Мусина-Пушкина. Главное было в самой личности Владимира Алексеевича Милютина. Одновременно были затребованы объяснения у ректора Петербургского университета П. А. Плетнева и декана юридического факультета К. А. Неволина.

Милютин решил слегка схитрить. 15 марта 1853 г. он написал спокойную и сугубо деловую объяснительную записку, указав, что предложенные им темы относились «к истории учреждений административных и вовсе даже не касались истории учреждений политических». Сама тема одиозного сочинения была обозначена так: «Совещания князя с советниками». Эти совещания нисколько не ограничивали и не могли ограничивать княжеской власти.[56] К записке Милютин приложил копию сочинения студента I курса камерального разряда юридического факультета Федора Устрялова «О совещании Великих и Удельных князей с дружиною, боярами и лицами духовного звания до учреждения боярской Думы». О сочинении А. А. Евреинова не говорилось вовсе.

Совершенно очевидно, что Милютин рассчитывал на магическую силу фамилии Устряловых. Он верно предугадал, что ни сам М. Н. Мусин-Пушкин, ни А. С. Норов не станут предпринимать репрессий против преподавателя и ученика с такой фамилией. Положение в обществе, занимаемая должность, слава ученого и консерватизм взглядов Н. Г. Устрялова были лучшей гарантией этого. Можно не сомневаться, что и сам император Николай I не одобрил бы гонений на сына Устрялова без достаточных оснований.

На полях сочинения Федора Устрялова[57] имелись многочисленные карандашные пометы Милютина. Была приложена также и следующая его общая рецензия: «Сочинение весьма удовлетворительное (высшая оценка в тот период. — *Е. О.*), но имеет два недостатка: 1) написано более по учебным пособиям, нежели по источникам; 2) изложение не совсем систематическое и

ву (1856) // Литературное обозрение. 1991. № 4.

[52] См., напр.: Голос минувшего. 1916. Т. 1. С. 26–29.

[53] Красный архив. 1938. № 6. С. 280.

[54] Голос минувшего. 1916. Т. 1. С. 31.

[55] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 582.

[56] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. 1853 г. Д. 5667. Л. 4 об.–5.

[57] Там же. Л. 13.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

потому именно заключает в себе много лишнего, к задачам прямо не относящегося; не всегда можно понять связь мыслей, излагаемых автором: очень часто стоят рядом две мысли, совершенно различные и не имеющие одна к другой никакого отношения. В общем выводе, впрочем, достоинства сочинения значительно превосходят его недостатки».[58]

23 марта 1853 г. в канцелярию попечителя Петербургского учебного округа поступила докладная записка декана юридического факультета Петербургского университета профессора К. А. Неволина. Смысл записки был прост: адъюнкт-профессор В. А. Милютин действовал в рамках своих служебных обязанностей, ничего «неблагонамеренного» в его лекциях нет.[59] Правда, признавал Неволин, на будущее стоит воздержаться от тем, которые могут представляться начальству как одиозные.

25 марта 1853 г. Попечителю М. Н. Мусину-Пушкину пришла докладная записка ректора Петербургского университета профессора П. А. Плетнева. Он еще более горячо защищал Милютина, пространно рассуждая об обязанности преподавателя активизировать мышление студентов, давать им доступные упражнения и предоставлять право начинать научную работу с источниками в рамках своего предмета. Плетнев убедительно свидетельствовал о том, что заданные адъюнкт-профессором Милютиным темы ничего антисамодержавного в себе не несут и полностью укладываются в рамки истории учреждений России.[60]

Стало совершенно очевидным, что громкой «университетской истории» из написанных студентами по предложению Милютина сочинений раздуть не удастся. Не сработал обычный прием ретроградов выдать живое преподавание предмета с университетской лекционной кафедры за «сотрясение основ». Тем более что на Олимпе Министерства народного просвещения произошли изменения. 5 мая 1853 г. умер академик, князь П. А. Ширинский-Шихматов — реакционнейший министр, который последовательно осуществлял идею дворянской сословности университетского образования, подвергал суровым гонениям передовых профессоров и студентов. Теперь А. С. Норову, ставшему министром народного просвещения, уже не надо было с кем-то обсуждать «университетскую историю» 1853 г. в Петербурге. И дело о Милютине без излишней огласки «спустили на тормозах». Во всяком случае, в архивах нет никаких следов его продолжения. Да и мемуары современников ничего о том не говорят.

Студенты не знали о перипетиях этой «университетской истории». Федор Устрялов, который случайно оказался в доме Милютина, рискнул спросить его о диссертациях. Позже он вспоминал: «Лицо его вспыхнуло, и он сказал с жаром: “Не напоминайте мне о ваших диссертациях! Я столько перенес из-за них неприятностей, что мне тошно об этом подумать! Я чуть, было, не подал в отставку, меня заподозрили в каких-то неблагонамеренных, чересчур либеральных мыслях... призывали к ответу, и все это наделало сочинение Евреинова о боярской Думе! В этом сочинении нашли намек на то, что будто бы боярская Дума ограничивала самодержавную власть государя, что она являлась каким-то Status in statu, представляла собою сословное правление из выборных людей русской земли... Словом, нагородили Бог знает что и обвинили меня Бог знает в чем. Хорошо, что дело этим и окончилось. Я ждал, что выйдет хуже. А по поводу диссертаций — лучше даже и совсем не упоминать о них”».[61]

[58] Там же. Л. 33об.
[59] Там же. Л. 9–9об.
[60] Там же. Л. 10–10об.
[61] Устрялов Ф. Н. Воспоминания... Т. XVI. С. 594–595.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Несмотря на неудачу с будущими диссертациями, студенты по-прежнему весьма уважительно относились к своему профессору. Тем более что до них доходили высокие оценки его научных трудов. Ф. Н. Устрялов вспоминал: «Студенчество очень интересовалось личностью В. А. Милютина. Насколько мы знали, в жизни он был далеко не таким, каким являлся нам в университете. Младший из трех (Sic! — ошибка. — *Е. О.*), он хотя и посвятил себя науке, но жизнь, ее удовольствия, ее страстность и увлечения, борьба молодых сил с окружавшим злом, протест всему нечистому, — действовали на него неотразимо и, скорее, даже во вред. Кажется, он не находил настоящего исхода своей кипучей, полной огня и порыва деятельности... И жизнь его убила... Как говорили, он был веселым, замечательно остроумным собеседником в кругу коротко знавших его лиц. А лица эти были Некрасов, Панаев, Дружинин, братья Жемчужниковы и еще некоторые. В. А. Милютин много писал в "Современнике", статьи молодого ученого "Мальтус и его противники", "Пауперизм и пролетариат" и другие обратили на себя внимание образованной публики. В нем высказывался, очевидно, будущий финансист, основательно изучивший как науку о финансах, так и политическую экономию. Его статьи произвели такое впечатление на читателей, что одна высокопоставленная дама, самого высшего круга, пожелала слышать его лекции по политической экономии. Эта дама, помимо своего положения, обладала ослепительною, могущественною красотою, замечательным умом и редким образованием. Он стал читать ей лекции и влюбился в нее».[62]

Милютин тяжело переживал «университетскую историю» 1853 г. К тому же у него обнаружилась и серьезная болезнь. Добавились серьезные неприятности на личной почве. Словом, в 1854 г. он решил расстаться с Петербургским университетом. А студенты восприняли это по-своему. Ф. Н. Устрялов писал: «Не могу вполне ручаться за справедливость слухов, распространившихся в то время по этому поводу между студентами; однако много говорили о том, что Владимир Алексеевич очень изменился. Из веселого, остроумного собеседника он сделался человеком мрачным, ипохондриком; даже наука стала менее интересовать его... Он, вероятно, сам хорошо понял, что любовь его безуспешна< ··· > Проболев более полугода в Петербурге, он по совету врачей отправился в Эмс, где воды только ухудшили его болезненное состояние. Болезнь оказывалась неизлечимою, что будто бы засвидетельствовали под конец и эмсские врачи. Он никуда не выходил, не принимал никого к себе, писал отчаянные письма в Петербург, не показывался в последнее время даже прислуге — и застрелился. Известие о кончине В. А. Милютина поразило студентов: жалко было этой безвременно погибшей жизни, этих молодых сил, так страстно рвавшихся к свету и науке...»[63]

Едва ли все в этом рассказе совершенно точно соответствовало действительности. Но удручающее влияние на Владимира Алексеевича Милютина «университетской истории» 1853 г., серьезной болезни и тяжелейшей личной драмы[64] бесспорно.

На смерть В. А. Милютина немедленно откликнулся «Современник». В «Некрологе», вероятнее всего, Н. А. Некрасов писал, что «русская наука лишилась одной из надежд своих, русская литература — одного из умных и даровитых писателей, "Современник" — одного из деятельных и постоянных

[62] Там же. С. 595.

[63] Там же. С. 595–596. — За границу В. А. Милютин отправился в 1854 г.

[64] В архивном документе, озаглавленном «Дневник неизвестной», говорится, что «знатная дама» поставила на могиле В. А. Милютина памятник (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 427).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

своих сотрудников, — мы лишились одного из самых близких людей к нам». А наряду с учеными заслугами Милютина отмечалось, что это был талантливый педагог: «Двадцати пяти лет он уже был одним из самых замечательнейших профессоров».[65]

[65] Современник. 1855. № 9. Отд. IV. С. 54–55.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Е. В. СОБОЛЕВА

СТАЖИРОВКА УНИВЕРСАНТОВ В ГЕРМАНИИ В 1860–1870-е ГОДЫ

В середине XIX в. наша страна вступила в эпоху буржуазных по своей сути преобразований, подготовка и проведение которых вызвали настоятельную потребность в кадрах. Крестьянская, судебная, военная, городская и другие реформы повысили спрос на юристов, врачей, математиков, специалистов в области статистики, горного и лесного дела, металлургии, строительства, военной администрации, сельского хозяйства и др. Таких людей готовили высшие учебные заведения России (академии, институты, лицеи и др.), но самым высоким «рейтингом» по традиции обладали выпускники отечественных университетов. «В обществе, — писал в 1862 г. юрист В. И. Сергеевич, — пользуется известностью кандидат университета и на него большой спрос. В основании запроса лежит университетское образование...».[1]

Для удовлетворения прежде всего этого социального заказа и была задумана в правительственных кругах университетская реформа, в ходе подготовки которой обнаружилась катастрофическая нехватка лиц, имеющих ученые степени, для замещения намечаемых к открытию в каждом из 5 российских университетов 19 новых кафедр и более 10 лабораторий, кабинетов, обсерваторий и других учебных и научно-вспомогательных подразделений.[2] Поэтому еще до официального утверждения 18 июня 1863 г. нового университетского устава в Министерстве народного просвещения был разработан комплекс мер для ускоренной подготовки будущих докторов и магистров наук, имевших по российским законам исключительное право получить штатные профессорские должности. В качестве исходной модели был использован эпизодически практиковавшийся с начала XIX в. опыт кратковременного (на 1–2 года) командирования выпускников отечественных высших учебных заведений для стажировки «в центры европейской учености» с последующей защитой диссертации и замещением профессорских кафедр. Однако эти поездки не регламентировались четкими правилами, а оформлялись в каждом отдельном случае особым «высочайшим повелением».[3]

Теперь же все обстояло совсем иначе. 20 января 1862 г. по ходатайству министра народного просвещения А. В. Головнина Александр II распорядился отпустить этому ведомству 100 тыс. руб. (огромные по тем временам деньги!) на «приготовление профессоров и учителей». 7 марта того же года министр запросил от университетов списки «даровитых молодых людей», которых можно было бы послать «за границу для приготовления из них профессоров и преподавателей» с тем, чтобы по возвращении они «приняли на себя обязательство прослужить несколько лет по ученой и учебной части». 10 марта император удовлетворил просьбу Головнина о командировании за рубеж молодых российских ученых, определявшую размер ежегодного им «пособия от правительства» (от 1 600 до 2 400 руб.); порядок ежемесячной

© Е. В. Соболева, 2000.

[1] Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1. СПб., 1863. С. 431.

[2] Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. С. 223.

[3] О лицах, командированных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей с 1808 по 1860 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. 121. Отд. 2. С. 336–354.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

отчетности министру о занятиях; условия предоставления работы по приезде — обязательство «за каждый год пребывания за границей прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения по назначению министра два года».[4] 17 марта «высочайшим повелением» был назначен наставник-руководитель стажеров на время их поездки. Им стал известный ученый, педагог и общественный деятель тайный советник Н. И. Пирогов. Профессору был установлен оклад в размере 3 тыс. руб. в год, что тогда значительно превышало штатное содержание ординарных академиков Петербургской Академии наук.[5]

26 марта Головнин направил во все существовавшие тогда университеты (Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Киевский и Харьковский) «циркулярное предложение», где конкретизировались ранее сообщенные сведения. Так, министр информировал, что отправка за рубеж молодых специалистов будет производиться «для их *окончательного образования* в центрах европейской учености». В связи с этим он поручил «избрать до 10 кандидатов» от каждого университета и сообщить данные о них в Министерство народного просвещения «по предварительном изъявлении сими лицами согласия на условия, изложенные в препровождаемом приложении». Отпечатанный типографским способом текст «условий» состоял из 6 пунктов, определявших срок командировки (от двух до трех лет); размер государственной научной стипендии (до 1 600 руб. ежегодно); форму представляемой стажером в Министерство раз в квартал отчетности «о занятиях при университете *по своему усмотрению*»; научное руководство во время поездки («являться по временам» к Н. И. Пирогову, «сообщать ему о своих трудах и занятиях, пользоваться его советами и указаниями и вообще действовать по его наставлениям»); продолжительность обязательной службы по возвращении («в столице или губернии, где Министерство пожелает, по расчету двух лет за каждый год пребывания за границей»); обстоятельства замещения стажерами университетских кафедр, которые будут «предоставляемы только лицам, имеющим звание доктора по удостоению одним из российских университетов».[6]

Таким образом, всего за три месяца были созданы основные нормативные акты подготовки научной смены через институт «профессорских кандидатов», прообраз современной аспирантуры и докторантуры. Все последовавшие затем законы (университетские уставы 1863 и 1884 гг., а также министерские распоряжения, постановления, циркуляры и инструкции, касавшиеся функционирования этого своеобразного института) носили вторичный характер, ибо развивали базовые принципы, разработанные в январе — марте 1862 г.[7]

На основе именно этих нормативных актов советы университетов в период с 28 марта по 19 апреля 1862 г. прислали в Министерство списки молодых специалистов — кандидатов на поездку, среди которых были будущие академики В. Г. Васильевский, А. Н. Веселовский, В. Г. Имшенецкий, Л. Н. Майков и А. С. Фаминцын, члены-корреспонденты АН Н. В. Бугаев, В. И. Герье и А. А. Потебня, профессора П. П. Алексеев, А. И. Бабухин, А. Н. Коркин,

[4] Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 219.

[5] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 208 (А.В.Головнин). Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

[6] Соболева Е. В. Организация науки... С. 220.

[7] К. Т. Галкин полагал, что «лишь в 1867 г. впервые в истории высшей школы были утверждены правительством "Правила о лицах, оставляемых при университетах и командируемых за границу для приготовления к профессорскому званию"»(см.: Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958. С. 35).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. В. Марковников, И. П. Минаев, В. И. Модестов и другие известные впоследствии ученые. Хотя не все из них попали в первую группу из восьми лиц (О. Ф. Миллер, В. И. Модестов, В. Г. Васильевский, А. Л. Миротворцев, А. Г. Новоселов, О. М. Паульсон, Е. Ф. Фортунатов, Л. Н. Модзалевский), командированных 5 мая 1862 г. за границу, важно отметить, что в числе рекомендованных Министерству кандидатов находились в большинстве своем талантливые люди. 12 мая последовал еще один «высочайший приказ» о посылке в зарубежную командировку на тот же срок (2 года) еще семи человек, среди которых был А. Н. Коркин, занимавший тогда скромную должность адъюнкта Петербургского университета. Всего к концу 1862 г. было направлено за границу, по официальным данным, 46 человек.[8]

Почти половину из «профессорских кандидатов» составляли выпускники Петербургского университета. Это были математик А. В. Бессель, химики П. П. Алексеев и А. А. Вериго, историки В. Г. Васильевский и И. О. Шиховской, «филологи-классики» А. О. Ионин, А. В. Миротворцев, В. И. Модестов, К. Ф. Нейлисов и А. Г. Новоселов; слависты О. Ф. Миллер, Е. Ф. Фортунатов и В. Ю. Хорошевский, юрист А. В. Думашевский и представители других наук.[9] Одни стажеры «первого призыва», подобно А. Н. Коркину, уже преподавали в столичном университете; другие (А. Н. Веселовский, В. А. Лебедев), будучи выпускниками иных высших учебных заведений России, стали его профессорами впоследствии, а воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии В. И. Владиславлев, направленный за границу для усовершенствования «по кафедре философских наук», занимал в нем в дальнейшем высокие посты декана историко-филологического факультета и ректора.[10] Эти три категории лиц, так или иначе имевших отношение к Петербургскому университету, ниже будут именоваться для краткости универсантами.

Значительный научный интерес представляет вопрос, в какой именно стране стажировалось наибольшее число наших молодых соотечественников, и прежде всего универсантов. Анализ статистических данных, полученных из «всеподданнейших» отчетов министров народного просвещения за 1860–1890-е годы, свидетельствует, что такой страной была Германия. Из командированных в 1862–1865 гг. за границу 84 человек 68 (абсолютное большинство) стажировались в ее университетских городах — Берлине, Бонне, Геттингене, Гейдельберге, Иене, Лейпциге, Тюбингене и др.[11] То же самое можно сказать и о более поздних десятилетиях XIX в. При этом пик посещаемости Германии российскими «профессорскими кандидатами» приходится на 1860–1870-е годы. Так, если в одном Гейдельберге, по свидетельству академика Д. Н. Анучина, тогда было «до 100 русских», из которых он «знал 20», например братьев А. О. и В. О. Ковалевских, то обучавшийся в этом городе в 1879–1882 гг. Л. Н. Зверинцев пишет в своих воспоминаниях, что при нем

[8] Соболева Е. В. Организация науки... С. 221.

[9] Командированные за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей // Личный состав Центрального управления Министерства народного просвещения на 15 авг. 1863 г. СПб., 1863. С. 12–16.

[10] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. СПб. университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1896. СПб., 1896. Т. 1. С. 50–51, 154–155 (далее — Биографический словарь СПбУ).

[11] Подсчитано автором на основе след. источников: Головнин А. В. Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 гг. СПб., 1865. С. 81–82; «Список лицам, находящимся от Министерства народного просвещения в командировке за границею для приготовления к профессорскому званию», «Список возвратившимся из-за границы лицам, находившимся от Министерства народного просвещения для приготовления к профессорскому званию» (РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 96: «О командировании некоторых лиц за границу для приготовления к профессорскому званию. 1866 г.». Л. 13–16об).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«русских было немного: 15–18 человек».[12] Позднее, в 1890-е годы, численность российских «волонтеров от науки» оставалась в Германии примерно на таком же уровне — не более 20 человек ежегодно.[13] Поэтому при дальнейшем изложении речь пойдет преимущественно о 1860–1870-х годах.

Не менее интересен и другой вопрос, а именно: чем привлекала наших «профессорских кандидатов» эта страна? Ответ дает изучение организации ее науки и высшего образования в указанный период.

Эпицентрами науки и высшего образования являлись в Германии, как известно, университеты, общее число которых к середине XIX в. достигало 20. Это были университеты в Берлине, Бонне, Бреславле, Вюрцбурге, Галле, Гейдельберге, Геттингене, Гиссене, Грейфсвальде, Иене, Кенигсберге, Киле, Лейпциге, Марбурге, Мюнхене, Попельсдорфе, Ростоке, Тюбингене, Фрейбурге и Эрлангене. Большинство их (9) располагались на территории Пруссии — Берлин, Бонн, Бреславль, Галле, Геттинген, Грейфсвальд, Кенигсберг, Киль, Марбург. В Российской империи в то же время насчитывалось всего шесть университетов — Петербургский, Московский, Казанский, Киевский (Св. Владимира), Харьковский и Дерптский.[14]

О структуре университетов Германии в середине XIX в., а также об организации в них научно-педагогического процесса и исследовательских работ сохранилось уникальное свидетельство Н. И. Пирогова. Ученый находился в Германии с начала июля 1862 г., избрав местом пребывания Гейдельберг. Выбор именно этого города в качестве «штаб-квартиры» руководителя командированных за рубеж российских «профессорских кандидатов» не был случайным. Один из них, универсант А. Л. Миротворцев, отмечал, что для многих его коллег-стажеров «важно самое географическое положение Гейдельберга — почти в центре Европы... Отсюда гораздо легче и удобнее делать по временам экскурсии в некоторые из ближайших университетов и даже в соседние государства».[15] К тому же в городе к этому времени стихийно образовалась «колония» наших соотечественников, члены которой радушно принимали командированных. «Здесь русских, — писал Н. И. Пирогов министру А. В. Головнину 13 августа 1862 г., — до 50 и более, некоторые с семействами... существует читальня, устроенная ими, в которой получаются почти все русские журналы, за право чтения платится каждым небольшая сумма».[16] По инициативе Пирогова в Гейдельберге в октябре того же года была организована еще одна читальня — специально для научных занятий, поскольку существовавшая ранее являлась, по мнению современников, скорее, политическим клубом, где велись бесконечные споры, «поводом для которых большей частью служили статьи герценовского Колокола». Пироговская общественная библиотека-читальня (именно под таким названием она вошла в историю российско-немецких научных и культурных контактов) сыграла важную роль в жизни народов обеих стран. В декабре 1912 г. в Германии и России был торжественно отмечен ее 50-летний юбилей.

Гейдельберг, как свидетельствовал обучавшийся в нем в 1879–1885 гг. российский медик П. О. Шлиферович, называли «колыбелью немецких универ-

---

[12] Гейдельбергский сборник: История одного несостоявшегося издания / Под ред. проф. В. Биркенмайера и д-ра М. Файнштейна. Гейдельберг, 1994. С. 19, 77.

[13] Там же. С. 88–89.

[14] Журнал Министерства народного просвещения. 1858. Ч. 99, отд. VII. С. 165.

[15] См.: Отчет стажера из Гейдельберга от 24 февраля/8марта 1863 г. // Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1 (с авг. 1862 г. по март 1863 г.). СПб., 1863. С. 45 (далее — Извлечения из отчетов...).

[16] РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 4. Л. 288 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сантов», поскольку здесь находился самый «старый» из них, возникший в 1386 г. Представление об облике этого уютного города, утопавшего в зелени, дает красочное описание того же автора. «Точно венок из чудных роз, — вспоминал Шлиферович, — окаймляют его виллы и любуются на свое отражение в быстро текущих водах реки Неккара, который разделяет город на две части. Доминирующим же звеном — на сто метров выше города — стоит во главе, точно солнышко на небе, его знаменитый, единственный в своем роде и характере по красоте и могуществу архитектуры, старый в руинах замок, окруженный не менее могучими горами, лесом и восхитительным садом...»[17] Из Гейдельберга и совершил в конце 1862 — начале 1863 г. свою инспекционную поездку П. И. Пирогов, посетивший ряд немецких университетов, «восемь настоящих, не фантастических очагов науки, расположенных на таком небольшом пространстве, что самые крайние из них отстоят друг от друга не более, как на 20 часов езды по железной дороге». Свои впечатления он сообщил «по начальству» в Петербург. Извлечения из них были вскоре опубликованы в близкой к Министерству народного просвещения либеральной газете «Голос».

«Администрация, учебные и научные средства, быт и характер каждого университета, — сообщал Пирогов, — все различно и самостоятельно. Ни один университет не имеет одного и того же бюджета, ни в одном профессора не получают одного и того же жалованья... Одни университеты пользуются значительными доходами от принадлежащих им земель, домов и пр., другие — получают содержание только от правительства. В иных университетах (и именно в прусских) есть попечители, в других их вовсе нет... Совет или Сенат университетов организован также различно. В некоторых университетах он составлен так же, как и у нас, — из всех ординарных профессоров; в других — факультеты посылают в Совет только некоторых из своих членов, по выбору. В иных только Совет, в других — и самые факультеты имеют прямые и официальные сношения с высшею инстанциею. В одних университетах Совет или факультеты представляют правительству на утверждение трех, или четырех, в других — только двух кандидатов (по выбору) на вакантные кафедры... Одни университеты считают лучшим оставлять за собою инициативу выбора, другие — во избежание личностей и пристрастия, как они сами утверждают, — охотнее предоставляют выбор на вакантную кафедру самому правительству, которое это делает обыкновенно по сношению с другими университетами».[18]

Н. И. Пирогов полагал, что замеченные им в Германии децентрализация и автономия университетов очень плодотворны и могут быть с успехом применены в России. «Что же применимо к нам?» — спрашивает он и тут же отвечает: «Я думаю, только одно: стремление осуществить и у нас принцип децентрализации с возможно полною автономиею каждого университета. Это — не одно только германское, а общечеловеческое начало, заключающее в себе все условия истинного прогресса в просвещении и науке».[19]

Еще одной «отличительной чертою германских университетов» являлись, по мнению Пирогова, «свобода научного исследования и свобода учения». Суть этих принципов состояла в том, что профессор в своей деятельности мог руководствоваться той «методой» или способами преподавания, которые считал нужными, а студент был совершенно свободен в выборе учителя при записи на университетские курсы лекций и практических занятий.

---

[17] Гейдельбергский сборник... С. 69.

[18] Извлечение из письма Н. И. Пирогова 5-го апреля/24 марта 1863 г. // Голос. 1863. № 77–78.

[19] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Очень информативны приводимые Пироговым данные о специфике университетов Германии. «Каждый университет, — отмечает он, — известен или отличною обстановкою одного какого-либо факультета, или высоким именем в науке одного, либо нескольких профессоров различных факультетах. За исключением Берлинского университета, в котором почти все факультеты равно замечательны научным авторитетом профессоров, все прочие подходят под одну из этих двух категорий. Одни из них могут принести более пользы начинающим, другие — специалистам, третьи — специалистам из специалистов (и именно те, которые замечательны одною или несколькими личностями, снискавшими себе имя в науке разработкой какой-либо ее отрасли); некоторые из этих университетов замечательны учебными пособиями и учреждениями,другие привлекательны для ищущих сближения с известными представителями науки. Все это должно иметь в виду, отправляясь в Германию».

После общих замечаний Пирогов дал конкретные рекомендации «профессорским кандидатам», намеревавшимся стажироваться в университетах этой страны. «Занимающимся, например, чистою математикою, — писал он, — нечего делать в южных германских университетах. И потому чистые математики могут провести с пользою время только в трех университетах: Берлинском, Кенигсбергском и Геттингенском. Также и хорошо подготовленным филологам нужно выбирать только один из трех университетов: Берлинский, Боннский и Галлеский (для греческого языка); юристам преимущественно два: Берлинский и Гейдельбергский; для историков: Берлин, Бонн, Гейдельберг, и Тюбинген (для специалистов); для естественников: Берлин (отчасти), Гиссен, Вюрцбург и Тюбинген; для химиков и физиков: Гейдельберг, Кенигсберг, Геттинген. Берлин, а для специалистов по органической химии: Эрланген, Тюбинген и через полтора года Бонн; для медиков, наконец, кроме столичных университетов (в Берлине, Вене, Мюнхене), я считаю необходимым посетить все германские университеты: в каждом из них они найдут непременно один или два высоких авторитета в какой-либо специальной части науки. Всем тем, которые кроме лекций и других научных занятий ищут сближения с профессорами — что для всякого специалиста чрезвычайно важно, я советую выбрать один из маленьких и отдаленных университетов, в которых они найдут и радушный прием и дружески-откровенный совет лиц, высоко стоящих в науке; к таким университетам принадлежат исключительно: Иена, Эрланген, Тюбинген и Гиссен...»

Обычно в немецких университетах функционировало к середине XIX в. 4 факультета: богословский(с двумя отделениями — католическим и лютеранским), юридический, медицинский и философский. Но были и исключения. Так, Попельсдорфский университет состоял из одного философского факультета. Студенты последнего разделялись в университетах на математиков, «натуралистов», «камералистов», собственно философов, историков и филологов.

При всем разнообразии «внутренней организации и управления» университетов последние, как отмечается в литературе, ставили в рассматриваемое время перед факультетами три главные задачи: 1) содействовать всем учащимся в расширении и углублении общего образования; 2) развивать научные исследования и создавать «ученых специалистов»; 3) «доставлять научную подготовку преподавателям средних учебных заведений».[20]

На вопрос, как в университетах Германии преподавались основные «фа-

[20] Милюков П. Н. Университеты Германии // Энциклопед. словарь Брокгауза — Ефрона. СПб., 1902. Т. 68. С. 773.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

культетские науки», дает ответ еще один документ, автором которого также является Н. И. Пирогов. «Почти в каждом университете, — пишет он, — делается это так: или систематическое изложение одной науки разделяется между несколькими профессорами (от 2-х до 5-ти); или один профессор излагает целую науку совершенно элементарно, в главных чертах, или, наконец, наука вовсе не излагается в целости и систематичности. Первому и последнему способу следуют профессора наук отвлеченных, словесных и исторических; второй — почти во всеобщем употреблении у профессоров наук практических и естественных... В Германии едва ли найдется университет, в котором бы в течение двух и более лет, посещая лекции трех или четырех профессоров истории, можно было бы выслушать курс всей древней, средней и новой истории...»[21] Это наблюдение Пирогова вполне совпадает с точкой зрения, высказанной впоследствии известным историком профессором П. Н. Милюковым, что в XIX в. в университетах Германии преподавали «*ученые специалисты, посвящающие всю жизнь одному отделу науки*, — нет более преподавателей юриспруденции, но есть кафедра римского, церковного, полицейского, международного и т. д. права; анатомии, физиологии, патологической анатомии, офтальмологии».[22] Вот к этим-то «ученым специалистам», среди которых были такие знаменитости, как Р. Бунзен, Р. Вирхов, К.-Т. Вейерштрасс, Г.-Л.-Ф. Гельмгольц, Г.-Р. Кирхгоф, Л. Кронекер, Р. Лейкарт, Т. Моммзен, Л. Ранке, И.-Ф. Энке, О. Ян и др., и стремились попасть на стажировку наши молодые «профессорские кандидаты», в том числе и универсанты.

Представление о том, как проходила стажировка универсантов в Германии, можно составить по их отчетам в Министерство народного просвещения, регулярно поступавшим в Петербург раз в квартал в течение всего срока командировки согласно инструкции, вручаемой «профессорским кандидатам» при отъезде за границу. Отчеты — весьма достоверный источник, поскольку в инструкции оговаривалось, что только «по получении сих донесений» Министерство народного просвещения «будет высылать следующие к выдаче по командировке деньги за 3 месяца вперед».[23]

Значительная часть командированных, как можно судить по их отчетам, заблаговременно собирали необходимую информацию и еще на родине намечали первую остановку в двухлетнем заграничном научном путешествии. «Руководствуясь советами господ профессоров Московского и С.-Петербургского университетов, — писал универсант Д. Н. Лебедев, направленный за рубеж для усовершенствования в области «чистой и прикладной математики», — я избрал для слушания лекции профессоров Берлинского университета: Куммера — по теории чисел и Вейерштрасса — по теории эллиптических функций».[24] Но были и такие, кто «определялся» лишь по приезде в Германию. К числу последних принадлежал кандидат столичного университета П. П. Алексеев, специализировавшийся в химии. «По получении паспорта и инструкции из департамента, — сообщал он 11 августа 1862 г., — я отправился за границу». Стажер далее информировал начальство, что, посетив химические центры Берлина, Геттингена и Гейдельберга, предпочел лабораторию профессора А. Штреккера в Тюбингене.[25]

Наметив место пребывания, «профессорские кандидаты» спешили нане-

[21] Пирогов Н. И. По поводу занятий русских ученых за границею... // Голос. 1863. № 281–283.

[22] Милюков П. Н. Университеты Германии. С. 771.

[23] Соболева Е. В. Организация науки... С. 220.

[24] Извлечения из отчетов... Ч. 1. С. 370.

[25] Там же. С. 79–80.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сти визит Н. И. Пирогову в Гейдельберге. Наставник-руководитель обычно соглашался с мнением командированного и в таком случае снабжал стажера, если требовалось, рекомендательным письмом к своему коллеге, немецкому ученому. О таких фактах с благодарностью упоминают в отчетах многие универсанты. Иногда после бесед с Пироговым «профессорские кандидаты» вносили коррективы в первоначальную программу (но такие случаи были редки).

Любопытные детали общения с Пироговым содержатся в отчетах универсантов. Так, магистру К. Ф. Нейлисову, посланному для подготовки к замещению кафедры древней истории, Пирогов при встрече «посоветовал составить план будущих занятий и сообщить, в каком университете он намерен слушать лекции в следующем полугодии».[26] М. И. Владиславлев, командированный с целью усовершенствования в философии, сообщал в Петербург: «По приезде в Гейдельберг я советовался о своих занятиях с Николаем Ивановичем Пироговым и с его согласия избрал этот университет для своих занятий в следующий академический семестр».[27] Филолог-классик А. И. Ионин писал, что, будучи в Гейдельберге, «всегда имел случай видеться с господином тайным советником Пироговым и пользоваться его советами и указаниями...».[28]

Каким университетским центрам Германии отдавали предпочтение наши молодые соотечественники? Ответ на этот вопрос дает Н. И. Пирогов, посетивший как уже говорилось, в конце 1862 — начале 1863 г. Берлин, Бонн, Вюрцбург, Иену, Тюбинген и некоторые другие города и сообщивший в Петербург, что виделся там с «посланными за границу от Министерства и от университетов» стажерами. «Большая часть из них, — писал Пирогов 5 апреля/24 марта 1863 г., — избрали местом своих занятий Берлин. Там я нашел их восьмнадцать. Это были историки (гг. Шиховской, Васильевский, Герье, Копылов и Стефанович), словесники (гг. Миллер, Потебня, Веселовский, Михайлов), математики (гг. Бессель, Лебедев, Авенариус, Яковлев, Беркевич; одного из них, Шеймана, уже не застал в живых); политэкономы и юристы (гг. Вольский, Лебедев и Думашевский); медики (гг. Зарубин и Стадион). Из филологов, занимающихся древними языками, все оставались в этом семестре или в Бонне (гг. Ионин, Модестов), или в Гейдельберге (гг. Нейлисов, Новоселов, Чистяков). Здесь же оставались почти все юристы (гг. Власьев, Сергеевич, Пассовер), два словесника (по истории г. Миротворцев и по педагогике г. Модзалевский); двое по философии (гг. Автократов и Владиславлев), один математик (г. Деларю), один химик (г. Тиханович) и два естественника (гг. Степанов и Головкинский). В Тюбингене занимался органическою химиею у профессора Штрекера г. Алексеев, в Иене философиею — г. Троицкий. в Вюрцбурге — патологическою гистологиею г. Хжонщевский и сравнительною гистологиею г. Борзенков (от Московского университета); остальные находятся теперь в Париже (три математика и один историк), в Гиссене (по сравнительной анатомии), в Цюрихе (по химии) и в австрийских университетах (по медицине и славянским языкам)...»[29] Среди перечисленных Пироговым стажеров было много уже упоминавшихся выше универсантов.

Выбрав тот или иной университет для стажировки, «профессорские кандидаты», которых главным образом интересовали, как они пишут в своих отчетах, «методы преподавания», «приемы исследования», «методы наук»,

[26] Там же. С. 326.

[27] Там же. С. 202.

[28] Там же. С. 153–154.

[29] Извлечение из письма Н. И. Пирогова 5 апреля/24 марта 1863 г. // Голос. 1863. № 77–78.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«результаты западной науки» и т. п. общие проблемы, должны были записываться на курсы лекций тех профессоров, у которых они предполагали заниматься. Универсант А. В. Бессель сообщал в столицу 13/25 августа 1862 г.: «Выехавши из С.-Петербурга 6/18 июня, я прибыл в Берлин 8/20, а 11/23 того же месяца начал слушать лекции, для посещения которых ректор университета потребовал от меня, чтобы я записался в число студентов на основании принятых здесь правил...».[30]

Для этого стажерам необходимо было внести за каждый цикл лекций от 30 до 50 «талеров», «гульденов» и даже золотых «фридрихд'оров», что составляло довольно крупные по тем временам суммы. К плате за слушание лекций добавлялись еще расходы за право занятий в лабораториях, семинарах, кружках, «коллегиях» и разного рода «практических упражнениях». Особенно много приходилось платить медикам. Деньги «профессорским кандидатам» также были нужны на приобретение книг, реактивов, приборов для опытов на дому. «По получении содержания на будущие три месяца, — пишет 24/12 ноября 1862 г. универсант А. Л. Миротворцев, — предполагаю отправиться в Гейдельберг... Оставшееся в Берлине время думаю употребить на то, чтобы ближе ознакомиться с музеем, арсеналом, королевскою библиотекой и пр.; разумеется, в то же время буду продолжать свои домашние занятия историей, для которых, впрочем, имею крайнюю нужду приобрести значительное число книг...»[31] Так что высылаемых из столицы денег стажерам едва хватало, как можно узнать из отчетов, на учебу, скромное житье-бытье и разъезды с научной целью по Германии.

Обычно занятия «профессорских кандидатов» состояли из: 1) слушания лекций; 2) работы в лабораториях, кабинетах, клиниках, библиотеках и других научно-вспомогательных учреждениях университетов; 3) участия в семинарах, кружках, собраниях, «коллегиях», «практикумах» и т. п.; 4) самостоятельных трудов на дому.

В своих отчетах «профессорские кандидаты», в том числе универсанты, очень подробно анализируют содержание прослушанных лекций, сообщают в столицу свои впечатления о них, сопоставляют увиденное в Германии с российским опытом. Знакомство с отчетами позволяет сделать вывод, что универсанты с самого начала успешно включились в учебно-педагогический процесс.

Одним из первых это сделал выпускник С.-Петербургского университета В. Г. Васильевский, направленный за рубеж для подготовки к последующему замещению кафедры «всеобщей истории». Уже 8/20 августа 1862 г. он сообщал в Министерство народного просвещения: «Мои занятия по прибытии за границу в начале июня состояли главным образом в слушании лекций по всеобщей истории в Берлинском университете. Из профессоров истории — при отсутствии Ранке, работающего в настоящее время в парижском архиве над своей историей Франции, особенное внимание мое должен был обратить на себя профессор Дройзен. Он давно известен своими переводами греческих классиков, историей Александра Македонского. В настоящее время он занимается историей Пруссии...». Стажер сообщил далее, что выслушал два курса лекций этого ученого — «об эпохе реформации» и «древней истории (Египет и Греция до персидских войн)». Первый курс читался 5, второй — 4 раза в неделю. Очень интересна та часть отчета, где Васильевский объясняет, почему он ограничился лекциями И.-Г. Дройзена. «Чтения профессора Кёпке по средней истории, — отмечает он, — не могли быть для меня особенно

[30] Извлечения из отчетов... Ч. 1. С. 116–117.
[31] Там же. С. 317.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

полезны, и я скоро перестал посещать их. Это не более, как общий очерк политических событий средних веков. О чтениях Эрмансдёрфера по истории Италии XII в. я должен сказать то же самое...»[32]

Васильевский подробно информировал начальство о своих работах на дому. «Для моих специальных занятий, — сообщает он в том же отчете, — я избрал римскую историю и начал изучение ее по Титу Ливию и Дионисию Галикарнасскому при пособии превосходного сочинения Швеглера, представляющего свод последних критических исследований по этому предмету. К сожалению, один из первых знатоков римской истории Моммзен в настоящий семестр не был в Берлине».

Узнав, что Моммзен будет читать в следующем семестре, Васильевский остался в столице Пруссии, продолжив в каникулярное время «свои домашние занятия римской историей» и обратив преимущественное внимание «на самый важный и существенный вопрос» этого предмета — о достоверности источников. Стажер дождался профессора. Прослушав курс о государственном праве римлян и объяснения на речи Цицерона, Васильевский дал высокую оценку мастерству знаменитого ученого. «Г. Моммзен, — писал он 11 ноября 1862 г., — в настоящее время один из главных и лучших представителей немецкой науки. После Нибура никто столько не сделал для римской истории, как он. В нем можно видеть столь редкое соединение громадной учености с способностью живого понимания дела, удивительного даже для немецких ученых трудолюбия с даром проницательности и остроумия, вносящих жизнь и свет в самые, по-видимому, темные и бесплотные массы материала, находящегося в его распоряжении. Немцы имеют полное право выражаться: "наш гениальный Моммзен"»[33]

В последующих двух отчетах из Берлина от 19/7 мая 1863 г. и из Лейпцига от 5 января 1864 г. Васильевский сообщает о своих занятиях в семинарах берлинских профессоров и работе над магистерской диссертацией. К последнему отчету приложена библиографическая статья, объемом около двух авторских листов, о трех вышедших в 1862–1863 гг. «книгах, относящихся к периоду римской истории» (французского ученого А. Тьери, англичанина Ч. Мервила и немца А. Штара).[34]

Магистр С.-Петербургского университета О. М. Паульсон, направленный для усовершенствования в области зоологии и также попавший в первую группу командированных за границу молодых российских ученых, стажировался в Гиссене у Р. Лейкарта. Здесь в период с августа 1862 г. по август 1863 г. (т. е. четырех семестров) он прослушал курс лекций как Лейкарта (по общей и специальной зоологии, истории развития человека, тератологии), так и профессора Эккарта по анатомии. Причем последний курс читался, как сообщал в Петербург универсант, по 18 часов в неделю, почему «по недостатку времени» стажер не имел возможности заняться этой дисциплиной практически. Относительно лекций Лейкарта по истории развития человека Паульсон замечает: «Этот, как и все курсы почтенного профессора, сопровождался постоянными демонстрациями, вследствие чего студентам представлялась возможность самим проверить и убедиться в изложенном, а не удовлетворяться одною голою теориею, которая решительно ни к чему не ведет, потому что слышанное так же быстро испарится, как было приобретено, если не дана возможность проверить каждый отдельный факт. Это аксиома, и не стоило бы говорить об этом; но, к сожалению, весьма часто встречаются препят-

[32] Там же. С. 10.
[33] Там же. С. 3.
[34] Там же. Ч. 2. С. 136; Ч. 3. С. 342–380.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ствия, *особенно у нас, по недостатку средств*».[35] За период двухгодичной командировки Паульсон успел, кроме того, съездить на остров Гельголанд «для исследований над живыми животными», поработать в Гиссенском аквариуме и участвовать «в практических занятиях по сравнительной анатомии и в изучении паразитов, играющих в настоящее время такую важную роль в медицине, что в некоторых немецких университетах были читаны отдельные курсы о болезнях, порождаемых ими».[36]

Не менее успешной была научная командировка универсанта А. Н. Коркина, также принадлежавшего к числу «профессорских кандидатов» первого призыва. Направленный за границу, как уже говорилось, 12 мая 1862 г., он поспешил сперва в Париж, где до открытия лекций в Сорбонне по факультету «математических и натуральных наук» занимался, как он пишет в отчете от 5 августа того же года, «интегрированием дифференциальных уравнений с частными производными». Затем в течение зимнего семестра Коркин посещал в Collège de France лекции Ж. Лиувилля по математическому анализу и Ж.-Л. Бертрана по интегрированию уравнений. Кроме того, как видно из его отчета от 21 февраля 1863 г., стажер «время от времени посещал лекции профессоров математики в Сорбонне для того, чтобы познакомиться ближе с объемами читаемых ими курсов и с методами изложения».[37]

Очень информативен отчет Коркина от 23 августа 1863 г. «По возвращении из России, куда я ездил с разрешения господина министра народного просвещения, — пишет универсант, — я остановился в Берлине с целью познакомиться с методами германских геометров и их способами изложения различных отраслей наук математических. Берлин, сосредоточивая наибольшее число знаменитых математиков, сравнительно с другими городами Германии, казался мне наиболее удобным для занятий сообразно с целью, которую я предложил себе. По приезде в Берлин я не застал уже начала семестра; но при помощи записок, которые мне удалось собрать, я успел познакомиться с прочитанными лекциями этого семестра и предыдущего. В особенности мне были интересны курсы, читанные знаменитостями: Куммером, Вейерштрассом и Кронекером...» Изложив содержание лекций Л. Кронекера и Э.-Э. Куммера, стажер уделил особое внимание курсу К. Вейерштрасса. «В нынешнем семестре, — писал Коркин, — Вейерштрасс читал введение в теорию Абелевых функций и приложения эллиптических функций, что составляет продолжение его лекций об эллиптических функциях, читанных в предыдущем семестре. Его лекции представляют особенный интерес по самостоятельному и оригинальному методу...» Стажер подчеркнул «изящество и простоту изложения» ученым сложных вопросов математики.[38] Именно у Вейерштрасса занималась впоследствии наша соотечественница С. В. Ковалевская — первая женщина член-корреспондент Петербургской Академии наук.

В Гейдельбергском и Геттингенском университетах совершенствовал свои познания в области философских наук еще один «профессорский кандидат», посланный за рубеж с первой группой молодых российских ученых, будущий ректор С.-Петербургского университета М. И. Владиславлев. «Предметом моих занятий, — писал он в столицу 5/17 октября 1862 г., — преимущественно была история философии. Чтоб овладеть правильным методом в философских исследованиях, чтоб ближе ознакомиться с разными приемами философского мышления, чтоб ясней видеть, на чем остановились современ-

[35] Там же. С. 467–468.
[36] Там же. Ч. 1. С. 12.
[37] Там же. С. 55, 59–60.
[38] Там же. Ч. 3. С. 418–420.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ные философские исследования и в чем более всего было оставлено предшествовавшей историей неразрешенных философских задач, нужно, по моему мнению, ближе ознакомиться с данными уже историей философскими системами... Для настоящих своих занятий я выбрал период трансцендентальной философии, начавшейся критической философией Канта. Причина такого выбора заключалась в том, что этот период, законченный Гегелем, — самый близкий к нашему времени и стоит в тесной связи с современной, так называемой идеальной философией; все более известны представители последней, как-то Лотце, Куно Фишер и др., развились преимущественно на трансцендентальной философии и по своим убеждениям очень близки к ней». Стажер далее объясняет, что избрал Гейдельберг не только из-за лекций профессора Целлера, читавшего интересовавшие его курсы, но и потому, что здешний университет «замечателен своим отделением естественных наук, а знание некоторых из них очень полезно для изучающего философию». В заключение Владиславлев подробно описывает содержание лекций Целлера, который «держится преимущественно метода аналитического», и сообщает, что исправно посещал лекции Гельмгольца на тему «Всеобщие результаты естественных наук».[39]

В другом отчете, уже из Геттингена, от 3/15 июля 1863 г. универсант пишет, что его занятия в этом городе «состояли в посещении лекций профессора Лотце по метафизике и философии религии», а также самостоятельной работы над литературой по философии.[40] Как следует из завершающего отчета Владиславлева, он продолжал в течение всего зимнего семестра 1863/64 гг. слушать в Геттингене чтения Р. Г. Лотце по психологии и логике, которую «маститый ученый соединяет с энциклопедией философии».[41]

В Берлине 28 апреля 1863 г. начал свои занятия кандидат С.-Петербургского университета Н. С. Таганцев, направленный за границу «для приготовления к преподаванию уголовного права». В своем первом отчете из Германии от 23 июня/5 июля того же года стажер пишет: «...одною из причин, по которой я выбрал Берлин для начала моих заграничных занятий, было желание познакомиться ближе, практически, с прусским уголовным судопроизводством». Таганцев сообщил далее, что успел прослушать общий курс уголовного судопроизводства известного профессора Г.-Р. Гнейста. «Он ведет его сравнительно-историческим способом, — отмечает универсант, — так что при изложении каждого вопроса указывает на разрешение его в законодательствах Пруссии, Франции и Англии... Особенно хорошо изложил он английское судопроизводство и историю прусского в XIX столетии. Теперь он читает так называемый общегерманский процесс...» В следующем отчете из Лейпцига от 1/12 октября 1863 г. Таганцев выделил ту часть еще одного курса Гнейста, где ученый говорил «о значении суда присяжных и способе его образования». Анализируя лекции другого берлинского юриста, профессора В.-Г. Безелера, по истории немецкого права, стажер изложил собственное понимание задач этой дисциплины. Он писал: «Давно прошли те времена, когда изложить историю государства — значило перечислить, пожалуй, даже в известном порядке и системе ряд фактов, относящихся к форме управления, к общественно-правовым условиям жизни. Теперь не довольствуются изложением в хронологическом порядке восшествия на престол различных государей или плодов их законодательной деятельности. Все это можно включить в историю, но ограничиться этим нельзя, а изложить в том виде и объеме, как изложил Безелер, совершенно бесполезно. От современ-

[39] Там же. Ч. 1. С. 200–201.
[40] Там же. Ч. 3. С. 466.
[41] Там же. Ч. 2. С. 323.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ной истории государства с правовой точки зрения — требования совершенно иные. Если история действительно дает нам рамки, меру, перейти которую не может и не должно настоящее, если государственный быт страны есть или должен быть результатом ее истории, та задача историка — доказать это положение и твердо обозначить эти рамки, чтобы на них действительно могло опереться настоящее...» Завершает отчет универсанта информация о прослушанных им в Лейпциге курсах лекций Г. Аренса («метафизика и политика»), В.-Г. Рошера («введение в политику»), Г.-Т. Фехнера («об отношении души к телу»), О. Вундерлиха («психиатрия»), Г. Ниссена («уголовный процесс»), а также о домашних занятиях («изучение философии права и теорий уголовного права»).[42]

Необходимо отметить, что высказанная Таганцевым очень осторожная критика одного из светил тогдашней немецкой науки ранее в более резкой форме прозвучала в адрес не менее знаменитых ученых Германии со стороны других универсантов, уже упоминавшихся филологов-классиков В. И. Модестова и А. Г. Новоселова. Первый из них, стажировавшийся 14 месяцев в Берлине и Бонне у Р.-Ф.-М. Гаупта, Ф.-В. Ричля и О. Яна, писал в отчете от 2 августа/21 июля 1863 г.: «...направление и методы преподавания классической филологии в Германии для России совершенно не годятся. Те из моих товарищей, которых я привык уважать за здравость суждений и солидность образования, пришли к тому же заключению... Я убежден, что если б я сказал свою первую лекцию так, как читает Ричль, Отто Ян или Гаупт, то на вторую не имел бы ни одного слушателя».[43]

Подобную точку зрения разделял и Новоселов.«Я никогда не забуду того дня, — сообщал он в отчете из Берлина от 23 августа 1863 г., — когда Бёк по случаю разбора одной греческой, наполовину только реставрированной надписи, буквально целый час решал вопрос о месте ударения в одном греческом слове. И подобные явления здесь ничуть не необыкновенны! ... Мне кажется, что такая узкая рамка чтения, *такое преобладающее лингвистическое направление*, такое насильственное ограничение кругозора молодых людей в деле их знакомства с классическим миром, такое искусственное отвлечение внимания их от живых сторон в произведениях и жизни древних скорее способны или возбудить отвращение от изучения греческой и римской литературы, или притупить всякое живое чувство, всякую разумную любознательность, привязать молодого человека к букве, дальше которой он не захочет, да и не будет в состоянии что-нибудь видеть ... Я не желал бы, чтобы древняя филология приняла в русских университетах такое направление. Напротив, мне кажется, что ближайшею и главною целию при чтении древних классиков должно быть поставлено их содержание, а не язык, что стремиться к этой цели есть прямая обязанность русского профессора, если он хочет поддержать и развить пробуждающуюся в молодых людях любовь к изучению классического мира...»[44]

В следующем отчете от 18 ноября 1862 г. из Гейдельберга, где Новоселов стажировался у профессоров И.-Х.-Ф. Бера и К.-Б. Штарка, молодой ученый высказал соображения о том, как должно быть поставлено преподавание классической филологии в России. «Нужно позаботиться, чтобы филология читалась во всем своем объеме и развитии, — писал он, — чтобы для всего цикла входящих в нее наук существовали в университете кафедры...»[45]

Отчеты Модестова и Новоселова свидетельствуют, что универсанты были

[42] Там же. С. 274–278; Ч. 3. С. 147–150, 475–479.
[43] Там же. Ч. 2. С. 330.
[44] Там же. Ч. 1. С. 129.
[45] Там же. С. 130–131.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

не равнодушными исполнителями министерских предписаний и инструкций, а людьми, страстно болевшими за судьбы российской науки и образования. Отрицательное отношение стажеров к «классицизму», адептами которого в России выступали будущий министр народного просвещения Д. А. Толстой и журналист М. Н. Катков, вызвало резкую отповедь реакционной прессы и прежде всего редактировавшегося Катковым журнала «Русский вестник». Вот что писала по этому поводу газета «Голос»: «Попрекнув наших кандидатов роскошным содержанием за границею, которое даже выше профессорского, и изъявив опасение, что командирование за границу с ученою целью может превратиться в увеселительную прогулку за казенный счет, рецензент обвинил гг. Модестова и Новоселова в недостатке серьезного направления и должного уважения к науке и ее деятелям».[46]

Эти обвинения, как свидетельствуют приведенные выше отчеты универсантов, представлявших все основные специальности, по которым стажировалось в Германии в 1862–1864 гг. более 60 молодых ученых из России, были абсолютно беспочвенны. Отчеты, напротив, содержат информацию об огромном объеме работы, которую выполняли на научном поприще наши соотечественники в тот период.

Стажеры трудились, не жалея сил и времени, столь напряженно, что иногда возникала прямая угроза их здоровью. Этот факт отмечал Н. И. Пирогов. «К чести всех наших посланных от Министерства и университетов по справедливости нужно сказать, — писал он в Петербург 5 апреля/24 марта 1863 г., — что они с большою ревностью приготовляются к будущему своему призванию в германских университетах. У некоторых напряженные занятия в библиотеках, лабораториях и госпиталях расстроили здоровье до того, что я просил их обратить на себя серьезное внимание и воспользоваться вакационным временем для отдыха. Некоторые весьма сблизились с профессорами и занимаются постоянно под непосредственным их руководством; от нескольких знаменитых профессоров мне приятно было слышать лестные отзывы о моих соотечественниках...».[47]

Эта черта необычайно добросовестно и с полной отдачей трудиться была характерна не только для подопечных Н. И. Пирогова, но и для стажеров, прибывших в Германию из России в 1870-х годах. «Училась наша русская молодежь, надо отдать ей должную справедливость, хорошо, усердно, толково, некоторые, можно даже сказать, запоем, — вспоминал о своем пребывании в Гейдельбергском университете доктор медицины П. О. Шлиферович. — Хорошее то было время. Надежды и упования на будущее, вера в собственные силы и таланты, окрыление от познаваний, рост и расширение душевных сил, а главное — могучая вера в человека, в добро и культуру — идеализировали нам жизнь».[48] Добросовестность российских стажеров, их воодушевление при изучении наук отмечал и академик И. И. Янжул, неоднократно посещавший с научной целью Германию в 1870-х годах.[49]

Что касается 1860-х годов, то в январе 1865 г. начали возвращаться на родину стажировавшиеся в этой стране специалисты. Последовали первые назначения. Доцентами стали в конце февраля и начале марта того же года универсанты А. Н. Коркин и В. И. Модестов, вскоре за ними — бывший старший учитель 2-й столичной гимназии М. П. Авенариус, а также универсанты

[46] Голос. 1863. № 39–40.

[47] Извлечение из письма Н. И. Пирогова 5-го апреля/24 марта 1863 г. // Голос. 1863. № 77–78.

[48] Гейдельбергский сборник... С. 72–73.

[49] Там же. С. 63.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. Г. Васильевский и А. Н. Веселовский.[50] Знаменательно, что в 1876 г. трое последних, занимавших к тому времени уже профессорские должности, наряду с Д. И. Менделеевым (прошедшим, кстати, в 1859–1861 гг. стажировку в Германии от С.-Петербургского университета), были избраны за научные заслуги членами-корреспондентами Императорской Академии наук в связи с ее 150-летним юбилеем.[51]

Научная карьера многих других универсантов-стажеров «первых призывов» была не менее удачной. Так, А. В. Бессель вскоре по возвращении стал магистром, читал в Университете курс лекций в качестве приват-доцента, а после вторичной поездки за границу (правда, за свой счет) защитил в 1868 г. докторскую диссертацию по специальности «чистая математика». Филолог-классик А. О. Ионин, сдав по приезде из Германии магистерский экзамен, работал с 1868 г. в Петербурге и. о. профессора в Историко-филологическом институте и Университете. Магистрант-славист О. Ф. Миллер защитил в 1870 г. докторскую диссертацию. Выпускник факультета восточных языков И. П. Минаев стал в 1868 г. магистром, а в 1872 г. доктором наук. Биолог А. О. Ковалевский, дважды стажировавшийся в Германии (в 1860 г. — еще студентом 2-го курса, а в1863–1865 гг. кандидатом естественных наук Университета), защитил осенью 1865 г. магистерскую диссертацию, затем два года работал в «альма матер» приват-доцентом. Получив в 1867 г. докторскую степень, служил профессором в провинциальных университетах. В 1890 г. был избран ординарным академиком АН, с 1891 г. — ординарным профессором по кафедре зоологии столичного университета. Химик Н. А. Меншуткин, стажировавшийся за границей в 1863–1865 гг. (в том числе в Марбургском и Тюбингенском университетах), осенью 1865 г. выдержал экзамен на степень магистра, защитил через год магистерскую, а в 1869 г. — докторскую диссертацию. С 1876 г. он — ординарный профессор Петербургского университета. Юрист Н. С. Таганцев, усовершенствовавшийся в науках в Германии в те же годы, в 1867 г. был удостоен ученой степени магистра уголовного права. Став через три года доктором наук, много лет работал на профессорских должностях в Университете и других высших учебных заведениях Петербурга.[52] Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

Однако не все стажеры «первых призывов» служили затем в вузах. Так, магистру М. М. Троицкому, направленному в Германию для последующего занятия кафедры философии, было по приезде на родину предоставлено место в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а универсант Л. Н. Модзалевский получил направление в 3-ю Петербургскую гимназию. И это произошло в то время, когда только в университетах России имелось 88 вакантных кафедр.[53] Всего на 1 января 1865 г. в университетах страны (кроме Дерптского) требовалось в связи с введением нового устава более 120 профессоров и 100 доцентов на дополнительные штатные должности.[54]

Но, несмотря на этот «социальный заказ», число лиц, стажировавшихся в 1870-х годах за границей для подготовки к профессорскому званию, резко сократилось. Если в 1862–1865 гг. их было, как уже говорилось, 84 (из них 68

[50] Соболева Е. В. Организация науки... С. 227; РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 63. Л. 595 об.–606 об.

[51] Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1876 г. по случаю празднования ее 150-летия. СПб., 1876. С. 5.

[52] Биографический словарь СПбУ. Т. 1. С. 278–279, 320–321; Т. 2. С. 45–47, 50–52, 268–270.

[53] Соболева Е. В. Организация науки... С. 227.

[54] Галкин К. Т. Высшее образование... С. 26.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в Германии), то в 1870 г. — 16, а в 1876 г. — всего 12 человек.[55] Причем большинство командированных опять-таки избирало Германию в качестве места «для усовершенствования в науках», идя по стопам своих предшественников, «профессорских кандидатов» 1860-х годов.

Однако теперь командирование проходило по новым правилам, что было вызвано развитием внутриполитической ситуации в стране. В связи с покушением 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозова на Александра II ярый реакционер Д. А. Толстой сменил либерального Головнина на посту министра народного просвещения. Приход Толстого ознаменовался требованием 2 июня 1866 г. председателя следственной комиссии по делу о покушении М. Н. Муравьева срочно «доставить список тем молодым людям, которые Министерством народного просвещения отправлены за границу с ученою целию и там находятся, а также тем, которые возвратились из-за границы в течение последних трех лет», что и было немедленно исполнено. Муравьев получил два списка. Первый включал 61, второй — 46 фамилий, среди которых соответственно перечислялись 27 и 14 универсантов.[56] Хотя прямых репрессий в отношении «профессорских кандидатов» тогда не последовало, сам факт подобного запроса свидетельствовал, что грядут иные времена. И действительно, 27 марта 1876 г. были «высочайше» утверждены новые правила командирования за рубеж молодых российских ученых. По сравнению с соответствующим документом от 26 марта 1862 г. уменьшался размер содержания стажеров; вместо занятий «по собственному усмотрению» вводилась строгая их регламентация; не допускалось практиковавшееся ранее продление срока заграничной командировки; ликвидировалась должность наставника-руководителя, к которому посланные за границу специалисты могли обратиться в случае каких-либо затруднений или для получения консультации.[57]

Резко сократилась при Толстом общая сумма государственных ассигнований на подготовку «профессорских кандидатов». Если в 1862–1865 гг. на эти цели было отпущено 372 тыс. руб., то с 1866 по 1871 г. — всего 266 тыс. Причем далее размер ежегодных казенных дотаций неуклонно уменьшался, составляя в 1883 г. лишь 50 тыс. руб. (при Головнине колебался от 100 тыс. до 86 тыс. руб.). И все это происходило тогда, когда, по официальным данным, «испытывался острый недостаток» в профессорах и доцентах не только в университетах, где на 1 января 1870 г. было 184 вакантные кафедры, но и в недавно открытых нескольких новых высших учебных заведениях империи (Институт сельского хозяйства в Новой Александрии, Варшавский университет и др.).[58]

Министерство народного просвещения теперь явно поощряло подготовку «профессорских кандидатов» на их собственные средства, что при Головнине было редким явлением (среди универсантов таких лиц насчитывалось всего несколько, как, например, климатолог А. И. Воейков,слушавший в 1862–1865 гг. курсы и лекции в Берлинском, Гейдельбергском и Геттингенском университетах и получивший в последнем ученую степень доктора философии).[59]

Отмечая во «всеподданнейшем» отчете царю за 1873 г. наличие довольно значительной по масштабам тех лет группы «своекоштных» стажеров (11 чел.), Д. А. Толстой писал, что мера эта допущена «как в видах сокращения немаловажных издержек казны по приготовлению профессоров, так

[55] Соболева Е. В. Организация науки... С. 240–241.
[56] РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 96. Л. 13–16.
[57] Соболева Е. В. Организация науки... С. 232–233.
[58] Там же. С. 237.
[59] Биографический словарь СПбУ. Т. 1. С. 157, 177–180 и др.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и для скорейшего пополнения вакантных профессорских мест и поощрения к высшим ученым занятиям молодых людей, достаточно обеспеченных в материальном отношении». Число готовившихся за свой счет «профессорских кандидатов» росло и уже в 1874–1876 гг. равнялось соответственно 18 и 22. В дальнейшем эта категория молодых стажеров увеличивалась и составляла от трети до четверти всех «профессорских кандидатов», готовившихся как в России, так и за ее пределами.[60]

Однако и в этих непростых условиях Петербургский университет сумел делегировать в 1870-е годы за границу в пределах предоставленной ему Министерством народного просвещения квоты довольно значительную группу своих выпускников, приват-доцентов и будущих профессоров. Из них, по крайней мере, 18 стажировалось в указанный период в Германии. Это были математик П. О. Сомов, астроном С. П. Глазенап; физики И. И. Боргман, Н. И. Гезехус и О. Д. Хвольсон (последний — за свой счет); биологи Н. И. Бакст и О. В. Баранецкий; историк Я. Г. Гуревич; «филологи-классики» Д. В. Беляев и И. В. Помяловский; искусствовед А. В. Прахов; востоковед В. Р. Розен (за свой счет); юристы С. В. Ведров, А. Х. Гольмстен, А. И. Исаев. К. И. Малышев, Ф. Ф. Мартенс и И. Я. Фойницкий.[61] Причем иногда в немецких университетах одновременно находилось до 5 петербургских универсантов, как, например, в 1873–1875 гг., когда общее число стажировавшихся в России и за ее пределами специалистов достигало в столичном университете 39 человек (в Московском — 24, в Харьковском — 17, в Казанском — всего 3 человека).[62]

Среди универсантов-петербуржцев, находившихся в Германии, преобладали, как видно из приведенного выше списка, юристы. Этот факт еще отмечал стажировавшийся здесь в конце 1870 — начале 1880-х годов Л. И. Зверинцев. Вспоминая о пребывании в самом посещаемом российскими «профессорскими кандидатами» городе Германии — Гейдельберге, он писал: «Из лиц, посланных правительством для усовершенствования, было больше всего юристов...».[63] Остальные специальности распределялись более или менее равномерно — по одному-два человека на каждую. Бросающееся в глаза отсутствие химиков объясняется, видимо, тем, что в столичном университете с 1868 г. наряду с уже преподававшим здесь Д. И. Менделеевым плодотворно работал А. М. Бутлеров. Он, кстати, стажировался в 1857–1858 гг. в Германии, где, по его словам, «ученик превратился в ученого».[64] Еще одну профессорскую должность по химии занимал с 1876 г., как уже говорилось, бывший «профессорский кандидат» Н. А. Меншуткин. Стажеры же, как правило, в 1870-х годах посылались за границу только при наличии вакантной кафедры соответствующей специальности.

Как сложилась дальнейшая судьба универсантов-стажеров 1870-х годов по их возвращении из Германии? Все стали признанными специалистами, успешно трудились во благо отечественной науки и просвещения. Так, выпускник 1873 г. П. О. Сомов, усовершенствовавшийся в Берлинском университете, преподавал по приезде на родину в высших учебных заведениях Петербурга — Лесном институте, Офицерских классах (Кронштадт), «Бестужевских курсах». Защитил в «альма матер» сперва магистерскую, затем докторскую диссертацию по специальности «прикладная математика». С. П. Глазенап, занимавшийся в Германии теоретической астрономией под ру-

[60] Соболева Е. В. Организация науки... С. 242.

[61] Биографический словарь СПбУ. Т. 1. С. 187, 223–224 и др.; Т. 2. С. 150–151, 307–308 и др.

[62] Галкин К. Т. Высшее образование... С. 25.

[63] Гейдельбергский сборник... С. 79.

[64] Биографический словарь СПбУ. Т. 1. С. 36 и др.; Т. 2. С. 2, 7–11 и др.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ководством профессора Ганзена, стал в России приват-доцентом, экстраординарным и ординарным профессором «астрономии и высшей геодезии». Физик И. И. Боргман, защитивший в 1878 г. магистерскую диссертацию, занимался экспериментальным обоснованием теории Д.-К. Максвелла. Н. И. Гезехус, работавший в 1871–1872 гг. в физической лаборатории Берлинского университета под руководством Г.-Л.-Ф. Гельмгольца и Г. Квинке, стал в 1876 г. магистром, а в 1882 г. — доктором наук, занимал штатные должности профессора физики сперва в столичном Технологическом институте, а с 1888 г. — в Томском университете. О. Д. Хвольсон, слушавший в 1874 г. лекции в Лейпцигском университете, работал после защиты в 1876 г. магистерской диссертации приват-доцентом Петербургского университета, затем преподавал в Электротехническом институте и на Высших женских курсах. Выпускник Университета, приват-доцент по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Н. И. Бакст защитил в 1873 г. после двухгодичной стажировки докторскую диссертацию, как и ботаник О. В. Баранецкий, командированный от Университета за границу на тот же срок. Окончивший в 1868 г. историко-филологический факультет Я. Г. Гуревич, направленный в начале 1870-х годов в Берлин для изучения истории и географии, став по приезде приват-доцентом Университета, читал в 1886–1889 гг. курс новой и новейшей истории. Магистр римской словесности И. В. Помяловский, слушавший лекции Р.-Ф. Гаупта (Берлин) и Ф.-В. Ричля (Лейпциг), а также участвовавший в семинарах этих знаменитых профессоров, посетивший затем Италию, где изучал древние надписи, был избран после защиты в Петербурге докторской диссертации сперва экстраординарным профессором римской словесности, затем — ординарным профессором Университета по кафедре классической филологии. Ученый преподавал, кроме того, в Училище правоведения и Историко-филологическом институте, в 1890 г. стал членом-корреспондентом АН. Выпускник Университета А. В. Прахов, посланный в Германию для подготовки к последующему занятию кафедры истории искусств, слушал в Мюнхене лекции Г. фон Брунна и занимался там в глиптотеке. По возвращении он был избран доцентом Университета, позднее — профессором Академии художеств, где и работал до 1887 г. Востоковед В. Р. Розен, стажировавшийся в Лейпциге, защитив по приезде магистерскую диссертацию по специальности «арабская словесность», стал штатным доцентом Университета по одноименной кафедре. В 1879 г. он был избран действительным членом Академии наук. Из последней Розен вскоре ушел по причине конфликта с руководством, будучи представителем «русской партии», активно боровшейся в то время с «немецкой партией» Академии во главе с непременным секретарем К. С. Веселовским. В высшее научное учреждение страны он вернулся в 1890 г. во время президентства К. К. Романова уже доктором арабской словесности и ординарным профессором факультета восточных языков. В 1893 г. Розен стал деканом.[65]

Показательна служебная карьера уже упоминавшихся универсантов-юристов. Все были оставлены в Университете для подготовки к профессорской деятельности. Все прошли через стажировку в Германии. К. И. Малышев по возвращении не только стал доцентом Университета по кафедре уголовного права, но и работал консультантом Министерства юстиции и чиновником Кодификационного отдела при Государственном совете. Ф. Ф. Мартенс, командированный за границу уже магистром «для дальнейшего изучения своего предмета» (он мечтал о специализации в области уголовного права), через год был отозван в Петербург с предложением занять ставшую вакантной в

[65] Там же. Т. 2. С. 130–131 и др.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Университете кафедру международного права. Он ее получил после защиты в 1873 г. докторской диссертации. Мартенс являлся впоследствии крупным правоведом-международником, публикатором документов в этой области юриспруденции, представлял Россию за рубежом на конференциях и совещаниях. В 1908 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. И. Я. Фойницкий также после защиты в 1871 г. магистерской диссертации был по представлению профессора Н. С. Таганцева (университанта-стажера 1860-х годов) направлен в зарубежную командировку для занятия впоследствии кафедры уголовного права. Посетил Австрию, Швецию, Францию, Италию и Англию, слушал лекции в Берлинском, Венском и Лейпцигском университетах. В 1881 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором, а с 1897 г. деканом юридического факультета. А. Х. Гольмстен, занимавшийся в 1873–1874 гг. в Берлинском, Мюнхенском и Гейдельбергском университетах, но приезде работал по специальности приват-доцентом Петербургского и Киевского университетов.[66]

Итоги стажировки в Германии в 1860–1870-х годах университантов-«профессорских кандидатов» показывают, что к Петербургскому университету не может быть отнесен вывод К. Т. Галкина о «неудачных результатах работы института профессорских степендиатов» в этот период. Вся последующая научно-педагогическая деятельность выпускников, преподавателей и сотрудников столичного университета, прошедших через стажировку, свидетельствует об обратном. Именно в 1860–1870-х годах был приобретен опыт ускоренной подготовки кадров российских ученых. Он во многом поучителен. В трудное в финансовом отношении время реформ, когда на самом высоком уровне постоянно звучали призывы «соблюдать умеренность в расходовании средств», были изысканы сверхсметные кредиты на подготовку научной смены. Тогда лучшие люди России смогли убедить царя и правительство, что «государству нужны ученые юристы, медики, математики и вообще лица с общим университетским образованием...».[67]

---

[66] Там же. Т. 1. С. 202–207 и др.

[67] Соболева Е. В. Из опыта подготовки за рубежом кадров российских ученых в «эпоху великих реформ» // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 9. Ч. 2. Материалы сессии Международной школы социологии науки и техники. СПб., 1995. С. 53–54.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К ВОПРОСУ О НЕИЗБРАНИИ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА В РОССИЙСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК

11 ноября 1880 г. произошло событие, всколыхнувшее всю научную общественность России, — профессор химии Санкт-Петербурского университета, ученый с мировым именем Д. И. Менделеев был забаллотирован при избрании в экстраординарные академики Императорской Академии наук. После этого события деятельность Академии была подвергнута критике, в многочисленных газетных и журнальных статьях активно обсуждались причины неизбрания и требования к работе Академии.

В связи с этим представляется интересным провести просопографический анализ состава физико-математического отделения (ФМО) Университета, которое забаллотировало Менделеева. Итак, в 1880 г. ФМО включало в себя 15 членов — Н. Н. Алексеева, А. М. Бутлерова, Г. И. Вильда, А. В. Гадолина, Г. П. Гельмерсена, Н. И. Кокшарова, К. И. Максимовича, Ф. В. Овсянникова, А. Н. Савича, О. В. Струве, А. С. Фаминцына, П. Л. Чебышева, Ф. Б. Шмидта, Л. И. Шренка, А. А. Штрауха, — а также Президента Академии графа Ф. П. Литке, Вице-Президента В. Я. Буняковского и непременного секретаря К. С. Веселовского.[1]

При изучении рода деятельности каждого из вышеперечисленных академиков можно выделить две основные группы: академики-«преподаватели» и академики-«администраторы». К первой группе относятся Алексеев, Бутлеров, Овсянников, Савич, Чебышев и Фаминцын. Ко второй группе можно отнести Веселовского, Вильда, Литке, Максимовича, Струве, Шмидта и Штрауха. Между этими двумя четкими группами существовала группа в 4 человека: Буняковский, Гадолин, Гельмерсен и Кокшаров, которые почти в равной мере отдали дань как преподаванию, так и администрированию.

Перейдем к характеристике членов первой группы.

Н. Н. Алексеев (1827–1881) был избран адъюнктом Академии по чистой математике в 1879 г. Областью его занятий было интегральное и дифференциальное исчисление, теория эллиптических функций, аналитическая геометрия. Периодом наиболее плодотворной научной деятельности Алексеева можно назвать 1861–1881 гг. За свои 2 курса по интегральному исчислению (1861, 1862 гг.) Алексеев был удостоен половины Демидовской премии. В 1865 г. он читал лекции по теории эллиптических функций в Московском университете, в 1866 г. был переведен на должность инспектора классов 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. В 1871–1877 гг. Алексеев стал ординарным профессором Варшавского университета по кафедре чистой математики. В 1875–1877 гг. он исполнял должность декана физико-математического факультета Варшавского университета.[2]

А. М. Бутлеров (1828–1886) родился в дворянской семье в г. Чистополе Казанской губернии, окончил физико-математический факультет Казанского университета. Создал теорию химического строения, явившуюся предпосылкой возникновения промышленного органического синтеза. Основы учения Бутлерова изложены в таких его трудах, как «О химическом строении веществ» (1862), «О различных способах объяснения некоторых случаев изомерии» (1863), «Введение к полному изучению органической химии» (1864).

© М. Н. Киселева, 2000.

[1] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а. № 128. С. 204.

[2] Там же. № 127. С. 99–100.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Период научной активности Бутлерова продолжался с 1851 г., когда он защитил магистерскую диссертацию, и до последних дней его жизни. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1870 г. он был выбран адъюнктом, в 1871 г. — экстраординарным академиком, в 1874 г. — ординарным академиком. Весьма плодотворной была педагогическая деятельность Бутлерова. В 1848 г. он начал чтение лекций по физике и физической географии для медиков и неорганической химии для естественников и математиков в Казанском университете. В 1854 г. Бутлеров был избран экстраординарным профессором Казанского университета, а в 1858 г. — ординарным профессором. Затем по инициативе проф. Д.И. Менделеева он переехал в Санкт-Петербург и с 1869 по 1885 г. исполнял обязанности ординарного профессора Санкт-Петербургского университета, руководителя кафедры органической химии. К концу своей службы в Университете Бутлеров получил звание заслуженного профессора. Кроме того, в 1878–1886 гг. он читал лекции по химии на Высших женских (Бестужевских) курсах.

Бутлеров создал и оставил после себя великолепную школу русских химиков-органиков, из которой вышли В.В. Морковников, А.М. Зайцев, А.Е. Арбузов, А.Н. Попов, Ф.М. Флавицкий, Е.Е. Вагнер, А.Е. Фаворский, В.Е. Тищенко и многие другие известные ученые.

Бутлеров всегда боролся с низкопоклонством перед иностранными учеными и отстаивал интересы передовой русской науки. За 16 лет пребывания в Академии (1870–1886) он вовлекал в нее И.И. Мечникова, И.М. Сеченова, А.О. Ковалевского, А.И. Коркина, Н.Н. Бекетова, Д.И. Менделеева. В 1878 г. Бутлеров был избран Председателем отделения химии Русского физико-химического общества. Участвовал в работе Вольного экономического общества.[3]

Ф.Б. Овсянников (1827–1906) родился в Санкт-Петербурге, окончил медицинский факультет Дерптского университета. Его нейрогистологический поиск механизма трофического влияния нервной системы на живой организм послужил дальнейшему развитию учения о трофической функции нервной системы. Наиболее известны работы Овсянникова о микроскопическом исследовании начал нервов в большом мозге (1856), о гистологических исследованиях нервной системы моллюсков (1870), о наличии сосудодвигательного центра в продолговатом мозгу кролика (1871), а также работы, посвященные эмбриологии и паразитологии рыб, искусственному разведению рыб. Овсянников неоднократно получал медали на выставках рыбоводства (например, в Берлине, Лондоне), за рыбоводство же получил он малую золотую медаль от Вольного экономического общества. По инициативе Овсянникова в Санкт-Петербурге были созданы физиологическая лаборатория при Академии наук (1864) и физиологический кабинет в Университете (1866).

Научная активность Овсянникова определяется периодом с 1854 по 1892 г. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1862 г. он был выбран адъюнктом. в 1863 г. — экстраординарным академиком, в 1864 г. — ординарным академиком. Педагогическая деятельность Овсянникова началась в 1856 г., когда он был назначен ординарным профессором Казанского университета по кафедре физиологии и общей патологии, а в 1861 г. был выбран деканом медицинского факультета. В 1863 г. Овсянников переехал в Санкт-Петербург и, став ординарным профессором Университета по кафедре физиологии и анатомии, читал лекции по гистологии и эмбриологии до 1892 г. (В лаборатории Овсянникова в студенческие годы начинал свою

[3] Зелинский Н.Д. А.М. Бутлеров. М., 1949; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.5. СПб., 1892. С.79–82; БСЭ. 2-е изд. Т. 6. М., 1953. С. 378–383.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

научную деятельность И. П. Павлов, будущий знаменитый русский физиолог.) Общественная деятельность Овсянникова была невелика — основные силы были отданы им науке и преподаванию. В 1861 г. по поручению Казанского университета Овсянников участвовал в комиссии из попечителей учебных округов и представителей от университетов, собравшейся для выработки университетского устава в Санкт-Петербурге. Кроме того, в течение 26 лет он бессменно состоял председателем отделения зоологии и физиологии Общества естествоиспытателей.[4]

А. Н. Савич (1811–1883) родился в Харьковской губернии, в старинной дворянской семье, окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1836–1838 гг. с помощью новейших приемов практической астрономии он подтвердил тот факт, что Каспийское море более чем на 10 сажень лежит ниже Черного моря. Наиболее известны следующие работы Савича: «Приложение практической астрономии к географическому определению мест» (1845), «Приложение теории вероятностей к вычислению наблюдений» (1857), «Курс астрономии» в 2 т. (1874–1884), а также работы в области определения орбит спутников планет, планет и комет, теоретические изыскания в области рефракции астрономической и земной, замечания о барометрическом нивелировании и др. Совместно с геодезистом П. М. Смысловым и физиком Р. Э. Ленцем Савич впервые в России произвел абсолютные определения силы тяжести с помощью оборотных маятников вдоль дуги меридиана от Торнио до Измаила (1865–1868).

В 1839 г. Савич был приглашен в Санкт-Петербургский университет ординарным профессором по кафедре астрономии и высшей геодезии, которую и занимал по 1880 г. Это время его наиболее активной научной деятельности. Савич основал в Университете небольшую астрономическую обсерваторию. Благодаря ему Университет сделался центром, куда с разных сторон России стремились желающие изучить астрономию. Карьера Савича в Академии наук складывалась следующим образом: в 1862 г. он был выбран экстраординарным академиком, в 1868 г. — ординарным академиком. Говоря об общественной деятельности Савича, следует упомянуть о том, что он состоял действительным членом Императорского русского географического общества с самого года его основания (1845).[5]

П. Л. Чебышев (1821–1894) родился в селе Окатово Калужской губернии, в старинной дворянской семье, окончил курс в Московском университете. В 1849 г. при Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Теория сравнений», удостоенную Петербургской Академией наук Демидовской премии. Чебышев известен работами по теории чисел, теории вероятностей, интегральному исчислению, параболическому интерполированию по способу наименьших квадратов, а также по «функциям, наименее уклоняющимся от нуля».[6] В связи с последней темой находятся работы Чебышева по практической механике — в этой области ему принадлежит изобретение различных остроумных приборов. Труды Чебышева еще при его жизни нашли широкое признание как в России, так и за границей — он был

[4] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. Пг., 1917. С. 51–54; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 21. СПб., 1897. С. 676–677; БСЭ. Т. 30. С. 479–480.

[5] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб., 1898. С. 169–176; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 28. СПб., 1900. С. 35–36; БСЭ. Т. 37. С. 572.

[6] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 38. СПб., 1903. С. 452.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

избран членом Берлинской (1871), Болонской (1873), Парижской (1874) Академий наук, Лондонского Королевского общества (1877).

Научая активность Чебышева определяется периодом 1843–1894 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1853 г. он был выбран адъюнктом, в 1856 — экстраординарным академиком, в 1859 г. — ординарным академиком.

Педагогическая карьера Чебышева началась в 1847 г., когда он получил звание доцента в Санкт-Петербургском университете; в 1852 г. там же получил звание экстраординарного профессора, а в 1857 г. — ординарного профессора. Таким образом, Чебышев прослужил в Санкт-Петербургском университете 35 лет и уволился из него в 1882 г. Кроме работы в Университете Чебышев с 1852 г. преподавал некоторое время практическую механику в Александровском Лицее. За долгое время преподавания в Университете Чебышев создал школу русских математиков, из которых заслуженную известность получили А. Н. Коркин, Е. И. Золотарев, А. А. Марков, Г. Ф. Вороной, А. М. Ляпунов. В. А. Стеклов, Д. А. Граве и др.

Чебышев занимался также и общественной деятельностью: в 1856 г. он был назначен членом Ученого комитета при Главном правлении училищ, оставался его членом и после переименования его в Ученый комитет Министерства народного просвещения вплоть до 1873 г., когда получил звание почетного члена этого Комитета, специально для него установленное. Кроме того, с 1867 г. Чебышев состоял совещательным членом Технического комитета Главного артиллерийского управления.[7]

А. С. Фаминцын (1835–1918) родился под Москвой, в Сокольниках, в дворянской семье, окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

Фаминцын известен своими физиологическими работами по влиянию света на растения, главным образом водоросли. Занимался он и морфологическими исследованиями — в 1867 г. совместно с О. В. Баранецким показал сложную природу лишайников и впервые выделил из них зеленые клетки, установив их тождество со свободноживущими водорослями. По инициативе Фаминцына в 1890 г. при Академии наук была организована ботаническая лаборатория — первое в России научно-исследовательское учреждение по физиологии растений.

Периодом научной активности Фаминцына следует называть 1860–1914 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1878 г. он был выбран адъюнктом, в 1883 г. — экстраординарным академиком, в 1891 г. — ординарным академиком.

Педагогическая деятельность Фаминцына началась в 1863 г., когда он был утвержден в должности штатного доцента по ботанике в Санкт-Петербургском университете, в 1867 г. избран экстраординарным профессором по кафедре анатомии и физиологии растений, в 1872 г. — ординарным профессором и деканом физико-математического факультета, а в 1877–1879 гг. исправлял должность ректора Санкт-Петербургского университета. В 1889 г. Фаминцын покинул стены Университета и был удостоен звания заслуженного профессора. Некоторое время он состоял профессором Высших женских курсов. Фаминцын стал наставником целого поколения физиологов, таких, как О. В. Баранецкий. И. П. Бородин, А. Ф. Баталин, К. А. Тимирязев, Д. И. Ивановский и многие другие.

[7] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 218–222; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 38. С. 452–453; БСЭ. Т. 47. С. 81–82.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Фаминцын занимался обширной общественной деятельностью. С 1901 г. он являлся председателем Санкт-Петербургского Бюро библиографии по естествознанию и математике в России, созданном при Академии наук; с 1902 г. был избран в число членов Международного Совета, управляющего изданием Каталога сочинений по естествознанию и математике. В 1907 г. во время сильного голода под председательством Фаминцына была создана особая комиссия из академиков и других лиц для расследования влияния мокрой головни пшеницы на организм человека и домашних животных с целью содействовать кормлению голодающего населения доброкачественным хлебом.

В течение нескольких лет Фаминцын состоял членом Совета Императорского ботанического сада. Несколько лет он был Вице-Президентом, а затем Президентом Императорского вольного экономического общества, Президентом Санкт-Петербургского биологического общества, Председателем Ботанического отделения Общества естествоиспытателей.[8]

Заканчивая описание группы академиков-«преподавателей», можно попытаться представить наиболее типичного ее представителя. Это ученый, русский по происхождению, окончивший один из российских университетов (Санкт-Петербургский, Московский или Казанский), занимающий пост профессора (чаще всего в Санкт-Петербургском университете) и защитивший докторскую диссертацию. Преподавательская и научно-исследовательская деятельность этого типичного представителя тесно связана со студентами и уже более зрелыми своими учениками, что дает возможность продлить творческую активность практически до последних лет жизни, а также оставить после себя многочисленных учеников и последователей.

Переходим к характеристике группы академиков-«администраторов».

К. С. Веселовский (1819–1901) родился в г. Новомосковске Екатеринославской губернии, в семье военного-чиновника, окончил Александровский (Царскосельский) Лицей в Санкт-Петербурге. Он известен работами в области сельскохозяйственной статистики, политэкономии и климатологии. Веселовский издал «Хозяйственно-статистический атлас» по Европейской части России, составил первую по времени почвенную карту Европейской России. Он был организатором и руководителем метеорологических наблюдений в подведомственных департаменту сельского хозяйства заведениях, результаты этой работы напечатаны в ряде монографий о климате различных местностей России. В 1857 г. Веселовский издал обширный труд «О климате России», удостоенный русским географическим обществом золотой Константиновской медали.

Период научной активности Веселовского определяется 1839–1862 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1852 г. он был выбран в адъюнкты, в 1855 г. — в экстраординарные академики, в 1859 г. — в ординарные академики. Педагогической деятельностью Веселовский никогда не занимался.

В 1837 г. Веселовский поступил на службу в Министерство государственных имуществ, в Департамент сельского хозяйства, где достиг должности начальника статистического отделения (1846–1857). Кроме того, в период 1842–1843 гг. он состоял на службе в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. В то же время Веселовский нес на себе труды по изданию «Журнала государственных имуществ» сначала в звании помощника редактора, а с 1857 г. в качестве редактора. 33 года Веселовский ис-

[8] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 199–205. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 35. СПб., 1902. С. 288–289; БСЭ. Т. 44. С. 516.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

полнял обязанности непременного секретаря Императорской Академии наук (1857–1890).

Помимо обширной административной работы Веселовский имел также много общественных обязанностей. Он участвовал в трудах комиссии Министерства народного просвещения по составлению нового законоположения о печати — занимался главой о периодических изданиях на основании изучения иностранных законодательств об этом предмете (1862). Был он также членом комиссии по описанию губерний Киевского учебного округа (1854), членом Ученого комитета Министерства государственных имуществ (1858) и непременным членом со стороны Академии в Статистическом совете Министерства внутренних дел (1864).[9]

Г. И. Вильд (1833–1902) родился в Цюрихе (Швейцария) в семье владельца учебного заведения, окончил университет в Цюрихе. Он известен своими работами в области метеорологии, оптики, метрологии, земного магнетизма. Став в 1868 г. директором Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге, он взялся за преобразование всего метеорологического дела в России. С помощью Вильда Обсерватория обзавелась нормальными мерами и весами, а также новыми нормальными приборами. На основании российского нормального барометра, определяющего абсолютную величину атмосферного давления с точностью до 0,01 мм, был построен впоследствии нормальный барометр Международного бюро мер и весов. Вильд исследовал также нормальные термометры, начал точную проверку анемометров, создал и ввел в употребление простые флюгера с указателями силы ветра.

В области метрологии Вильдом были созданы оптический сахариметр, поляризационный фотометр, спектральный фотометр, новый компаратор. Вильд посвятил много времени исследованию земного магнетизма. Венцом его трудов по магнитным измерениям можно считать построенную им в 1876 г. образцовую Константиновскую магнитную и метеорологическую обсерваторию в Павловске, где был установлен индукционный инклинатор больших размеров, измеряющий точность наклонения до $\pm 3 - 4''$ (сек).

Период научной активности Вильда приходился на 1856–1900 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1868 г. он стал экстраординарным академиком, в 1870 г. — ординарным академиком, в 1895 г. вышел в отставку и был избран почетным членом Российской Академии наук.

Педагогическая деятельность Вильда приходилась на швейцарский период: он был сперва экстраординарным (1858), а затем ординарным (1860) профессором физики в Бернском университете. В России Вильд пробыл с 1868 по 1895 г., однако так и не выучив русский язык, вернулся в Цюрих.

Вильд был весьма активным директором Главной физической обсерватории. До начала его деятельности в России была 31 метеостанция, к 1895 г. в России было уже 650 станций 2-го разряда и 1400 станций 3-го разряда (станция 3-го разряда осуществляет простейшие наблюдения — выпадание дождя и снега, грозы, вскрытие и замерзание рек, — используя минимум приборов, например дождемер).

Вильд заботился и о практическом применении метеорологических наблюдений. В 1876 г. при Обсерватории стал издаваться «Ежедневный бюллетень», а с 1891 г. — еженедельный и ежемесячный «Метеорологический бюллетень», в которых печатались депеши и синоптические карты для разных районов России. Обсерватория посылала штормовые предупреждения в порты Балтийского, Черного и Азовского морей, предупреждения о метелях

[9] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 1. Пг., 1915. С. 162–169; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 6. СПб., 1892. С. 100.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вдоль линий железных дорог, телеграфные сообщения о погоде для нужд сельского хозяйства. К 1894 г. число станций, высылавших телеграфные депеши о погоде, достигло 182.

Вильд занимался обширной общественной деятельностью. В 1870 г. он был избран в члены Международной комиссии метра, а в 1875 г. — в члены Международного комитета мер и весов. В 1879 г. он стал Президентом постоянного Международного метеорологического комитета, в 1880 г. был выбран в Председатели Международной полярной комиссии, целью которой была посылка экспедиций в полярные страны в 1882–1883 гг.[10]

Ф. П. Литке (1797–1882) родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Всестороннюю подготовку мореплавателя и географа-исследователя он получил в 1817 г. в кругосветном плавании на военном шлюпе «Камчатка» под командою капитана В. М. Головнина.

Литке известен своими исследованиями морей Северного Ледовитого океана. В 1821 г. под его команду был поставлен бриг «Новая Земля» и поручена опись берегов Новой Земли. В этом плавании Литке исправил положение важной точки — мыса Канин Нос, что совершенно изменило карту северной части Белого моря. В плавании 1822–1823 гг. Литке описал западный и южный берега Новой Земли, в путешествии 1824 г. подробно описал берега, фарватер и отмели Белого моря. В 1826 г. вышло сочинение Литке «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан». В 1826–1829 гг. Литке был назначен командиром шлюпа «Сенявин», совершившего кругосветное плавание. Результаты экспедиции, имевшие большое гидрографическое и географическое значение, были опубликованы в 1832 г. в изданном Гидрографическим депо Морского министерства атласе, содержащем не менее 50 карт. Описание кругосветного плавания Литке вышло в свет в 1834–1836 гг., и Академия присудила ему за это сочинение полную Демидовскую премию. Последняя научная работа Литке о приливах и отливах в Северном Ледовитом океане вышла в 1843 г.

Периодом научной активности Литке можно считать 1821–1843 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1829 г. он был выбран в члены-корреспонденты, в 1855 г. стал почетным членом Академии, а в период с 1864 по 1881 г. был ее Президентом.

Педагогическая деятельность Литке заключалась в том, что в 1832 г. он был назначен воспитателем Великого Князя Константина Николаевича для приготовления его к высокому посту Генерал-Адмирала русского флота.

Следует упомянуть также службу Литке, который с 1849 по 1857 г. являлся главным командиром портов в Ревеле и Кронштадте. За свои заслуги перед Отечеством он получил чин адмирала и титул графа.

Общественная деятельность Литке была значительной. В 1845 г. благодаря его стараниям было учреждено Русское географическое общество, в котором Литке занимал должность Вице-Президента в первые 4 года его существования и потом, после восьмилетнего перерыва, еще в течение 16 лет (Географическим обществом в 1873 г. была учреждена золотая медаль имени Литке). Кроме того, Литке в течение 20 лет председательствовал в созданном при его участии Комитете Николаевской Главной Астрономической обсерватории в Пулкове.[11]

К. И. Максимович (1827–1891) родился в Туле в купеческой семье, окончил Дерптский университет. Он известен как лучший знаток японской и

---

[10] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 1. С. 169–182.

[11] Струве О. В. Речь об ученых заслугах Ф. П. Литке. СПб., 1882; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 17. СПб., 1895. С. 807–808.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

маньчжурской флоры и один из крупнейших систематиков своего времени. В 1853 г. Максимович по поручению Императорского ботанического сада в Санкт-Петербурге в качестве ботаника предпринял путешествие вокруг света на фрегате «Диана». Он исследовал растительность вновь присоединенных Приамурского и Уссурийского краев и вернулся в Санкт-Петербург через Сибирь в 1857 г. Плодом обработки привезенных коллекций явился труд о флоре Амурского края, который был увенчан полной Демидовской премией (1859). В период 1859–1864 гг. Максимович опять был в командировке для ботанических исследований в Амурской области, Маньчжурии и Японии. Впоследствии он занимался обработкой не только материала, который сам собрал, но и тех коллекций, которые привозили ему М. Н. Пржевальский, Г. Н. Потанин и другие русские путешественники по Китаю, Монголии, Туркестану и Тибету.

Период научной активности Максимовича приходился на время с 1857 по 1889 г. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1865 г. он был выбран адъюнктом, в 1868 г. — экстраординарным академиком, в 1871 г. — ординарным академиком. Педагогической деятельностью Максимович не занимался.

Административная деятельность Максимовича началась в 1850 г., когда он был назначен помощником директора Ботанического сада при Дерптском университете, а в 1852 г. был переведен консерватором в Императорский Ботанический сад в Санкт-Петербурге, где в 1864 г. был назначен уже старшим консерватором. В 1869 г. Максимович стал Главным ботаником Императорского Ботанического сада. В 1870 г. он стал также директором Ботанического музея при Императорской Академии наук.[12]

О. В. Струве (1819–1905) родился в г. Дерпте в дворянской семье (его отец — В. Я. Струве), окончил Дерптский университет. Открыл свыше 500 двойных звезд.

Период научной активности Струве приходился на время с 1840 по 1893 г. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1852 г. он был выбран адъюнктом, в 1856 г. — экстраординарным академиком, в 1861 г. — ординарным академиком.

Основная деятельность Струве была связана с постом директора Главной астрономической (Николаевской) обсерватории в Пулкове (1862–1889). Он начинал работать в Обсерватории в 1839 г. помощником директора (своего отца), в 1848 г. был назначен ее вице-директором, а в 1862 г. — директором. За время директорства Струве в Обсерватории было выпущено 14 больших томов наблюдений, введена в круг работ Обсерватории астрофизика, построены 30-дюймовый рефрактор, астрофизическая лаборатория и электрическая станция для освещения движения купола башни рефрактора. Им были снаряжены экспедиции в 1874 г. для наблюдения прохождения Венеры через диск солнца, в 1887 г. для наблюдения затмения солнца. Струве составил 2 юбилейных издания по поводу 25- и 50-летия Обсерватории, которые содержат исторический обзор ее работ и описание новых инструментов.

С 1848 по 1862 г. Струве состоял совещательным астрономом Военно-Топографического отдела Главного штаба, а в 1854–1864 гг. был совещательным астрономом Морского министерства. Кроме того, он был Председателем Международного астрономического общества и Президентом Конгресса по составлению фотографической карты неба.[13]

---

[12] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 12–16; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 18. СПб., 1896. С. 441.

[13] Материалы для биографического словаря действительных членов Импе-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Ф. Б. Шмидт (1823–1908) родился в имении Кайсма Лифляндской губернии в дворянской семье, окончил Дерптский университет. Он известен работами в области палеонтологии, ботаники, отчасти в зоологии, в геологии (стратиграфической и динамической) и в географии.

В 1856–1859 гг. по поручению Дерптского Общества естествоиспытателей Шмидт занимался геологическим исследованием силурийских отложений Прибалтийского края и опубликовал работу, увенчанную Академией наук Демидовской премией. В 1859 г. он принял предложение Русского географического общества исследовать систему реки Амура и остров Сахалин. Экспедиция продолжалась до 1862 г. и доставила значительные материалы по физической географии, геологии и ботанике. За участие в этой экспедиции Русское географическое общество присудило Шмидту золотую медаль. В 1868 г. Шмидт получил поручение от Академии наук отыскать и изучить условия нахождения трупа мамонта в низовьях Енисея; научные результаты этой экспедиции были опубликованы в 1872 г. В 1903 г. Русское географическое общество присудило ему Константиновскую медаль за совокупность работ, а Лондонское геологическое общество — свою высшую награду — медаль Волластона.

Период научной активности Шмидта приходился на время с 1855 по 1908 г. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1872 г. он был выбран адъюнктом, в 1874 г. — экстраординарным академиком, в 1885 г. — ординарным академиком.

Педагогическая деятельность Шмидта свелась к тому, что в 1858 г., во время отсутствия проф. Бунге, он читал в Дерптском университете лекции по ботанике в качестве приват-доцента.

Административная карьера Шмидта началась в 1856–1859 гг., когда он состоял помощником директора Дерптского Ботанического сада. В течение 25 лет он был директором Минералогического музея Академии наук (1873–1900). Кроме того, Шмидт принимал участие в трудах Императорского русского географического общества, где являлся инициатором некоторых экспедиций, например Анабарской. Он состоял членом Совета (Присутствия) Геологического комитета с самого его основания (1882), работал в Императорском минералогическом обществе, Санкт-Петербургском обществе естествоиспытателей и др.[14]

Л. И. Шренк (1826–1894) родился в имении Хотень Харьковской губернии в семье чиновника, окончил Дерптский университет. Он известен трудами по этнографии, антропологии и зоогеографии.

В 1853 г. по предложению Академии наук Шренк был назначен для участия в морской экспедиции в Охотское море, к берегам Восточной Сибири и Русской Америки с предоставлением ему служебных прав адъюнкта Академии. В 1857 г. он возвращается из экспедиции; наблюдения над культурой и бытом жителей, а также природой Приамурского края легли в основу «Очерка физической географии Северно-Японского моря», за который он был награжден в 1870 г. Императорским Русским географическим обществом Константиновской золотой медалью. В 1884 г. в качестве делегата от России Шренк участвовал в орнитологическом конгрессе в Вене.

Период научной активности Шренка приходился на время с 1848 по 1876 г. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1862 г.

раторской Академии наук. Т. 2. С. 177–182; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 31. СПб., 1901. С. 834.

[14] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 235–245; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 39. СПб., 1903. С. 738–739.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

он был выбран адъюнктом, в 1863 г. — экстраординарным академиком, в 1865 г. — ординарным академиком.

Шренк читал лекции в Конференции Морской академии, членом которой он был назначен в 1877 г., а также в Академии Генерального штаба.

С 1879 г. Шренк был директором Этнографического и Антропологического Музея Академии наук, а также состоял членом Комитета Правления Академии. С 1871 г. он заведовал Академической типографией.[15]

А. А. Штрух (1832–1893) родился в Санкт-Петербурге в семье аптекаря, окончил Дерптский университет. Он известен своими работами в области зоологии. В 1859 г. Штрух объехал главные зоологические музеи Германии, Австрии и Франции, занимаясь преимущественно герпетологией и энтомологией. В 1860 г. он отправился в путешествие по Алжиру, откуда возвратился в Санкт-Петербург, передав Зоологическому музею Академии наук свои богатые зоологические коллекции. По предложению директора Музея, академика Ф. Ф. Брандта, Штрух принялся за разработку некоторых отделов Музея.

Период научной активности Штруха приходился на 1859–1876 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1867 г. он был выбран адъюнктом, в 1870 г. — эстраординарным академиком, в 1879 г. — ординарным академиком.

Педагогической деятельностью Штрух никогда не занимался.

В 1879 г. он был избран директором Зоологического музея Академии наук. Он состоял также библиотекарем 2-го иностранного отделения Библиотеки Академии (1879–1890). В 1890 г. Штрух был избран непременным секретарем Академии наук на место Веселовского.[16]

Заканчивая описание группы академиков-«администраторов», можно попытаться представить наиболее типичного ее представителя. Это ученый, немец по происхождению, окончивший чаще всего Дерптский университет (5 человек из 8), не обязательно имеющий ученую степень. Карьера его начинается с длительной экспедиции (главным образом на Дальний Восток) в конце 50-х — начале 60-х годов. Для Литке это экспедиция к берегам Новой Земли в начале 20-х годов. Дальнейшая научная деятельность этого представителя связана с обработкой материалов, привезенных из экспедиции, которая сочетается с административной деятельностью в качестве или директора соответствующего Музея при Академии (Максимович, Шмидт, Шренк, Штраух), или другого поста (Литке — Президент Академии).

Струве и Веселовский начинали свою карьеру в качестве чиновников-администраторов: первый — помощником своего отца В. Я. Струве, второй — начальником статистического отделения Департамента сельского хозяйства. В дальнейшем их деятельность определялась в основном постами, которые они занимали: у Струве — постом директора Пулковской обсерватории, у Веселовского — постом непременного секретаря Академии наук.

Отсутствие преподавательской практики и непосредственной связи со свежими, молодыми силами часто приводило к тому, что административная работа академиков постепенно вытесняла научную. Согласно библиографии научных трудов, Литке закончил активную научную деятельность к 1843 г., Веселовский — к 1862 г., Шренк и Штраух — к 1876 г.

Переходим к описанию членов промежуточной группы ФМО, которая состояла из академиков, в равной мере отдавших себя как преподаванию, так и администрированию.

---

[15] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 245–248.

[16] Там же. С. 248–251.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. Я. Буняковский (1804–1889) родился в местечке Бара Подольской губернии, в семье подполковника, дворянина. Прослушал лекции знаменитых французских математиков П. Лапласа, Ж. Фурье, С. Пуассона, О. Коши, А. Лежандра и других в Париже. В 1825 г. после публичной защиты диссертации удостоен парижским факультетом наук степени доктора математики.

Буняковский известен своими работами в области теории чисел и теории вероятностей. Его «Основания математической теории вероятностей» (1846) содержали оригинальное изложение как самой теории вероятностей, так и ее приложений к страхованию, демографии и т. п. Ряд позднейших статей Буняковского относится к статистике народонаселения, подсчету вероятностных контингентов русской армии, организации эмиритальных касс и т. д. В 1875 г. при Академии наук была учреждена премия Буняковского за сочинения по математике.

Период научной активности Буняковского приходился на 1825–1887 гг. Его карьера в Академии складывалась следующим образом: в 1828 г. он был выбран адъюнктом, в 1830 г. — экстраординарным академиком, в 1836 г. — ординарным академиком.

Преподавательская деятельность Буняковского была весьма обширна. С 1826 по 1831 г. он был преподавателем математики в 1-м Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге; с 1827 по 1862 г. — преподавателем математики в офицерских классах Морского корпуса; с 1830 по 1846 г. — профессором математики в Институте инженеров путей сообщения; с 1846 по 1860 г. читал лекции в Санкт-Петербургском университете по аналитической механике, дифференциальному и интегральному исчислениям и по теории вероятности. Кроме того, Буняковский 10 лет состоял наставником-наблюдателем Пажеского корпуса (1849–1859) и полтора года занимал должность главного наблюдателя за преподаванием математических наук в военно-учебных заведениях России (1862–1863).

Буняковский вел большую административную работу — с 1864 по 1889 г. он был вице-президентом Академии наук. По увольнении он получил звание почетного вице-президента. С 1858 г. Буняковский состоял главным экспертом правительства по вопросам статистики и страхования.[17]

А. В. Гадолин (1828–1892) родился в Финляндии в дворянской семье, закончил Михайловское артиллерийское училище. Его научная деятельность распадается на: 1) минералогические и кристаллографические исследования, в основном описательные (1855–1857); 2) аналитические исследования в области кристаллографии, исследования сил сцепления и других физических явлений, зависящих от этих сил; 3) примыкающие к вышеперечисленным исследованиям работы по военной тематике, по элементам теории действия артиллерийского орудия: определение сопротивления сдвигу некоторых металлических сплавов с целью изыскать состав наилучшего сплава для выстругов снарядов, теоретическое исследование о сопротивлении стен орудия давлению пороховых газов, теория орудий, скрепленных обручами (в 1867 г. Гадолин получил за эту работу Большую Михайловскую премию) и др.

Наиболее значительным трудом Гадолина был «Вывод всех кристаллографических систем и их подразделений из общего начала» (1868), за который Академия наук вручила ему Ломоносовскую премию, а Санкт-Петербургский университет присвоил степень почетного доктора минералогии.

Период научной активности Гадолина приходился на 1857–1871 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1875 г. он был

[17] Там же. Т. 1. С. 73–78; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 5. С. 1–2.; БСЭ. Т. 6. С. 291.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

выбран экстраординарным академиком, в 1890 г. — ординарным академиком.

Педагогическая деятельность Гадолина была связана с Михайловским артиллерийским училищем — с 1863 г. Михайловская артиллерийская академия. В 1849 г. он был назначен репетитором по физике при Училище, а в 1854 г. — преподавателем физики и физической географии. В 1861 г. Гадолин был определен инспектором классов и членом Конференции Михайловского артиллерийского училища, а в 1867 г. назначен профессором Академии по предмету артиллерийской технологии, в которой и преподавал до 1890 г., получив в 1886 г. звание заслуженного профессора.

Гадолин занимался обширной административной и общественной деятельностью. В 1856 г. его назначили заведующим Технологической артиллерийской школой, в 1867 г. — инспектором русских арсеналов, а в 1870 г. он стал членом Свиты Его Императорского Величества, оставаясь во всех прочих должностях. В 1869–1870 гг. Гадолин принимал участие в Комиссии по перевооружению армии и был неоднократно отмечен Высочайшей благодарностью. Он имел чин генерала от артиллерии и в 1886 г. был назначен Постоянным членом Комитета Главного артиллерийского управления. Со вступлением в Академию наук Гадолин собирался отказаться от должности инспектора Арсенала, но ему помешала это сделать сначала Турецкая война, а потом реформы в Артиллерийском ведомстве.[18]

Г. П. Гельмерсен (1803–1885) родился в дворянской семье, окончил Дерптский университет.

После возвращения в 1832 г. из-за границы, куда Гельмерсен был командирован для изучения геологии и горного дела, он начал геологические изыскания как в европейской части России (от Олонецкого края до Крыма и от Царства Польского до Урала), так и в значительной части Азиатской России (Киргизские степи и Алтай).

За составление первой геологической карты Европейской России Гельмерсен получил в 1842 г. Демидовскую премию. Он связал свое имя с исследованием каменноугольных месторождений Урала и Московского бассейна и развитием каменноугольной промышленности. Им были исследованы также месторождения железных и медных руд Подмосковного края, Донецкого бассейна, Олонецкой и Санкт-Петербургской губерний, бессарабские соляные озера, источники нефти Таманского и Керченского полуостровов, месторождения янтаря на побережье Балтийского моря. Из геологических трудов Гельмерсена можно отметить цикл работ по отложениям девонской полосы средней России, а также по силлурийским известнякам Северо-Запада России (1850–1858 гг.).

Период научной активности Гельмерсена приходился на 1836–1870 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1844 г. он был выбран адъюнктом, в 1847 г. — экстраординарным академиком, в 1850 г. — ординарным академиком.

Педагогическая деятельность Гельмерсена была связана с Институтом корпуса горных инженеров (после 1866 г. — Горным институтом), где он прослужил профессором 25 лет (1838–1863).

Гельмерсен занимался обширной административной и общественной деятельностью. В 1840 г. он стал инспектором Музея Института корпуса горных инженеров, а с 1849 г. — его управляющим. В 1837 г. Гельмерсен был определен консерватором геологического Музея при Академии наук. В период с

[18] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 2. С. 187–193; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 7. СПб., 1892. С. 781–782; БСЭ. Т. 9. С. 613–614.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1865 по 1872 г. он был директором Горного института. В 1882 г. Гельмерсен был назначен директором только что образованного геологического комитета, в организации которого он принимал деятельное участие. Гельмерсен имел звание горного инженера — генерал-лейтенанта.[19]

Н. И. Кокшаров (1818–1892) родился близ г. Усть-Каменогорска Томской губернии в семье горного инженера, окончил Институт корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге.

В 1840 г. Кокшаров был прикомандирован к экспедиции английского геолога Р. Мурчисона, производившей геологическое исследование России. В 1841 г. он совершил второе путешествие в той же экспедиции и принял участие в составлении схематической геологической карты России, впервые связавшей Россию со слагавшимся в то время представлением о геологическом строении Западной Европы. В 1847 г. Кокшаров провел первые точные кристаллографические измерения в России (работы о багратионите и магнетите). Главной его задачей было изучение кристаллографии природных минералов и морфологическое описание русских минералов. Основным научным трудом Кокшарова стали «Материалы для минералогии России» в 6 т. (1852–1877 гг.). Кокшаров работал с помощью старинных приборов первой половины XIX в., но достигал очень точных и совершенных данных в минералогии: «числа Кокшарова» до сих пор лежат в основе знаний о природных кристаллах.

Период научной активности Кокшарова приходился на 1840–1889 гг. Его карьера в Академии наук складывалась следующим образом: в 1855 г. он был выбран адъюнктом, в 1858 г. — экстраординарным академиком, в 1866 г. — ординарным академиком.

Педагогическая деятельность Кокшарова была весьма разнообразной. С 1846 г. он начал преподавание геологии и минералогии в Институте корпуса горных инженеров, а в 1851–1855 гг. был его профессором. В 1847 г. Кокшаров временно читал лекции по минералогии в Санкт-Петербургском университете. Кроме этого, он преподавал минералогию и геогнозию в Лесном и Межевом институте (1857–1862), в Институте инженеров путей сообщения (1862–1866), Земледельческом институте (1865–1872).

Административная деятельность Кокшарова также была обширна. В 1857 г. он стал членом Ученого комитета Института корпуса горных инженеров, в 1868 г. — членом Горного совета, а с 1872 по 1881 г. был директором Горного института. С 1866 по 1873 г. Кокшаров был директором Минералогического музея при Академии наук. С 1848 г. он состоял членом Минералогического общества, с 1865 по 1891 г. — его директором, а с 1891 по 1892 г. — почетным директором. За время директорства Кокшарова Общество начало издание «Записок» (с 1866 г.) и «Материалов для геологии России» (с 1869 г.). В 1888 г. Минералогическое общество в честь 50-летия деятельности Кокшарова выпустило медаль.[20]

Вопрос о замещении вакансии академика по кафедре технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам, возник в феврале 1880 г., когда скончался академик Н. Н. Зинин. 11 марта 1880 г. на заседании ФМО Бутлеров предложил назначить комиссию для составления списка кандидатов на эту вакансию. Членами комиссии отделение назначило Кокшарова, Вильда, Бутлерова и Гадолина. 22 марта на заседании этой комиссии Бутлеров пред-

[19] Известия Геологического Комитета. Т. 4. №3. 1895. С. 1–30; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 8. СПб., 1893. С. 288–289.

[20] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. 1. С. 329–338; БСЭ. Т. 21. С. 578–579.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ложил двух кандидатов на вакансию — Д. И. Менделеева и Н. Н. Бекетова.[21] 9 апреля 1880 г. на заседании комиссии был предложен третий кандидат — Ф. Ф. Бейльштейн. И с этого момента в ФМО начинается борьба за академическую вакансию, во время которой четко обозначаются противостоящие друг другу партии.

После того как соглашение по кандидатам не было достигнуто, комиссия прекратила свою работу, а 28 октября 1880 г. состоялось представление Менделеева на имеющуюся вакансию академиками Чебышевым, Овсянниковым, Кокшаровым и Бутлеровым. 11 ноября 1880 г. Менделеев был забаллотирован, при этом 10 голосов было «против» и 9 — «за».

Известно, что 22 декабря 1881 г. на заседании ФМО состоялось представление профессора Технологического института Бейльштейна на ту же академическую вакансию, выдвинутое академиками Гельмерсеном, Шренком, Савичем, Вильдом и Гадолиным.[22] Таким образом, уже из списка представлявших Менделеева и Бейльштейна можно назвать лиц, наиболее достоверно голосовавших «за» и «против» Менделеева.

Следующей подсказкой на пути определения авторов избирательных и неизбирательных голосов при баллотировке Менделеева могут служить предположения на этот счет действующих лиц проходивших выборов. В Архиве Академии наук РАН имеется запись, сделанная рукой Бутлерова, о том, как распределились голоса при баллотировке. «Очевидно — черные: Литке, Веселовский, Гельмерсен, Шренк, Максимович, Штраух, Шмидт. Вильд, Гадолин. Белые: Буняковский, Чебышев, Алексеев, Струве (!), Савич».[23]

В своей статье «Русская или только Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге?» Бутлеров четко обозначил позицию непременного секретаря Академии наук Веселовского. Он привел слова, с которыми обратился к нему Веселовский в 1879 г. после неизбрания в адъюнкты санскритолога Л. Шредера, угодного большинству Академии и забаллотированного стараниями в том числе и Бутлерова: «Это все вы виноваты!.. Вы хотите, чтобы мы спрашивали позволения университета (Санкт-Петербургского) для наших выборов. Этого не будет. Мы не хотим университетских. Если они и лучше нас, то нам все-таки их не нужно. Покамест мы живы — мы станем бороться». Здесь же Бутлеров делает вывод: «Слова г. Непременного секретаря составляют признание: он и другие члены большинства очевидно составляют в Академии партию; иначе — кто же эти "мы"?!».[24]

Веселовского безусловно следует отнести к числу лиц, голосовавших против Менделеева. Поэтому представляет интерес запись, сделанная его рукой по поводу баллотировки Бейльштейна в Общем собрании Академии наук 5 марта 1882 г.[25] Веселовский называет предположительно следующие фамилии членов ФМО, проголосовавших против Бейльштейна: Овсянников, Бутлеров, Фаминцын, Кокшаров.

Кстати, совершенно без колебаний можно причислить Фаминцына к числу голосовавших за Менделеева: ведь он поддержал Бутлерова в его протесте против представления в адъюнкты О. А. Баклунда 11 ноября 1880 г. (которое после неизбрания Менделеева выглядело оскорблением русской науке), он же пытался провести Менделеева в академики позже, в 1886 г.

Неопубликованные «Записки и воспоминания» Веселовского проливают

---

[21] А. М. Бутлеров: Научная и педагогическая деятельность. М., 1961. С. 225, 239.

[22] Тищенко В. Е., Младенцев М. Н. Д. И. Менделеев, его жизнь и деятельность. М., 1993. С. 201, 207, 211.

[23] А. М. Бутлеров... С. 233.

[24] Бутлеров А. М. // Сочинения. Т. 3. М., 1958. С. 125.

[25] ПФА РАН. Ф. 24. Оп. 1. № 135. С. 14.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

свет на отношение Литке к выборам Менделеева. Веселовский пишет: «... всего курьезнее было то, что Литке, не согласившийся отклонить своею властью баллотировку, положил Менделееву при баллотировке свои два черных шара. Какова логика, каково понятие просто о приличии — дозволить баллотировку и положить черняки».[26]

Письма ординарного профессора Санкт-Петербургского университета В. И. Ломанского к Струве и Баклунду,[27] напечатанные по случаю представления Баклунда в адъюнкты Академии наук сразу после забаллотирования Менделеева, свидетельствуют, что Струве один из всех немецких академиков голосовал за Менделеева. Возможно, это было вызвано дипломатическими соображениями: Струве голосовал за Менделеева, надеясь на поддержку ФМО представленного им в этом же заседании Баклунда.

Итак, непосредственные поступки участников борьбы за замещение академической вакансии (например, участие в представлении на эту вакансию Менделеева или Бейльштейна), а также исторические подробности, зафиксированные в воспоминаниях, письмах и статьях современников, позволяют думать, что за Менделеева голосовали Чебышев, Овсянников, Кокшаров, Бутлеров, Фаминцын и Струве, а против — Веселовский, Вильд, Гадолин, Гельмерсен, Шренк и Литке. Если верить автографу Бутлерова, то к первой группе добавляются Савич, Буняковский и Алексеев, а ко второй — Максимович, Штраух и Шмидт.

Интересно подойти к данным Бутлерова по баллотировке Менделеева, используя просопографический анализ членов ФМО 1880 г. Обращает на себя внимание то, что основную часть голосовавших за Менделеева составляет группа академиков-«преподавателей» (6 человек). К ним добавляются 2 академика из группы «преподавателей-администраторов» (Буняковский, Кокшаров) и волею случая Струве. Против Менделеева голосовали все члены группы академиков-«администраторов» (кроме Струве) и 2 академика из группы «преподавателей-администраторов» (Гадолин и Гельмерсен).

В газетных статьях того времени обычно говорилось, что Менделеева забаллотировала «немецкая партия», и вышесказанное подтверждает это мнение. Характерно, что во главе этой партии стоял Веселовский, русский по происхождению, непременный секретарь Академии наук.

«Немецкая партия» в Академии возникла вместе с созданием Академии Петром Великим.[28] В это время главной обязанностью пополнявших Академию иностранных ученых было содействие педагогическому развитию непросвещенной России — издание учебников, организация курсов, воспитание класса учителей и педагогов. Русские, обращаясь за «наукой» к иностранцам, надеялись со временем перестать в них нуждаться, иностранцы же хотели упрочить свое влияние, поэтому искали любую возможность подкреплять себя свежими силами из-за границы. Так мало-помалу в Академии сформировалась плотная однородная корпорация из немецких ученых.

Согласно протоколам заседания ФМО, в период с 1840 по 1883 г. наибольшее относительное число ученых-немцев приходится на конец 1840-х годов и составляет 84%. Далее, в начале 1850-х годов относительное число немецких ученых начинает плавно уменьшаться и к году баллотирования Менделеева достигает примерно 50%. Много позже (1897 г.) русские ученые начинают

[26] Тищенко В. Е., Младенцев М. Н. Д. И. Менделеев... С. 210.

[27] Новое время. 1880. 23 нояб. С. 2.

[28] Булгаков Ф. Немецкая партия в Академии // Исторический вестник. Т. 4. 1881. С. 421–431.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

преобладать над иностранными, относительное число ученых-немцев в ФМО становится равным 20%.[29]

В те годы, когда установился паритет между численностью русских и немецких ученых в ФМО (1860-е — начало 1880-х годов), выборы академика часто переходили в затяжную интригу или битву. Так, еще до Менделеева были прецеденты забаллотирования известных русских ученых — физиолога И. М. Сеченова и математика А. Н. Коркина, представленного вице-президентом Буняковским. «Немецкая партия» в свое время сорвала баллотировку физиолога Овсянникова, хотя тот и был представлен самим К. М. Бэром, и Овсянников был выбран лишь несколько лет спустя (1862) по настоянию того же Бэра.[30] Ботаник Фаминцын мог быть избранным в Академию еще в 1870 г., после смерти Ф. И. Рупрехта, но из-за противодействия академика Максимовича стал адъюнктом лишь в 1878 г.[31] Астроном Баклунд был представлен в адъюнкты в 1880 г., но избрание его не состоялось в результате протеста со стороны академиков Бутлерова и Фаминцына. Химик Бейльштейн, представленный в ординарные академики в 1881 г., был забаллотирован Общим собранием Академии благодаря активному несогласию Бутлерова.

Академический скандал, связанный с неизбранием Менделеева, активно обсуждался в прессе. Противники Менделеева писали, что нельзя оспаривать у Академии право выбора себе товарищей по нраву, что есть известный академический уровень, определяющийся «высотою общего образования и уважительной сдержанностью зрелого суждения».[32] В расчет может приниматься, кроме специальных трудов, и благовоспитанность, и образ мыслей избираемого. По замыслу Петербургская Академия наук есть академия труда, поэтому академический выбор должен рассчитываться на деятельное участие в общих трудах, а общий труд требует организации, согласного действия.

Веселовский в своих записях, имеющих отношение к академическому скандалу,[33] сетовал, что университетские профессора не понимают разницы между русской и западноевропейскими академиями. Им кажется немыслимым, что ученый, не имеющий ученой степени — для поступления в Академию таковой не требуется, — может быть судьей лица, обладающего степенью доктора какого-нибудь русского университета. Действительно, западноевропейские академии являются как бы академиями почета — они дают своим членам только признание их знаменитости, не обеспечивают им самостоятельного положения, а потому и не возлагают на них особенных обязательств. Русская же Академия дает своим членам средства к самостоятельному существованию, казенное помещение, издает работы академиков на суммы казны с помощью академической типографии, но взамен требует от своих членов полноценной отдачи в виде научных трудов.

Сторонники Менделеева утверждали, что в течение последних 20 лет все время нарушается академический Устав и не объявляется открытый конкурс на вакансию адъюнкта в ведомостях Академии.[34] Кроме того, нарушается параграф Устава, где говорится, что при избрании на места адъюнктов и академиков при прочих равных достоинствах русский кандидат предпочитается иностранному. Академический Устав требует, чтобы каждый академик

[29] Архив ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а. № 66–131; Академия наук СССР. Персональный состав. Ч. 1. М., 1974.

[30] Новое время. 1880. 28 дек. С. 1.

[31] А. М. Бутлеров... С. 122–123.

[32] Московские ведомости. 1882. 3 марта. С. 3.

[33] ПФА РАН. Ф. 24. Оп. 1. № 88. С. 1–4.

[34] Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 17 дек. С. 1.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

представлял ежегодно, по крайней мере, 2 статьи для помещения в изданиях Академии. Между тем за время с 1875 по 1880 г. Гадолин, Штраух и Шмидт не поместили ни одной строчки ни в одном из академических изданий, а Шренк за это время напечатал лишь одно незначительное сочинение.

При описании группы академиков-«администраторов» мы отмечали научную пассивность Литке, Веселовского, Шренка и Штрауха во второй половине 1870-х годов. У Гадолина и Гельмерсена, которые принадлежали к группе «преподавателей-администраторов» и голосовали против Менделеева, активная научная деятельность окончилась к 1870–1871 гг. (Нужно отдать должное Гельмерсену и сказать, что в свое время он был весьма известным, деятельным ученым, и спад его творческой активности во второй половине 1870-х годов можно объяснить возрастным фактором.) Спад научной активности большинства членов «немецкой партии» (6 человек из 10) и определил их настроение — нежелание менять удобные им корпоративные академические традиции и выпускать из рук бразды правления, боязнь новых, свежих веяний. В Менделееве они почувствовали угрозу своему беспроблемному существованию. «Голос» в 1880 г. писал, что ветхая Академия отвергла Менделеева как человека для нее слишком беспокойного, способного всех разбудить и заставить работать на пользу Родины.[35]

Академические немцы точно оценили намерения Менделеева. Он действительно готовил программу радикального изменения их замкнутой ученой корпорации, которая была изложена в статье «Какая же Академия нужна России?».[36] Продиктованная Менделеевым стенографистке 20 и 23 февраля 1882 г., эта статья более 80 лет пролежала в архиве и впервые была опубликована в 12-м номере журнала «Новый мир» за 1966 г. Менделеев утверждал, что за Академией нужно оставить такие обязанности: быть действительным центром научных сил страны и стать центральным ученым комитетом, в распоряжение которого должны перейти предприятия практического государственного значения (музеи, обсерватории, библиотеки и др.). Менделеев считал, что нужно увеличить число членов Академии, при этом не обязательно живущих в Петербурге, что право выставления кандидатов в Академию должны иметь кроме отделений Академии также русские университеты и наиболее известные ученые общества России; критерием для избрания в Академию должны служить чисто научные заслуги, труды должны быть или опубликованы, или подлежать публичному суду. Менделеев считал, что академики должны получать не жалование, а вознаграждение за выполнение работы, возложенной на них Академией в интересах чисто научных или государственных, т. е. Академия должна оплачивать лишь конкретный труд, полезный для общества.

---

[35] Голос. 1880. 16 нояб. С. 2.

[36] Менделеев Д. И. Границ познания предвидеть невозможно. М., 1991. С. 220–265.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. М. ПАНЕЯХ

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ — ПРОФЕССОР ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Борис Александрович Романов (1889–1957) получил диплом об окончании историко-филологического факультета Петербургского университета в 1912 г. В 1919 г. он вернулся в свою alma mater в качестве доцента-совместителя и проработал в этой должности до 1927 г., когда был уволен по идеологическим мотивам как историк старой школы. В 1930 г. последовал арест по «Академическому делу», тринадцатимесячное заключение в ДПЗ ОГПУ на Шпалерной улице в Ленинграде, приговор к пяти годам концлагерей, возвращение в августе 1933 г. в Ленинград и долгое, вплоть до 1941 г., существование без постоянно оплачиваемой работы, жизнь по временной прописке в родном городе, высылка на 101 км в 1939 г. во время советско-финской (зимней) войны. Лишь в 1941 г., казалось бы, наметился перелом: в феврале Романовым была защищена докторская диссертация («Дипломатическая история русско-японской войны»), после чего его зачислили в Институт истории материальной культуры АН СССР. Впрочем, из Ташкента, где Романов был в эвакуации вместе с институтом, его вновь пытались выслать на 101 км, но хлопоты Б. Д. Грекова предотвратили это. В мае 1944 г. состоялся перевод Романова в Институт истории АН СССР, а 2 августа датируется приказ о его зачислении в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ).

В это время Романов находился в Москве (куда был командирован из Ташкента), затем, вероятно, 1 сентября приехал в Ленинград (также в командировку), формально для работы в архиве ЛОИИ.[1] Здесь Романов и остался в качестве штатного старшего научного сотрудника ЛОИИ, опередив реэвакуацию остальных эвакуированных коллег по институту более чем на полгода.

Романов стремился вернуться в Ленинград как можно быстрее не только потому, что вблизи города располагалась воинская часть, в которой продолжала службу его супруга, мобилизованная в армию как врач в начале войны, но и вследствие того, что здесь его ждало новое дело — преподавание на историческом факультете Ленинградского университета.

Еще из Саратова, где находился в эвакуации ЛГУ, декан истфака В.В.Мавродин написал Романову в Ташкент письмо с приглашением работать на историческом факультете и получил его «принципиальное согласие». Затем последовало новое письмо В. В. Мавродина с предложением «зачислить» его «на штатную должность профессора». В письме сообщалось, что две группы студентов уже находятся в Ленинграде, а вскоре прибудет и весь истфак. В. В. Мавродин при этом осведомлялся, что именно хотел бы Романов «читать < ··· > на факультете», и, ссылаясь на широкий диапазон его исследовательских интересов, выразил пожелание, чтобы он взял «на себя и древности и двадцатый век». В Саратове исторический факультет уже «сидел на чемоданах», поэтому В. В. Мавродин просил ответить ему одновременно и «на саратовский и на ленинградский адрес».[2] Затем Романов, получив офици-

© В. М. Панеях, 2000.

[1] Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (далее — Архив СПб. ФИРИ). Ф. 298. Оп. 1. Д. 4.

[2] Здесь и далее письма, адресованные Б. А. Романову, как и письма, сохранившиеся в виде отпусков, цитируются без дополнительных ссылок, если они отложились в фонде Б. А. Романова (Архив СПб. ФИРИ. Ф. 298. Оп. 1). Часть писем хранится в других архивных фондах, и на них даются ссылки.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

альное приглашение от ректора ЛГУ А. А. Вознесенского и ссылаясь на него, 4 августа 1944 г. направил заявление с просьбой «зачислить на должность штатного профессора по кафедре истории СССР исторического факультета университета» и вскоре, с 11 августа 1944 г., был принят на полный оклад.[3] А. А. Вознесенский сумел также выхлопотать Романову постоянный (бессрочный — по старости) паспорт. Впрочем, основным местом работы для Романова оставалось ЛОИИ, а в Университете он числился совместителем.

Уже 24 октября 1944 г. Романов писал Е. Н. Кушевой в Москву: «Занятия в университете начал. Веду просеминарий (по Русской Правде), читаю специальный курс для III–IV–V курсов (о внешней политике 1880-х — 1907 гг.). Спецсеминарий, вероятно, будет но тому же периоду — по настоянию кафедры, бывшей на этих днях. Итого 6 недельных часов — как в старые времена. Пока я не жалею об этом шаге. Отношения хорошие, но я очень быстро и легко устаю». Эти занятия Романов вел на протяжении ряда лет: просеминар и спецсеминар — ежегодно, спецкурс — эпизодически. Со временем, когда у него появились ученики, занимающиеся историей средневековой России, Романов кардинально изменил тематику своего спецсеминара — теперь у него стали заниматься студенты, специализировавшиеся по основным проблемам русской истории XV–XVII вв.

Просеминар по Русской Правде отличался той особенностью, что сам Романов много работал над этим законодательным памятником как комментатор. Учебное пособие по Русской Правде, где его перу принадлежали комментарии к основным статьям Краткой и Пространной редакций, вышло в свет накануне войны[4] и стало настольной книгой на просеминарских занятиях, а его историографические комментарии были опубликованы в академическом издании этого памятника в 1947 г.[5] Спецкурс по внешней политике конца XIX — начала XX в. также основывался на собственной исследовательской работе Романова — первой его книге («Россия в Маньчжурии»)[6] и второй книге, вышедшей в свет через три года после начала преподавания автора на историческом факультете («Очерки дипломатической истории русско-японской войны»).[7]

Пожалуй, наибольшее значение для студентов имели просеминарские занятия но Русской Правде на первом курсе, потому что они направлены были прежде всего на решение пропедевтических задач. Н. Е. Носов, один из ближайших учеников Романова, на заседании, посвященном его памяти (ноябрь 1957 г.), рассказывая о них, указал на особенности педагогической методики учителя. Он справедливо отметил, что основной целью, «которую преследовал < ··· > Б. А. Романов, было не столько изучение Русской Правды как законодательного памятника, сколько обучение студентов навыкам работы над источником, умению читать источник глазами историка, проникнуть через его "призму", как любил говорить Борис Александрович, в подлинную жизнь изучаемой эпохи». Для этого он «стремился как бы изолировать участников семинара от существующего историографического окружения и поставить их перед необходимостью самим (без ссылок на какие-либо устано-

[3] Личное дело Б. А. Романова в ЛГУ. Архив С.-Петербургского государственного университета. Ф. 1. Оп. 46. Связка 17. Л. 1. — Через три года, 13 сентября 1947 г., Б. А. Романов, работавший на должности профессора, был утвержден в звании профессора (Там же. Л. 10).

[4] Правда Русская: Учебное пособие. М.; Л., 1940.

[5] Правда Русская. М.; Л., 1947.

[6] Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

[7] Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вившиеся точки зрения) разобраться и дать толкование той или иной статье Русской Правды». Однако «постановкой вопросов Б. А. Романов незаметно управлял ходом мышления участников семинара, постепенно все усложняя и усложняя стоявшие перед ними задачи». В результате «смысловые, логические и текстологические мелочи, на которые студенты раньше не обращали внимания, приобретали теперь для них большую научную значимость, поскольку они на собственном опыте видели, как из того или другого толкования именно этих "мелочей" вырастали нередко диаметрально противоположные трактовки крупных исторических явлений». Романов учил «увидеть за, казалось бы, мертвыми юридическими формулами живых людей Древней Руси». Когда же к концу года студенты готовили курсовые работы по отдельным статьям Русской Правды или по разным аспектам ее изучения в целом, «они убеждались, что проделанная ими работа по постатейному < ··· > изучению Русской Правды была по существу своеобразным отражением историографического осмысления» памятника «в "большой науке"».[8]

Будучи одним из участников просеминара Романова в 1948/49 учебном году, могу отметить, что занятия эти, помимо своей познавательной ценности, были еще и чрезвычайно интересны и даже увлекательны. Мы, студенты первого курса, не слышали звонков на перерыв и об окончании занятий. Вместо положенных полутора часов они продолжались не меньше трех и воспринимались как одно мгновение. Романов никогда и никого не ограничивал временем и стимулировал всестороннее обсуждение, уважительно относился к высказыванию самых фантастических мнений. Поэтому анализ, к примеру, одной только ст. 1 Краткой Правды продолжался на протяжении нескольких занятий.

Когда же запас аргументов у студентов исчерпывался или Романов убеждался в том, что новых идей никто больше не высказывал, он подводил итоги, иногда кратко, иногда пространно, но всегда захватывающе интересно. Его речь была чрезвычайно образной и яркой, но в то же время предельно ясной. Романов раскрывал внутренний смысл той или иной статьи, показывал ход мысли при ее интерпретации, привлекал при необходимости летописные рассказы, т. е. по существу проводил в присутствии студентов исследование, комментируя его этапы и тем самым обучая технике анализа сложного источника.

Выбор Романовым для ведения просеминарских занятий именно Русской Правды не был для него случайным не только потому, что он сам плодотворно комментировал важнейшие комплексы ее статей и проблемы, возникшие при работе над книгой «Люди и нравы Древней Руси», но и исходя из необходимости решения собственно педагогических задач. Романов был уверен в том, что учить начинающих студентов следует на источниках немассовых, даже единичных, исследование которых имеет большую историографическую традицию. Он считал, что именно на таких источниках оттачивается мастерство историка. Ведь при этом ему приходится формулировать свою оригинальную позицию и выискивать новые аргументы в крайне неблагоприятной историографической ситуации, поскольку на этих материалах, как говорил Романов, «проели зубы» целые поколения предшественников. Именно поэтому Романов, который много лет работал в архивах, в течение десятилетий занимался публикацией источников, построил на новых материалах свою первую монографию и частично вторую, все же неоднократно высказывал следующую парадоксальную мысль: «На новых архивных материалах

[8] О выступлении Н. Е. Носова на заседании памяти Б. А. Романова см.: Ананьич Б. В., Панеях В. М. Заседание, посвященное памяти Б. А. Романова // Исторические записки. 1958. Т. 62. С. 288–289.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

каждый дурак напишет работу, попробуйте построить свое исследование на изъезженных-переизъезженных источниках, сказать при этом новое слово; вот в чем подлинное мастерство».

Эта точка зрения вытекала из убеждения Романова в том, что естественный путь формирования историка лежит первоначально через своеобразный тренинг на материалах древних периодов истории, будь то античность, западное средневековье или Киевская Русь. Лишь впоследствии можно профессионализироваться в новой и новейшей истории. Н. Е. Носов в связи с этим вспоминал следующие слова Романова: «Так же, как хирург перед тем, как проводить операции над живыми людьми, длительное время практикуется на трупах, так же и мы, историки, должны сперва научиться работать (при помощи не только ножа, но и лупы и пинцета) над древними (умершими) формациями перед тем, как перейти к работе над новой историей, отнюдь не более легкой (как иногда предполагает наша молодежь), а значительно более сложной и трудной для ее изучения и осмысления».[9]

И действительно, пройдя на первом курсе через просеминарские занятия Романова по Русской Правде, отнюдь не большинство студентов избирало своей специальностью историю Древней Руси; многие стали историками, занимающимися историей России XIX и даже XX в., некоторые перешли на другие кафедры — новой и новейшей истории, даже археологии. Но уроки, полученные у Романова, общение с ним — все это не было забыто и наложило отпечаток на всю их дальнейшую профессиональную деятельность. По окончании занятий на первом курсе одна из групп преподнесла Романову миниатюрную книжечку, содержащую переписанную от руки Краткую редакцию Русской Правды и лупу, при помощи которой только и можно было прочитать текст. И книжечка, и лупа помещались в шкатулке. Дарственная надпись гласила: «От студентов 4 группы исторического факультета ЛОЛГУ в знак восхищения и благодарности за увлекательные, глубокие, неповторимые занятия по Русской Правде». Романов по этому поводу писал: «Надпись, которой (впервые в жизни!) горжусь. Значит, недаром я вкладывал всего себя в эти занятия, если вместо отвращения мне удалось создать такое воздействие на эти молодые головы».[10]

Романов и сам дорожил своими занятиями с первокурсниками. Так, сообщая 15 октября 1945 г. А. Л. Сидорову, что после тяжелой болезни «пока < · · · > выскочил из петли, хоть и в сильно посиневшем виде», он продолжал: «Очень уж не хотелось расставаться с университетской молодежью, которая для меня, что мешок с кислородом. Особенно первокурсники. Подталкивать и наблюдать рост их именно на первом году их въезжания в науку — очень уж интересно и живительно». Через полгода, 21 апреля 1946 г., в письме к приятелю своих студенческих лет И. В. Егорову Романов, возвращаясь к этой теме, писал: «По-прежнему радуют меня мои студенты-первокурсники. Славный народ, и растут на глазах (в желательном для меня направлении, то есть усваивают кое-что из прививаемых мной навыков). Вообще университет берет много сил, зато и питает морально. Вроде бы как и полезен!».[11]

---

[9] См.: Там же. С. 289. — Б. А. Романов и сам прошел этот путь: будучи студентом Петербургского университета, он специализировался как историк Древней Руси, работал в семинариях С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова (последнего он считал своим учителем), но в начале 20-х годов по ряду причин резко изменил тематику своих исследований и стал заниматься внешнеполитическими и внутриполитическими аспектами истории России нового и даже новейшего времени.

[10] См.: Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 37.

[11] ОР РНБ. Ф. 273. Д. 315. Л. 1.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Обучающие цели ставил перед собой Романов и при чтении специального курса по внешней политике России в конце XIX — начале XX в. Он стремился не столько сообщить студентам новые факты или нарисовать картину дипломатического противоборства на международной арене, сколько показать, как им самим анализировались источники и устанавливались факты, как выявлялись связи между ними, какие трудности возникали на этом пути, при помощи каких методов их удавалось преодолевать, как при недостатке материалов строились гипотезы и догадки и как в некоторых счастливых случаях удавалась их подтверждать. Обычно Романов начинал чтение спецкурса с заявления, что фактическую сторону событий можно почерпнуть из его работ, а на лекциях он будет рассказывать о том, как их писал, т. е. фактически знакомить слушателей с собственным опытом решения профессионально-исторических задач, с техникой своего «исторического ремесла».[12]

Романов не читал общего курса — и не случайно. Он считал, что существуют разного типа преподаватели: одни — преимущественно читающие общие курсы, другие — для семинаров и специальных курсов. Себя Романов относил к последним. Ему важно было непосредственное общение со студентами, в процессе которого только и возможно их обучение, чему Романов придавал первостепенное значение.

Показательно, что когда в конце 1948 г. академическое руководство стало чинить препятствия работе в Университете по совместительству, Романов решился перейти в ЛОИИ на полставки, чтобы не покидать исторический факультет. «... Ведь нельзя же обескровливать университет < ··· > Дело-то ведь государственное», — писал он Е. Н. Кушевой 11 ноября 1948 г.

Университет доставлял Романову радость еще и потому, что взялся издать написанную накануне войны книгу «Люди и нравы Древней Руси». Это стало возможным благодаря позиции, которую заняли В. В. Мавродин и особенно А. А. Вознесенский. Они сумели воспрепятствовать нажиму Б. Д. Грекова, стремившегося помешать изданию, вероятно, самой любимой работы самого автора.[13] 5 мая 1946 г. Романов написал Е. Н. Кушевой, что «университетское издательство полностью подготовило рукопись к производству». А уже 25 февраля 1947 г. решением Ученого совета ЛГУ ему была присуждена вторая университетская премия,[14] о чем сообщалось в университетской многотиражке 3 марта.[15] Работа к этому времени не только не вышла в свет, но даже не была подписана к печати и не получила визу цензуры,[16] и Романов предполагал, что возможные цензурные препятствия будут преодолены именно благодаря этому. 12 февраля 1947 г. он писал в связи с этим И. В. Егорову: «Сейчас звонил декан, что < ··· > присуждено семь премий, из них одна мне < ··· >. Надеюсь, что это облегчит прохождение книги в печать».[17]

Сам Романов был горд этим своим успехом. Он писал И. В. Егорову: «Около месяца висело в воздухе дело с прохождением моих "Людей и нравов" на внутриуниверситетскую годичную премию. В премиальной комиссии был бой 20-ти кандидатов на 7 премий. Там кончилось победой гуманитариев,

---

[12] Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947. С. 5–12.

[13] Панеях В. М. «Люди и нравы Древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 827–828, 831; Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 18.

[14] Личное дело Б. А. Романова в ЛГУ. Л. 10.

[15] Ленинградский университет. 1947, 3 марта.

[16] Книга «Люди и нравы Древней Руси» была подписана к печати лишь 11 декабря 1947 г.

[17] ОР РНБ. Ф. 273. Д. 126. Л. 54.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

которые прошли на первые (по голосам) 4 места; три последних места достались "физикам". Это неслыханная в анналах университета победа! Среди этих 4-х я оказался на четвертом месте со второй премией < ··· > Была боязнь, что я обижусь, а я — ничуть. Во-первых, я первый доставил эту победу историческому факультету (который раньше премий не видел). Во-вторых, факультет поймал премию на парадоксально малого червяка: а) книга моя почти брошюра < ··· >; б) книга на неактуальную и захолустную тему; в) на тему из такой эпохи, по которой в советской историографии написана уйма работ. Значит, победу я могу приписывать только себе, то есть качествам исполнения, работавшим, так сказать, против ветра и против течения и одолевшим обе эти стихии. Чего же мне больше?».[18]

Этот успех, знаменовавший как бы официальное признание книги, казалось бы, должен был укрепить положение Романова в Университете. Появилась и группа студентов (Л. Айзеншадт, Э. Готлиф, Н. Горкунова, И. Карлович, И. Либерзон, Н. Носов, М. Струнина), которые выразили желание под его руководством специализироваться по проблемам истории России XVI–XVII вв. По этому поводу Романов писал 14 октября 1948 г. А. Л. Сидорову: «Преподавание по-прежнему увлекает меня. Наметилось некоторое подобие "учеников" в миниатюре». Радовало его и «новое поступление», которое оказалось «определенно уровнем выше прежних годов». Поступила в аспирантуру и начала работать над диссертацией ученица Романова Д. Сот. Своим учителем считали Романова и студенты-международники Р. Ганелин и А. Фурсенко, по формальным причинам работавшие над курсовыми и дипломными сочинениями под руководством других профессоров. Наконец, кафедрой истории СССР Романову было поручено организовать студенческий научный кружок, руководителем которого он был с декабря 1948 по 1951 г. Кружок стал авторитетным центром научной жизни факультета. В его работе принимали активное участие не только студенты, но и представители профессорско-преподавательского коллектива, а также историки из других научных и учебных заведений Ленинграда.

Ничто, казалось бы, не предвещало неприятностей, но, радуясь успеху «Людей и нравов Древней Руси», получая удовлетворение от работы со студентами, Романов подспудно ощущал, что книга может стать причиной (или поводом) серьезных неприятностей. Всего через полгода после ее выхода в свет, 19 мая 1948 г., он с беспокойством писал А. И. Андрееву: «Я более полугода уже живу под потенциальными ударами молота (судьба-индейка)».[19]

Интуиция не изменила Романову. С весны 1948 г. ситуация в стране, а следовательно, и в Университете начала меняться. Была развязана кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «антипатриотизмом» (а несколько позднее — и с «космополитизмом»), объектом которой стали профессора по преимуществу старшего поколения. В передовице, опубликованной университетской многотиражкой 7 апреля 1948 г., о большой статье С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»[20] говорилось, что она «преисполнена духом низкопоклонства перед старой буржуазной наукой в лице ее реакционных представителей».[21] 20 апреля на заседании Ученого совета исторического факультета состоялось погромное обсуждение этой работы.

Показательно, что на то же заседание было назначено и обсуждение книги

[18] Там же. Л. 61.

[19] Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 296.

[20] Труды Юбилейной научной сессии Ленинградского гос. университета. Секция ист. наук. Л., 1948.

[21] Ленинградский университет. 1948. 7 апр.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Романова «Люди и нравы Древней Руси». По-видимому, предполагалось подвергнуть автора экзекуции. И хотя по ряду причин она не состоялась,[22] Романов стал объектом критики за отсутствие в книге показа боевых подвигов людей, оборонявших свою Родину, и их напряженной трудовой деятельности, за мрачность нарисованной картины быта и нравов, за расхождения с директивами, содержавшимися в замечаниях Сталина, Кирова и Жданова о конспектах учебника по истории СССР, за выдвижение на первый план проблемы пола, вопросов семейной жизни.[23] И все же обсуждение книги пошло не по задуманному организаторами пути, о чем свидетельствует статья преподавателя кафедры истории ВКП(б) Н. Зегжды в газете «Ленинградский университет», где выражалось сожаление о том, что книга на обсуждении не получила подлинно партийной оценки.[24] Это свидетельствовало о том, что книга попала в зону внимания тех сил, которые начали вести борьбу с так называемыми антипатриотизмом и его носителями.

Нет ничего удивительного поэтому в том, что пессимистическое настроение в отношении перспектив своего преподавания на истфаке у Романова нарастало. 26 января 1949 г. оно рельефно проявилось в письме Е. Н. Кушевой, где он писал: «Если вникнуть в дело по существу, то у меня еще осенью явилось чувство, очень тягостное, неуверенности в своих силах удержаться на уровне тех требований, которые предъявляет к тебе молодежь < ··· >: она, того и гляди, перерастет твои возможности. Устареть, не уметь вовремя уйти со сцены — это ведь "вечные категории", неконъюнктурные, угрожающие очень многим в любых профессиях».

В состоянии этого мрачного настроения вступал Романов в новый 1949 год, год его шестидесятилетнего юбилея. 11 января он сообщил Е. Н. Кушевой о доходящих до него «намеках» следующее: «... есть намерение отметить мою старость (опасность эта исходит не из ЛОИИ, где к этому вкуса нет, а из университета)». Романов, вопреки этому намерению, собирался «вести контригру». Его беспокоила необходимость в случае, если бы юбилейное заседание состоялось, «что-то говорить про себя (а что, кроме мрачного и дурного, я могу сказать?)». К тому же Романов тяжело болел, предстояло новое обсуждение «Людей и нравов...», теперь уже в стенах ЛОИИ, и он не ожидал благополучного исхода. Поэтому ответ на возможные приветствия был связан для него «с особливой трудностью»: «...может не хватить юмора».

Отвечая 2 февраля 1949 г. Е. Н. Кушевой на вопрос о дате его рождения, Романов писал: «Точная дата < ··· > 29.I ст. ст. Нет сейчас никого, с кем в студенческие годы проводил я ближайшую к этому дню субботу. С тех пор у меня никогда не "праздновался" этот день, и в этом году у меня нет оснований изменять обычаю». Однако в день шестидесятилетия Романов был буквально засыпан многочисленными поздравлениями и пожеланиями. В связи с этим, поблагодарив Е. Н. Кушеву за ее поздравление, он 12 февраля 1949 г. писал: «Над ним (письмом Е. Н. Кушевой. — *В. П.*) я уже не плакал, так как выплакал все слезы в течение дня над студенческими письмами и телеграммами. Нервы никуда не годятся и не выдерживают действия молодых искренних слов. Это пугает меня, как я выдержу испытание публичной экзекуцией, на которую намекнули мне вчера».

«Экзекуция», т. е. официальное чествование, состоялось в аудитории 50

[22] См.: Панеях В. М. «Люди и нравы Древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги. С. 831–835.

[23] Протокол заседания Ученого совета исторического факультета Ленинградского гос. университета. Архив СПб ФИРИ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 44.

[24] Загжда Н. Покончить с объективизмом в исторической науке (с заседания Ученого совета) // Ленинградский университет. 1948. 12 мая.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

исторического факультета (тогда она была значительно вместительнее, чем сейчас) 26 февраля 1949 г. при стечении многочисленных почитателей Романова — студентов и аспирантов, настоящих и бывших коллег по Университету. Академии наук и другим научным и учебным учреждениям. При появлении юбиляра все встали и долго приветствовали его аплодисментами. Доклад о творческом пути Романова сделал Д. С. Лихачев, работавший на истфаке в качестве профессора-совместителя. Было много выступавших с приветствиями. С особым энтузиазмом поздравляли юбиляра студенты. Как вспоминал А. А. Фурсенко, тогда третьекурсник, юбиляр во время приветствий «терял над собой контроль», «постукивал машинально рукой по столу, и слезы лились из его глаз».[25]

В заключение выступил сам Романов. Он произнес явно экспромтом пространную, блестящую по форме и чрезвычайно рискованную по тем временам речь, «выслушанную присутствовавшими в оцепенении».[26] Романов рассказал о своей жизни и судьбе, о своем понимании того, как развивалась и развивается историческая наука после Октябрьской революции, завершив выступление выражением удовлетворения хотя бы тем, что он в качестве «винтика» принес отечественной науке какую-то пользу.

Я, тогда первокурсник, проучившийся в просеминаре Романова всего один семестр, разумеется, присутствовал на его чествовании и был потрясен происходящим. Хотя речь юбиляра изобиловала эвфемизмами, даже мне было ясно, что он коснулся запретной темы — дал понять, что был репрессирован по политическим мотивам.

Сам Романов в письме Е. Н. Кушевой от 28 февраля 1949 г. так рассказывал о юбилейном заседании: «Прошло двое суток после того, как я в течение трех часов побыл под неутолимыми колесами какой-то психмашины. Она была представлена преимущественно студентами. И вот я и сегодня еще нет-нет да плачу настоящими слезами. Откуда они? Должно быть, это болезнь. 26-го я еще кое-как, с помощью остатков юмора, управлял собой, а теперь и управляемости нет < ··· > Мне трудно было бы рассказать Вам, что было 26-го. Я так был озабочен, чтобы держаться и не развалиться, что далеко не все и, вероятно, не по-настоящему мог понять и уловить (и запомнить). Понимаю только, что я не вполне отдавал себе отчет, как глубоко я отравлен страстью к нашей молодежи. По и с ее стороны я не ожидал такого взрыва».

Вскоре после юбилея Романов вынужден был лечь в больницу — не исключалась возможность ампутации ноги из-за непроходимости сосудов. Именно в это время в комитете по Сталинским премиям решался вопрос о ее присуждении ряду ученых, в том числе Романову, за книгу «Очерки дипломатической истории русско-японской войны». 6 марта 1949 г. член этого комитета Е. В. Тарле сообщал А. Д. Люблинской: «Целыми днями сижу в Сталинском комитете по премиям < ··· > Романову Б. А. — вторая степень». 26 марта Е. В. Тарле, возвращаясь к той же теме, писал: «Как мне жаль Б. А. Романова! Кажется, была наконец улыбка судьбы, мы ему присудили Сталинскую премию, и вдруг эта проклятая болезнь! Неужели ему ампутируют ногу?».[27] Как об уже принятом решении относительно премии сообщил самому Романову Б. Д. Греков.[28]

Ногу, однако, врачам удалось спасти. Но в официальном правительственном сообщении по Сталинским премиям фамилии Романова не оказалось —

[25] Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 159.

[26] Там же.

[27] Благодарю Б. С. Кагановича за предоставление фрагментов писем Е. В. Тарле.

[28] См.: Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова. С. 159.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сразу же после чествования на срочно созванном заседании партбюро исторического факультета было принято решение обратиться в Комитет по Сталинским премиям с просьбой об отмене решения экспертной комиссии. Само собой разумеется, что Комитет не отказал партбюро в его просьбе.[29]

Мне не известно, нашел ли этот эпизод отражение в письмах Романова. Судя по ним, его больше беспокоила проблема, связанная с возможностью и впредь работать в Университете. Еще до юбилейного заседания, 21 января 1949 г., Романов сообщал Е. Н. Кушевой: «. . . ушел из деканов В. В. Мавродин. На мой взгляд, декан был хороший. Понимавший, что наука и учебное дело — вещи хрупкие и требующие бережного отношения. Боюсь, что с иным курсом оборвутся мои педагогические опыты».

Когда же, вернувшись из больницы, Романов ознакомился с обстановкой, сложившейся в академических институтах и факультетах гуманитарного профиля, последние надежды у него окончательно отпали. 8 апреля 1948 г. он писал Е. Н. Кушевой: «Новости прямо со сковородки. 4 и 5-го кипели историки в университете, 6 и 7-го кипели литераторы в АН[30] < · · · > с присутствующими здоровяками и отсутствующими больными и умирающими < · · · >. У меня пока впечатление, что последствия будут глубокими < · · · >. С университетом, я считаю, дело покончено. Здесь действительно не место "другу молодежи". И день 26.II внес полную ясность в эту ситуацию. Там ловко использовали мое болезненное состояние и получили желаемое: повод отлучить меня от университета. За месяц в госпитале я свыкся с этой мыслью < · · · >, и мне остается дотаптывать отдельные людские связи и привязанности». Романов не без оснований связал в этом письме происходившее на факультете с ожидаемым погромным обсуждением в ЛОИИ «Людей и нравов». Он писал: «То обстоятельство, что это не снято с повестки дня, свидетельствует о другом: что по линии АН начинается гниение ниток. А в недалеком будущем будет подведен итог: вся жизнь прожита, и работа, проделанная, проделана зря. Что и является реальным комментарием к 26-му II 49 года, собравшему в один кулак столько хороших личных чувств и групповых оценок в адрес старика, препарируемого к выгонке на улицу, да еще с музыкой».

Последовавшие события отчасти подтвердили этот неутешительный прогноз. 21 апреля 1949 г. на заседании группы истории СССР ЛОИИ в отсутствие по болезни автора состоялось проработочное обсуждение, вылившееся в осуждение его книги «Люди и нравы Древней Руси».[31] Знаменательная случайность — именно в тот же день под председательством профессора Н. А. Корнатовского состоялось заседание аттестационной комиссии исторического факультета ЛГУ, на котором было вынесено решение относительно Романова. В нем утверждалось, что «проф. Б. А. Романов пришел из старой буржуазной школы (Платонова) и до сих пор еще не освободился полностью от влияния буржуазной историографии», а также констатировалось, что он «был репрессирован». Вероятно, именно с этими обстоятельствами аттестационная комиссия связала следующую свою оценку вышедших в 1947 г. книг Романова: «В работе "Люди и нравы Древней Руси" Б. А. Романов допустил серьезные ошибки. В этой работе проявляются элементы национального нигилизма, извращающие подлинную историю Древней Руси. Другая

[29] Там же.

[30] Речь идет о серии погромных заседаний, на которых ученые подвергались травле за «космополитизм», «антипатриотизм», «преклонение перед буржуазной наукой» и т. п.

[31] Подробнее об этом см.: Панеях В. М. «Люди и нравы Древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги. С. 836–838.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

работа Б. А. Романова "Очерки дипломатической истории русско-японской войны" не свободна от объективистских ошибок. Отдельные выступления проф. Б. А. Романова содержали политические ошибки». Далее отмечается, что он в «письменной форме признал свои ошибки и готовит новую работу по истории Киевской Руси». Вероятно, именно сочетание отмеченных в решении обстоятельств дало основание для следующего вердикта: «Своей должности соответствует. Может быть использован в качестве руководителя специальных занятий».[32]

Несмотря на кажущуюся двусмысленность, это решение в перспективе окончательно решало судьбу Романова на историческом факультете: с нового учебного года он получал право вести только спецкурсы и спецсеминары и лишался возможности преподавать на первом курсе, откуда только и могли завязываться связи с новыми студентами.

Через месяц, 25 мая 1949 г., Романов отметил в одном из личных писем, что в его университетских делах «темп ликвидации выпирает из всех щелей». Вероятно, именно ситуация, сложившаяся вокруг Романова на историческом факультете и не только на нем, ожидание увольнения привели его к мысли о необходимости передать своих учеников, завершавших под его руководством учебу на третьем курсе, другому преподавателю. Его выбор пал на профессора И. И. Смирнова — коллегу по ЛОИИ и истфаку, недавно выступавшего с основным докладом во время проработочного «обсуждения» «Людей и нравов Древней Руси». 6 июля 1949 г. Романов обратился к нему с письмом, в котором писал: «Очень жалею, что 27-го (июня. — *В. П.*) Вы не были в Институте, ибо 28-го мне пришлось (в университете) действовать не согласовавшись с Вами. 28-го я собрал своих третьекурсников, чтобы дать им совет — самоопределиться к диплому (и к жизни), выбрать себе оптимальное теоретическое руководство на одном из двух путей: 1) древностей или 2) советского периода. Для первого я указал им на Вас, для второго — на О. А. Ваганова. Беседе этой я придал характер совета, а не диалога, но из дальнейшего нашего разговора стало ясно, что к советскому периоду у них склонности нет. Следовательно, у меня есть основания предупредить об обращении этой маленькой феодальной группы к Вам. Надеюсь, что Вы, зная их, не будете возражать против такого оборота дела. У меня же это продумано со всех сторон, касающихся пользы их же».[33]

И. И. Смирнов ответил согласием взять под свое покровительство учеников Романова. После этого Романов сообщил И. И. Смирнову, что «очень рад» его готовности «принять к себе» этих студентов, и отметил: «Они очень нуждаются, по-моему, в Вашем руководстве».[34]

Это решение было тем более трудным для Романова, что в новом, 1949/50 учебном году, он, в соответствии с предписанием аттестационной комиссии, лишился просеминара на первом курсе. Однако в сентябре 1949 г. группа студентов (12 человек), перешедших на второй курс, обратилась на кафедру и в деканат с заявлением о разрешении продолжить занятия у Романова и получила согласие. В виде исключения для них был организован спецсеминар (по существовавшим правилам они начинались с третьего курса). Темой его стал Судебник 1550 г. Занятия по этому памятнику отличались той особенностью, что проходили синхронно со временем, когда сам Романов работал над исследовательским комментарием к его статьям, и это счастливое для участников семинара совпадение давало возможность им по исчерпании спо-

[32] Личное дело Б. А. Романова в ЛГУ. Л. 29.
[33] Архив СПб. ФИРИ. Ф. 294. Оп. 2. Д. 82. Л. 34–34 об.
[34] Там же. Л. 19.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ров относительно той или иной статьи стать слушателями преподавателя, который читал им свой написанный недавно комментарий.

По окончании этого учебного года оказалось, что на будущий (1950/51) учебный год осталось двое студентов, выразивших желание специализироваться у Романова по русскому средневековью, — В. Панеях и Р. Скрынников. Это тревожило его. 15 сентября 1950 г. (едва начались занятия) Романов написал И. В. Егорову: «... по-видимому, с преподаванием у меня дело тихо идет ко дну, очень плотно организованному. Не исключено, что и это к лучшему, как все в мире сем. Но субъективно переживаю больно».

Тревожные ожидания не обманули Романова: 1 октября он был уволен из Университета. На следующий день, 4 октября, после того, как в вызывающехамской форме ему сообщили о случившемся, он написал Е. Н. Кушевой: «... туча продолжает надвигаться. Вчера, проведя семинар и ничего не слыхав на факультете, в бухгалтерии нашел приказ о моем отчислении из университета "как совместителя". Значит, сколько организованного вранья было потрачено в 1949 г.!!!». Свое увольнение Романов отчасти связывал с арестом по «Ленинградскому делу» А. А. Вознесенского, ставшего к этому времени министром просвещения РСФСР. Он считал свое увольнение незаконным — и из-за его внезапности, и потому, что оно было произведено после начала учебного года. Но, имея за собой приговор 1931 г. по политической 58-й статье, Романов даже и не подумал поднимать вопрос о нарушении его прав.

Через неделю, 10 октября, он писал Е. Н. Кушевой: «Прошла первая неделя после увольнения из университета. Свыкаюсь. Еще Достоевский сказал, что "человек — это существо по преимуществу ко всему привыкающее"». Еще через три дня: «Я все же думаю, что старушка-формула — "Все к лучшему" — должна быть применена к моему случаю. Полной неожиданностью это для меня не стало: нож надо мной был занесен еще с осени 1948 г. (в пределах видимого на поверхности). Весной этого года он должен был опуститься, но "не вышло оказии", сейчас она вышла запоздалой по советским законам < ··· > Как это ни странно, от меня не отняли исторического кружка; спецсеминары на III курсе отменены, и у меня осталось с прошлого года два волонтера < ··· >, желающие заниматься у меня и XVI веком. Мое отчисление на них не подействовало пока, и они упорствуют. Это побудило меня не отказаться вовсе от университета и остаться на почасовом положении, поскольку об этом просил Мавродин. Конечно, все это кончится в будущем году само-собой, но до будущего года надо еще дожить! А горечь пройдет, как "проходит все"». Из письма Романова А. Л. Сидорову от 30 декабря 1950 г. становится ясным, что в оставлении за ним исторического кружка сыграл свою роль и другой фактор. Романов писал: «... за мной остался < ··· > кружок по истории СССР, мною созданный два года назад. Тут меня не отпустили студенты — основатели кружка. Аномалия, которую я принял как таковую».

С середины следующего (1951/52) учебного года под руководством Романова стал работать еще один студент-четверокурсник — Б. Ананьич, специализировавшийся на проблемах международных отношений в конце XIX — начале XX в. Вскоре, переменив тему, ушел к другому руководителю Р. Скрынников. Итак, в 1953 г. защитили дипломные сочинения двое учеников Романова, и на этом его связи с Ленинградским университетом окончательно порвались.

Ученый болезненно переживал кажущуюся ему возможность отдаления учеников, связанную с некоторыми формальными обстоятельствами — окончанием ими Университета, аспирантуры. 23 апреля 1953 г. Романов писал

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Е. Н. Кушевой: «Кончается связь с молодежью. Это очень больно: отнимают "детей" и при жизни». Вопреки опасениям Романова, круг его учеников, хотя становился все более узким, не распался, а замкнулся на пятерых (разных годов поступления на истфак) — Р. Ш. Ганелине (1944 г.), Н. Е. Носове, А. А. Фурсенко (1946 г.), Б. В. Ананьиче и В. М. Панеяхе (1948 г.). Всех их учитель заботливо пестовал и после окончания Университета — вплоть до своей кончины в 1957 г., неизменно стремясь ввести в большую науку.

«Короткая, но блестящая преподавательская работа Б. А. Романова в Ленинградском государственном университете, — писал Д. С. Лихачев, вместе с ним работавший на историческом факультете, — заслуженно принесла ему славу одного из лучших преподавателей < ··· > и позволила ему воспитать целый ряд талантливых исследователей как древней, так и новейшей русской истории».[35]

---

[35] Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // ТОДРЛ. М., 1958. Т. XV. С. 495.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. Н. КУДРЯВСКОГО

Жизнь и творчество Д. Н. Кудрявского — питомца Петербургского университета,[1] воспитанника С. Минаева, выдающегося лингвиста и этнографа, участника Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», профессора Тартуского и Воронежского университетов — по достоинству привлекала внимание историков науки и образования,[2] историков революционного движения,[3] биографов.[4]

Однако некоторые, и притом важнейшие, страницы биографии Кудрявского нельзя признать достаточно изученными. Это относится и к судьбе сделанного Кудрявским перевода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», и к вкладу Кудрявского в популяризацию и защиту марксизма в России в конце XIX — начала XX в.

Если суммировать имеющиеся в литературе данные по этим вопросам, то они выглядят следующим образом.

1. Кудрявский, ставший в начале 1890-х годов марксистом[5] (его рядом с другими основателями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» упоминает Л. Б. Красин[6]), около 1894 г. (по свидетельству Н. К. Крупской[7]) перевел книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».[8] Я. В. Лоя допускал, что речь идет об издании: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Пер. с нем. 4-е изд. СПб., 1984.[9] Это допущение не получило отклика ни в литературе о Д. Н. Кудрявском, ни в энгельсоведении.

2. Оставаясь верным марксизму «до конца своей жизни»[10] и «применяя его ко всем явлениям жизни — общественной и частной»,[11] Кудрявский со времени участия в группе С. И. Радченко, куда «принимались лишь теоретически подготовленные, уже вполне убежденные социал-демократы, способ-

© Ю. Д. Марголис, 2000.

[1] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Из истории революционных связей Ленинградского и Тартуского университетов // Развитие гуманитарных наук в Тартуском университете: Вопросы истории Тартуского университета. Вып. XIII. Тарту, 1983. С. 184–194; Кудрявский Д. Н. [Автобиография] // Библиографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского (б. Дерптского) университета за 100 лет его существования (1802–1902). Т. 2. С. 587.

[2] История Тартуского университета. 1632–1982. Тарту, 1983. С. 123.

[3] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Л., 1957. С. 123.

[4] Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского // Учен. зап. Лиепайского пед. ин-та. Вып. 1. 1958. С. 179–228; Смирнов С. В. Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д. Н. Кудрявский // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 247. 1970. С. 3–172.

[5] Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 185.

[6] Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов / Под ред. М. Н. Лядова, С. М. Познер. М.; Л., 1928. С. 117.

[7] Н. К. Крупская — Я. В. Лоя. 24 сентября 1929 г. // Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 185–186.

[8] Там же. С. 186.

[9] Там же.

[10] См.: Смирнов С. В. Профессор... С. 5.

[11] З. Н. Кудрявская — Я. В. Лоя. 30 января 1930 г. // Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 195.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ные вести теоретические бои с народниками»,[12] был пропагандистом марксизма. Об этом свидетельствует его книга «Как люди жили в старину» (1894) и последующие выступления в прогрессивной легальной печати по вопросам истории, социологии, этнографии, лингвистики — в том числе и в сочинениях, написанных в тартуский период жизни, когда Кудрявский, по свидетельству В. Э. Грабаря, оставался «единственным социал-демократом в составе Юрьевских профессоров».[13] В обстоятельном очерке жизненного и творческого пути Кудрявского С. В. Смирнов, ставивший своей задачей преимущественно «осветить лингвистические взгляды проф. Д. Н. Кудрявского»,[14] приводит «два примера» защиты Кудрявским марксизма в легальной печати.

Таким образом, современное состояние изучения биографии Кудрявского оставляет без ответа ряд существенных вопросов о судьбе перевода книги Ф. Энгельса и вкладе Кудрявского в пропаганду марксизма. Приводимые ниже заметки, кажется, позволяют продвинуться в решении этих вопросов. Слабая изученность научно-публицистического наследства Кудрявского делает неизбежным подчас пространное цитирование его текстов.

На рубеже 1880–1890-х годов молодой востоковед, ученик С. Минаева Кудрявский начинает усиленно изучать сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, что приводит его в марксистский кружок студентов-технологов (1892–1893 гг.) во главе с С. И. Радченко. Этот кружок связан с началом революционной деятельности таких известных впоследствии марксистов, как Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, а также П. К. Запорожец, М. А. Сильвин, А. А. Ванеев, Н. К. Крупская, З. Л. Невзорова-Кржижановская, А. А. Якубова-Тохтарева, Л. М. Книпович.[15] В 1893–1894 гг. С. И. Радченко жил с Кудрявским на одной квартире. Уместно отметить и факт особой личной близости Кудрявского с Л. Б. Красиным, вместе с которым (и с А. Е. Кудряшевой) он летом 1893 г. побывал в Ясной Поляне, встречался и беседовал с Л. Н. Толстым.[16]

Имеются сведения о близких отношениях Кудрявского с В. И. Лениным, «руководством которого он пользовался».[17] «... Знаю, — писал В. Э. Грабарь, — что во время своей (с лета 1894 до осени 1895 г.) научной командировки за границу он очень сблизился с Владимиром Ильичом Лениным и в память этого назвал сына своего Владимиром».[18]

Уже в те годы был замечен пропагандистский дар Кудрявского. Л. Н. Радченко вспоминала, что он «обладал в этой области большими способностями, мог излагать популярно все научные вопросы, трактовавшиеся... и среди рабочих. Он много и серьезно занимался теорией исторического материализма и принимал участие в совместной... разработке вопросов, злободневных в то время — о судьбах капитализма в России, критика народничества и т. д. Тогда же он занимался переводом с немецкого марксистской литературы: перевел брошюру Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства", брошюру по жилищному вопросу, написал популярные лекции в помощь пропагандистам».[19]

---

[12] Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. 1883–1894. М., 1959. С. 393.

[13] Грабарь В. Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском — Юрьевском) университете // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 35. 1954. С. 63.

[14] Смирнов С. В. Профессор... С. 5.

[15] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 227. 1899. № 172. Л. 3. Ср.: Смирнов С. В. Профессор... С. 5.

[16] Смирнов С. В. Профессор... С. 11.

[17] Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 185.

[18] В. Э. Грабарь — Я. В. Лоя. 11 марта 1929 г. // Там же. С. 192.

[19] Л. Н. Радченко — Я. В. Лоя. 9 сентября 1929 г. // Там же. С. 186.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Я. В. Лоя прав, когда пишет, что знакомить петербургских рабочих с учением К. Маркса и расширять их социально-политический кругозор было «заданием»[20] Кудрявскому от социал-демократической группы. Выполняя «задание», Кудрявский стал автором популярных — в помощь пропагандистам — лекций, посвященных происхождению мира, человека, истории первобытной культуры, возникновению классовой борьбы и сменам общественно-экономических формаций.[21] «В то же время, — вспоминала в 1929 г. Н. К. Крупская, — кроме I тома "Капитала" Маркса не было переведенного ничего из Маркса и Энгельса, и вот Дм. Ник. взялся за перевод "Происхождения семьи, частной собственности и государства", каковая книжка и вышла легально, я уж не помню, в каком издательстве».[22] По сведениям, полученным Я. В. Лоя, факт перевода Кудрявским книги Энгельса подтверждали также Л. Н. Радченко и З. Н. Кудрявская. Отметим, однако, что в других своих воспоминаниях, имея в виду, по-видимому, переводную работу Кудрявского, Н. К. Крупская упоминает рукопись, а не книжное издание. Она пишет: «Долгое время в кружках "проходилась" по рукописному переводу книжка Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства"».[23] Истину, по-видимому, отражает второе свидетельство Н. К. Крупской, а не первое: книгой перевод Кудрявского не стал. Что же до утверждения Я. В. Лоя, будто этот перевод был издан в 1894 г., то еще за 19 лет до опубликования этого утверждения А. Шлюбский доказал «принадлежность перевода первых трех русских изданий "Происхождения семьи" Ф. Энгельса Н. А. Иванову»: «второе (1894 г.) и третье (1895 г.) издания были перепечаткой первого».[24] Косвенно тот факт, что перевод Кудрявского не был издан, подтверждает и то обстоятельство, что в рецензии на «Антропологию» Л. Крживицкого Кудрявский пространно цитирует 3-е издание русского перевода «Происхождения семьи...», чья (перевода) принадлежность Н. Иванову, повторим, доказана.[25]

Оставшийся в рукописи перевод Кудрявского упомянут под номером один в русской библиографии книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Составитель библиографии (А. Шлюбский) писал: «...первым переводом на русский язык "Происхождения семьи, частной собственности и государства" была упоминаемая Н. Крупской рукопись, которая распространялась между петербургскими рабочими в начале 90-х годов».[26] В существующих библиографиях издание перевода Кудрявского не зарегистрировано; возможные свидетельства самого переводчика утрачены, поскольку архив Кудрявского, включавший «Дневники, хронологически обнимающие собой вторую половину 80-х и начало 90-х годов»,[27] погиб. Что же до существования рукописного перевода Кудрявским книги Энгельса, то

[20] Там же. С. 194.

[21] Смирнов С. В. Профессор... С. 15.

[22] Н. К. Крупская — Я. В. Лоя. 24 сентября 1929 г. См.: Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 185–186.

[23] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. С. 75.

[24] Шлюбский А. Книга Ф. Энгельса «Происхожение семьи, частной собственности и государства» и царская цензура // Пролетарская революция. 1940. № 2. С. 231. — Об Н. А. Иванове см. также: Шлюбский А. О. Библиография русских переводов труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Советская этнография. 1934. № 6. С. 180.

[25] См.: Шлюбский А. О. Библиография русских переводов труда Ф. Энгельса... С. 180.

[26] Там же. — О цензурной истории переводов см.: Ольховский Е. Р. Малоизученные источники о распространении марксизма в России // Советские архивы. 1981. № 4.

[27] См.: Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского. С. 226–227.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сомневаться в его существовании не приходится: настолько авторитетны, да и многочисленны свидетельства современников.

Вряд ли можно сомневаться в высоком качестве выполненного Кудрявским перевода. Это подтверждает осуществленная им безукоризненная редакция перевода книги Л. Моргана и, в неменьшей степени, постоянно присутствовавшие в рецензиях Кудрявского конкретные и весьма требовательные оценки качества переводческой работы.[28]

Безусловным популяризатором книги Ф. Энгельса о происхождении семьи, частной собственности и государства стала книжка Кудрявского «Как жили люди в старину (Очерки первобытной культуры)». Написание этой книги было вызвано практической потребностью обучения участников петербургских рабочих кружков материалистическому пониманию истории. Знаком связи автора с движением революционной социал-демократии было посвящение книги Любови Васильевне Миловидовой — в прошлом невесте Л. Б. Красина, в будущем — жене автора.[29] В основу книги были положены работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и Л. Моргана «Древнее общество» — об этом прямо говорилось в предуведомлении читателя, которым книга открывалась. Ее содержание составляли две части: «Материальная обстановка жизни первобытного человека» и «Общественная жизнь первобытного человека», а основная мысль гласила: «...материальные условия жизни составляли почву для той или другой формы общественной жизни, а умственная жизнь отражала и ту, и другую сторону и работала над изменением и материальных условий, и условий общественной жизни».[30]

Выдержавшая до революции несколько изданий книга Кудрявского «Как люди жили в старину» была примером научного и последовательного изложения материалистической концепции истории, и можно лишь удивляться тому, что ученик автора Д. К. Зеленин в специальной работе «Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода» эту книгу Кудрявского не упоминает.[31]

Благодаря Кудрявскому — с 1898 г. профессору Юрьевского университета[32] — появился в русском переводе и труд Л. Моргана о первобытном обществе, который завершается «коммунистическими требованиями по отно-

[28]Так, в рецензии на книгу Ю. Липперта «История семьи» Кудрявский пишет: «На с. 5 следовало бы указать, что под "индийскими племенами" разумеются американские краснокожие. Некоторые греческие термины, имена собственные пояснены поставленными в скобках немецкими словами подлинника, что может несведущего читателя привести к мысли, что в скобках сообщен греческий термин; например, "кровавая месть Blutgericht"(с. 64). На с. 99 "левира" объясняется как брак с "левиром", т. е. "братом или, вернее, свояком" Очевидно, что под "левиром" надо разуметь деверя, а под "братом" — "брата мужа"» (см.: Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Липперт Ю. История семьи / Пер. с нем. Шатерникова. СПб., 1897 // Мир божий. 1898, июль. С. 70; ср.: Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Фридрих Ратцель. Народоведение. Вып. 1–13. СПб., 1896–1897 // Мир божий. 1901, апрель).

[29]Кудрявский Д. Н. Как люди жили в старину (Очерки первобытной культуры). СПб., 1894. С. 2.

[30]Там же, с. 7.

[31]Зеленин Д. К. Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода // Вопросы истории доклассового общества. М., 1936. С. 913–920. — Зеленин писал: «Отрицая более или менее строгую закономерность в развитии примитивного общества, большинство русских предреволюционных этнографов, работавших по истории семьи, имели своим, чаще полупризнанным лозунгом: от Энгельса — Моргана к Кунову и Вестермарку. Почти единственное исключение из этого общего правила представляли Н. И. Зибер, М. М. Ковалевский и Л. Я. Штернберг». — А, казалось бы, именно Зеленин и должен был поставить в этот ряд имя Кудрявского.

[32]Кудрявский Д. Н. [Автобиография]. С. 587.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

шению к современности».[33] Речь идет об издании: Морган Л. Первобытное общество, исследование прогресса человечества из дикого состояния к варварству и от варварства к цивилизации / Пер. П. Румянцева; Под ред. Д. Н. Кудрявского. Предисловие М. М. Ковалевского. СПб., 1900. Выход этой книги противостоял сложившейся к тому времени практике переводов по истории первобытной культуры и по истории семьи. Эта тенденция состояла в продвижении к читателю сочинений, которыми концепция Энгельса — Моргана отвергалась. Назовем книгу испанца А. Позада «Очерк современных теорий происхождения семьи, собственности и государства» (Одесса, 1892), отметим выступления против Энгельса Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева, о которых Г. В. Плеханов писал, что они оба «повторяют то, что раньше их сказал крайне поверхностный немецкий писатель Вейзенгрют в своей книге "Законы развития человечества"».[34] В предисловии к отредактированному Кудрявским переводу книги «Первобытное общество» М. М. Ковалевский сказал о том, «какое значение сохранил еще Морган для историков ранних форм гражданственности, и как велика услуга, оказываемая русским этнографам и социологам переводом "Древнего общества"».[35] Его перу, по подсчетам С. В. Смирнова, принадлежит около 40 рецензий, опубликованных в этих журналах.[36] Они являют собой проповедь диалектического и исторического материализма, последовательную критику всех проявлений идеализма во взглядах на народ и общество.

Хронологически один из первых характерных примеров — одобрение Кудрявским книги Ю. Белоха «История Греции», опиравшейся на материалистическое («экономическое») объяснение истории. Привлекая внимание читателя к трактовке «экономической стороны» греческой истории (земельные отношения, экономическое значение малоазиатских колоний, занятия городского населения, замещение натурального хозяйства денежным, внешняя торговля), Кудрявский отмечал: «Автор во многих случаях оказывается стоящим на почве экономического понимания истории в духе Маркса, хотя прямо он этого нигде не высказывает. Во всяком случае, этот труд может показать, каким образом, по крайней мере, некоторые "надстройки" создаются на экономическом фундаменте».[37]

Значительным свидетельством последовательной защиты Кудрявским ряда важнейших положений книги Ф. Энгельса «Прохождение семьи, частной собственности и государства» стала его рецензия на «Антропологию» Л. Крживицкого. В установке автора на то, будто «в возвращении к старине» содержится «спасение и для нашей безнравственной культуры»,[38] Кудрявский усматривал «непонимание того, что говорит Энгельс о варварах в своем сочинении "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Сделав общую характеристику общественной организации варваров... Энгельс прибавляет (84 с. 3-го изд. русского перевода): "... но не будем забывать, что эта цивилизация обречена на погибель. Она не выходила за границы племени; союз племен уже означал начало ее гибели... Что было вне племени, то было и вне права. Что не было определенностью мирного

[33] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 109.

[34] Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1933. С. 78.

[35] Ковалевский М. Предисловие // Морган Л. Г. Первобытное общество... СПб., 1900. С. XIII.

[36] Смирнов С. В. Профессор... С. 20.

[37] Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Белох Ю. История Греции // Новое слово. 1897, май. С. 60.

[38] Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Крживицкий Л. Антропология. СПб., 1896 // Новое слово. 1897, апрель. С. 113.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

договора, там царила война племени с племенем, а война велась с жестокостью, которая отличает человека от других животных... Родовое устройство предполагало крайне неразвитое производство, стало быть, крайне малое население на большом пространстве и, следовательно, почти совершенное порабощение человека... враждебною... природою... Насколько люди этой эпохи кажутся нам величественными, настолько же они не отличаются друг от друга...". Уже из этих слов мы видим, что Энгельс иначе оценивал варварскую общественную организацию: он смотрел на нее не с точки зрения нравственности, а с точки зрения развития производства, а если он находил в ней хорошие стороны, то, главным образом, с той точки зрения, насколько эта цивилизация справляется со своими общественными задачами. В этом отношении он ставил варварскую цивилизацию выше цивилизованного классового общества с его порабощением одного класса другим и с его анархией производства. Это совершенно иная точка зрения...».[39] Разумеется, слова о том, будто Энгельс ставил варварскую организацию «выше» цивилизованного общества, не точны. Но верно принципиальное неприятие тезы о целительности возвращения исторического развития «к старине».

Следует специально сказать о том, что защита основных положений книги Ф. Энгельса осуществлялась Кудрявским в то время, когда Главное управление по делам печати на основании запросов «разных административных мест и лиц» представило Петербургскому цензурному комитету Список изданных в 1894–1896 гг. сочинений для выяснения, какие из перечисленных в списке изданий «не должны быть допускаемы в публичных библиотеках и общественных читальнях», причем список открывался именно книгой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». С 1897 г. переиздание этой книги было запрещено: власти сочли, что широкое распространение ее «может привести к укреплению в среде молодежи, столь падкой к восприятию всякой без разбора новой теории... превратных воззрений на социальный строй общества».[40]

Однако Кудрявский не упускал случая пропагандировать книгу Ф. Энгельса, отстаивать и применять в практической критике ее основные положения. Это подтверждает и разбор Кудрявским книги Ю. Липперта «История семьи». По мнению Кудрявского, Липперт обращает в ней «слишком мало внимания» на экономические предпосылки эволюции семьи. «Он ограничивается тем, — отмечал Кудрявский, — что иллюстрирует свои положения о развитии семьи указаниями на обычаи народов, стоящих на низших стадиях культуры, и на сохранившиеся в обычаях исторических народов прежитки простых форм семейной организации».[41] Это сказалось в игнорировании Липпертом того, что «первоначальная семья по существу своему является группой, имеющей целью вовсе не специально поддержание рода, а группой, совместно добывающей себе тем или иным способом средства к жизни... Липперт, — заключал Кудрявский, — не делает тех весьма важных выводов из системы родства, которые сделал Морган». Отчасти, по мнению Кудрявского, это объясняется тем, что речь идет о книжке, вышедший в свет на языке оригинала еще в 1884 г., «а в 14 лет немало было сделано по истории семьи». Несколькими абзацами ниже следовало разъяснение, что в первую очередь речь идет о книге Ф. Энгельса и о сочинении М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». «Устаревшая» книга Липперта стала поводом для разъяснения русскому читателю тех истин науч-

[39] Там же.

[40] Цит. по: Шлюбский А. Книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и царская цензура. С. 232.

[41] Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Липперт Ю. История семьи. С. 67.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ного коммунизма, что «экономическое толкование (исторических. — *Ю. М.*) фактов — единственно возможное», что «семейная организация родилась на основе экономической» и что «изменения систем родства совершаются параллельно с изменением экономических условий жизни народов».[42]

Наглядное представление о последовательности, с которой Кудрявский защищал в легальной печати историческую концепцию К. Маркса и Ф. Энгельса, дает также его рецензия на издание лекций Н. Харузина по этнографии. Возражая утверждению Харузина, будто Старке, Гроссе и Гильдебранда следует считать «представителями экономического материализма, примененного к этнографии», Кудрявский писал: «Это, несомненно, крупное недоразумение. Как известно, представители так называемого экономического материализма выразили довольно определенно свое отношение к вопросу о развитии семьи и в лице Энгельса примкнули к тому направлению, основателем которого является Морган. Может быть, автор как-нибудь иначе понимает теорию экономического материализма; но во всяком случае, следовало разъяснить недоумение, которое должно возникнуть у всякого читателя, соединяющего с экономическим материализмом имена Маркса и Энгельса. По-видимому, автор действительно несколько своеобразно понимал эту теорию; по крайней мере на стр. 60-й, в связи с именем Старке и "других представителей экономической теории" упоминается об "экономическом факторе — недостатке женщин". Конечно, если так понимать экономический фактор, то многих еще и других исследователей можно отнести к последователям "экономической теории". Для нас же важнее всего, однако, то, что Старке, например, является одним из самых резких противников Моргана, к которому примкнул Энгельс; и едва ли можно сомневаться в том, что Старке сам стал бы самым энергичным образом протестовать против причисления его к "экономическим материалистам"».[43]

По поводу этой, вынужденно пространственной цитаты следует указать на дважды повторенное Кудрявским замечание о том, будто Энгельс «примкнул» к Моргану. Энгельс надеялся, что «читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану»,[44] а что сделал он. Кудрявский этого ожидания, по-видимому, не оправдал. Для него осталось сокрытым, что Морган лишь инстинктивно осваивал материалистическую диалектику, а потому Энгельсу пришлось истолковывать Моргана «критически».[45]

Чтобы оценить последовательные выступления Кудрявского в защиту и с пропагандой важнейших положений «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, следует иметь в виду не только то, что они осуществлялись вопреки цензурному запрету, но и то, что это сочинение встретило скептическое, на грани враждебного, отношение со стороны и реакционеров, и публицистов-либералов, и «аполитичных» специалистов-этнографов.[46]

Вслед за этим подчеркнем, что Кудрявскому принадлежит и заслуга популяризации ряда важнейших принципов научной методологии истории. Он выступил против «биологизации» обществоведческих исследований. В его рецензии на книгу Л. Уорда «Очерки социологии» (1901) говорилось о новомодных течениях буржуазной социологии. Кудрявский писал: «...на социологов

[42] Там же. С. 68, 70–93.

[43] Кудрявский Д.Н. [Рец. на:] Харузин Н. Этнография. Вып. 2. Семья и род. СПб., 1893. С. 340 // Мир божий. 1903, ноябрь. С. 93.

[44] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 25.

[45] Энгельс Ф. — Каутскому К. 24 апреля 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 123–124.

[46] Зеленин Д.К. Русская дореволюционная литература... С. 919.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

оказало огромное влияние естествознание и математика — вот настоящие науки, открывающие законы. И всякая наука, желающая быть достойной этого названия, должна взять в образец естествознание. ... Вместо того, чтобы исследовать организацию и природу человеческого общества, социологи занялись построением особой науки социологии по принципам естествознания и много трудов и остроумия потратили на то, чтобы уподобить ее, хотя бы по внешности, какой-либо из естественных наук. В обществе та же эволюция, что и в растительном, и в животном царстве; общество — не что иное, как организм; в мире животных (у пчел, муравьев и т. д.) мы наблюдаем те же социальные явления и т. д., и т. п.».[47]

Решительно выступая против «зоосоциологии», Кудрявский писал о теоретиках, подобных Л. Уорду: «Вместо того, чтобы исследовать структуру человеческого общества, социологи пишут о муравьях, пчелах, сельдях и других животных и уверены, что эти исследования составляют вклад в социологию. Это было бы совершенно справедливо, если бы при этом имелась в виду социология муравьев, пчел и других животных. Но социология человека тут ни при чем».[48]

Против биологизации социальной истории Кудрявский выступал и в своей критике Э. Ренана. Вопрос о происхождении языка, предостерегал он, «разрешается для Ренана очень просто: язык возник вместе с человеком, и человек немыслим без языка, как соловей немыслим без своей песни. В сущности, такое воззрение... прямо уничтожает все значение эволюционной теории, так как уже в самой стадии предполагается то, что нужно вывести эволюционным путем; а в таком случае эта теория превращается в простой фокус. Однако спасают эту теорию при помощи другой теории, теории органического развития, по аналогии с растениями и животными... То затруднение, которое, по-видимому, заставляет Ренана предполагать возникновение языка сразу, вместе с человеком, в сущности не существует». Кудрявский заканчивал свою критику афористически выразительно. Он пишет: «Говорить о возникновении чего-то нового — не значит еще предполагать возникновения этого нового из ничего».[49]

К проблеме научного содержания социологии Кудрявский обращался и в связи с критикой книги Н. Харузина «Этнография». Подход Харузина, в силу которого социология призвана пользоваться данными всех наук о человеке «как члене группы», он называл ложным и отсылал читателя к своей рецензии на книгу Л. Уорда «Очерки социологии», где это «недоразумение» подробно разбиралось. Кудрявский привлекал внимание читателя к методологическим изъянам работы Харузина, в частности — к недостаткам использования им «историко-сравнительного» метода. Харузин писал, например: «Исходя из общего положения, что более простые и менее сложные явления должны предшествовать более комплицированным, и располагая явления в этом порядке, исследователь получает определенную цепь форм, из которых каждая будет соответствовать определенной, установленной ступени развития». Это утверждение было подвергнуто Кудрявским бескомпромиссной критике. Он отметил, что в этом построении сказалась «биологизация» воззрений на общественную жизнь: твердая уверенность, будто это «основное положение» должно быть справедливым, базировалась на том основании, что оно «доказано для естествознания». Между тем, писал Кудрявский, оно неприложимо к истории семьи: «семья, в смысле союза родителей и детей, есть

[47] Кудрявский Д.Н. [Рец. на:] Уорд Л. Очерки социологии / Пер. с англ. Е. И. Бошняк. М., 1901 // Мир божий. 1901, сентябрь. С. 103–104.

[48] Там же.

[49] Кудрявский Д.К. [Рец. на:] Эрнст Ренан. С. 82–83.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

явление сравнительно новое, которому предшествуют родовые организации, более сложные, чем позднейшая парная семья».[50] И в этой своей критике Кудрявский опирался на Ф. Энгельса. В известном примечании к третьему, 1893 г., изданию «Капитала» Ф. Энгельс писал, что «многоразличные формы семьи развились лишь впоследствии из начинающего распада родовых отношений».[51]

Поборник научной методологии, Кудрявский постоянно выступал за полноту и разносторонность привлечения всех доступных видов источников для исторического анализа. Яркое свидетельство тому — разбор книги И.Тейлора «Происхождение арийцев и доисторический человек». «Если, — отмечал Кудрявский, — мы находим в Европе множество различных черепов, которые можно разделить в общем на длинноголовых и короткоголовых, то довольно трудно доказать, что именно данный вид черепов принадлежит первобытным индоевропейцам. Археология в данном случае основывается на данных сравнительного языкознания, а сравнительное языкознание не может обойтись без данных археологии в суждении о культуре первобытных индоевропейцев. Так как археология и языкознание дают далеко не достаточный материал, то, конечно, и выводы получаются довольно шаткие».[52]

Вновь и вновь настаивает Кудрявский на материалистическом истолковании исторического развития. Он пишет по поводу книги Ф. Ратцеля «Народоведение» (1901): «Мы можем согласиться с Ратцелем, что "материальное достояние" лежит в основе культуры, а потому не можем согласиться с его определением культуры как суммы только духовных потребностей». Ратцель подвергся резкой критике и по поводу «злоупотребления» им термином «капитал». По мнению Кудрявского, этого понятия «вообще следует избегать, говоря о народах низшей культуры». Для Кудрявского неприемлемы и замечания Ратцеля о «накоплении капитала» в Мексике и Перу, и утверждение, будто «в собственности» земледельца «помещен капитал рабочих».[53]

Кудрявский не всегда был последователен в защите понятийного аппарата марксизма. Так, он не возражал против интерпретации Э. Мейером древнеримского общества как буржуазного. «Капиталистический строй хозяйства, — писал Кудрявский, — вот что ищет Мейер в Древней Элладе. Строй этот обусловливался развитием широкого торгового оборота».[54]

Обратимся к еще одной грани научно-публицистического творчества Кудрявского, непосредственно связанной с пропагандой марксизма. Убежденный интернационалист,[55] Кудрявский выступил против распространявшихся субъективистских оценок «духа» различных народов, нередко служивших проповеди национализма и шовинизма. Содержащиеся в книге Ф. Ратцеля обвинения некоторых народов в «распущенности», «лености», «изнеженности» воспринимались Кудрявским как «нежелание или неспособность дать более правильную оценку явлений, понять их и объяснить».[56] Так, Ратцель

---

[50] Кудрявский Д.К. [Рец. на:] Харузин Н.Н. Этнография. Вып. 1–2. М., 1902–1903 // Мир божий. 1902. № 4. С. 108.

[51] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 364.

[52] Кудрявский Д.К. [Рец. на:] Тейлор И. Происхождение арийцев и доисторический человек. Исследования по исторической этнологии и цивилизации в Европе. М., 1897 // Новое слово. 1897, октябрь. С. 94.

[53] Кудрявский Д.К. [Рец. на:] Ратцель Ф. Народоведение. Вып. 1–13. СПб., 1896–1897 // Мир божий. 1901, апрель. С. 97.

[54] Кудрявский Д.К. [Рец. на:] Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. С. 65.

[55] См.: Любарский А. Тартуский ученый — исследователь культуры индийского народа // Советская Эстония. 1955. 4 июля.

[56] Кудрявский Д.Н. [Рец. на:] Ратцель Ф. Народоведение. С. 98.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

считает, что «сильный народ твердо держится закона, а слабый склоняется к распущенности (Спарта — Афины)». «Но в развитии культуры, — пишет Кудрявский, — Спарта ("сильный народ") не дала почти ничего, а Афины, народ "слабый" и распущенный, по мнению Ратцеля, имеет громадное всемирно-историческое значение».[57] В этом духе Кудрявский отмечал, что суждения книги Ал. Харузина «Босния-Герцеговина» «окрашены резко славянофильским цветом»: это проявилось в том, что Харузин «симпатизирует славянам, но не всем, а только православным. Насколько сильна его симпатия к православным славянам, настолько же решительна его антипатия к славянам-католикам».[58]

Сила общественно-научных позиций Кудрявского состояла в их подчиненности задачам освободительной борьбы. Он осуждает попытку В. Штальберга в книге «Гуманность в истории человечества» восхвалить «современный организованный социальный труд, каковой, к тому же, представляют не рабочие, а предприниматели». «Личные силы нашли себе полный простор, — утверждает Штальберг, — а потому промышленность и торговля, горное дело и земледелие совершенно изменили свои формы и способы производства. Свобода переселения, а также индустриальная и торговая свобода повели к образованию и росту различных обществ и товариществ, произошло слияние сословий, державшихся до тех пор обособленно». Эти представления о «всестороннем» будто бы «развитии человеческой личности в буржуазном обществе» вызвали саркастическую иронию Кудрявского. Он высмеял и надежды Штальберга на то, будто современное Германское государство «сумеет помешать развитию пролетариата и подарить среднему сословию новую опору». В этом, замечает Кудрявский, Штальберг, очевидно, «видит высшее осуществление идеи гуманности». Коренной порок этого автора, показывает Кудрявский, — в неспособности разглядеть «исторические силы», которые «парализуют» развитие подлинной культуры при капитализме.[59]

Изучение наследия Кудрявского далеко еще не закончено. Может быть, именно поэтому его имя даже не упомянуто в обобщающей монографии об истории публикации и изучения наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в СССР.

---

[57] Там же.

[58] Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Харузин А. Н. Босния-Герцеговина: Очерк оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901 // Мир божий. 1902. № 9. С. 81.

[59] Кудрявский Д. Н. [Рец. на:] Штальберг В. Гуманность в истории человечества / Пер. с нем. Н. Леонтьевой. СПб., 1897 // Новое слово. 1897, август. С. 58–60.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ХОДСКИЙ

Профессор Петербургского университета экономист и статистик Л. В. Ходский был заметной фигурой в научной и общественно-политической жизни России конца XIX — первых десятилетий XX в. Он преподавал также в Лесном институте и несколько лет — в Психоневрологическом институте, был автором популярных и неоднократно переиздававшихся учебников, редактором-издателем журнала и нескольких газет, в том числе одной из самых известных в годы Первой российской революции — «Нашей жизни», возглавлял отделение Вольного экономического общества. Свидетельством того, как оценивали Ходского его современники, является, например, присутствие его автографа в собрании автографов известных политиков и деятелей культуры, изданном в 1907 г. в пользу голодающих.[1]

Между тем имя Ходского практически отсутствует на страницах научной литературы, не упомянуто оно, в том числе и в «Истории Ленинградского университета».[2] В монографии по истории Лесного института имя Ходского встречается дважды (как профессора политической экономии и статистики и в связи с приобретением книг из его библиотеки), однако оно отсутствует в разделе, специально посвященном общественно-политической и просветительской деятельности ученых Лесного института в 1830–1917 гг.[3]

Упоминания о Ходском в работах по истории журналистики сопровождаются самыми краткими и поверхностными характеристиками. Так, С. В. Смирнов в книге о русской печати периода революции 1905–1907 гг. называет Ходского «либерально-благонамеренным профессором».[4] Мы покажем далее, насколько это согласуется с реальным положением, в частности с наличием в архивах нескольких специальных дел, посвященных политической неблагонадежности Ходского, и отказам на этом основании в назначении его профессором и в издании им газет и журналов.

Подобному обстоятельству можно найти объяснение в специфике историографической ситуации, существовавшей в отечественной науке советского периода. Известно, что изучение общественного движения в большой мере ограничивалось его радикальным, революционным флангом, а со времени начала революционной деятельности В. И. Ленина — социал-демократией большевистского толка. Если мы обратимся к работам по истории высшей школы, то в них, когда говорят об общественной жизни, как правило, подробно описывают деятельность революционных кружков в высших учебных заведениях. Сведения о настроениях и деятельности университетской профессуры, в большинстве своем либеральной, практически отсутствуют. Это — существовавшие в годы застоя частично уже по инерции отголоски классовых битв 20–30-х годов, когда либеральная профессура рассматривалась как одно из главных препятствий на пути строительства советской высшей школы. В последние годы появились фундаментальные работы, где облик и политические ориентации дореволюционной профессуры в целом характеризуются

© О. Н. Ансберг, 2000.

[1] Собрание автографов и факсимиле ученых, художников, композиторов, общественных и политических деятелей, артистов и писателей (Изд. М. М. Зензинова). М., 1907. С. 29.

[2] История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки. Л., 1969.

[3] Крупнейший лесной вуз СССР. М.; Л., 1967. С. 31, 235.

[4] Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 48.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

объективно и непредвзято,[5] однако существующие историографические лакуны, связанные с конкретными деятелями дореволюционной науки и высшей школы, только начинают заполняться.

Теми же обстоятельствами обусловлена слабая изученность истории экономической мысли интересующего нас периода. Все богатство реальной научной жизни длительное время сводилось к борьбе народничества и марксизма и полной якобы победе последнего. Поэтому до сих пор научная история экономических направлений и школ конца XIX — начала XX в. отсутствует, а имеющиеся работы содержат зачастую произвольные и противоречивые оценки наследия российских экономистов. Так, в монографии по истории экономической мысли единственное упоминание о Ходском, ярком представителе народнического направления в экономике, находится в разделе под названием «Буржуазные апологеты монополий в России».[6] В многотомной «Истории русской экономической мысли» справедливо указывается, что Ходский принадлежал к числу критиков монополий, отмечается использование им идей народничества.[7] Наиболее точная характеристика взглядов ученого была дана А. И. Буковецким в его книге «Введение в финансовую науку», где он писал о влиянии на Ходского народничества 70–80-х годов и А. Вагнера, т. е. немецкого катедер-социализма[8] (в несколько более развернутом виде она будет повторена в посмертно опубликованной работе Буковецкого 1960-х годов[9]). Но поскольку Буковецкий подвергался в сталинское время репрессиям, то и книга его была надолго изъята из научного обихода.[10] Известно, правда, что еще в 1960-е годы экономические взгляды Ходского стали предметом специального анализа в статье Е. Р. Ольховского, однако статья эта была не опубликована и недоступна для исследователей. Можно также отметить характеристику работ Ходского в книге по истории статистики в Петербургском университете[11] и высокую оценку его вклада в изучение русского крестьянства.[12] Авторы работ по истории финансовой мысли неизменно с похвалой упоминают учебник Ходского по финансовому праву.[13]

Дополнительную путаницу в вопрос о научных и политических взглядах Ходского внес тот факт, что он был походя упомянут в одной из листовок, написанных В. И. Лениным в 1906 г. (буквально: «Буржуазные демократы, например, Ходский в "Народном хозяйстве" ...»[14]). С одной стороны, благодаря этому упоминанию краткие справки о Ходском, хотя и с фактическими ошибками, присутствуют в советских энциклопедиях. С другой же стороны, ориентация на слово «буржуазный» мешала оценке его взглядов как народнических.

---

[5] Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991.

[6] История экономической мысли. Ч. 3. М., 1970. С. 49.

[7] История русской экономической мысли. Т. III, ч. 1. М., 1966. С. 142, 152.

[8] Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 244.

[9] Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX—первой четверти XX века // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1993. Вып. 1 / Подг. текста Л. Д. Широкорада. С. 108.

[10] См.: Широкорад Л. Д. А. И. Буковецкий и развитие финансовой науки в Петербурге — Ленинграде. СПб., 1993.

[11] История преподавания и развития статистики в Петербургском–Ленинградском университете (1819–1971 гг.) / Под ред. И. В. Сиповской, И. П. Суслова. Л., 1972.

[12] История северного крестьянства. Т. 2 Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С. 29.

[13] См., напр.: Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов: Учеб. пособие. М., 1996.

[14] Ленин В. И. Бойкотировать ли Государственную думу? Платформа «большинства» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 159.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Настоящая статья, таким образом, является первой попыткой дать очерк жизни и трудов этого крупного деятеля науки, высшей школы и журналистики.[15]

Леонид Владимирович Ходский родился 17 января 1854 г. в семье провинциального чиновника. Его отец Владимир Маркович Ходский (согласно сохранившемуся формулярному списку 1851 г.[16]) родился в 1814 г. в семье протоиерея, учился в курской гимназии, но не окончил ее и в 1830 г., т. е. в 16 лет, поступил на службу. К 1846 г. он дослужился до коллежского асессора и был губернским секретарем. В 1849 г. перевелся в Воронежскую палату государственных имуществ и служил в уездном городе Бирюч помощником окружного начальника, а позднее — окружным начальником в чине титулярного советника.[17] По сведениям на 1851 г., В. М. Ходский был женат на Марии Михайловой и имел сына Николая, родившегося в 1848 г.

Видимо, потеряв родителей (или только отца), Л. В. Ходский воспитывался в Гатчинском Николаевском сиротском институте, а затем окончил Горный институт (в 1872 г.). В 1876/77 учебном году Ходский был преподавателем русского языка и естественной истории в уездном училище в г. Нарве. Чем он занимался и на какие средства жил с 1872 по 1876 г., сказать трудно.

В архиве Н. К. Михайловского сохранились два письма, которые молодой Ходский написал ему в 1875 г.[18] Из них можно получить представление как о материальных обстоятельствах жизни Ходского в этот период (весьма стесненных), так и о круге его занятий и интересов.

Обращаясь к Михайловскому с просьбой «относительно приискания работы», Ходский говорит о себе как о человеке, находящемся «в положении "предлагающего" свой труд при недостаточности "спроса" на него». Он пишет: «Я знаю довольно порядочно французский, немецкий и английский языки; а так как беганье по урокам, независимо от скудного вознаграждения, отнимает пропасть времени, которое можно было бы употребить с пользою на самообразование, — в этом смысле совершенно непроизводительно, то я весьма охотно занялся бы переводами, в особенности если еще эти переводы будут касаться интересующих меня вопросов».

Другая просьба касалась списка литературы для самообразования, чтобы «систематическим образом основательно ознакомиться с общественными науками». Мировоззрение молодого человека, очевидно, в каких-то основных вопросах уже сформировалось: к Михайловскому за советом он обращался, поскольку видел в его статьях «тяготение ... убеждений к школе социалистов».

Неизвестно, помог ли Михайловский в поисках работы, но вторую просьбу он, во всяком случае, выполнил. Об этом свидетельствует второе письмо, где Ходский упоминает рекомендованные ему сочинения Егера и Мейера.

Молодой Ходский предстает в этих письмах настоящим «семидесятником» — социалистом и «народником», в том смысле, что целью будущей деятельности готов ставить не личное благо, а благо трудящихся масс. «...Я имею довольно твердое убеждение, — пишет он, — что в настоящее время в

---

[15] Сокращенный вариант статьи был опубликован в сборнике «История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге» (СПб., 1997). Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность одному из составителей сборника — А. Л. Дмитриеву, который прочел рукопись статьи и высказал ряд ценных замечаний и советов.

[16] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5655. Л. 184–190.

[17] Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856.

[18] РО ИРЛИ. Ф. 181. Н. К. Михайловский. Оп. 1. Д. 744. Л. 1–2; Д. 738. Л. 1–4.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

образе чиновника, инженера, механика и т. п. невозможно служить идее прогресса. Девятнадцатый век выставил с такой очевидностью некоторые условия прогресса, что невольно приходится задуматься, прежде чем избрать себе тот или другой вид деятельности, если желаешь действительно приносить пользу обществу, а не одной только горсточке — счастливому меньшинству. В настоящее время это вопрос жизни всякого живого человека».[19]

С большой симпатией и знанием текстов (во всяком случае «Капитала») пишет Ходский о К. Марксе, оценивая анализ современного общества, сделанный Марксом, как «смертный приговор» существующему порядку вещей и обсуждая возможности применения западноевропейской модели к России.

Симптоматично и следующее высказывание Ходского в конце письма: «Есть люди, которые для переформирования современного капиталистического общества рекомендуют вилы; но хотя я и не принадлежу к числу безусловных противников сильных средств в патологической медицине и поклонников гомеопатии, однако я думаю, что важные вопросы в жизни народов не решаются à la Александр Великий...» (т. е. сплеча. — *О. А.*).

Неизвестно, был ли Л. В. Ходский непосредственно связан с революционным подпольем конца 1870 — начала 1880-х годов. В ответе Департамента полиции на запрос Главного управления по делам печати в декабре 1903 г. указывалось, со ссылкой на сообщение С. П. Дегаева, что магистр политической экономии Л. В. Ходский «в 1882 году принадлежал к тайным студенческим кружкам и находился в сношениях с одним из главных деятелей последних, кандидатом прав Константином Загорским».[20] Народоволец В. И. Сухомлин в своих воспоминаниях также говорит о том, что в кружок входил «Ходский (будущий профессор)».[21] Но сам он при этом работал в Одессе, а сведения о петербургском кружке приводит со ссылкой опять-таки на «оговор Дегаева». Известно, с другой стороны, что брат Л. В. Ходского Ипполит Ходский, в то время студент юридического факультета Петербургского университета (а впоследствии присяжный поверенный в Москве), участвовал в демонстрации на университетском акте 1881 г., за что и был подвергнут по решению суда профессоров аресту на 7 дней.[22] В воспоминаниях членов народовольческого Центрального кружка П. Ф. Булгаревича[23] и К. Я. Загорского[24] среди членов кружка упоминается Ходский, но, к сожалению, без имени. Нельзя исключать, таким образом, что Л. В. Ходского могли просто путать с братом.[25]

Несомненно, тем не менее, что Л. В. Ходский принадлежал к той части демократически ориентированной молодежи, которая являлась питательной средой и поставщиком кадров для профессиональных народнических рево-

---

[19] Писем молодых читателей, во многом напоминающих письма Ходского, в архиве Н. К. Михайловского несколько десятков. Подробнее об этом см.: Ансберг О. Н. Петербургский университет и журнал «Отечественные записки» (1868–1884 гг.) // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 5. Л., 1984. С. 128.

[20] РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1808. Ч. 1. Л. 3.

[21] Сухомлин В. И. Из эпохи упадка партии «Народная воля»//Каторга и ссылка. 1926. № 3(24). С. 83.

[22] Порядок. 1881. 13 февр.

[23] См.: Ткаченко П. С. Из истории «Народной воли» (по неопубликованным воспоминаниям народовольца П. Ф. Булгаревича) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 3. С. 50.

[24] Загорский К. Я. В 1881–1882 гг.: Воспоминания // Каторга и ссылка. 1931. № 3(76). С. 170.

[25] В словаре «Деятели революционного движения в России» (Т. 2. Вып. 4) фигурирует также Ходский Ин. Вл. — гимназист Воронежской гимназии, в 1876–1877 гг. — участник воронежского кружка самообразования. Сокращенное имя указано с вопросом. Возможно, здесь ошибка и имелся в виду Ипполит, а возможно, существовал и еще один брат.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

люционных организаций. Очень любопытно свидетельство народовольца М. А. Тимофеева о собраниях «группы студентов старших курсов и разночинцев» на квартире одного из них. Мемуарист специально подчеркивает,что это были не собрания революционного кружка, а просто встречи, на которых обсуждались литературные новинки, политические новости (в частности, во время Большого процесса здесь бывали подсудимые, отпущенные на поруки), устраивались обсуждения рефератов. Среди участников этих встреч Тимофеев называет «будущих профессоров» Яроцкого[26] и Ходского. Когда было решено проштудировать первый том «Капитала» и Тимофееву поручили подготовить реферат, на его доклад «явились Ходский и Яроцкий, большие специалисты по политической экономии и финансовому праву», и раскритиковали реферат, так что его пришлось снова перерабатывать.[27]

В 1879 г. Ходский сдал экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета и был оставлен на год для приготовления к магистерскому экзамену, с назначением ему Демидовской стипендии. В 1880 г. срок был продлен на год, а в 1881 г. — на третий год, но уже без стипендии. Научным руководителем Ходского был профессор Ю. Э. Янсон.

В 1881 г. Ходский получил должность преподавателя С.-Петербургского коммерческого училища. Работу в училище он не оставлял и будучи профессором в высших учебных заведениях, став со временем крупным специалистом в области коммерческого образования. В частности, в этом качестве он был назначен в 1887 г. членом Ученого комитета при департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов.[28] В 1892 и 1893 гг. Ходский дважды был командирован в Чикаго на Всемирную промышленную выставку для знакомства с постановкой коммерческого образования в США и по возвращении сделал доклад на эту тему, позднее опубликованный.[29] В коммерческом училище он преподавал политическую экономию, коммерческую географию и историю торговли.

Выдержав экзамен в Петербургском университете на степень кандидата наук, Ходский в 1883 г. получил степень магистра политической экономии за диссертацию «Поземельный кредит и отношение его к крестьянскому землевладению». В 1891 г. он защитил диссертацию «Земля и земледелец» и получил за нее степень доктора политической экономии.

Основным научным приоритетом для Ходского-экономиста было изучение проблем деревни, проблем крестьянина-производителя. Работы Ходского 80–90-х годов посвящены вопросам расширения крестьянского землевладения, мелкого поземельного кредита, положению государственных крестьян.[30] Рассматривал он также вопрос о налогообложении, возражая против подушной

[26] Яроцкий В. Г. — экономист, профессор Имп. Александровского лицея, Военно-Юридической академии, Петербургского университета.

[27] Тимофеев М. А. Пережитое: Отрывок из воспоминаний о семидесятых годах // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9(57–58). С. 101.

[28] РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5660.

[29] Доклад д-ра политической экономии Л. В. Ходского // О коммерческом образовании в Северо-Американских Соединенных Штатах и о состоянии коммерческих школ в Англии. СПб., 1896.

[30] Ходский Л. В. 1) Воззрения земств по вопросу о расширении крестьянского землевладения. СПб., 1880; 2) Экономические принципы крестьянской реформы и их возможное развитие // Русская мысль. 1881. № 7; 3) О поземельном кредите // Там же. 1882. № 5–8; 4) Поземельный кредит и отношение его к крестьянскому землевладению. СПб., 1883; 5) По вопросу об удешевлении поземельного кредита // Там же. 1884. № 12; 6) Очерк развития поземельных отношений бывших государственных крестьян // Там же. 1889. № 11–12; 7) Реформа быта крестьян государственных, дворцовых и удельных // История уделов за столетие их существования. Т. 2. Крестьяне дворцовые, государственные и удельные. СПб., 1901. С. 525–581.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

подати и соляного налога с точки зрения интересов крестьян.[31] Труды Ходского дважды стали предметом внимания ведущего народнического журнала «Отечественные записки».[32] Характерно, что в рецензии на книгу Ходского «По поводу вопроса о мелком поземельном кредите» впоследствии видный экономист Н. О. Осипов (псевд. Н. О. Лобачевский) критиковал (за недостаточность) предлагаемые Ходским меры «для расширения крестьянского землевладения, для закрепления за земледельцем орудия его труда, однако высоко оценивал личность и нравственные мотивы оппонента. Он писал: «Г. Ходский — искренний и честный поборник освобождения народа от экономической зависимости. Читая его книгу, нельзя в этом сомневаться ни на одну минуту».[33]

Итогом исследований Ходского по экономике деревни стала опубликованная в 1891 г. книга «Земля и земледелец» (за которую, как уже сказано, ему была присвоена докторская степень). В этой книге Ходский выступает как последовательный защитник сельской общины и крестьянского хозяйства. Обсуждая достоинства и недостатки общинного и личного землевладения, он делает следующий вывод: «...многие темные стороны крестьянской земледельческой культуры, слабая производительность земли, приписываемая нередко господству общины, зависят от других, часто весьма сложных причин. Так, недостаток образования в массе, бедность населения, отсутствие доступного кредита. ростовщичество и кулачество в сельской среде — все это условия, при которых земледельческая культура не может сколько-нибудь быстро идти вперед, какова бы ни была форма землевладения».[34]

Главным злом для земледельца Ходский считал не частную собственность как таковую, а могущее из нее проистечь сильное сосредоточение земельной собственности в руках меньшинства и соответственно обезземеливание большинства сельских производителей. «Частная поземельная собственность, — полагал он, — регулируемая надлежащим образом, уживается не только рядом с общинной собственностью, но, при широком развитии частной собственности на землю, не мешает господствовать и общинному духу при самых разнообразных социально-экономических отношениях и предохраняет население от пролетариата».[35]

Будущим решением аграрного вопроса в мировом масштабе Ходский считал «цивилизованную общину», переходной ступенью к которой в странах Запада должно послужить «развитие частного мелкого землевладения на принципах замкнутой или ограниченной частной поземельной собственности». Что же касается тех стран, которые сохранили общину, то, в соответствии с народнической доктриной, он полагал, что для них необязательно проходить по всем промежуточным ступеням. Ходский писал: «...сила мысли, знания и исторического опыта, воздействуя на сохранившуюся общину... могли бы... привести аграрный строй к более совершенной форме. Уже по одному этому ни в каком случае не следует уничтожать земельную общину там, где она существует, а лучше заботиться о приспособлении ее к условиям современного прогресса».[36]

---

[31] Ходский Л. В. 1) Соляной налог // Вестник Европы. 1893. № 3; 2) О подоходном налоге в России // Труды Вольного экономического общества. 1893. Кн. 5; 3) Возможно ли желать восстановления соляного налога в России? // Там же. 1893. Кн. 3.

[32] Отечественные записки. 1881. № 1. Современное обозрение. С. 85–89; Там же. 1883. № 12. Современное обозрение. С. 169–192.

[33] Лобачевский Н. О. Один из новых наших оптимистов г. Ходский // Отечественные записки. 1883. № 12. Современное обозрение. С. 171.

[34] Ходский Л. В. Земля и земледелец: В 2 т. Т. 1. СПб., 1891. С. 82.

[35] Там же. С. 89.

[36] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С середины 80-х годов начинается преподавательская карьера Ходского в высшей школе — в 1885 г. он стал доцентом кафедры политической экономии и статистики в Лесном институте. До него эту кафедру занимали известные экономисты Ю. Э. Янсон и Н. А. Карышев. Вполне вероятно, что Ю. Э. Янсон и рекомендовал на должность своего ученика. С Лесным институтом Ходский не расставался вплоть до последних лет жизни. Согласно учебному плану он читал студентам-лесоводам на III курсе политическую экономию в связи с финансами и на IV курсе — статистику. При этом специальное внимание обращалось на применение статистики непосредственно к лесному делу, о чем свидетельствуют сохранившиеся учебные пособия.[37]

В 1891 г., после получения докторской степени, Ходский был зачислен приват-доцентом по кафедре политической экономии и статистики юридического факультета Петербургского университета, которой до 1893 г. заведовал Ю. Э. Янсон. При Янсоне, как указывают авторы монографии по истории статистики в Петербургском университете, Ходский читал курс «Народное хозяйство России» (промышленная статистика), программа которого не сохранилась, и вел практические занятия по статистике (необязательные, в 1893 г.). Он принимал участие в двух городских переписях населения столицы, проводившихся Ю. Э. Янсоном. С 1895 г. Ходский стал экстраординарным профессором по кафедре финансового права, а с 1898 — ординарным профессором по той же кафедре. В Университете в основном читал курс финансового права, а в отдельные годы, в связи с болезнью И. И. Кауфмана, занявшего кафедру политической экономии и статистики в 1893 г., читал также лекции по теории статистики (1895, 1912, 1913 и 1914/15 уч. г.).[38]

В 1901 г. Ходский был удостоен чести выступить на торжественном годичном университетском акте с речью, которую он озаглавил «Принципы финансового хозяйства».[39]

По материалам читавшихся им курсов Ходским были подготовлены и изданы учебники, пользовавшиеся большой популярностью и выдержавшие по несколько изданий: «Основания теории и техники статистики» (СПб., 1896; 1907), «Политическая экономия в связи с финансами»[40] (СПб., 1884; 1887; 1899–1900; 1908), «Основы государственного хозяйства: Курс финансовой науки» (СПб., 1894; 1901; 1907; 1913). Современные исследователи характеризуют учебное пособие Ходского по статистике как «весьма удачное по содержанию и краткое по форме». Авторы отмечают также, что в нем впервые в русской статистической литературе нашла отражение теория дисперсии немецкого ученого В. Лексиса.[41] Это свидетельствует о том, что Ходский следил за последними достижениями мировой науки. К сожалению, как уже

---

[37] См.: Ходский Л. В. 1) Записки статистики, составленные по лекциям, читанным в С.-Петербургском лесном институте, 1886–1887. СПб., 1887; 2) К статистике лесов Европейской России. Дополнение к лекциям по статистике, читанным на IV курсе С.-Петербургского лесного института. СПб., 1890 (литограф.); 3) Таблицы, выбранные из курса статистики для пособия на экзамене слушателям IV курса Лесного института. СПб., 1895 (литограф.). С. 104–105.

[38] История преподавания и развития статистики... С. 41–42.

[39] Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета за 1900 г. С прилож. речи орд. проф. Л. В. Ходского. СПб., 1901.

[40] Добиваясь разрешения на издание газеты, Ходский в своем прошении, в частности, указал, что его курс политической экономии был рекомендован Н. Х. Бунге «как пособие для изучения политической экономии его императорским высочеством государем наследником цесаревичем, ныне благополучно царствующим государем императором» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1808. Л. 8).

[41] История преподавания и развития статистики... С. 42.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

отмечалось, оценки вклада Ходского в преподавание других дисциплин отсутствуют. Не удалось разыскать и воспоминаний о Ходском-лекторе.[42]

В 1899 г. Ходский получил предупреждение об увольнении в случае продолжения преподавания «в противоправительственном духе».[43] Вероятно, это было связано с тем, что его имя фигурировало в известной записке с агентурными сведениями о столичной профессуре,[44] переданной министром внутренних дел новому министру просвещения Н. П. Боголепову в 1899 г. К этому моменту у Ходского была уже вполне определенная репутация критика правительственной политики, связанная прежде всего с его деятельностью в Вольном экономическом обществе.

В члены Вольного экономического общества Ходский вступил еще в 1880 г. и работал в нем довольно активно — он был председателем одного из отделений ВЭО и членом его совета, входил в разное время в состав ревизионной комиссии, библиотечной комиссии, комиссии по крестьянскому вопросу, статистической комиссии, специальных комиссий, как, например, комиссия «для разработки вопроса о страховании посевов от градобития» (1884 г.). Ходский участвовал в составлении «Земского ежегодника» ВЭО за 1878, 1879 и 1980 гг. и редактировал этот сборник за 1884, 1885 и 1886 гг.

Как известно, в 1890-х годах ВЭО было одним из центров, вокруг которого в условиях общественного подъема сосредоточивалась активность оппозиционной интеллигенции. В особенности это касалось возглавлявшегося Ходским III Отделения ВЭО (отделения сельскохозяйственной статистики и политической экономии), а также Комитета грамотности, существовавшего при ВЭО. Как писала современница и активная участница событий Е. Д. Кускова, «доклады... прения, многолюдство собраний ученого Общества — все это указывало на появление новых общественных сил».[45]

В докладе департамента полиции об Императорском ВЭО, в частности, говорилось: «Наряду с Комитетом грамотности, а в особенности после его закрытия (передачи его в 1895 г. в Министерство народного просвещения. — *О. А.),* ВЭО, главным образом III его Отделение, значительно изменило прежний характер и направление его деятельности в смысле отступления от главных задач, поставленных ему уставом, и избрания предметов его занятий, преимущественно вопросов внутренней государственной жизни, не имеющих никакого отношения или имеющих мало общего с намеченной уставом целью усовершенствования в России сельского хозяйства и находящихся с ним в ближайшем соотношении отраслей промышленности... За последнее время были рассмотрены вопросы: о нормальном типе народной школы, о господствующей налоговой системе в России, о нормальной компетенции Министерства финансов, о синдикатах, регулирующих производство, и тому подобных предметах, не входящих в круг ведения ВЭО. При этом все эти вопросы обсуждались не с точки зрения интересов народного хозяйства и земледельческого населения, а сводились к публичному обвинению правительства в том, что, ассигнуя десятки и сотни миллионов на "армию, жандарме-

[42] У А. А. Блока есть шуточное стихотворение о Ходском (в студенческие годы поэт слушал его лекции), написанное совместно с матерью (Блок А. А. Соч.: В 8 т. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 555), однако в чем смысл шутки, понять трудно, авторы комментариев также этого не разъясняют.

[43] ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга). Ф. 1391. Оп. 1. Д. 8732.

[44] РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 5–6.

[45] Кускова Е. Д. Роль Императорского Вольного Экономического Общества в общественной жизни за последние 25 лет // Вестник сельского хозяйства. 1915. № 51–52. С. 14.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

рию и тюрьмы", оно дает лишь гроши на народное образование и стремится восстановить крепостное право».[46]

Именно в стенах III Отделения ВЭО происходили знаменитые дискуссии между народниками и марксистами. На доклады собирались, в обход устава, сотни слушателей, в том числе курсистки и студенты, которые бурно реагировали, аплодировали и, по выражению из докладной записки департамента полиции, «производили демонстрации». В частности, такого рода демонстрация имела место на докладе Ходского о Нижегородском торгово-промышленном съезде.

В упоминавшейся уже записке министра внутренних дел (1899 г.) о Ходском говорилось, что он выступает в ВЭО «с речами возбудительного характера, подвергая резкой критике деятельность правительства», допускает самые бесцеремонные нападки на правительство, обвиняя его «в недостаточности отпускаемых средств на народное образование, в стремлении восстановить крепостное право, в составлении фальшивых бюджетов и подкупе иностранной печати, в непроизводительной трате накопившихся запасов золота на какие-то фантастические реформы...».[47]

В начале марта 1897 г. III Отделение ВЭО посвятило два заседания обсуждению нашумевшей в свое время книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» под редакцией А.И.Чупрова и А.С.Посникова.[48] Ходский был одним из активных критиков книги. В научном отношении предмет спора сводился к тому, что авторы книги доказывали благотворность для землевладельцев, в том числе и мелких (т. е. крестьян), низких цен на хлеб, связанных с мировым аграрным кризисом, а Ходский с этим не соглашался. Но показательно, что самая резкая и эмоциональная полемика возникла из-за обвинений авторов книги в том, что они не были научно объективны, а делали выводы в пользу правительственного учреждения (департамента торговли и мануфактур Министерства финансов), на средства которого проводилось исследование и публиковалась книга. Чупров с негодованием отрицал подобную возможность. Ходский же, не подвергая сомнению личную добросовестность авторов и не приписывая им намеренной тенденциозности, утверждал тем не менее, что они стали «невольными орудиями для поддержки некоторых односторонних взглядов в финансовых сферах и... явившись на помощь администрации ... слишком поторопились утилизовать результаты своей работы и не удержались на высоте научной осторожности». Можно было, считал Ходский, провести статистическое исследование с правительственной помощью. Но проводить его следовало «под знаменем» незаинтересованной научной организации (например, статистического отделения Московского юридического общества), обеспечив публичное обсуждение предварительных результатов работы.[49]

Как известно, по отношению к ВЭО были приняты жесткие меры, фактически прекратившие его деятельность в прежнем объеме.[50] Ходский посте-

---

[46] Освобождение: [Сб.]. Кн. 1. Штутгарт, 1903. С. 58–65.

[47] Цит. по: Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 245–246.

[48] См.: Русские ведомости. 1897. 8, 9 марта; Новости и Биржевая газета. 1897. 3, 4 марта.

[49] Чупров А.И. Ответ на критику // Русское богатство. 1897. №4. Отд. 2; Ходский Л.В. По поводу книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» (С прилож. ответа проф. А.И.Чупрову). СПб., 1897. — Кстати говоря, по поводу резких слов Чупрова в свой адрес Ходский напоминает о поздравительной телеграмме, которую Чупров прислал по случаю докторского диспута Ходского, назвав, в частности, диссертацию «превосходной» (с. 57).

[50] См.: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765–1917:

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

пенно от активной деятельности в ВЭО отошел, и начиная с 1913 г. его имя отсутствует в списке членов общества.

В 1900 г. Ходский начал издавать журнал «Народное хозяйство» («научно-общественный журнал без предварительной цензуры, посвященный экономическим и финансовым вопросам, земскому и городскому самоуправлению»). Журнал выходил с 1900 по 1905 г. ежемесячно (с перерывом на два летних месяца), а затем — раз в два месяца, тиражом 800 экз. Разрешение на издание журнала (как впоследствии и на издание газеты) было получено с большим трудом, ввиду явно оппозиционной деятельности Ходского в ВЭО и направленности его университетских лекций.[51] В цензурном деле журнала есть также сведения о запрещении выпуска в свет его книжек с рецензией на сочинения К. Маркса и о безуспешных попытках опубликовать статьи о расколе проживавшего тогда за границей «нелегального» В. Д. Бонч-Бруевича.[52]

Наряду с общим руководством Ходский возглавлял основной отдел журнала — научный отдел по политической экономии и финансам. Большую помощь в издании журнала оказывала ему жена Ольга Артуровна Ходская (умерла 25 декабря 1903 г.). Как говорилось в некрологе, подписанном группой сотрудников, она «принимала самое деятельное участие во всех моментах сложного дела ведения журнала, начиная с предварительного просмотра рукописей, их редакционных поправок, переписки с сотрудниками и самостоятельного составления библиографических указателей и кончая работой корректора и наблюдения за конторскими делами».[53]

Ходский опубликовал в «Народном хозяйстве» около десяти своих статей по вопросам, касающимся государственного бюджета, налоговой и таможенной политики, винной монополии и др. Для истории университетского образования в России представляет интерес, в частности, статья «Экономическая сторона университетского вопроса». В ней Ходский предлагал для улучшения материального положения студентов создать ссудный студенческий банк, капитал которого образовался бы за счет государственных средств, выделяемых для вспомоществования студентам, частных пожервований и выпуска облигаций. Выдаваемый кредит в сумме 2–2,5 тыс. руб. (из расчета 500 р. на год обучения) должен был погашаться в течение 10–15 лет. Предполагались также ссуды для желающих подготовиться к получению ученой степени, причем если диссертационное сочинение было представлено и успешно защищено, ссуда не возвращалась, а засчитывалась как оплата научной деятельности соискателя в период ее подготовки.[54]

Направление журнала характеризовалось в составленной цензурным комитетом справке следующим образом: «Журнал... интересуется исключительно народной экономической жизнью, а посему и всеми предпринимаемыми в этой области правительственными мерами. Из числа последних "Народное хозяйство" уделяет особое внимание мероприятиям Министерства финансов за последние годы, подвергая их суровой критике. Статьи подобного содержания всегда являются центральными в книжках журнала, который вообще и всем прочим своим материалом стремится осветить и наиболее ярко

Историко-экономический очерк. М., 1963; Булдаков В. П. «Легальный марксизм» и Вольное экономическое общество// Проблемы отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. С. 250–258; Шацилло К. Л. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 48–50.

[51] РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2.

[52] Там же. Д. 4.

[53] Народное хозяйство. 1904. Кн. 1. С. 239.

[54] Там же. 1901. Кн. 7. С. 18–23.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

выставить самые печальные и безотрадные стороны экономического положения русского народа».[55]

Прибыли «Народное хозяйство» не приносило. Ходский писал впоследствии, что издателю научного журнала «можно быть вполне удовлетворенным, если, при хорошей постановке журнала и достаточной оплате труда сотрудников, журнал будет сводить концы с концами»,[56] фактически же он постоянно покрывал дефицит редакционной кассы из своего профессорского жалованья. Но издание журнала, бесспорно, принесло ему определенную известность и дало опыт и связи, позволившие взяться за более серьезное предприятие — издание большой ежедневной газеты.

Впервые за разрешением на издание газеты Ходский обратился еще в 1902 г., но, как уже говорилось, получил отказ из-за политической неблагонадежности.[57] В 1903 г. он повторно подал прошение, и на этот раз, после длительных хлопот и переговоров, разрешение было получено. Первоначально Ходский планировал начать издание газеты, получившей название «Наша жизнь», с декабря 1904 г. Однако в разгар «либеральной весны» эпохи «доверия», когда общественный подъем стремительно нарастал, потребность в оппозиционной прессе ощущалась все острее и на счету был каждый день. Группа деятелей «Союза Освобождения» во главе с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем обратились к Ходскому с предложением ускорить начало издания газеты, чтобы она вышла накануне намечавшегося земского съезда (6–9 ноября). Необходимые для этого 20 тыс. рублей дал, в качестве ссуды, С. Морозов.[58] «Наша жизнь» вышла в свет 6 ноября 1905 г. и стала, таким образом, первой оппозиционной газетой, заняв место на левом фланге либеральной печати. Современники сравнивали ее появление со «струей свежего воздуха, проникшего через распахнувшееся окно».[59]

Газета пользовалась успехом, и в течение нескольких месяцев число ее подписчиков превысило 50 тыс. (розничная продажа была запрещена почти сразу). Постепенно вокруг «Нашей жизни» сложилась целая система изданий. С марта 1906 г. стала издаваться более дешевая и популярная газета «Товарищ», составлявшаяся из материалов «Нашей жизни». После закрытия «Нашей жизни» в июле 1907 г. «Товарищ» стал ее продолжением (во время приостановки «Нашей жизни» в 1905–1906 гг. вместо нее выходила газета «Народное хозяйство», для чего было использовано имевшееся разрешение на издание одноименного журнала). С 1 января 1909 г. «Товарищ» получил название «Наш век». Популярное издание газеты было возобновлено под названием «Столичная почта» в 1907 г. В качестве приложений к «Нашей жизни», «Товарищу» и «Столичной почте» в разное время издавались «Иллюстрированная и литературная неделя», «Экономический двухнедельник», «Сельскохозяйственное приложение», «Земский двухнедельник», стенографические отчеты заседаний 1-й и 2-й Государственной думы, выпущенные впоследствии отдельной книжкой под названием «Думский сборник». Удалось на некоторое время возобновить и экономический журнал под названием «Познание России».

Начиная с ноября 1905 г. при конторе «Нашей жизни» существовал книжный магазин, комплектовавшийся преимущественно общественно-политической литературой, библиотека, а также издательство, выпустившее с 1905 по

---

[55] Там же. Д. 1808. Ч. 1. Л. 4–4об.

[56] Ходский Л. В. На издание внепартийной газеты... СПб., 1908. С. 3.

[57] РГИА. Ф. 766. Оп. 8. Д. 1808. Ч. 1–3.

[58] Шацилло К. Л. Русский либерализм... С. 292.

[59] Гольштейн М. Л. Печать перед судом: Речи по делам «Руси», «Нашей жизни» и «Сына отечества». СПб., 1906. С. 30.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1911 г. около тридцати книг и брошюр.[60] Однако Ходский в книжном деле «Нашей жизни», возглавлявшемся А. И. Котельниковым, участия практически не принимал.

Редакция «Нашей жизни» стала одним из центров, вокруг которых объединялась оппозиционная интеллигенция Петербурга в период бурных революционных событий. Здесь происходили обсуждения и обмен информацией накануне и в день 9 января, в ночь с 17 на 18 октября читался только что полученный царский манифест, а днем 18 октября собравшиеся наблюдали из редакционного окна за стихийной демонстрацией на Невском и обменивались возбужденными речами в ожидании «еще более грандиозных событий».[61]

Газета «Наша жизнь» и по своему месту в общественной жизни, и по кругу сотрудников, и по тем преследованиям, судебным и внесудебным, которым она подвергалась, стала одним из самых ярких явлений в истории отечественной журналистики и заслуживает, бесспорно, самостоятельного исследования. Нуждается в дополнительном изучении и реальная роль Ходского в деятельности созданного им издательского предприятия. Высказывалось мнение, что Ходский являлся только «формальным редактором», а фактически газету при ее создании возглавили Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович.[62] Однако существуют факты, свидетельствующие против этого. Так, один из сотрудников «Нашей жизни», а до того — «Народного хозяйства», А. М. Рыкачев, близко знавший Ходского и хорошо знакомый с редакционной кухней, в своем дневнике передает следующие слова Кусковой об условиях ее договоренности с Ходским: «Ходский пусть имеет право veto на все статьи, но и кружок имеет право veto».[63]

Сам Ходский чрезвычайно высоко понимал свой долг редактора. А. М. Рыкачев (со слов А. Н. Котельникова, соредактора «Нашей жизни», а ранее — секретаря редакции «Народного хозяйства») рассказывает о споре Кусковой и Котельникова с Ходским. Вопреки предложению вставить в рассылавшееся циркулярно приглашение участвовать в новой газете список ближайших сотрудников, Ходский настаивал, что его имя само «ручается за то, что направление будет прогрессивное», и даже обиделся: «разве одно[го] моего имени не достаточно?».[64] Характерен в связи с обстоятельствами разработки программы газеты и еще один эпизод, описанный А. М. Рыкачевым. Просмотрев подготовленный последним проект программы, Ходский, в частности, возразил против фразы — «мы не ставим своей специальной задачей борьбу со злом, с неправдой». «Ходский не может себе представить своей деятельности иначе, как в виде жестокой борьбы с властями!» — восклицает А. М. Рыкачев.[65]

Уже после выхода из редакции Кусковой с товарищами несколько раз разрабатывались и принимались соглашения о правах и обязанностях редактора-издателя Ходского и ведущих сотрудников — своего рода редакционные «конституции». Отношения в редакции газеты были сложными и далеко не всегда безоблачными. Помимо неоднократно вспыхивавших идейных конфликтов

---

[60] Подробнее об этом см.: Ансберг О. Н. Издательство «Наша жизнь» (1905–1911 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Вып. 4. Л., 1989. С. 49–58.

[61] Шацилло К. Ф. Первый день «свободы» в Петербурге (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 272–275.

[62] Шацилло К. Л. Русский либерализм... С. 292.

[63] Архив РАН. Ф. 837. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

[64] Там же. Л. 2.

[65] Там же. Л. 10.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

имели место и конфликты личностные, не в последнюю очередь, видимо, связанные со сложным характером Ходского, о котором свидетельствуют многие близкие к нему люди. Так, уже упоминавшийся А. Н. Котельников писал в 1899 г. о Ходском в связи с предстоящей совместной работой в журнале: «Характер у него чрезвычайно тяжелый, так что потребуется немало искусства, чтобы ладить с ним. Его жена надеется на мое содействие по части объяснений с публикой и вообще сношений с людьми. У него доброе сердце, но он чрезвычайно неровного характера и настроения».[66]

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Ходский относился к газете как к делу своей жизни, отдавая ей и интеллектуальные способности, и материальные средства, и душевные силы.

Цензурное дело «Нашей жизни» состоит из трех частей и насчитывает сотни страниц. Газета получала предупреждения, несколько раз приостанавливалась и в конце концов была закрыта наряду с несколькими другими за напечатание «финансового манифеста» Совета рабочих депутатов. Ведущие сотрудники газеты, занимая один за другим пост редактора, привлекались к суду за различные цензурные провинности. Как писал А. А. Яблоновский в составленном им «Проекте правил о вознаграждении заключенных редакторов», «уже сейчас под судом и следствием у нас, кроме меня и еще двух-трех товарищей, состоят решительно все крупные сотрудники: Водовозов, Голубев, Португалов, Рыкачев, Жилкин и т. д., и т. д. Следовательно, не будет ничего невероятного, если в один прекрасный день редакцию посадят в острог, а газету будут вести сторожа».[67] Сам Ходский привлекался к судебной ответственности по двум делам, но по одному приговор ограничился штрафом в 500 руб., по второму же (напечатание упоминавшегося манифеста Совета рабочих депутатов) он был приговорен к тюремному заключению сроком на 6 месяцев.[68]

Спад общественной активности после поражения революции 1905–1907 гг. привел к снижению тиража газеты, сказались и постоянные судебные преследования. Это, в свою очередь, вызвало финансовые затруднения. В поисках выхода было создано Культурно-просветительское товарищество издательского дела «Наша жизнь» (устав Товарищества утвержден 10 августа 1907 г.). Предлагалось привлечь средства мелких пайщиков — читателей и единомышленников газеты, распространив 2 500 двухсотрублевых паев,[69] и возобновить издание ежедневной газеты под названием «Наша газета», а также еженедельника «Правда жизни» и журнала «Познание России». Ходский оставался «фактическим распорядителем и редактором» этих изданий, но создавалось и редакционное совещание, куда, кроме него, входило еще трое из ведущих сотрудников газеты.[70] Продажа паев, однако, успеха не имела, и через недолгое время все задуманные издания были ликвидированы. Процесс ликвидации сопровождался конфликтами, взаимными обвинениями, публичным выяснением отношений, так что одно из писем этого периода Ходский подписал так: «Остаюсь с чувством не то погибающего, не то погубленного уже / Злосчастный основатель "Нашей жизни"».[71]

Одновременно с издательской деятельностью Ходский принимает актив-

[66] РО РНБ. Ф. 266. Н. П. Дружинин. Оп. 1. Д. 346. Л. 9об.

[67] ГАРФ (Государственный архив РФ). Ф. 539. В. В. Водовозов. Оп. 2. Д. 60. Л. 11об.

[68] РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 153. Л. 104–104об.

[69] Устав Культурно-просветительского товарищества издательского и печатного дела «Наша жизнь». СПб., 1908. С. 3.

[70] ГАРФ. Ф. 539. В. В. Водовозов. Оп. 2. Д. 60. Л. 4–5.

[71] Там же. Д. 2538. Л. 4.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ное участие в общественной жизни. Он был избран гласным Петербургской городской думы на шестилетие 1904–1910 гг.[72] Этот состав думы был первым, избранным по закону 8 июня 1903 г., расширявшему городское представительство за счет плательщиков квартирного налога, и отличался «интеллигентностью», т. е. значительным числом людей умственного труда. Они составили так называемую новодумскую партию, боровшуюся за использование всех прав городского самоуправления. Ходский, очевидно, примыкал к этой партии, поскольку накануне выборов опубликовал ее программу в журнале «Народное хозяйство».[73]

Ходский принимал участие в различных общественных инициативах деятелей высшей школы — он был участником съезда профессоров в марте 1905 г., подписывал известное «письмо 342-х» и т. д. Во время предвыборной кампании по выборам в 1-ю Государственную думу Ходский был в списке выборщиков от кадетской партии,[74] что соответствует его принципиальной ориентации на создание широкого «левого блока», отстаивавшегося и в газетах «Наша жизнь» и «Товарищ».

В 1905 г. наступило 25-летие службы Ходского по ведомству Министерства народного просвещения, и в соответствии с обычной процедурой попечитель учебного округа представил ходатайство о желательности продолжения службы Ходского в качестве профессора университета «ввиду его ученых заслуг». Однако запрошенный отзыв Министерства внутренних дел оказался неблагоприятным: было сочтено, что содержание помещавшихся в газете «Наша жизнь» статей явно свидетельствует «о противоправном направлении профессора Ходского».[75] Ходскому было запрещено и чтение лекций в Университете на правах приват-доцента, этот запрет был отменен лишь в 1910 г. Лесной же институт не входил в систему Министерства народного просвещения, поэтому Ходский продолжал оставаться его профессором. Несколько лет он читал также лекции в Психоневрологическом институте.

В Большой Советской Энциклопедии и ряде других источников указывается, что Л. В. Ходский после 1917 г. эмигрировал, но это не соответствует действительности. Архивные материалы позволяют проследить послереволюционную судьбу ученого.

Сразу же после Февраля 1917 г., как только был издан циркуляр Министерства народного просвещения, позволявший лицам, уволенным по политическим мотивам, вернуться к преподавательской деятельности, Ходский подал соответствующее ходатайство и был восстановлен в правах ординарного профессора Петроградского университета, а в апреле 1918 г. был утвержден заслуженным профессором. Упразднение юридического факультета в январе 1919 г. и создание факультета общественных наук на первых порах не сопровождалось радикальным пересмотром учебного плана. Ходский продолжал читать курс финансового права («Основы финансовой науки»), а с 1919 г. — еще и дополнительный курс «Бумажные деньги и государственные финансы России». Ходский регулярно посещал заседания Совета юридического факультета, а в конце 1918 г. входил в комиссию для объединения Университета с состоящим при нем Педагогическим институтом.[76]

Активно продолжал работать Ходский и в Лесном институте. Помимо учебной деятельности, он принимал участие в решении административных

[72] Богачев А. Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей. СПб., 1904. С. 236–237.

[73] Народное хозяйство. 1903. № 6. С. 224–227.

[74] Наша жизнь. 1906. 16 марта. Прилож.

[75] РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 153. Л. 102–102об.

[76] ЦГИАСПб. Ф. 7240. Оп.14. Д. 1. Л. 33, 38об; Д. 16. Л. 19, 20; Д. 25. Л. 12.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и хозяйственных вопросов и даже замещал директора института во время его командировки.[77] Интересно отметить, что он был одним из составителей поздравительного адреса от Лесного института к празднованию 100-летия Университета в 1919 г.[78] В 1917–1919 гг. Ходский избирался делегатом от института на Всероссийские съезды лесоводов (был даже избран в Совет Всероссийского союза лесоводов, но впоследствии, ссылаясь на возраст, от фактической работы отказался), на Всероссийский съезд статистиков, конференцию по организации статистических учреждений, был представителем института в Совете по делам статистики при Центральном статистическом управлении.[79]

Когда в начале 1919 г. обсуждался вопрос о реформе технической школы и соответственно о преобразовании учебного плана института, Ходский чрезвычайно энергично отстаивал необходимость расширения курса политической экономии, введения факультативного спецкурса «Развитие экономических учений и социализма в XIX и XX столетиях». В поданной им 13 февраля 1919 г. записке «О политической экономии в составе предлагаемого нового учебного плана» с истинно университетской широтой намечается программа экономического и правового образования, близко напоминающая программы сегодняшних учебных заведений со статусом технических университетов.

Ходский подчеркивал огромное значение, которое приобретают экономические и юридические знания. «При господстве коллегиального начала во всех областях как центрального, так и местного самоуправления, — писал он, — будущим лесоводам... неизбежно придется участвовать в самых разнообразных советах и комиссиях при решении экономических вопросов, соприкасающихся с лесоводством, и иных. Укажу для примера: аграрные отношения, профессиональные союзы и кооперативы, рабочие тарифы, установление пределов для твердых цен, основы бюджетного права и налоговой системы и т. д. Гражданин, избравший Лесной институт для получения высшего образования, вправе требовать, чтобы ему была дана возможность с достаточной глубиной ознакомиться с научным освещением всех таких вопросов и разобраться в таких понятиях, как социализм, коммунизм, социализация, национализация, муниципализация, и т. п.».[80] Эта обширная программа не была реализована в полном объеме, но в учебный план был введен курс социологии, который также было поручено читать Ходскому.

Складывается впечатление, что Ходский готов был участвовать, по его выражению, «в новейшем строительстве общественной жизни» не за страх, а за совесть. Действительно, он был принципиальным сторонником государственного регулирования экономики, ограничения частной собственности в пользу коллективной, защиты интересов трудящихся масс, поэтому экономические преобразования Советской власти (национализация, рабочий контроль, уничтожение помещичьего землевладения и пр.) не должны были вызывать у него возражений. Предвидеть же в первые послереволюционные годы, как далеко уйдет реальная социальная практика от декларируемого «господства коллегиального начала», было, разумеется, сложно.

В конце августа — начале сентября 1919 г. ВЧК произвела массовые аресты среди интеллигенции «околокадетского направления». Эти аресты, по признанию их инициаторов, носили превентивный характер («для предупре-

[77] Там же. Ф. 6397. Оп. 2. Д. 1. Л. 10об.
[78] Там же. Л. 97.
[79] Там же. Д. 1. Л. 15, 71; Д. 16. Л. 51, 98.
[80] Там же. Д. 6. Л. 110.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ждения заговоров» в напряженный момент гражданской войны)[81] и не предполагали конкретных обвинений против конкретных лиц. 6 сентября был арестован и Ходский. Руководство Университета не осталось равнодушным к судьбе своих коллег (всего было арестовано свыше 20 сотрудников Университета, в том числе академик С. Ф. Ольденбург, профессора Б. Н. Розен, О. Д. Добиаш-Рождественская, Д. Д. Гримм, Л. Б. Щерба и др.). Предложение «предпринять шаг общеполитического характера» не получило большинства на экстраординарном заседании Совета, но были предприняты ходатайства через Наркомпрос, а затем отправлена специальная депутация к председателю Совнаркома В. И. Ленину. Члены Совета собрали средства на улучшение питания заключенных, организацию покупок и доставку передач взяли на себя студенты (через столовую комиссию).[82] Обращался с ходатайствами и поручительствами и Лесной институт, где Ходский был на тот момент единственным арестованным сотрудником.[83] Хлопоты увенчались успехом, и большая часть арестованных, среди которых был и Ходский, вскоре были освобождены.

В первой половине октября имя Ходского по-прежнему присутствует в протоколах заседаний Совета Университета и Совета Лесного института, но затем оно исчезает. На заседании Совета Лесного института от 12 декабря 1919 г. было доложено «о кончине проф. Л. В. Ходского, последовавшей 8 декабря от воспаления легких».[84] Возможно, заболевание Ходского было связано с пребыванием в тюрьме. Похороны состоялись 11 декабря в Александро-Невской лавре. Лесной институт, где Ходский последние годы жил в казенной квартире, принял участие в организации похорон. Книги из личной библиотеки Ходского были приобретены библиотекой Лесного института и до сих пор находятся в ее фондах.[85] Судьба архива ученого неизвестна.

Л. В. Ходский прожил жизнь настоящего русского интеллигента — жизнь, полную труда и бескорыстного служения идеалам справедливости и народного блага, как он их понимал. Его имя должно занять достойное место в истории Петербургского университета, с которым он был связан долгие годы.

---

[81] См.: Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому 15 сент. 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47–49.

[82] ЦГИА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 133об — 134об.

[83] Там же. Ф. 6397. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

[84] Там же. Л. 33. — В сборнике «Наука и ее деятели» (1921. № 3. С. 38) ошибочно указано, что он «умер от разрыва сердца в 1920 г.».

[85] Крупнейший лесной вуз СССР. С. 235.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

АКАДЕМИК А. Д. АЛЕКСАНДРОВ — РЕКТОР ЛГУ

Александр Данилович Александров родился в 1912 г. В 1929 г. поступил в ЛГУ.[0] Его научная деятельность началась уже на студенческой скамье, а к концу 30-х годов геометрические исследования А. Д. Александрова приобретают широкую известность. В 1951 г. его книга «Внутренняя геометрия выпуклых поверхностей» (М.; Л., 1948) была удостоена премии имени Лобачевского.[1]

Кроме основных работ, получивших мировое признание, Александрову принадлежат труды по квантовой механике, теории пространства цветов, теории разбиения евклидова пространства, теории меры, общей топологии, теории уравнений в частных производных, основаниям геометрии.[2]

Его философские работы являются значительным вкладом в философию математики и естествознания, а многочисленные публицистические статьи и устные выступления, охватывая широкий круг вопросов жизни, отличаются остротой и подлинной актуальностью. Среди этих работ — статьи «Поэзия науки», «Истина и заблуждение», «Научная установка нравственности».[3] Уместно вспомнить, что, по мнению Александрова, великие преобразователи науки, такие, как Л. Больцман, Ч. Дарвин, Н. Лобачевский и многие другие, от частных наук всегда восходили к обобщениям философского масштаба.[4]

Неотделима от научного, педагогического и философского творчества Александрова и его общественная деятельность. В период острых дискуссий по методологическим вопросам биологии, физики и математики он выступает инициатором философских семинаров в Университете.[5] С 1952 по 1964 г., в расцвете творческих сил, Александров является ректором ЛГУ.[6] Именно в это время происходит становление новых прежде непризнанных направлений науки — социологии и математической экономики. В стенах ЛГУ они получили поддержку ректора Александрова.

«Сознательно выбранная активная жизненная позиция, масштабы личности и поступков Александра Даниловича Александрова задевают многих людей, не оставляют их равнодушными, — считают его ученики, — естественно, что не всем нравятся характер и поступки Александрова. Конечно, его ненавидят враги... В то же время для нас бесспорно, что Александру Даниловичу никто не имеет права предъявить обвинения в низости и недобросовестности. Во всей своей общественной деятельности, в публичных выступлениях, в газетных публикациях, в работе на посту ректора ЛГУ Александр Данилович основывался на принципах универсальной человечности, ответственности и

© А. Н. Борисова, 2000.

[0] Александров А. Д. Проблемы науки и позиция ученого. Л., 1988. С. 9.

[1] Архив Петербургского отделения Математического института им. В. А. Стеклова РАН. Личное дело А. Д. Александрова. С. 55.

[2] Там же. С. 27–49.

[3] См. также: Александров А. Д. 1) Диалектика и наука // Вестник Академии наук СССР. 1957. № 6; 2) Наука и нравственность. М., 1971; 3) Тупость и гений // Квант. 1982. № 11; 4) Нет ничего прекраснее истины // Знание — Сила. 1984. № 7; 5) Размышления об экономике и этике // Эко. 1986. № 11–12.

[4] Александров А. Д. Проблемы науки и позиция ученого. С. 285.

[5] Борисов Ю. Ф., Кузьминых А. В., Кутателадзе С. С. К 75-летию со дня рождения // Сибирский математический журнал. 1987. № 4.

[6] Архив Петербургского отделения Математического института им. В. А. Стеклова РАН. Личное дело А. Д. Александрова. С. 54.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

научности. Практическая деятельность Александрова всегда характеризовалась безусловной и открытой защитой интересов истины».[7]

О назначении на пост ректора Александр Данилович рассказывает так: «Меня рекомендовал секретарь парткома Университета Глебов. Предложение было довольно неожиданным. Надо было подумать, поговорить с друзьями. Мой друг Ф. Д. Клемент был человек, с которым я мог посоветоваться. Мы вместе учились в Университете, он был лет на девять старше меня. "Берись! — сказал он, — это дает дополнительные возможности: влиять и действовать". Его совет был убедительным — он тогда был ректором Тартуского университета (с 1951 по 1970 г.)».

Назначение на столь ответственный пост проходило традиционно: приглашали к первому секретарю обкома, в отдел науки ЦК КПСС. Александр Данилович вспоминает: «Я все время говорил одно и то же: не смею отказываться (слишком серьезное предложение), но должен предупредить, что у меня три недостатка: первый — никакого административного опыта, кроме руководства спортивной экспедицией на Кавказе; второй — имею идеи; а третий — могу спорить с начальством. Одним словом, 29 апреля 1952 г. мне позвонили: "Принимайте дела"».

Генетика в опасности. Споры с властями начались сразу. Главное разногласие возникло на почве генетики. В 50-е годы жесткий идеологический контроль распространялся на все сферы духовной жизни общества, включая науку. В особо трудном положении оказалась биология. Взятые на вооружение концепции, выигрышные с точки зрения марксистской философии, входили в противоречие с экспериментальными данными. Так случилось с опытами действительного члена Академии медицинских наук СССР О. Б. Лепешинской, якобы обнаружившей возникновение клеток из живого вещества, не имеющего клеточной структуры. Выполненная в Институте экспериментальной биологии АМН СССР и содержащая поспешные выводы фундаментального характера работа О. Б. Лепешинской была превращена в научную сенсацию и специальным постановлением удостоена внеочередной Сталинской премии.[8] Но особый урон науке нанесла возглавленная президентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина Т. Д. Лысенко борьба за «мичуринскую биологию» (по имени знаменитого селекционера И. В. Мичурина) против научной генетики.

Александров вспоминает: «В Университет пришел приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР о введении в курсы лекций учения О. Б. Лепешинской. Я пригласил биологов и сообщил им о приказе министра. Они молча выслушали, раскланялись и разошлись. Неделю спустя я встретил одного биолога, который был на этом заседании, мы разговорились. Тогда я уяснил, что он считает учение Лепешинской "собачьей чушью", и понял, как к этому надо относиться. Согласие с такими взглядами — лишь подлое согласие, нельзя слепо выполнять, что приказано. Никакой Лепешинской у нас не было».

Истребление генетики, начавшееся после печально знаменитой августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) 1948 г., стало одной из форм «идеологической борьбы на фронте биологической науки».[9] Хромосомная теория наследственности, названная в те годы «вейсманизмом-менделизмом-морганизмом», была официально признана «реакционным идеалистическим направлением в биологии»

[7] Залгаллер В. А. К 80-летию со дня рождения // Успехи математических наук. 1993. № 4. С. 239.

[8] БСЭ. 2-е изд. Т. 24. М., 1953. С. 587.

[9] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и фактически объявлена вне закона. Условия для нормальной дискуссии, какие возникают при столкновении различных взглядов в науке, тем более для экспериментов, таким образом, были устранены. Генетику, с точки зрения Александрова, нужно было спасать, пользуясь только административными методами, личной аргументацией, преодолевая сопротивление всесильных партийных инстанций. В результате инициатив ректора Александрова Ленинградский университет в 50–60-е годы оставался единственным вузом в стране, где преподавали настоящую генетику.[10]

В январе 1954 г. на философском семинаре биолого-почвенного факультета проходила дискуссия по проблемам вида и видообразования.[11] С основным докладом выступил заведующий кафедрой генетики Н. В. Турбин. Большинство выступавших были согласны с тем, что точка зрения Лысенко вздорна. «Я принимал участие в этой дискуссии, — вспоминает Александров, — и произнес речь в духе Эзопа, что, конечно, мы не можем быть против решения ЦК (по поводу сессии ВАСХНИЛ), но товарищ Лысенко берет на себя слишком много. Поддерживая профессора Н. В. Турбина и других выступавших биологов, я "прикрывал собой" нежелательную для властей дискуссию».

После этого министр высшего образования приказал вернуть в Университет ближайшего сподвижника академика Т. Д. Лысенко И. И. Презента и сделать его заведующим кафедрой дарвинизма вместо профессора К. М. Завадского. В мае 1954 г. проходил партийный актив Ленинграда, его проводил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.[12] «Выступая, — рассказывает Александров, — я, можно сказать, брякнул, что не выполняю приказ о внедрении Презента в Университет. Мне захлопали. Тогда Хрущев, обращаясь ко мне, сказал: "Ваша точка зрения меньшевистская. Как это вы не выполняете приказ?" И в заключительном слове он с возмущением вернулся к этой теме: "Как так ректор не выполняет приказы? За это с работы снимают, из партии исключают, в военное время — расстреливают!" На следующий день Презент явился в Университет, уверенный, что будет немедленно принят на работу, но получил отказ. Помню, В. Н. Турбин сказал: "Александр Данилович, не сдавайтесь. Если вас и выгонят, вы уйдете в лучах славы"». Но обошлось.

Вскоре Александрова вызвал секретарь обкома по идеологии Н. Д. Казьмин и сказал: «Товарищ Хрущев велел передать, что вынужден был выступить против вас, потому что вам захлопали. "Пускай, — говорит, — Александр Данилович лучше готовится к выступлениям". И еще Никита Сергеевич поинтересовался: "Ну, как он действует?" — "Хорошо действует". — "Ну пусть и дальше работает"».[13]

После избрания профессора Н. В. Турбина действительным членом Белорусской Академии наук и переезда его в Минск на место заведующего кафедрой был приглашен М. С. Навашин. Он как-то не очень активно действовал, а в 1957 г. вообще отказался от заведования кафедрой.[14] В борьбе за место Ученый совет предпочел М. Е. Лобашева. И профессор Лобашев действительно много сделал для развития генетики в Университете. Он приглашал для чтения лекций крупнейших специалистов, и сам вел занятия. На основании своих занятий Лобашев написал учебник «Генетика». Однако начальник горлита Шанин отказался выпускать его в свет. «Пришлось звонить секре-

[10] Залгаллер В. А. К 80-летию со рождения. С. 239.
[11] Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. СПб., 1994. С. 170.
[12] Там же .С. 171.
[13] Из личной беседы с А. Д. Александровым.
[14] Репрессированная наука. С. 171.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тарю обкома Филиппову, — вспоминает Александров, — и убеждать в необходимости издания учебника. "Вы ручаетесь, что там нет крамолы, искажения линии советской мичуринской биологии?!" — спросил он. Я почувствовал прикосновение ножа гильотины к своей шее, напустил сталь в голос и сказал: "Да, я ручаюсь". Последовало разрешение. Учебник напечатали. Потом мне рассказывали, что Филиппов дал указание горлиту: "Пропускайте. Ученые Университета ручаются"». Вскоре против лобашевского учебника на пленуме ЦК КПСС выступил профессор Сельскохозяйственного института М. Лебедев. Разразился скандал. Собрав университетских биологов, Александров сказал: «Самое страшное, когда начинаются колебания среди нас. Никаких уступок. Держитесь твердо». Никто из биологов не предал своего ректора. И хотя первый секретарь Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстиков грозил ему на пленуме обкома: «Вы за генетику еще ответите!» — ничего страшного не произошло. В последующем разговоре Александров сказал ему: «За драки студентов покаемся, в чем-то другом покаемся, а за генетику не покаемся. Это наука!».[15]

В 1990 г. за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции академик А. Д. Александров вместе с группой биологов был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.[16]

Остров Голодай, Девяткино или Петергоф? Сегодня просто невозможно представить, каким был Ленинград после войны и блокады. Университет нуждался не только в реставрации, но и в приобретении и строительстве новых зданий. «Я видел плачевное состояние Университета, — вспоминает Александров, — и как только стал ректором, понял, что должен действовать решительно: Университет в таком состоянии оставлять нельзя». Он предложил свой проект секретарю ЦК КПСС П. К. Пономаренко, который после смерти Сталина ведал высшим образованием. Проект состоял в том, чтобы строить новые здания для Университета на Васильевском, на острове Голодай — там был в то время пустырь. В 1953 г. проект Александрова обсуждали в Министерстве высшего образования. На заседании самого П. К. Пономаренко не было (он занимался делом Л. Берия). А заместитель министра высшего образования Елютин, не вникая в суть, резюмировал: «Высотные здания — это все выдумки ректора!». И проект Александрова провалился. «А было бы идеально, — мечтал он, — на Голодае, на берегу моря, Университет... Но дело в том, что об этом никто из высшего руководства не заботился».

Александров приложил большие усилия, чтобы приобрести здание бывшего кадетского корпуса, которое занято военной Академией Тыла и Транспорта. Он вспоминает: «Я звонил Г. К. Жукову, он был тогда министром обороны. Но безрезультатно. Он сказал, что вылетает сейчас куда-то... Потом я говорил об этом с первым заместителем председателя Совета Министров Союза ССР В. М. Молотовым. Напомнил, что тридцать лет назад (во времена военного коммунизма) было постановление Совнархоза отдать это здание Университету. К сожалению, оно было подписано наркомом просвещения А. В. Луначарским, а не В. И. Лениным. Если бы была подпись Ленина, было бы больше силы. В. М. Молотов сказал, что у меня империалистические наклонности. И отказал. Но я, дурак, не нашел, что ему ответить. Надо было сказать: "Вячеслав Михайлович, вы — единственный интеллигентный человек в политбюро. Вы же понимаете, что такое Университет..."». Выше Молотова подниматься было некуда. Стало ясно: в городе не получается, надо

[15] Там же.

[16] Архив Петербургского отделения Математического института им. В. А. Стеклова РАН. Личное дело А. Д. Александрова. С. 55.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

выводить Университет в пригородное место — только там можно разместить его нормально.

На совещании с заместителем главного архитектора города И. И. Фоминым[17] в поисках подходящей территории рассматривался генеральный план развития города. «Прекрасно помню эту карту, — рассказывает Александров. — Предполагалось развитие города в западном направлении, проектировалась большая дорога с севера на юг — из Лахты в Ораниенбаум по берегу Васильевского острова. Связь с Петергофом намечалась отличная. Да и секретарь обкома сказал, что в Петергоф будет проложена линия метрополитена. Кроме того, там еще со времен революции был наш Биологический институт — это уже некоторая база для Университета. Фомин сказал: "Можно строить Университет в Девяткино, но туда коммуникации дойдут позже"».

Значит, Петергоф... Программа партии (1960) ратовала за то, чтобы вокруг городов-гигантов развивались города-спутники, Ожидалось, что в соответствии с программой Петергоф станет как раз таким городом-спутником. Петергоф — прекрасный город, который с возникновением Университета мог бы «соединить в себе Версаль и Кембридж»... Действительно, рассуждал Александров, «лучший университет в мире — Кембриджский (по физике, по биологии какие там были сделаны великие работы!) — располагается совсем не в большом городе. А Новосибирский Академгородок где находится? Знаменитый "физтех" тоже за городом, а не в Москве. Смысл в чем: студент живет в общежитии, а по выходным ездит к маме кушать пирожки...».

И Университет стали строить в Петергофе.

«Но, — рассказывает Александров, — во-первых, программа партии лопнула; во-вторых, метро пошло в Девяткино, а не в Петергоф; в-третьих, люди, которые стояли во главе Университета после меня, об этом толком не заботились. Дело в том, что когда решается проблема такого масштаба, нужно все время нажимать, чтобы правительство средства давало. Моя кардинальная ошибка — в том, что я слишком доверял партийному руководству: ездил в ЦК, разговаривал с серьезным человеком В. А. Кириллиным, который заведовал отделом науки, получал обещания. Но...»

Возможно, просчеты Александрова послужат руководством к действию для тех, кто возьмет на себя смелость заботиться о дальнейшем процветании Университета. История не остановилась, и даже линия метрополитена, соединяющая город с Петергофом, талантливыми стараниями энтузиастов может превратиться из мечты в реальность.

Студенты. Быть ректором — должность ответственная: все дела, слова, поступки на виду. Как говорится, «его пример — другим наука»...

Официальная идеология 50-х годов провозглашала единство мировоззрения и отсутствие противоречий между поколениями. Все должны были знать: в СССР не существует проблемы отцов и детей, между ними нет никаких разногласий. В учебных заведениях, на предприятиях проходили соответствующие беседы, политзанятия, комсомольские собрания, которые должны были уравнять различные взгляды, привести их к единой точке зрения. Это было одно из направлений так называемого идейно-политического воспитания. Университет, как потенциальный очаг крамолы, нуждался в особом идеологическом контроле.[18]

Как-то на филологическом факультете проходила дискуссия «Отцы и дети». Там, как на всех таких заседаниях, присутствовал представитель органов безопасности, состоящий при Университете. Он был очень молод,

[17] БЭС. М., 1991. С. 1425.

[18] Из личной беседы с учеником А. Д. Александрова — Ю. Ф. Борисовым.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и, по-видимому, плохо разбирался в том, что происходило. В резких выступлениях молодых людей, обвинявших своих отцов в разных социальных промахах, какие-то фразы показались ему антисоветскими. А присутствующие взрослые не смогли парировать в духе официальных воззрений и смягчить остроту столкновений «вольных» взглядов студентов с идейно-политическими установками партии.[19] «Я не пошел на дискуссию, потому что болел, сидел дома, — с сожалением вспоминает Александров. — Если бы я только мог предположить, что там произойдет, к чему это приведет, то я, конечно, встал бы из гроба, явился туда и произнес соответствующую речь. Но я этого не сделал — и произошел страшный скандал. Было грозное разбирательство в райкоме. Когда филологам записывали выговора и партийные взыскания, у меня спросили: "А вам как, товарищ Александров?" — "Раз всем, то и мне пишите". Я тоже получил взыскание, мне что-то записали». После один из присутствовавших филологов сказал, что это был для него пример достойный...

Во время ректорства Александрова были часты случаи, когда студенты, не имевшие право получать стипендию из-за недостаточно высокой успеваемости, получали ее, потому что жили в трудных условиях. За такое финансовое нарушение полагалось соответствующее взыскание. Александров рассказывает: «Мы с проректорами договорились об очередности подписания таких опасных приказов. Помню, пришел ко мне проректор: "Александр Данилович, теперь ваша очередь подписывать"». От ректора требовались не только такие качества, как высокая научная эрудиция и дипломатичность, но и настоящий гуманизм. «Я, — вспоминает Александров, — часто бывал в общежитиях, так как считаю, что нужно общаться с людьми, а не сидеть только в своей "канцелярии"».

Многие помнят времена, когда горожане каждую осень выезжали в совхозы и колхозы на уборку овощей. На поля вывозили целыми фабриками, ПТУ, научно-исследовательскими институтами и даже армейскими подразделениями. Все первокурсники Советского Союза также начинали свою студенческую жизнь на картофельных (морковных, капустных, хлопковых) полях.[20] Этот «месяц в деревне» не всегда проходил гладко...

Как-то студенты-математики отказались убирать картошку и уехали в город. Это известие дошло до Александрова. Декан предложил: «Будем вызывать их поодиночке». Но это, хотя и было в духе времени, не соответствовало духу Александрова. «Вы их соберите, и если у вас с ними конфликт, не приходите. Я сам с ними поговорю», — распорядился он. Собрали всех бунтарей. Они сидели в большой аудитории, Александров вышел и сказал: «То, что студентам приходится ездить на такие работы, не свидетельствует об успехах нашего сельского хозяйства. Но это наше сельское хозяйство. Я только что был в Канаде, и там студенты работают летом у фермеров, зарабатывают деньги». Произошла некоторая дискуссия, Александров настаивал: «Мы поедем через день обратно». Он поехал со студентами, копал картошку и пробыл в деревне два дня.

Был еще подобный случай: студенты ушли с восстановительных работ в Петергофе. И на этот раз ректорская аргументация сработала. Александров сказал: «Ваши товарищи, которые сражались за Ленинград и погибли, были уверены, что все будет восстановлено. А вы что?!».[21]

Однажды, это был 1963/64 учебный год, за драку иностранных студентов Александрова вызвали к начальству и долго отчитывали. Он стоял молча,

[19] Из личной беседы с сыном А. Д. Александрова — Д. А. Александровым.

[20] Из личной беседы с учеником А. Д. Александрова — Ю. Ф. Борисовым.

[21] Из личной беседы с А. Д. Александровым.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

понимая, что оправдываться бессмысленно. Тогда секретарь горкома пообещал: «Если еще раз повторится — ректор будет уволен».[23] Александров вспоминает: «К тому времени меня не очень-то терпело начальство. Как-то один из "сильных мира сего" сказал: "У вас слишком самостоятельный характер". Я не стал дожидаться увольнения и подал заявление об уходе. Меня уговорили не покидать ректорский пост. Но в такой обстановке оставаться в Университете не хотелось. А становиться "бывшим ректором", значило все время быть в притяжении какой-нибудь оппозиции. Через несколько месяцев появилась возможность уехать в Новосибирский Академгородок. Президент Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьев позвонил и сказал: "Данилыч, приезжайте к нам, мы вас выберем в академики, для вас есть специальная вакансия". Это было кстати, но я, скорее серьезно, чем шутя, ответил: "Михаил Алексеевич, вы меня покупаете. Когда решу, я вам сам скажу". Я решил и осенью 1964 г. уехал в Сибирский Академгородок».

М. А. Лаврентьев активно формировал кадры Новосибирского научного центра. Он заботился о том, чтобы пригласить научную элиту, знаменитых ученых и ярких личностей. Нужен был «магнит для притяжения» перспективной молодежи и оснащения кадрами только что открывшегося университета.[24]

Александров, сохраняя духовную связь с Ленинградским университетом, также был убежден, что университет — это прежде всего профессора. Он имел в виду при этом не только их ученые заслуги и мастерство, но и то особое влияние личности ученого на студентов, которое не измерить ни академическими знаниями, ни педагогическим стажем.[25]

---

[23] Из личной беседы с М. Л. Александровой.
[24] Из личной беседы с Л. Г. Борисовой.
[25] Из многочисленных бесед с друзьями и учениками А. Д. Александрова.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

И. Я. ФРОЯНОВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МАВРОДИН

Жизнь и творчество Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987) — выдающегося русского историка — не обойдены вниманием в отечественной историографии.[0]

В. В. Мавродин родился 21 февраля 1908 г.[1] в Кишиневе. Отец — Василий Никитич — дворянин, офицер пограничной стражи. Мать — Наталья Григорьевна — из мещанского сословия. Ранняя смерть отца (1911) привела к тому, что все заботы по воспитанию сына легли на мать, которая должна была переехать в 1917 г. в город Рыльск Курской области и учительствовать.

В 1926 г. после окончания школы второй ступени и непродолжительной работы в местном лесничестве Мавродин приезжает в Ленинград. Первое жилье, в котором он здесь поселился, находилось в самом сердце «Коломны» — одного из старейших городских районов, который, как никакой другой, обладает своеобразным обаянием Петербурга. Не там ли в сердце юноши зародился интерес к истории великого города?

Студенческие годы Мавродина пришлись на период сложный как в организационном, так и сугубо научном отношении. В 1919 г. на базе юридического факультета ЛГУ был открыт факультет общественных наук (ФОН). В ходе дальнейшей реорганизации в него влились историко-филологический и восточный факультеты, Археологический институт и некоторые другие структуры. Но уже постановлением СНК РСФСР от 2 июня 1925 г. ФОН прекратил свое существование. На его основе был создан новый факультет — языкознания и материальной культуры (Ямфак), в состав которого вошла кафедра русской истории.[2] С намерением специализироваться на этой кафедре Мавродин и поступил на историческое отделение Ямфака ЛГУ. (Впрочем, значение такого подразделения, как кафедра, в это время резко упало. Постановлением Наркомпроса от 21 марта 1925 г. предлагалось даже вообще ликвидировать понятие «кафедра».[3])

Бедствием университетской жизни середины и второй половины 1920-х годов стало внедрение в нее «активных методов обучения», признанных заменить «совершенно устаревшую лекционную систему». Наибольшее распространение среди них получил бригадно-лабораторный метод. Это привело к тому, что значение основы основ университетского обучения — общих курсов — в эти годы резко упало. Были отменены экзамены и дипломные работы.[4] Мавродин сразу понял опасность этих нововведений и занял по отношению к ним принципиальную позицию. «Лекции, — отмечал в "Студенче-

© И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, 2000.

[0] Ему посвящены следующие сборники: Проблемы феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971; Из истории феодальной России: Статья и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978; Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. К 75-летию со дня рождения В. В. Мавродина. Л., 1983; Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1987.

[1] Авторы сердечно благодарят В. С. Брачева за предоставленные материалы.

[2] История Ленинградского университета (1819–1969) / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1969. С. 225–227; Чебров Г. Н. Это было сорок лет назад // На штурм науки. Л., 1971. С. 63.

[3] История Ленинградского университета... С. 231, 232.

[4] Рафаилова Т. К. Общественно-педагогическое отделение ФОН в 1921–1925 гг. // На штурм науки. С. 106.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ской правде" студент-второкурсник Владимир Мавродин, — дают то, что ни в каких учебниках не найдешь, это знает каждый по опыту. В наших условиях лекционная система нужна».[5]

К счастью, научные и педагогические традиции одного из крупнейших и известных вузов страны были неистребимы. Сам Мавродин так вспоминал об атмосфере тех лет: «Далекий 1926 год... Первый курс историков Ленинградского университета, избравших своей специальностью историю России. Просеминарские занятия ведет высокий стройный, седовласый профессор Борис Дмитриевич Греков. Перед студентами на столах лежат тоненькие книжечки. Это "Русская правда" В.И.Сергеевича, изданная в 1911 году. Спокойным. ровным, тихим голосом профессор рассказывает о "Русской правде", о том, как студенты будут под его руководством заниматься этим источником весь учебный год. Изумленные восклицания, негодующие голоса: "Борис Дмитриевич! Кем же Вы нас считаете? Неужели на эту книжечку в 30 страниц нам понадобится целый учебный год?". Профессор улыбнулся: "Увидите и убедитесь сами". Студенты замолчали».[6]

После окончания ЛГУ в 1930 г. Мавродин был оставлен в аспирантуре Историко-лингвистического института (ЛИЛИ) — еще одно образование времен тогдашней «перестройки». Учителем Мавродина был выдающийся ученый Б.Д.Греков. Шла неприкрытая идеологизация исторической науки, сближение ее с очередными задачами социалистического строительства. Найти себя в этой своеобразной атмосфере было довольно сложно, однако не для Мавродина, которому не надо было «перестраиваться», который взрастал в этой атмосфере, в отличие от представителей старшего поколения ученых-историков. Молодой аспирант просто осваивал сталинские основы новой исторической науки, оборотной стороной которых было негативное отношение к «контрреволюционной литературе (Платонов и Иловайский)».[7] Справедливости ради надо отметить, что негативизм к достижениям исторической науки прошлого глубоко не затронул ученого, что показали последующие его работы.

После окончания аспирантуры им была представлена и 14 июня 1933 г. успешно защищена на кафедре истории СССР ЛИЛИ кандидатская диссертация на тему «К вопросу о крупном барщинном хозяйстве в XVII веке». Только отсутствие официального положения об ученых степенях привело к тому, что искомой степени Мавродин в то время не получил. С 1932 г. он работает в качестве доцента ЛИЛИ, с 1933 г. занимает должность заместителя заведующего историческим отделением, а затем в 1934–1935 гг. и заместителя декана исторического факультета ЛИФЛИ.[8] В 1935 г. Мавродин стал доцентом исторического факультета ЛГУ.[9]

Во второй половине 30-х годов выходит ряд крупных статей Мавродина, а в 1939 г. — его фундаментальная монография «Очерки истории Левобережной Украины: с древнейших времен до второй половины XIV века», но которой он с блеском защитил докторскую диссертацию. Труд молодого ученого стал событием в исторической науке. Такого внимания не удостаивалось ни одно исследование по истории Киевской Руси, даже работы Б.Д.Грекова. Моно-

[5] Мавродин В. Увлекаться семинарами не нужно // Студенческая правда. 1927. 17 дек. С. 2.

[6] Мавродин В.В. Борис Дмитриевич Греков. Л., 1968. С. 3.

[7] Мавродин В. Сочинения Ленина и Сталина — в основу заданий // За пролетарские кадры. 1932. Т. 1 (5). 18 янв. С. 3.

[8] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1352. Л. 2–4.

[9] Как известно, в 1934 г. историческое образование было восстановлено — в Московском и Ленинградском университетах были созданы исторические факультеты.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

графия Мавродина вызвала разные, порой противоречивые оценки, но все признавали ее масштабность.

Научные достижения Мавродина, а также его партийность (в 1940 г. он был принят в ряды ВКП(б)) сделали вполне естественным его продвижение по административной линии. После смерти М. Д. Приселкова он стал (10 октября 1940 г.) новым заведующим кафедрой и деканом исторического факультета.[10]

Грянула Великая Отечественная. Мавродин руководит историческим факультетом в сложнейших условиях борьбы с врагом. Уже в первый день войны по заданию Василеостровского райкома ВКП(б) профессора А. А. Вознесенский, Н. А. Корнатовский и В. В. Мавродин направились на заводы района для проведения митингов среди рабочих, занятых на производстве в воскресный день. В последующее время историк не раз выступал по радио, читал лекции и доклады в воинских частях, на заводах, в госпиталях (один из госпиталей был организован непосредственно на историческом факультете), печатал статьи в газетах «Ленинградская правда», «На страже Родины», «Красная звезда».[11] За годы войны ученый опубликовал ряд брошюр, рассказывающих о героическом прошлом нашей Родины, причем хронологический охват этой темы был грандиозен: с древнейших времен до XX в. (брошюра «Брусилов» вышла на четырех языках).[12]

Мавродин был одним из инициаторов создания на историческом факультете кафедры истории славянских народов, которую возглавил академик Н. С. Державин. Создание такой кафедры в условиях войны, жертвой которой стали все славянские народы, имело не только научное, но и огромное политическое значение.

В феврале 1942 г. Ленинградский университет был эвакуирован в Саратов. 1 апреля на базе Саратовского университета ленинградцы начали занятия и приступили к научной работе.[13] Мавродин ведет напряженную научную и педагогическую работу. «Нельзя не обратить внимание, что в это время им велась деятельная подготовка к созданию крупных исследований, которые на первый взгляд неожиданно завершили второй этап его творчества», — подметил С. Б. Окунь.[14] По воспоминаниям В. А. Артисевич, возглавлявшей университетскую библиотеку в Саратове, один из коллег говорил ученому, дескать, вернешься в Ленинград, тогда и будешь заниматься фундаментальной научной работой. Но Мавродин не хотел расслабляться и в плане фундаментальной науки. В Саратове им была подготовлена монография об образовании Древнерусского государства.[15] Ученый посвятил ее советским воинам, отстоявшим свободу Отчизны.

Прорыв блокады Ленинграда позволил вернуться Университету в родной город. В октябре 1944 г. начался учебный год. Свое возвращение университанты отметили юбилейной научной сессией, проходившей с 20 ноября по 8 декабря 1944 г. Это был своего рода коллективный отчет ученых ЛГУ перед родным городом, страной о проделанной в дни войны работе. Открылась

[10] ЦГА И ПД. Ф. 25. Оп. 49. Связка 414 (Личное дело В. В Мавродина). Л. 3.

[11] Ежов В.А., Мавродин В.В. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. III. Л., 1976. С. 3, 5.

[12] Там же. С. 14; см. также: Бурдей Г. Д. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 2. Библиографический указатель. Саратов, 1995.

[13] Там же. С. 12.

[14] Окунь С. Б. Владимир Васильевич Мавродин // Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 11.

[15] Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

юбилейная сессия пленарным заседанием, на котором выступили ректор, профессор А. А. Вознесенский и В. В. Мавродин с докладом «Начальный этап в истории русского народа и государства».[16]

Начиналась мирная жизнь, любимая работа, но впереди ждали суровые испытания. Тяжкий удар по Университету нанесло «ленинградское дело», фактически серия фальсифицированных «дел», в результате которых оказались репрессированными тысячи людей. В Ленинградском университете уволили около 300 человек — каждого седьмого профессора, доцента, ассистента, преподавателя.[17] В 1949 г. был исключен из партии и снят с работы и Мавродин. Эти испытания не сломили ученого. Уже через неделю после смерти Сталина он обратился в Ленинградский обком КПСС с заявлением о восстановлении его в партии. В июне 1953 г. он был восстановлен на работе, осенью — в КПСС.[18] Вскоре после XX съезда Мавродин был восстановлен в качестве декана исторического факультета, которым и оставался вплоть до начала 70-х годов. Кафедру истории СССР он возглавлял вплоть до начала 80-х годов.

На кафедре Мавродин сумел сплотить крупных, талантливых ученых — кафедра стала живым, эффективно действующим научно-педагогическим организмом. Так же плодотворно развивался и весь исторический факультет, который при Мавродине стал признанным центром исторической науки. Под руководством Мавродина действовал Головной совет но истории Российской Федерации, который эффективно координировал развитие исторической науки в республике.

За внешней мягкостью Мавродина, которая проистекала из деликатного и доброжелательного отношения к людям , скрывалась принципиальность и твердость в руководстве факультетом. Некоторым это не нравилось. Мавродин уходит с поста декана, еще много лет руководя кафедрой и Головным советом. Его авторитет в городе был огромен. Фамилия «Мавродин» во всех заведениях, так или иначе связанных с гуманитарными науками, производила магическое действие. К нему тянулись историки из самых разных городов СССР. Мавродин всегда оказывал помощь иногородним диссертантам.

Пришла и международная известность. Поездки ученого в США и Англию, его доклады и лекции вызвали огромный интерес. Книги его переводились на самые разные языки, получили распространение во многих странах: США, Европе, Японии.

Вплоть до самой смерти Мавродин оставался активным, деятельным человеком, сохраняющим все свои жизненные интересы. Болезни долго не могли сломить его. В одном из писем конца 70-х годов он писал: «... год тому назад перенес инфаркт. Пора. Возраст и профессия обязывают. Но эту осень начал нормально, в аудитории, а не в больнице. Идет одна книжка, уже была верстка. На очереди у редактора другая, а в помыслах — третья. Тружусь в меру сил и возможностей, хотя, говоря о такого рода труде, вспоминаю афоризм Марка Твена: "Когда мне говорят о труде художника, ученого, писателя, поэта, я улыбаюсь и вспоминаю труд землекопа"».[19] Эти слова не хочется комментировать — их хочется перечитывать и восхищаться жизнеутверждающей позицией, оптимизмом этого человека.

Он не дожил несколько месяцев до своего 80-летия, скончавшись 20 ноября

[16] История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки. Л., 1969. С. 386.

[17] «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 120.

[18] Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С. 175.

[19] В. В. Мавродин — В. А. Артисевич. 1978 г. ОР РГБ. Ф. 794.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1987 г. Похоронен Владимир Васильевич Мавродин на кладбище Зеленогорска (обычно в Зеленогорске он проводил лето, любил туда приезжать и во всякое другое время года).

Мавродин был одним из крупнейших знатоков отечественной истории. Рассказывали, что он мог без подготовки провести беседу или даже прочитать лекцию практически по любой проблеме истории нашей страны с древности до наших дней. Ученый прекрасно умел мобилизовать свои знания и в общении со студентами. Его лекции, само общение с ним на исторические темы поражали своей полифоничностью и многоплановостью: за первым, видным невооруженным взглядом, открывался второй план, а затем и третий. Общение с ним вдохновляло и открывало новые горизонты и в науке, и в жизни.

Неизбывной любовью исследователя был начальный период нашей истории, колыбель восточнославянской цивилизации — Киевская Русь. Интерес к этому периоду был рожден, видимо, еще детскими впечатлениями от южнорусских степей, где все дышало историей, а потом развит в семинаре по «Русской правде», который вел Греков. Можно смело заявить, что Мавродин — один из историков, с чьим именем связано становление тех представлений о Киевской Руси, которые потом господствовали весь советский период. При этом ученый отнюдь не следовал каким-то установленным нормам, искал новые пути и часто многое видел более глубоко и проницательно, чем его учитель. Так, уже в одном из своих первых выступлений по поводу истории Киевской Руси на известной дискуссии он обратил внимание на значительный удельный вес рабовладения в древний период, что потом было подтверждено научными изысканиями.[20]

В статье, увидевшей свет в конце 30-х годов, Мавродин на основе многочисленных и разнообразных источников одним из первых воспроизвел процесс разложения первичной формации и возникновения классового строя,[21] а уже в 1940 г. вышла в свет его книга, посвященная истории Древней Руси,[22] которая была ценнейшим вкладом в процесс создания теории генезиса феодализма на Руси. В этой книге ученый, мобилизовав весь имеющийся материал источников, в том числе и археологических, в отличие от своих коллег-историков, сосредоточился не на явлениях X—XII вв., а на социальных сдвигах, происходивших в обществе восточных славян до X в.[23]

В исследовании, которое увидело свет в 1945 г., Мавродин еще рас проследил за разложением первобытнообщинного строя и возникновением феодализма. Одной из важнейших его заслуг в изучении этого вопроса стала идея о дофеодальном периоде в истории древнерусского общества и об утверждении феодализма лишь в XI в.[24]

Ученый ясно видел свой путь в науке. В одном из писем военного периода он писал: «Я сейчас занялся историей Кивской Руси, но совершенно не в том аспекте, который характерен для работы Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Я хочу попробовать изложить историю формирования русских той поры как народности определенной стадии складывания, историю русской культуры, наконец, и это главное, историю политическую, внешнюю, показать Русь в системе государств, ее связи с Востоком, Западом, Византией».[25] Действи-

[20] Известия ГАИМК. Вып. 86. 1934. С. 89, 90.

[21] Мавродин В. В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Т. XIX. Л., 1939.

[22] Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины: С древнейших времен до второй половины XIV века. Л., 1940.

[23] Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 259.

[24] Там же. С. 260.

[25] Цит. по: Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Ве-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тельно, эти два вопроса: история образования русской народности и русской государственности — вопроса взаимосвязанных и переплетающихся — заняли в дальнейшем основное место в творчестве Мавродина. Причем в постановке первого вопроса ученому принадлежит заслуженный приоритет. Этот вопрос был исследован в работе «Образование Древнерусского государства», где Мавродин пишет о древнерусской народности прежде всего в теоретическом плане. О русских IX—XI вв. ученый говорит не как о конгломерате племен, а как о единой народности, этнической общности, следующей за племенами и союзами племен, которую он называет древнерусской народностью.[26] Такая характеристика древнерусской народности дается и в книге «Древняя Русь».[27]

Эти взгляды получили дальнейшее развитие в статье, специально посвященной проблеме этнического развития русского народа, где Мавродин уже по-новому решал вопрос об эволюции восточнославянского этноса — не в результате феодальной раздробленности, а под влиянием Батыева нашествия, отторжения русских земель, захвата многих русских земель соседними государствами.[28] В последующих своих работах Мавродин развивал и шлифовал свои взгляды касательно древнерусской народности. В книге 1971 г. он подчеркивает, что термин «древнерусская народность» наиболее точно соответствует этнической общности эпохи Киевской Руси. По его мнению, древнерусской народности предшествовали этнические общности, которые уже не являлись ни племенами, ни союзами племен, но еще не сложились в народности.[29] Проблема народности так волновала историка, что он посвятил ей отдельную книгу. В ней Мавродин наиболее подробно выявляет признаки народности как этнического образования, в том числе и такие, как национальное сознание и самопознание, а также утверждает, что народность возникает на этапе формирования классовых отношений: для Киевской Руси это период IX—X вв. — время возникновения на Руси феодальных отношений и образования Древнерусского государства.[30]

Проблема образования Древнерусского государства всегда была в центре внимания отечественных историков. Она, как мы только что отметили, стала одной из основных в творчестве Мавродина. Уже в работе 1945 г. Мавродин, принимая общую схему становления государственности Грекова, вносит в нее много существенных дополнений. Он считает, что истоки государственности славян уходят к «протогосударству» волынян, затем процесс эволюции государственности был прерван аварами, а следующий подход восточных славян к государственности относится к IX—X вв. Ученый впервые в советской историографии ставит вопрос о племенных княжениях у восточных славян, изучает их военную организацию. Далее он старается выявить этапы древнерусской государственности, дает свое решение норманнской проблемы и т. д.

Концепция Мавродина видоизменялась во времени. К сожалению, это было связано не только с развитием его собственных взглядов, но и с изменением ситуации в стране, а еще в большей степени в науке, где концепция

ликой Отечественной войны: Документы и материалы. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ. Саратов, 1995. С. 16.

[26] Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства... С. 380, 392, 395–402.

[27] Мавродин В.В. Древняя Русь. Л., 1946. С. 304–310.

[28] Мавродин В.В. Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 62.

[29] Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 157–170.

[30] Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 132.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Грекова, завоевав командные высоты, не терпела каких-либо противоречащих ей высказываний. Это сказалось и на трактовке роли Хазарского каганата в отечественной истории, и на трактовке норманнской проблемы, и в других случаях. И все-таки Мавродин оставался верен своим принципам и продолжал совершенствовать свои представления об истории древнерусской государственности.

Законченный характер они приобретают в 70-е годы. Как уже отмечено в историографии, в монографии 1971 г. многие позиции Мавродина сближаются с концепцией Б. А. Рыбакова. Но ученому удалось избежать многих крайностей науки того времени и прежде всего излишнего увлечения «феодальной сущностью государства». В работах Мавродина нашли место профессионально сделанные наблюдения над рабовладением в Киевской Руси, дань рассматривалась им не как феодальная рента, а как контрибуция, и т. д. Все эти наблюдения получили подтверждение в последующей историографии.[31]

Помимо крупных работ Мавродин написал большое количество статей, миниатюр по древнерусской истории, многие из которых как бы закрывали прорехи в советской историографии. Так, он пишет статьи, посвященные охоте в Киевской Руси, древнему мореходству и др.

Научный метод Мавродина характеризуется глубоким знанием историографии. В 60-е годы появляются его обстоятельные историографические исследования о Киевской Руси. Эти работы достаточно полно освещали пути становления и развития марксистской научной школы изучения истории Киевской Руси. В конце 70-х годов авторский коллектив под руководством Мавродина подготовил и издал труд, в котором анализировалась советская историография Киевской Руси. В первом его томе была изучена литература по важнейшим вопросам истории Киевской Руси: формированию древнерусской народности, социально-экономическому строю, истории Древнерусского государства, международным связям, фольклору, письменности и научным знаниям.[32] Второй том был посвящен историографии источниковедения Киевской Руси, и в нем рассмотрены древнерусские письменные источники, иностранные письменные источники, а также сопредельные науки и вспомогательные исторические дисциплины.[33]

Мавродин страстно любил Киевскую Русь, но в хронологическом плане не остановился на этом древнейшем периоде нашей истории. Характерно то, что уже в самый ранний период своего творчества он обратился к проблемам истории России XVII в. В своей рецензии на первый том публикации «Хозяйство крупного феодала XVII в.», куда вошли документы из вотчинского архива боярина Морозова, а также в книге «Тульские и каширские заводы XVII в.» ученый сделал ряд интересных наблюдений. Так, он разошелся с историками, изображавшими боярина как героя первоначального накопления, в то же время отметил дифференциацию среди крестьян, что потом стало предметом оживленной дискуссии. Мавродин отверг распространенную в науке мысль о том, что Тульские и Каширские заводы работали исключительно на казну и производили оружие лишь для армии.[34]

Немало места уделял исследователь и такой актуальной до сего дня про-

---

[31] Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

[32] Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

[33] Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979.

[34] Ежов В. А., Фроянов И. А., Шапиро А. Л. История феодальной России в трудах В. В. Мавродина // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 7–8.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

блеме, как образование единого Русского государства. Его книга «Образование Русского национального государства» «стала первым марксистским исследованием на эту тему и положила начало широкому изучению первостепенного для отечественной истории вопроса».[35] Эта книга Мавродина вкупе с его высказываниями по поводу известной статьи П. П. Смирнова[36] и университетскими курсами по отечественной истории позволяет говорить о цельной концепции по данному вопросу.

А. М. Сахаров в своем историографическом обзоре отнес Мавродина к тем историкам, которые рассматривали XIV—XV вв. как время образования «минимума экономических связей», который оказался достаточным для возникновения единого государства.[37] Так ли это? Уже в первом издании своей книги Мавродин писал: «Рост феодального землевладения, настоятельно диктовавшего создание сильной власти, способной держать в повиновении народные массы, и ослабление экономической обособленности феодальных княжеств, обусловленной ростом общественного разделения труда, усилением экономического общения между городами и отдельными областями Древней Руси — такова та внутренняя обстановка на Руси, которая создала условия для собирания русских земель».[38] Великих князей — собирателей Руси — в их борьбе с удельными князьями поддержали различные группы населения: боярство, дворянство, церковь, посадское население. Централизаторские тенденции ускорялись тем, что Руси приходилось вести напряженную борьбу с воинственными соседями.[39] Значит, концепция Мавродина оказывается гораздо сложнее, чем это виделось А. М. Сахарову, и фактически входит в фундамент советской исторической науки.

Однако наряду с Киевской Русью ключевым для Мавродина стал еще один период отечественной истории — XVIII в. — период, всегда отпугивавший историков обилием материала и неоднозначностью оценок тех или иных событий. Мавродин стал одним из крупнейших знатоков истории этого столетия. Широкую известность получила его работа, посвященная Петру I. Это одно из ярчайших произведений о великом преобразователе, увидевших свет в советский период. Мавродин изображает Петра «в его житии» на широчайшем фоне экономической и общественной жизни России его времени.[40] Он принадлежит к числу тех историков, которые рассматривают петровские преобразования в эволюционном плане, видят их предпосылки в предшествующий период. В то же время ученый очень высоко оценивает роль личности самого Петра. «Московскую Русь превратили в Российскую империю петровские реформы. Но когда на арену истории вышел подлинный преобразователь, почва для его деятельности была уже готова», — пишет исследователь.[41]

Непосредственно с изучением Петра и его реформ связан цикл работ Ма-

---

[35] Окунь С. Б. Владимир Васильевич Мавродин... С. 10; см. также: Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982. С. 151 («Первая обобщающая работа об образовании единого Русского государства принадлежала В. В. Мавродину»).

[36] Мавродин В. В. Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование Русского центрального государства в XIV—XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4.

[37] Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 20–21.

[38] Мавродин В. В. Образование Русского национального государства. Л.; М., 1939. С. 30–31.

[39] Там же. С. 32–35.

[40] Мавродин В. В. Петр Первый. М.; Л., 1948; см. также переиздание: Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988.

[41] Мавродин В. Основание Петербурга. Л., 1978.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вродина, посвященных основанию Петербурга, венчаемый монографией под соответствующим названием. Выход в свет данных работ сделал Мавродина одним из крупнейших петербурговедов. Он поставил и рассмотрел проблему «Петербурга до Петербурга», другими словами, показал истоки города, охарактеризовал те поселения, которые предшествовали его появлению. Ученый проанализировал этапы строительства Петербурга, трудности, возникавшие перед создателями этого феномена урбанистической культуры. На страницах работ Мавродина мы встречаемся с прямо-таки живыми образами строителей Невской столицы, а последняя предстает, в свою очередь, как живой целостный социальный организм.[42]

После смерти Петра наступил период, который в нашей историографии традиционно именуется «эпохой дворцовых переворотов». Мавродин не оставил без внимания этот сложный для изучения период. Он посвятил ему интереснейший курс лекций, в котором рассмотрена классовая борьба, борьба за власть, а также отражение ставшего столь злободневным в ту пору крестьянского вопроса в общественной мысли.[43] Сейчас изучение этого достаточно «темного» периода нашей истории стало более интенсивным, но и на фоне новейших работ курс лекций Мавродина выглядит свежо и читается с неослабевающим интересом уже не одним поколением студентов.

Изучение событий «между Петром I и Екатериной II» подвело Мавродина к изучению одного из центральных событий русской истории этого времени — восстания Емельяна Пугачева. Надо иметь в виду, что в дореволюционной историографии народные движения, в том числе и восстание под руководством Пугачева, не пользовались особой популярностью, оставались на периферии исторического кругозора. В первые послереволюционные десятилетия по поводу народных движений было высказано много «революционных» взглядов, значительно модернизировавших казацкие и крестьянские восстания.

Мавродин подошел к изучению народных движений XVII—XVIII вв. с новых теоретических позиций. Естественно, что новые взгляды появились не в безвоздушном пространстве и были плодом во многом коллективного творчества. Но личным вкладом Мавродина в эти взгляды являлось создание концепции цепи «крестьянских войн» в России, застрельщиками которых выступают казаки. Уже в дискуссии 1958–1961 гг. по поводу крестьянской войны начала XVII в. Мавродин ставил вопросы (они так и остались без ответа), почему крестьянская война разразилась в начале XVII в. и какова связь крестьянских войн с социально-экономическим содержанием нового периода в истории России.[44] Иными словами, ученый испытывал потребность историографически осмыслить итоги развития науки в данной области,[45] поэтому принял участие в написании первого опыта специального исследования, в котором дается сравнительная оценка всех крестьянских войн, делается попытка выявить присущие им общие и индивидуальные черты.[46]

Все эти работы подготовили создание обобщающего коллективного труда «Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева» (Л.,

---

[42] Там же.

[43] Мавродин В.В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.): Курс лекций. Л., 1964; см. также переиздание: Мавродин В.В. Рождение новой России.

[44] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 227.

[45] Мавродин В.В. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII — XVIII веков // Вопросы истории. 1961. № 5.

[46] Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольский Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. М.; Л., 1966.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1961–1970. Т. 1–3). Это сочинение — безусловно самое объемное, информативное и серьезное исследование из увидевших свет в советской историографии. Авторским коллективом руководил Мавродин, он же написал и весь первый том, посвященный историографии пугачевского бунта. Можно не соглашаться с расширенной трактовкой «историографии» (ученый включает в свое сочинение и отражение восстания в фольклоре и в художественной литературе), но по информативности, по объему собранного материала книга уникальна.

Сведения, собранные Мавродиным, позволили ему написать еще ряд интереснейших сочинений. Это и книга о Пугачеве и пугачевцах,[47] и еще один выпуск курса лекций.[48] В трудах Мавродина вырисовывается целостная и оригинальная концепция крестьянской войны под руководством Пугачева. Он отводит значительное место в восстании казачеству, считает, в отличие от ряда исследователей, что восставшие имели свою идеологию, рассматривает основные социальные чаяния крестьянства и т. д.

Мавродин отдал свою жизнь Ленинградскому университету — отсюда постоянный интерес к его истории, стремление донести до молодого поколения славные вехи «биографии» этого учебного заведения. Находясь в Саратове, он писал Н. С. Державину в Москву: «Очень прошу прислать мемуары для книги "История Ленинградского государственного университета за 125 лет", дать хотя бы вкратце историю филологического образования в ЛГУ с момента основания, назвать виднейшие имена, школы, направления, воспоминания об учителях и коллегах, об Университете 1917–1946 гг.... Прошу прислать поскорее — в августе авторский коллектив садится за написание и монтаж книги».[49] В Саратове в основном и была написана книга, которая вскоре увидела свет.[50]

Мавродин возглавил авторский коллектив и тогда, когда создавалось другое известное сочинение, приуроченное к юбилею Университета.[51] Он щедро делился воспоминаниями и накопленной информацией по истории Университета.[52]

Тематика творчества Мавродина часто напрямую была связана с его личностью, весьма многогранной и привлекательной. Владимир Васильевич был великий знаток и любитель природы. Часами бродил он с ружьишком по полям и лесам, рыбачил, «по-аксаковски» любил «третью охоту». Отсюда проистекает интерес к истории охоты, бортничества и рыбной ловли. Из этого же источника и любовь к историко-географическим сюжетам, прежде всего истории мореплавания. Еще одна страсть — история оружия.

Весьма яркая черта его творчества, о которой уже говорилось, — пронизанность его историографией. В лучших традициях петербургской исторической школы, основателем которой был К. Н. Бестужев-Рюмин, Мавродин каждому сюжету, которым занимается, дает глубокую историографическую трактовку. Среди работ ученого мы находим практически все виды историографических работ. Это изучение последовательного развития исторической

[47] Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974; Мавродин В. В. Под знаменем крестьянской войны. Л., 1974.

[48] Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке (1773–1790 гг.) Л., 1975.

[49] АРАН. Ф. 827. Оп. 4. Ед. хр. 110.

[50] Ленинградский университет. 1819–1944 / Отв. ред. В. В. Мавродин. М., 1945.

[51] История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1969.

[52] См., напр.: Ежов В. А., Мавродин В. В. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

науки; проблемная историография и персоналия. К последнему виду историографических работ относится его очерк об учителе — Б. Д. Грекове.

Отдельного исследования заслуживает учебная литература, вышедшая из-под пера Мавродина. Его учебники переиздавались много раз. Написанные хорошим доступным языком, они служили замечательным подспорьем многим поколениям студентов.

Мавродин был и замечательным популяризатором исторической науки. Его многочисленные книги и брошюры доходили до самых отдаленных уголков нашей необъятной страны. Для очень и очень многих знакомство с родной историей начиналось с работ Мавродина.

Мавродин — один из крупнейших отечественных историков XX столетия, исследователь, внесший огромный вклад в российскую историческую науку. Его имя навсегда связано с Петербургским университетом.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ВОСПОМИНАНИЯ И. Ю. КРАЧКОВСКОГО О В. Р. РОЗЕНЕ

А. А. ДОЛИНИНА

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК:
Предисловие к публикации

Взаимная привязанность учителя и ученика чаще всего представляется как отношения отца и сына: с одной стороны — стремление старшего поделиться всеми своими знаниями и опытом, гордость успехами младшего, требовательность и терпимость одновременно; с другой — уважение и преданность, восхищение достижениями старшего, желание во всем на него походить. Но с самого начала, когда будущие наставник и подопечный только еще делают свой выбор, это напоминает, скорее, завязку романа — тут или любовь с первого взгляда, или, наоборот, кажущееся взаимное неприятие, а бывает, что двое потихоньку присматриваются друг к другу и постепенно ощущают родство душ, интересов... да мало ли как бывает!

Воспоминания, предлагаемые читателю, и прослеживают историю сложения взаимоотношений учителя и ученика, и отражают установившуюся между ними глубокую духовную связь.

Автор и герой воспоминаний в науке равновелики: каждый из них — и В. Р. Розен (1849–1908) и И. Ю. Крачковский (1883–1951) — целая эпоха в истории востоковедения.[0] Это люди разные по происхождению: В. Р. Розен — из остзейских баронов, правда, обедневших, И. Ю. Крачковский — из духовного сословия; они различались и по характеру (как это будет видно из воспоминаний), но объединяла их прежде всего преданность науке — не поэтому ли их биографии удивительно схожи: небогатые внешними событиями типичные биографии университетских ученых. По случайному совпадению оба родом из Прибалтики (Розен из Таллина, Крачковский из Вильнюса), оба окончили приблизительно в одном возрасте (21–22 года) Факультет восточных языков Петербургского университета, оба остались преподавать в своей alma mater, оба к 35 годам стали профессорами и в сравнительно молодом возрасте — академиками (Розен — в 41 год, Крачковский — в 38 лет) и с Петербургским университетом были связаны до конца жизни. Розен несколько раз побывал в Европе, приобрел известность среди современных ему зарубежных востоковедов, с некоторыми из них дружил; Крачковский два года (1908–1910) провел на Арабском Востоке, летом 1914 г. пробыл недолго в Голландии и Германии, а в дальнейшем с многими арабскими и европейскими востоковедами состоял в многолетней переписке.

© А. А. Долинина, 2000.

[0] О жизни и деятельности В. Р. Розена см.: Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1908. Приложение к т. XVIII; Памяти академика В. Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947; Крачковский И. Ю. 1) Памяти барона В. Р. Розена // Туркестанские ведомости. 1908. № 22; 2) Очерки по истории русской арабистики // Избр. соч. Т. 5. М.; Л., 1958.

О жизни и деятельности И. Ю. Крачковского см.: Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994; Беляев В. И. Академик И. Ю. Крачковский // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 1; Беляев В., Церетели Г. Предисловие // Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 1. М.; Л., 1955; Кононов А. Н. Академик Игнатий Юлианович Крачковский (к 100-летию со дня рождения: 1883–1951) // Известия АН СССР. Серия языка и литературы. 1983. Т. 42. № 4; Халидов А. Б. Академик И. Ю. Крачковский // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М., 1987.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

По возрасту Крачковский пережил своего учителя, но, как и он, умер, не исчерпав своих возможностей в науке и не успев «вывести в люди» последних учеников.

Научные труды Розена[1] посвящены истории арабской и персидской литератур, в частности — средневековой поэзии, а также — арабским источникам по истории Восточной Европы, притом он убедительно показал значение летописей христианско-арабских историков. Розен много внимания и сил отдал изучению ближневосточных рукописей. Им подготовлены 4 тома описаний российских и зарубежных рукописных собраний; на эти описания, признанные классическими,[2] до сих пор опираются современные исследователи арабских рукописных книг. Хрестоматии, составленные Розеном вместе с его учителем В. Ф. Гиргасом, используются в преподавании на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета и поныне как лучшие по подбору средневековых арабских текстов.

Создание новой школы русского востоковедения на рубеже XIX—XX вв. связывается с именем Розена благодаря не только его ученым трудам, но не в меньшей степени и результатам его педагогической и научно-организационной деятельности, которая, быть может, и являлась главной его заботой, главной целью жизни. Розен считал необходимым создание «дружной семьи ученых работников», и цели этой, по оценке Крачковского, он достиг блестяще.[3] Достаточно сказать, что, помимо «чистых» арабистов (Н. А. Медникова, А. Э. Шмидта, Крачковского и др.), его считали своим учителем такие крупнейшие русские востоковеды, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, «которые могли продолжить и расширить его работу не только в научной области, но в сфере организации и руководства в широком масштабе».[4]

С 1893 по 1902 г. Розен был деканом Факультета восточных языков, притом не номинальным, а действенным, организующим всю учебную и научную работу факультета, постоянно интересующимся жизнью и настроениями студентов, всегда готовым помочь своим ученикам, — в этом можно убедиться по воспоминаниям Крачковского, поступившего в Университет в 1901 г. Мало того, в 1885 г. Розен становится во главе Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, члены которого собирались регулярно, обсуждали все насущные проблемы современного востоковедения и выступали с научными докладами. Восточное отделение под руководством Розена вскоре превратилось в широкое объединение всех российских востоковедов, сравнявшееся по своему значению с давно сформированными аналогичными европейскими обществами. «Настоящая высшая академия востоковедения», — так охарактеризовал его Крачковский в некрологе.[5]

Розену принадлежит и заслуга создания (1886) первого русского научного востоковедного журнала «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества», также получившего мировое признание. «Благодаря его [Розена. — *А. Д.*] энергии и настойчивости русский язык становился привычным и для западных ориенталистов; многие из них изучили его, чтобы читать "Записки"», — замечает Крачковский.[6]

---

[1] Библиографию научных трудов В. Р. Розена см.: Крачковский И. Ю. 1) Список трудов барона Виктора Романовича Розена // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVIII. Приложение. С. 39–48; 2) Дополнения к библиографии работ барона В. Р. Розена и материалов о нем // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. III. 1928. С. 267–278.

[2] Крачковский И. Ю. Очерки... С. 100.

[3] Крачковский И. Ю. Памяти барона В. Р. Розена. Отд. оттиск. С. 8.

[4] Памяти академика В. Р. Розена. С. 7.

[5] Крачковский И. Ю. Памяти барона В. Р. Розена. С. 8.

[6] Крачковский И. Ю. Очерки... С. 101.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Розен заботился об организации преподавания восточных языков и вне столицы, интересовался работой провинциальных ориенталистов и приветствовал каждую попытку востоковедной деятельности на азиатских окраинах России.[7] В «Записках Восточного отделения» много места уделялось рецензиям на труды казанских и ташкентских ученых, большая часть этих рецензий была написана самим Розеном.

Крачковский, едва успевший к моменту кончины Розена сдать магистерские экзамены и выбрать тему диссертации, был последним его учеником. Учеником любимым и учеником верным. Многое в его дальнейшей деятельности было отражением и продолжением деятельности учителя.[8] У Крачковского было такое же пристрастие к старинным рукописям — их исследованию и описанию он посвятил не одну свою работу. Он поддержал также линию исследования арабских источников, связанных с Восточной Европой, охватив, помимо того, источники по Северному Кавказу и Средней Азии и присоединив к этому капитальный труд по истории арабской географической литературы. Крачковский продолжил изучение средневековой арабской поэзии, расширив и эту тему исследованием национальных теорий поэтики; в сфере его интересов была и христианско-арабская литература — до тех пор, пока можно было ею заниматься. К традиционным розеновским направлениям научной работы у него присоединились и новые: история арабской литературы XIX—XX вв. — область, в которой он признан пионером, — и история востоковедения. У него был несомненный вкус и к популяризации науки: его книжка «Над арабскими рукописями», выдержавшая за три года (1945–1948) четыре издания, была своеобразным бестселлером 40-х годов.

Итак, в научном плане Крачковский оправдал надежды своего учителя. Однако он хорошо осознавал, что на его плечи после Розена ложатся также и заботы по организации и координации российского востоковедения. Решение этой задачи давалось ему труднее — и по причине более замкнутого характера и из-за условий работы: война, революция, разруха, а в 20–40-е годы — просто опасность создания каких-либо не запланированных сверху научных объединений, не говоря уж о времени Великой Отечественной войны. И все же: организация арабистической работы в горьковской «Всемирной литературе» (1919–1923), создание «Кружка арабистов имени барона В. Р. Розена» (1928–1930), затем Ассоциации арабистов (1934–1939) и организация двух ее сессий (1935, 1938), попытки организации коллективных исследований арабских источников — все это плоды усилий Крачковского, его заслуга перед университетской и академической наукой.

Он продолжал поддерживать связи с крупнейшими западными востоковедами и, особенно благодаря своему интересу к современной арабской литературе, укрепил и расширил контакты с арабскими учеными и писателями, переводил их произведения на русский язык. Таким образом, если Розен ввел русскую арабистику на равных правах в сообщество арабистики западной, то Крачковский «перекинул мост между миром арабской культуры и миром русской культуры, способствовал их взаимному пониманию, поддерживал постоянные и неослабевающие связи между этими двумя, казалось бы, столь непохожими и далекими мирами».[9]

Нет нужды повторять, что научная и организаторская деятельность обоих ученых нашла отражение и в университетском преподавании, поставив его на фундаментальную академическую основу. И если Крачковский не так был счастлив в

[7] Бартольд В. В. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 589–595.

[8] Библиографию научных трудов И. Ю. Крачковского см.: Материалы к библиографии ученых СССР. Игнатий Юлианович Крачковский. [Составил И. Н. Винников]. М.; Л., 1949; Винников И. Н. Дополнения к библиографии трудов академика И. Ю. Крачковского // Палестинский сборник. Вып. 1 (63). М.; Л., 1954. С. 125–129.

[9] Халидов А. Б. Академик И. Ю. Крачковский. С. 11.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

учениках, как Розен, то виной этому не он сам, а время, в которое ему довелось жить и работать.

Крачковский не только любил Розена как близкого человека и внимательного учителя, что ярко отразилось в воспоминаниях, — он очень рано оценил его роль в отечественном востоковедении. «Уже одна научная деятельность, снискавшая ему еще в молодые годы всемирную известность... дает покойному право на вечную жизнь в истории науки», а блестяще достигнутая им цель создания «такой научной среды, которая позволила бы не бояться за будущность востоковедения в России», была, по мнению Крачковского, «достойна жизни великого человека».[11]

Память учителя Крачковский чтил всю свою жизнь и много сделал для ее увековечения. Прежде всего он занялся наследием Розена: составил и напечатал библиографию его трудов (1908, 1928), опись его бумаг, поступивших в Азиатский музей (1918, 1929), опубликовал около десятка оставшихся в рукописи его работ, в том числе перевод арабской версии «Повести о Варлааме и Иоасафе», написал о нем несколько статей и подготовил сборник к 30-летию со дня смерти Розена (издать его удалось девятью годами позже), куда включил и кое-что из розеновского наследия. В годовщину смерти учителя, 23 января (или около этой даты), Крачковский, когда это было возможно, устраивал памятные заседания; последнее из них состоялось 28 января 1950 г., за год до кончины самого Крачковского. Крачковский выступал на этих заседаниях неизменно, не всегда, правда, с розеновской темой, но, так или иначе, докладов, связанных с деятельностью Розена, он прочел за все время более десяти.

Публикуемые ниже «Воспоминания ученика о бароне В. Р. Розене» — один из таких докладов, текст которого (в рукописи и в машинописи) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 1026, опись I, дело 294). Рукопись датирована 28 февраля 1938 г., т. е. написал Крачковский эти воспоминания в год 30-летия со дня смерти учителя, когда готовил сборник его памяти. Добавления и поправки к рукописи помечены 27 мая того же года. Машинописный текст, учитывающий эти поправки, относится приблизительно к тому же времени; впоследствии он был еще раз слегка подредактирован автором. Доклад был прочитан дважды: 31 января 1940 г. в заседании Арабского кабинета Института востоковедения АН СССР и 27 мая 1946 г. в заседании Кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ, практически уже перед другой аудиторией; к этому времени относится, очевидно, последняя правка текста.

Настоящее издание воспроизводит машинописный текст (дело № 294, л. 35–72) со всеми позднейшими поправками.

[11] Крачковский И. Ю. Памяти барона В. Р. Розена. С. 7–8.

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА О БАРОНЕ В. Р. РОЗЕНЕ (1901–1908)

1

Я поступил на Факультет восточных языков в 1901 г., и первым профессором, с которым я встретился непосредственно, оказался барон В. Р. Розен. Занятия в тот год в Университете начались поздно, только в середине сентября: шел какой-то многолюдный конгресс, и в главном коридоре второго этажа с прилегающими аудиториями были устроены всякие бюро и происхо-

© Публикация и примечания А. А. Долининой, 1999.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дили заседания. Помещение третьего этажа, где тогда находился факультет, оставалось свободным, но жизни в нем не чувствовалось: в так называемом предбаннике — большой проходной комнате перед коридорчиком с аудиториями и профессорской, где в обычное время толпились между лекциями студенты, — теперь маячили только скучающие фигуры двух служителей, да изредка появлялись и куда-то проходили неведомые мне одинокие студенты и, как я полагал, профессора; все, конечно, в форме того времени. Я приехал в Петербург рано и, проделав первые формальности в общей канцелярии Университета, от скуки и безделья часто заходил на факультет, с нетерпением ожидая каких-нибудь новостей о начале занятий. В витрине изредка появлялись объявления по факультету, однако с малоинтересными и не всегда понятными для меня сообщениями; подписаны они были обыкновенно исполняющим обязанности декана профессором В. Д. Смирновым.

Запись на лекции, однако, производилась до начала занятий: от студентов I курса по установившемуся на факультете обычаю ее принимал декан, от старших — секретарь. Получив в первый же день студенческое удостоверение, я явился в «предбанник», заполнив по своему разумению бланк для записи на лекции по печатному «Обозрению преподавания», которое на досуге изучил вдоль и поперек. В «предбаннике» по-прежнему никого не было, кроме одного служителя, как впоследствии я узнал, шипкинского героя времен турецкой войны, способного целыми часами простаивать в углу, спиной к печке в одной позе, с устремленным неподвижно в одну точку взглядом. Не без трепета я обратился к нему с вопросом, принимает ли дéкан факультета, ставя ударение еще на привычный мне белорусский лад. Шипкинский герой, едва взглянув на новичка, промычал: «Налево вначале», — указав в коридорчике дверь, где никаких надписей не было. Не менее боязливо я осведомился, не надо ли доложить, на что служитель только махнул презрительно рукой. Приоткрыв осторожно дверь в большую комнату и надеясь найти в ней какую-нибудь канцелярию, где мне укажут кабинет дéкана, я увидел за длинным столом в клубах табачного дыма одного только невысокого полного старика в форменном сюртуке Министерства народного просвещения, совершенно седого, несмотря на свои 52 года, как выяснилось позже. Мое внимание поразили особенно две стоявшие перед ним на столе большие коробки с табаком и гильзами и лежавший портфель с необычными для того времени ручками, как у папки для нот. «Нельзя ли видеть дéкана?» — спросил я, продолжая принимать сидящего за какую-то промежуточную инстанцию, едва ли не канцелярского характера. «А зачем он Вам?» — как мне показалось, не без иронии поглядывая на меня, спросил старик. «Записаться на лекции», — ответил я, беспомощно теребя в руках бланк, который не знал куда девать. «А! Давайте, это ко мне», — и странный человек протянул руку за бумажкой. Я с ужасом увидел, что оказался лицом к лицу с деканом и, вспомнив читанные мною в витрине объявления, решил, что вижу перед собой профессора Смирнова. Едва взглянув на бланк, сидящий вдруг резко обратился ко мне: «Вы зачем поступаете на восточный факультет? В дипломаты захотелось? Белые штаны нравятся?». Совершенно растерявшись от резкого тона неожиданного вопроса, я наивно пролепетал: «Нет, я хочу остаться при Университете». Говоривший с любопытством посмотрел на меня и прежним тоном продолжал: «Ну, это мы еще увидим: для этого надо способности иметь. А у вас, верно, по древним языкам в гимназии тройки были!». Обиженный в своих лучших чувствах, я несколько смелее, но все же робко промолвил, что кончил гимназию с золотой медалью. Строгий декан, по-видимому, несколько смягчившись, но все еще не меняя тона, спросил: «А как у вас дело с новыми языками?». Я ответил, что читаю по-французски и по-немецки, но не

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

говорю. «Болтать и не надо, это нужно для дипломатов, а нам важно пользоваться пособиями. Непременно еще займитесь английским», — сказал он и погрузился в просмотр бланка с записью на лекции. Какой-то поворот головы дал мне возможность лучше рассмотреть лицо, и вдруг в линии несколько кривого рта мелькнуло что-то мне знакомое. Меня внезапно осенило, и я вторично пришел в ужас от смущения и конфуза — передо мной сидел вовсе не заместитель декана проф. Смирнов, а сам декан барон Розен, имя которого было хорошо известно и в провинции. Несколько лет тому назад, в 1897 г., когда праздновался 25-летний юбилей его профессуры, в «Новом Времени» был помещен портрет, хорошо запомнившийся мне — гимназисту. Четыре года сильно его изменили, но все же теперь сомнений не было. Просмотрев бланк, Розен мне сказал: «Вы записали здесь необязательные курсы профессора Бартольда — восточная нумизматика и беседы по вопросам истории Востока. Для них надо уже знать языки, они предназначены для студентов третьего-четвертого курса». Я несколько расхрабрился, указывая, что в «Обозрении преподавания» сказано — «для студентов всех курсов». Розен недоверчиво заглянул в лежавшую перед ним брошюру «Обозрения» и, убедившись, что я был прав, вдруг сказал: «А вот мы спросим самого профессора», — и с живостью, которой я не ожидал от его полной фигуры, выскочил из-за стола и, приоткрыв дверь, крикнул куда-то в пространство: «Василий Владимирович, Василий Владимирович!». В комнатке напротив профессорской, где был, как я впоследствии узнал, «минц-кабинет», послышались неровные шаги и на пороге профессорской появилась неловкая и странная фигура. Положительно для меня это был день неожиданностей! Еще зимой того года в далекой провинции я читал в газете про блестящую защиту Бартольдом диссертации, за которую ему была присуждена сразу степень доктора, минуя магистерскую. В местных ученых кругах, где Н. И. Веселовского знали хорошо по археологическим съездам, почему-то ходила легенда, что Бартольд — талантливый соперник Веселовского. Естественно, что в моей фантазии создалась фигура представительного, красноречивого ученого, с каким-то ореолом блестящей диссертации. И вместо этого в профессорской стоял, смущенный не меньше меня самого, хромой и косой человек в поношенном штатском сюртуке, с каким-то страшным напряжением заики выговаривавший слова. «Как же он читает лекции?» — была единственная мысль, которая пронизала меня с невольным чувством жалости к такому талантливому человеку, столь жестоко обиженному судьбой. Розен сообщил, в чем дело, и Бартольд, запинаясь, лаконично разъяснил, что хотя в «Обозрении» это не сказано, но он действительно предпочитает, чтобы у него занимались студенты, немного знакомые с восточными языками, во всяком случае не раньше второго курса. «Ну вот, в следующем году и запишетесь», — резюмировал барон. Бартольд поспешил уйти в «минц-кабинет», так же неловко, как пришел. Розен вычеркнул две строчки в бланке с записью на лекции, подписал и вернул мне. Мой первый разговор с ним был кончен, но впечатление от него я переживал долго и в своей провинциальной наивности никак не мог отделаться от изумления, что разговоры с большими учеными проходят так просто, а сами они выглядят так обычно и совсем не похожи на образы, созданные нашей фантазией.

За весь первый академический год у меня сохранились в памяти только два случая, где принимал участие барон. Поступил я в Университет в полосу постепенно нараставших к 1904 г. студенческих волнений — «беспорядков», как их тогда называли. Министерством народного просвещения в этом году была сделана попытка как бы легализировать движение, предоставив некоторую автономию студентам с выборными старостами на каждом курсе. Для проведения этих собраний и связи со студентами на факультетах были вы-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

делены особые «кураторы» из профессоров. У нас для I и II курсов таковым был Розен, вероятно как декан, для III и IV — турколог проф. Мелиоранский. На выборном собрании, которое было обусловлено известными формальностями, из студентов требовалось указать секретаря. Коллеги назвали меня, и Розен до заседания торопливо разъяснил мне, как вести протокол отдельными пунктами с римскими цифрами, по тому же, впоследствии ставшему мне хорошо известным, типу, который был принят в Восточном отделении Археологического общества. Я, знакомый с этой процедурой с гимназической поры, пытался предложить свою систему, но Розен, не особенно вслушавшись, повторил свои указания. Подробностей заседания не помню; старостой у нас выбрали самого старшего по возрасту студента Кадлубовского, которому тогда было 34 года и который умер, не кончив Университета, на IV курсе. Только два момента, связанных с этим заседанием, сохранились у меня в памяти.

К этому времени мне хорошо уже был известен тот ореол, который окружал личность барона в глазах его старших учеников, профессоров нашего факультета: едва ли кого-нибудь так уважали и любили, как его. Поэтому-то таким диссонансом резнула мою наивную душу ирония с их стороны, свидетелем которой я случайно оказался и которая тогда же представилась мне несправедливой. Во время какого-то перерыва в этом заседании Розен остался в большой аудитории со студентами, и у него, как всегда, быстро завязался оживленный разговор с ними на какие-то злободневные темы. Я зачем-то вышел и, проходя по площадке лестницы, натолкнулся на проф. Мелиоранского и секретаря факультета проф. Жуковского, который курил. До меня донесся обрывок их разговора. «А что барон? Опять со студентами разболтался? — Неисправим! Охота ему!» — и Жуковский точно презрительно отмахнулся, как всегда левой рукой. Я сразу почувствовал всю внутреннюю несправедливость скрытой здесь оценки, но только со временем мне стала ясной основа ее. Барон при своих определенно правых убеждениях, которые он всегда высказывал с полной прямотой, был одним из немногих профессоров, которые интересовались молодежью и любили с ней беседовать, находя по целому ряду вопросов общий язык. Среди его учеников, иногда по-своему даровитых, было немало и просто сухих людей и чиновников. Всегдашняя живость барона была их натуре непонятна. Считая себя в житейском отношении выше его, они, точно выросшие дети, смотрели на его действия свысока, как на чудачества старика, и не подозревали, что и в тех областях, где они считали себя опытнее, он был на голову выше их.

Заседание закончилось маленьким инцидентом, невольным виновником которого оказался я. Когда оно было уже закрыто бароном, коллеги-студенты попросили меня поблагодарить его от их имени за содействие и помощь в проведении студенческой автономии. По своей наивности того времени не сомневаясь, что Розен является сторонником либеральных мероприятий, я от имени студентов сказал небольшую речь, в которой выразил ему признательность как одному из сторонников университетской автономии, немало содействовавшему ее проведению Студенты выразили свои чувства аплодисментами. Барон, который собирался было уходить, вдруг быстро вернулся к столу с порога аудитории и, с нескрываемым неудовольствием сказав мне: «Зачем вы говорили? Вот теперь надо возобновлять заседание», — попросил присутствующих остаться на несколько минут. Я сначала не понял, что произошло, но Розен, обратившись к студентам, сказал, что он должен рассеять недоразумение, так как он никогда не был сторонником автономии и не думает, что она поможет восстановить нормальный ход занятий. Причины студенческих беспорядков, по его мнению, не академические,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

а политические, и автономия от них не спасет. Но так как некоторые полагают, что последние мероприятия могут содействовать восстановлению нормальной жизни, то он согласился принять участие в их проведении, хотя сам относится к результатам скептически. Единственное, что студенты должны делать — это учиться. Я почувствовал себя сконфуженным, но не мог не оценить сразу, какой прямотой в высказывании своих взглядов барон обладает. Будущее показало, что он был прав.

Второй случай, относящийся к тому же первому году моего пребывания в Университете, интересен, пожалуй, для одних арабистов. Занятия в Университете все не налаживались: уже к 8 февраля — традиционному дню давно не происходившего акта — Университет был закрыт и открыт только для переходных экзаменов в начале мая. Мы были предоставлены самим себе; между тем по языку было пройдено в связи со всякими перерывами чрезвычайно мало. Хотя мы знали, что по текстам будут экзаменовать только из пройденного, но хотелось двигаться дальше, и вот мы вдвоем с одним однокурсником, приятелем по занятиям, как слепые щенята, беспомощно пытались сами просунуться через все дебри арабской хрестоматии для I курса Гиргаса и Розена. На лекциях была едва закончена первая часть ее — «крупным шрифтом»; мы старались разбирать дальше и безнадежно застряли на следующей же странице на одном выражении из знаменитого «хадиса» про сына Адама и две долины со скотом.[1] Мы видели в фантастическом слове «ал-йахман» винительный падеж от слова «йахм», которого не находили в словаре, и только удивлялись, как он мог сохранить тенвин при наличии определенного члена.[2] Другие объяснения нам не приходили в голову, и после долгих совещаний мы решились обратиться за разъяснением к самому Розену, так как прочих профессоров стеснялись еще больше; моя же попытка получить толкование у студента IV курса Емельянова, жившего, как и я, в студенческом общежитии, так называемой Коллегии императора Александра II, на Филологическом переулке в университетском дворе, не увенчалась успехом: он откровенно сказал, что «забыл это место», чем немало в моих глазах подорвал авторитет старших. Мой приятель бывал на квартире Розена по делам своего поступления в Университет еще осенью, поэтому и был отряжен с этой миссией, тем более что стеснялся он меньше моего. Вернулся он, однако, изрядно сконфуженным. Я с любопытством на него накинулся: «Ну, что он сказал?». «Что он сказал? Ничего не сказал! Сказал, что мы читать не умеем, а если прочтем верно, сразу поймем». С разочарованием и огорчением опять мы уставились в злополучный «хадис», и вдруг сразу нас обоих осенило — никакого винительного падежа не было, а стоял обычный предлог с местоименным суффиксом в двойственном числе «илейхима».

От студенческой поры у меня сохранилось мало воспоминаний о бароне Розене. Это неудивительно, так как и встречаться с ним приходилось редко. Уже в 1902 г. он оставил деканство, передав его одному из любимых учеников, долголетнему секретарю факультета проф. Жуковскому; лекции он читал только на IV курсе, и до этого времени мы встречали его преимущественно в коридоре или на лестнице, всегда быстро идущим, всегда в форменном сюртуке, с неизменным портфелем с ручками. Регулярно его фигура появлялась по пятницам в дни факультетских заседаний. Всегда студенты приглашали его на годовой праздник в Коллегии 3 октября, и он всегда живо беседовал, обсуждая проявления, как сказали бы теперь, художественной самодеятельности, которой студенты развлекали своих почетных гостей. Его живость меня поразила особенно раз, когда во время игры на цитре у меня лопнула струна. Он с непритворным любопытством расспрашивал, не опасно ли это, нельзя ли оцарапать палец, не болят ли вообще пальцы при игре.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Услыхав как-то в разговоре про нашу библиотеку, он заинтересовался ее восточным отделом, которому мы старались придать некоторую автономию. Восточников тогда жило много в Коллегии, и с этого времени барон стал по временам передавать книги в коллегианскую библиотеку. Барон подарил нам даже последний, остававшийся еще свободным у него полный экземпляр истории ат-Табари[3] и только усиленно настаивал на необходимости его верно переплести, не спутав серии, тома и выпуски. За этим поручено было следить мне, и в очередное посещение бароном Коллегии мы демонстрировали ему переплетенный экземпляр. Он был очень доволен и с обычной живостью неожиданно проговорился: «А вот профессор Медников перепутал все выпуски при переплете!».

Летом, при переходе на III курс, я прочитал на каникулах Коран и попутно обнаружил ряд пропусков отдельных слов из него в специальном словаре Гиргаса. Осенью откуда-то я услыхал, что факультет готовит новое издание словаря, и решил отнести листок с дополнениями барону на квартиру. Он, как всегда, с большой живостью просмотрел листок, указал в нем некоторые напраслины, взведенные мною на Гиргаса и объяснявшиеся тем, что я пользовался казанским изданием. К большому изумлению для моих наивных представлений барон добавил, что хорошего издания Корана нет и единственным приближением к критическому изданию может служить только комментарий аль-Бейдави, напечатанный Флейшером.[4] Все это было для меня ново и мало понятно, а он говорил со мной, как с равным. В заключение Розен мне сказал, что вопрос о переиздании словаря пока отпал, так как в одном библиотечном шкафу в большом коридоре обнаружилось значительное количество экземпляров, которых хватит еще на много лет. «А ваш листок со временем пригодится, я его присоединю к своему экземпляру». И действительно, через много лет, оказавшись хранителем Семинария восточных языков, куда перешла розеновская библиотека, я обнаружил тщательно вклеенным в словаре мой листок. Там он и оставался, пока один студент в конце 30-х годов не заблагорассудил взять его себе на память.

Вот кажется и все случаи, когда мне приходилось непосредственно беседовать с бароном до IV курса. На переходных экзаменах он не присутствовал, а с 1902 г. не входил даже в состав государственной испытательной комиссии, уступив свою роль проф. Медникову. Да и вообще, профессора жили своей жизнью и держались особняком от студентов. Мы даже не знали, например, что в ноябре 1902 г. исполнился 30-летний юбилей его профессуры, который, правда, не праздновался официально, но от факультета был поднесен ему печатный адрес. В студенческие годы я имел все же случай присутствовать при трех публичных выступлениях барона оппонентом на диссертациях. Первая, на которой я его видел, была докторская диссертация Марра по армяно-грузинской филологии 9 декабря 1901 г. Розен знал только шрифт соответствующих языков, но нам в студенческих кругах было известно, что он «спасает положение»: официальный представитель специальности проф. Цагарели в связи с личными расхождениями отказался признать диссертацию, и надо было искать оппонентов среди других членов факультета. Такими и оказались барон Розен и П. К. Коковцов. Подробностей диспута не помню, кроме начальных фраз барона, где он объяснял, почему, не зная грузинского языка, он все же решился принять участие в диспуте. Приблизительно так же начинал свои возражения и П. К. Коковцов. Это, конечно, не помешало нам, студентам, бывшим на защите диссертации, чувствовать, что весь диспут проходил на высоком научном уровне, в серьезных академических тонах. Впоследствии у нас распространился рассказ о том, что через несколько дней барон взял ложу в театр на представление какой-то популярной в то время

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

оперетки, где фигурировали судьи, из которых один говорил, что он ничего не видит, второй, что он ничего не слышит. Передавали, что барон пригласил в ложу между прочим Коковцова, который будто бы обиделся, когда представление дошло до сцены с судьями, напоминавшими недавних оппонентов на диспуте. Было ли в этом рассказе зерно истины — не могу ручаться, но, зная характер барона, думаю, что это было совершенно в его духе, при склонности к незлобивой иронии над самим собой.

Два других диспута, на которых я слышал выступления барона оппонентом, принадлежали уже его непосредственным ученикам по специальности, хотя и проходили по разным факультетам. Это были докторские диссертации Н. А. Медникова и А. А. Васильева, защищенные в 1902 г. На первой выступил тогда вторым оппонентом юный приват-доцент 31 года А. Э. Шмидт. Нас особенно поразил один мелкий случай на диспуте. Шмидт выразил сожаление, что Медниковым для биографических деталей о передатчиках преданий не был использован какой-то недавно изданный биографический словарь. При этих словах Розен вдруг встрепенулся и с обычной живостью перебил оппонента вопросом: «А где он издан?». «В Калькутте», — отвечал Шмидт. После этого мы, конечно, прониклись особым почтением к Шмидту, который знал то, чего не знал даже барон, причем последний не счел нужным умолчать про это. На диссертации А. А. Васильева вторым оппонентом был византинист В. Э. Регель, и мы могли даже при незнании предмета хорошо почувствовать разницу между его придирчивыми и иногда язвительными замечаниями и благожелательными, как всегда с оттенком добродушия, указаниями барона, хотя они отнюдь не сводились к одним похвалам.

Если видеть барона приходилось нам редко, то слышали мы о нем еще до IV курса много: вся атмосфера на факультете была им насыщена, особенно на нашем так называемом арабско-персидско-турецко-татарском разряде. Часто эти рассказы сводились к пустой болтовне, вроде знаменитого, бродившего среди студентов каламбура о том, что никаких арабов нет, а арабский язык выдумал барон Розен для того, чтобы мучить студентов. Во всяком случае мы очень быстро поняли и почувствовали, что главная фигура на факультете, даже без всякого официального положения — именно он, что так относятся к нему все и что он представляет какое-то исключительное явление. Его научный вес оставался, конечно, вне нашего тогдашнего кругозора, но ореол его личного облика стал мне яснее благодаря одному случайному обстоятельству.

Нашим однокурсником был сын декана Сергей Жуковский — очень прилежный и добросовестный студент, импонировавший нам великолепным знанием немецкого языка, но не обладавший особыми научными талантами, хотя и мечтавший одно время о научной работе. Несмотря на свою ординарную внешность, он был очень хорошим музыкантом, и на этой почве мы быстро сошлись; я стал бывать на дому у него чуть ли не со II курса. Здесь я попал в еще более насыщенную атмосферу своеобразного культа барона. Профессор Жуковский был едва ли не самым любимым учеником Розена; впоследствии я убедился, что он не преувеличивал его научных дарований, считая более талантливыми других (например, Марра или Бартольда), но личные симпатии его склонялись именно в сторону этой семьи, где главенствующую роль играла В. А. Жуковская — женщина больная и истеричная, очень любившая занимать первое место, но тоже благоговевшая перед бароном. Он раз в неделю всегда обедал у них, и никто другой в этот день не приглашался. Много мне пришлось наслушаться рассказов про него, иногда в своеобразном преломлении больной фантазии В. А. Жуковской, только в крайних случаях рассеиваемой лаконичными замечаниями вечно молчаливого В. А. Жуковского. И

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

здесь я заметил то же, что в случайно услышанном разговоре на лестнице во время выборного собрания старост. Ученики барона, при всем благоговении к нему, считали себя в некоторых отношениях переросшими его и жестоко в этом ошибались; проскальзывавший иногда тон иронии всегда в моих ушах звучал каким-то диссонансом, хотя тогда я еще очень мало разбирался во всех существовавших комбинациях. По-видимому, и у барона, кажется, раз в месяц устраивались обеды для коллег, которым придавалось тоже какое-то особое значение. По крайней мере, придя раз зачем-то на квартиру к проф. Медникову, я от горничной услыхал, что его нет дома и он на обеде у барона Розена. Видно было, что от своих господ она вполне усвоила всю важность этого факта.

Годы между тем шли, и мы оказались на IV курсе, единственном, где барон читал лекции. Было это осенью 1904 г. Интересы большинства студентов к этому времени уже определились и в связи с их дальнейшими планами направлялись среди многочисленных изучавшихся на отделении языков в сторону преимущественно персидского или турецкого. Однако арабский язык, как и другие, был обязательным, имя Розена было окружено уважением, студенты на его лекции ходили обыкновенно аккуратно, тем более что и пособия по арабскому языку были лучше, чем по другим, благодаря хрестоматии и словарю Гиргаса. Тем не менее серьезно интересовавшихся арабским языком среди 12–15 человек было двое: у меня, благодаря занятиям Абиссинией с Тураевым,[5] арабистические склонности окончательно перевесили иранистику, к которой чувствовалось большее влечение на первых двух курсах; такое же внимание проявлял один студент гебраист, с которым мы обыкновенно и занимались вместе, начиная с I курса. Применяться приходилось, однако, к общему уровню аудитории, и поэтому занятия и по-арабски у Розена носили такой же школьный характер, как и вообще на Восточном факультете. Иной возможности мы себе в то время и не представляли. Барон смотрел на слушателей как на будущих дипломатов не без некоторой иронии и искренно удивлялся, когда они обнаруживали что-нибудь больше ученических познаний.

Лекций у барона было пять часов в неделю, на нашей памяти всегда по средам от 11 до 13 и по пятницам от 11 до 14. Объяснялось это, как я потом понял, желанием его приноровить их к заседаниям Академии наук, которые происходили по средам в два часа, и совета факультета, собиравшегося по пятницам в то же время. Из пяти часов два посвящалось из году в год истории литературы, а по одному — чтению Корана, поэзии и грамматических текстов. По Корану читались обыкновенно последние суры,[6] причем барон пользовался маленьким казанским изданием хефтйека (выбранными сурами в размере седьмой части Корана); для поэтических текстов он руководствовался богатым подбором в хрестоматии Гиргаса, для грамматических — трактатиком аль-Аджуррумия[7] в незадолго перед тем вышедшей хрестоматии Брюннова из серии Porta linguarum orientalium. Комментарий обыкновенно ограничивался грамматическими и реальными объяснениями элементарного характера, приноровленными к студенческому уровню. Никаких ярких впечатлений у меня не сохранилось, но, конечно, барон и здесь оставался бароном, и нередко его объяснения вспыхивали неожиданными блестками юмора, вроде совета переводить слово «адаб»[8] по традиции проф. Навроцкого «добропоступочность» или вроде знаменитого среди студентов, сочиненного им русского образца размера хафиф,[9] на чтении которого большинство спотыкалось:

Есть размер, он зовется легким — хафифом,
Но трудненько порой дается студентам.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Такой же непритязательный характер носили и его лекции по истории арабской литературы, которые он вел в виде своеобразных бесед-монологов, приноровленных к абсолютному незнанию предмета аудиторией. Оратором Розен никогда не был и о внешней форме своих лекций нисколько не заботился. В руках он держал исключительно очень хорошо известный студентам по подготовке к государственным экзаменам литографированный конспект, составленный еще в студенческие годы Медниковым по литографированному же очерку истории арабской литературы Гиргаса и содержавший голые имена, названия и даты. Конспект был переполнен ошибками, вызывавшими хроническое раздражение Жуковского, когда студенты годами на государственных экзаменах повторяли заученные по нему одни и те же ошибки, не дав себе труда заглянуть в руководство Гиргаса. У Розена в этом конспекте его обычным ломаным почерком были добавлены некоторые имена и даты; с ним он и приходил на лекцию, по смешившей нас привычке начиная сразу где-то в коридоре, так что в аудиторию он входил на полуслове; так же он и кончал лекцию, не обрывая ее сразу после звонка, но все-таки заканчивая фразу уже где-то по выходе из аудитории. Иногда он иллюстрировал лекцию переводами различных отрывков, часто беря их из очерка Холмогорова,[10] с оговоркой про их достоинство. Изредка приносились и собственные рукописные переводы, главным образом, из поэтов как Абу Нувас,[11] аль-Мутанабби[12] и особенно излюбленный им Абу-ль-Аля.[13] Все это было очень просто и с точки зрения позднейших университетских требований элементарно, но все же это было живое слово, которого студенты по некоторым другим кафедрам не слышали часто до окончания Университета. Достаточно сказать, что курсы персидской или турецкой литературы, ежегодно стоявшие в печатной программе, на самом деле никогда не читались, а настоящие университетские лекции на нашем факультете мы услышали только от Бартольда.

Что барон над своими лекциями думал и был рад всякому проявлению инициативы со стороны студентов, в этом убедил меня один случай, тоже немало меня сконфузивший. Как-то раз при речи о макамах аль-Харири[14] он упомянул, что по-русски нет перевода хотя бы несколько отражающего форму подлинника, и прочитал «за неимением лучшего» перевод Холмогорова. Остановив его после лекции в коридоре, я напомнил, что в «Отечественных Записках» 60-х годов был помещен аналогичный перевод, где стихи передавались стихами же — перевод, впоследствии перепечатанный Саблуковым в его книге «Сведения о Коране». Барон, как всегда, вдруг сразу оживился: «Вот как! А я и не помню; непременно посмотрю!». На следующую лекцию, через неделю, он неожиданно явился с этой книгой Саблукова и начал лекцию уже не в коридоре, а в аудитории словами, сразу заставившими меня покраснеть: «Коллега Крачковский в прошлый раз обратил мое внимание на неизвестный мне перевод макамы». Дальше он подробно проанализировал перевод, указал, что рифмованной прозы он все-таки не передает, но стихи действительно переводит и во всяком случае гораздо выше Холмогорова. «Теперь я всегда буду читать не его перевод, а тот, который указал коллега Крачковский». — закончил он свое отступление, опять сконфузив меня.

Все же надо сказать, что в Университете я не мог извлечь из занятий с Розеном больше рядового студента. Текстов мы прочитали очень мало, так как Университет был чуть не полгода закрыт из-за студенческих волнений; по истории литературы в своем курсе барон едва успел сделать обзор поэзии и художественной литературы. Попытаться подойти к нему ближе со своими вопросами мешала моя застенчивость того времени, а еще более хронические колебания в своих силах. Этих колебаний старшие не подозревали и думали,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

что дорога для меня ясна и все у меня обстоит благополучно. Как выяснилось для меня потом, Розен все же кое-что обо мне слыхал — отчасти от Жуковских, отчасти от преподавателей-арабистов Медникова и Шмидта, а особенно от Тураева, которому очень хотелось, чтобы я продолжал занятия Абиссинией, а другого пути для этого не было, кроме оставления по какой-нибудь близкой кафедре, так как самостоятельного преподавания абиссиноведения не существовало.

В представлении Розена я, вероятно, несколько выделялся из серой массы студентов-дипломатов, которых он не особенно долюбливал. По крайней мере, собираясь читать в Восточном отделении Археологического общества, где он был председателем, доклад о поэте Абу-ль-Аля, он через Сергея Жуковского осведомлялся, нет ли у меня статского костюма. Студенты на эти заседания не допускались, и сам барон был противником этого. Статского костюма у меня не оказалось, на докладе я не был и мог только услыхать о нем восторженные отзывы старшего коллеги А. Н. Самойловича.

Переломным моментом в моей судьбе явился разговор с бароном в конце декабря 1905 г., решиться на который мне стоило немалого труда. Занятия мои в Университете и в последний год пребывания проходили не совсем нормально. Осенью 1904 г., когда мы перешли на IV курс, была объявлена тема на соискание студентами медали по арабской словесности. Так как это был первый случай за все четыре года, то я решил попробовать свои силы; сочинение надо было представить через год осенью, и, чтобы сосредоточиться на нем, я задумал остаться на второй год на IV курсе и перестал ходить на все обязательные лекции, кроме занятий арабским и персидским языком. С той же целью летом 1905 г. я никуда не уезжал из Петербурга, в противоположность предшествующим годам. Эта первая большая работа стоила мне много труда и огорчений, все в связи с теми же периодическими разочарованиями в своих силах. Так как сочинение должно было подаваться анонимным, то я за целый год не решался обратиться ни к кому, хотя бы за одной справкой, предпочитая просиживать и утро, и вечер в университетской библиотеке. Конечно, это был секрет полишинеля — от коллег-студентов я не скрывал, что пишу сочинение, знали это, вероятно, и профессора по моему внезапному исчезновению с ряда лекций. В конце концов, с громадным собранным материалом я так и не успел или не сумел справиться, подав осенью с двумя готовыми частями только одну главу, посвященную анализу источников, из ненаписанной третьей части.[15] Это обстоятельство окончательно повергло меня в уныние. Между тем осенью того же 1905 г. обнаружилось для меня еще одно осложнение: весной, в связи со студенческими волнениями, государственных экзаменов не было. Я об этом беспокоился мало, решив пробыть лишний год в Университете и надеясь сдать их весной 1906 г. Неожиданно испытательная комиссия была назначена на ноябрь-декабрь 1905 г., и возникало опасение, не придется ли мне потратить уже не год, а полтора, если я не буду держать теперь, так как представлялось сомнительным назначение второй комиссии весной 1906 г. Для моих коллег сдача экзаменов оказывалась прямой выгодой, я же сильно запустил учебные занятия за год писания сочинения и не знал, успею ли подготовиться, а кроме того, не был уверен, допустят ли меня к экзаменам за нехождение на лекции. Декан Жуковский к последнему пункту отнесся снисходительно и сказал, что профессора чинить мне препоны не будут. Я начал держать экзамены; проходили они благополучно и приближались к концу второй половины декабря. Мои коллеги начинали устраивать свою судьбу, подавали всякие прошения — кто в Министерство народного просвещения по линии педагогической работы в Средней Азии или на Кавказе, кто в Министерство

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

иностранных дел, кто в русско-персидский банк; ходили представляться к будущему начальству, иногда в новеньких статских костюмах. Только я не знал, что же мне делать — могу ли я рассчитывать на осуществление мысли, так наивно высказанной при первой встрече с Розеном, об оставлении при Университете. Никто из старших никаких разговоров со мной об этом не заводил; результаты моего сочинения могли стать официально известными только к университетскому акту 8 февраля. Между тем, со дня окончания курса в Университете 1 января 1906 г. я лишался пенсии, на которую существовал, и надо было что-нибудь решать. Отказываться от мысли о научной работе было, несмотря на все колебания, слишком тяжело; по своей неприспособленности к жизни я казался себе годным еще только к библиотечной работе. С большим напряжением я постарался пересилить себя и в ближайший день «совещательных часов» у барона Розена, едва ли не 23 декабря, направился к нему на квартиру, которая со временем стала так хорошо мне известной.

Это был первый визит к нему, который я помню так же отчетливо, как и первый разговор при поступлении в Университет. Бывал я у него и раньше, но подробностей от тех посещений у меня в памяти не сохранилось. Принял он меня в своем большом кабинете, в более официальной обстановке, сидя не в качалке у круглого стола с тяжелым бархатным покрывалом и большой лампой под абажуром бордо, а в деревянном кресле за письменным столом с неизменной папиросой и коробками для табаку и гильз. С решимостью отчаяния я начал разговор сразу, сказав, что пришел посоветоваться на счет своей дальнейшей судьбы, так как на днях кончаются экзамены и я не знаю, что мне дальше предпринять. С живым недоумением барон воскликнул: «Как так! Мы давно решили Вас оставить! Вы разве не хотите?». У меня сразу отлегло от сердца, и я мог только сказать, что мне никто об этом не говорил. Барон опять удивился и добавил, что это, вероятно, потому, что все думали, что я это знаю. «А заниматься с Вами буду я», — неожиданно прибавил он. Я совершенно растерялся от охватившего меня волнения и мог только пролепетать: «Но ведь Вы меня совсем не знаете!» — «Ну это ничего, мне много говорил про Вас Тураев, а он не ошибается. Да и Медников очень хвалит Ваше сочинение». Я осмелел и спросил, кто будет писать отзыв о сочинении для университетского отчета. «Он и будет писать», — ответил барон. На моем лице отразилось, очевидно, такое огорчение, что он прибавил, не совсем поняв причину его: «Он напишет хороший отзыв, а сочинение я прочитаю, да и Бартольд еще просил прочесть. А теперь подавайте заявление в факультет и недели через две приходите: Медников обещал мне передать сочинение на днях, я успею его прочитать и скажу, что о нем думаю. Тогда же поговорим и о занятиях».

Нечего и добавлять, что я вернулся в Коллегию совсем в другом настроении, чем уходил из нее, и почти всю ночь не мог спать. Страшил меня суд барона над сочинением, но все же ясность в мою судьбу была внесена, а перспектива занятий с ним открывала совсем новые горизонты и наполняла меня гордостью. Формальности с экзаменами и факультетом прошли быстро, и уже с 1 января 1906 г. я был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию со стипендией. Кончив курс, я должен был покинуть Коллегию, в которой прожил четыре с половиной года. Чтобы остаться вблизи от Университета и барона, я поселился в двух шагах от него в Академическом переулке, дом четыре.[16] С первых чисел января, после второго визита к нему, начались мои регулярные занятия с ним. И только за эти два года я стал понимать его, только за эти два года стал учиться как следует.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Обстоятельства, однако, сложились так, что мои занятия с бароном начались раньше, чем я услышал его отзыв о сочинении. Произошло это отчасти потому, что Медников сильно задержал чтение и передал рукопись только в 20-х числах января; сам барон в связи со всякими другими делами читал мое объемистое произведение медленно и по частям. Наши беседы об этом происходили, как я могу установить по сохранившимся за 1906 г. записям, в два срока: 31 января и 27 февраля. Не скрою, что первый раз я шел с большим страхом: жутко было услышать его отзыв о моей более чем годовой работе, по которой он, в сущности, мог меня узнать, а от этого, как мне казалось, будет зависеть его дальнейшее отношение ко мне и ход занятий. Вышло так, что его отзыв будет, в сущности, первым, который я услышу — официальное заключение Медникова, которое он мне изложил 15 января, носило слишком внешний, мало удовлетворивший меня характер и не затрагивало основных вопросов построения и методики работы, которые меня особенно беспокоили; Бартольд сказал, что он возьмет прочесть сочинение после барона.

На этот раз уже он начал разговор сразу, как всегда, не заботясь о красноречии и закругленности фраз, со своей излюбленной присказкой «вот этак», но очень просто и определенно. «Ну что же, сочинение у вас хорошее — конечно, хорошее для студента; для настоящего ученого опытности в нем маловато, да и рано Вам еще это. Вы извлекли из этой работы всю пользу, какую можно извлечь, приобрели больше знаний и опыта, чем за два года лекций. Одно можно сказать: пока не было Бартольда, студент никогда бы так главы об источниках не написал. Некоторые Ваши экскурсы следовало бы напечатать: в поэзии Абу-ль-Атахии[17] Вы усмотрели новую сторону, на которую раньше внимания не обращали, и мне кажется, Вы правы. Много материала и в других экскурсах: о зиндиках,[18] об аль-Муканне.[19] А вот, что Вы пишете в предисловии, будто у Вас не хватило времени закончить исследование, так это Вы ошибаетесь — у Вас просто храбрости нет. Что нужно, чтобы писать большие синтезирующие работы? Ну, конечно, знания, большие знания, чем больше, тем лучше. Нужно уметь хорошо писать — это, пожалуй, еще важнее, чем знания. А самое главное — иметь храбрость, чтобы браться за широкие темы. Возьмите того же Кремера[20] — конечно, он был знающий человек, но если бы у него не было храбрости, никогда бы он не решился написать культуру халифата. А тот же Гольдциэр[21] — конечно, он знает в десять, сто раз больше Кремера, а писать и Muhammedanische Studien, и всякие очерки ему помогало не только знание, а храбрость. Это уже прирожденное и никогда не приобретается. А вот Вы — помяните мое слово — и через двадцать, и через тридцать лет все Вам будет так же казаться, что чего-то не хватает, и ничего с этим не будет выходить. И не надо, бросьте думать об этом, не растравляйте себя анализом, а делайте дело. Науке нужны всякие работники — и такие, и сякие, и большие, и малые. Для всякого дело найдется, и всякий честный человек может заниматься наукой. Вам при видимой скромности все хочется сразу удивить мир и прославиться; такой гордости и эгоизма наука не терпит, а вот когда Вы будете делать свое дело, тогда и свою дорогу найдете и успокоитесь». Не сразу я проникся по-настоящему этими словами, но жизнь и работа мне показали, что и тут он был прав. Долго мы проговорили в тот вечер; я в конце концов все-таки просил его, если он убедится в моей неспособности или будет недоволен занятиями, «прогнать» меня. Добродушно посмеиваясь, он обещал это сделать.

Ровно через год — в январе 1907 г. — я напомнил ему об этом обещании, тем более, что барон никогда не говорил, доволен он или нет моими заняти-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ями, и только по его отношению я чувствовал, что все идет благополучно, с его точки зрения. Он посмотрел на меня, как-то хитро прищурившись, и, точно подумав, спросил: «А до сих пор я Вас не прогнал?» — «Нет». — «Ну, уже верно и не прогоню», — сказал он, вздохнув, с добродушной усмешкой, единственно этим подведя итог годовым занятиям, который мне стал понятен без всяких слов.

Наши регулярные занятия начались 13 января и продолжались два года до его смерти по понедельникам и четвергам, с перерывами только на летние месяцы, если он куда-нибудь уезжал. Не отменялись они и в праздники и только крайне редко переносились на другой день, если выплывало какое-нибудь задание. Происходили занятия уже не за письменным столом, а в менее официальной обстановке, у круглого стола с большой керосиновой лампой под абажуром, на верх стекла которой барон часто боязливо поглядывал, не коптит ли. Электричества он так до конца жизни и не провел. В кабинете я заставал его редко; обыкновенно он выходил из столовой рядом, где, очевидно, только что оканчивал обед. На круглый стол с письменного прежде всего переселялись коробки с табаком и гильзами. Вскоре появлялась горничная с подносиком, на котором было два стакана чаю, варенье и какое-нибудь печенье или сухарики. Бароновский стакан обыкновенно отпивался не больше, чем наполовину, так как он почти все время курил; мне всегда предлагался второй появлявшейся через некоторый промежуток горничной, от чего я обыкновенно отказывался. Барон сидел по обычаю на качалке, слегка покачиваясь, а во время разговора в антрактах между чтением откидывая голову на спинку. Мне приходилось сидеть на мягком низеньком кресле, и было это очень неудобно. Я проваливался в кресле, должен был сидеть на ребре; держать большую книгу на столе оказывалось слишком высоко — она приходилась чуть не в уровень с головой, а ниже на нее не падал свет и ничего не было видно. Тем не менее, за все два года я не решился сказать об этом барону, попросив разрешения сидеть на обыкновенном стуле. Никаких посетителей он в часы занятий не принимал, а к случайным выходил на минутку рядом в гостиную и назначал другое время. Телефона у него никогда не было, и в крайнем случае он бегал, подняв воротник пиджака, на лестницу к казенному телефону. Лестница отапливалась, и на ней было тепло, как в комнате, но за все два года при мне было только два таких случая. Занимались мы номинально от 6 до 8, часто до 9, а то и до поздней ночи. Сколько времени барон тратил на своих учеников даже в эти последние годы жизни, видно уже по тому, что одновременно со мной по разу в неделю у него занимались Д. К. Петров[22] и К. А. Иностранцев.[23]

Никаких систематических разговоров о теориях, методах и приемах барон не любил и никогда их не вел: в основе занятий всегда лежало чтение текстов. Выбор их был установлен сообразно с предполагаемой специализацией. Барон говорил, что одного ученика — Медникова — он направил в сторону исторических работ, другого — Шмидта — в исламоведение, меня тянуло главным образом к поэзии, о чем я сказал при первом же разговоре, и он был этому рад, говоря, что таким образом на факультете получится основной комплекс главных специальностей, если мною будет представлена литература. Для чтения он решил один вечер уделять поэзии, один — грамматической литературе, которую всегда считал очень важным и необходимым оселком арабистического воспитания. Поэта для начала он выбрал именно того, в издании которого лет 15 тому назад сам принимал участие и который был издан по единственной известной в то время рукописи в учебном отделении Министерства иностранных дел — аль-Ахталя,[24] омейядской эпохи. Как раз около этого времени стали появляться фототипические воспроизведения

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

двух других выплывших фрагментарных рукописей, и ему самому было интересно проверить, что они приносят нового. Он написал благоговевшему пред ним бейрутскому издателю аль-Ахталя арабу А. Сальхани, и скоро я имел в своем распоряжении собственные экземпляры всех трех изданий, не нуждаясь больше в университетских. Нужно сказать, что подготовка к этим занятиям на первых порах занимала у меня почти всю неделю и не меньше полдня ежедневно я просиживал в университетской библиотеке, обложившись национальными словарями. Издание аль-Ахталя тогда еще не было закончено, не хватало последнего выпуска со всякими дополнениями, указателями и комментарием издателя; отыскивать параллельные места в фототипических изданиях было кропотливо, и только к концу первого года у меня постепенно составился собственный маленький конкорданс. Читали мы совместно только самые стихотворения, и чтение пошло довольно быстро: если на первых порах мы разбирали едва стихов 20–25 за раз, то к концу года случалось доходить и до 70. Помимо читаемых стихов, мне надо было самостоятельно разобрать, до слова, весь арабский комментарий и арабские же примечания самого издателя. Бывали дни, когда я впадал в отчаяние и спрашивал себя, а когда же у меня будет время заниматься чем-нибудь другим, кроме разбора аль-Ахталя. Постепенно, однако, дело шло легче, а школа эта оказалась великолепной. Покончив с аль-Ахталем приблизительно через год, мы приступили к чтению сборника стихотворений племени хузейлитов — едва ли не самых трудных из всей доисламской поэзии. После аль-Ахталя работа двигалась у меня быстрее, хотя по-прежнему требовала основательной подготовки. Мы успели прочесть все издание Козегартена и Велльхаузена. Для последнего у барона оказался очень интересный материал — сделанная им в молодые годы копия той лейденской рукописи-уника, по которой впоследствии дал свое издание Велльхаузен.[25] В сомнительных местах барон извлекал ее из ящика своего письменного стола, и частенько мы убеждались, что этот выдающийся историк и экзегет не всегда был таким же арабистом-филологом. Хузейлитов мы кончили читать как раз к январю 1908 г., но выбрать чего-либо другого уже не успели.

Второй день в неделю — понедельник — у нас уходил на чтение монументального комментария Ибн Яыша к грамматике аз-Замахшари[26] — едва ли не самого громадного произведения арабской грамматической литературы, занимающего два больших тома. Прочитать весь мы, конечно, за два года далеко не успели, но проделывали это с большим удовольствием. Барон всегда доказывал, что грамматические тексты являются безошибочным пробным камнем арабиста, по которому сразу определится, может ли выйти из данного человека настоящий арабист, и отсутствие вкуса к ним, даже при очень хороших познаниях и способностях в других областях арабистики, говорит об обратном. Мне это было понятно, так как еще на II курсе я каким-то инстинктом набрел на грамматический трактат аль-Аджуррумийя и письменно перевел его, вызвав неудовольствие Медникова своим преждевременным поступком. Ибн Яыш требовал от меня гораздо меньше труда, чем поэзия; обыкновенно только поэтические цитаты заставляли перерывать фолианты национальных словарей. Проникновение во все тонкости философских обоснований грамматических ухищрений давалось иногда нелегко. Все непонятное для меня я, конечно, откладывал до занятий с бароном, и он быстро разрешал мои недоразумения. Однако случалось, что у круглого стола воцарялось молчание на длительный промежуток, и только клубы дыма, сгущавшиеся усиленнее, говорили о работе мысли. В конце концов объяснение находилось, но один раз мы так и не добились удовлетворявшего нас решения. На другое утро я по почте получил в Академическом переулке следую-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

щую открытку: «Вторник 9 янв. 907. [27] Вы удивитесь, как просто разрешение затруднявшего нас вчера места у Ибн Яиша! Посмотрите на него утром и сразу догадаетесь! [28] Весь Ваш В. Розен». И действительно, взглянув в затруднявшее нас накануне место, я сразу понял, в чем дело, и только удивился постигшему нас затмению.

Трудно было бы передать все те разговоры, которые велись в антрактах между разбором текстов или после этого. Незаметно и просто, как все, что он делал, барон ввел меня в весь широкий мир науки, населив его не только книгами и изданиями, но и живыми людьми. Всех он знал, каждого умел охарактеризовать обыкновенно благожелательно, иногда с мягкой иронией, а иногда и с жестоким сарказмом. На всякого у него был свой взгляд, часто расходившийся с общепринятым; патент на славу он не принимал на веру, а имел свое мерило по отношению к книгам и к людям. С той поры и я привык за каждой книгой видеть человека, быстро убедившись, что это помогает научному анализу, а иногда и дает ключ к понимаю. В суждениях своих он всегда был самостоятелен и не боялся идти в разрез с большинством. Помню, как меня поразило его отрицательное отношение к международным съездам ориенталистов. Он сказал, что до 90-х годов он бывал на них систематически и присутствовал на всех с 3-го до 7-го, но потом разочаровался и перестал ездить, считая их бесполезной затеей. Только в конце 20-х годов, когда в мои руки случайно попало письмо его московскому археологу С. Слуцкому, с подробным, местами резким, местами ироническим обоснованием его мысли, я понял, что в этом звучало не настроение минуты, а продуманный взгляд.

Работе он учил не методами, а делом, нередко на своем собственном примере. Одним из таких примеров, быстро вставших у меня перед глазами, было его отношение, наряду с Восточным факультетом, к Восточному отделению Археологического общества, в котором делали свои первые доклады едва ли не все ориенталисты той эпохи. Я знал, что он был редактором «Записок»,[29] но теперь я убедился, что он был и единственным ученым корректором и техническим и литературным редактором. Он всегда самолично передавал корректуры авторам, сам их относил в типографию, где такими же энциклопедическими работниками по «Запискам» были знаменитый метранпаж Нордгейм, впоследствии директор ее, и его ученик наборщик Строльман. Получение корректур «Записок» всегда было для барона некоторым событием; он очень любил вспоминать изречение какого-то академика, перед которым его помощник пытался оправдать задержку корректуры своим предположением, что она неспешная: «Вы знаете, что всякая корректура спешна! Раз вы ее получили, вы все другие дела должны бросить». Все корректуры «Записок», кроме авторов, всегда читал он сам, и ни одна строчка всех 17 томов не прошла без его просмотра. «Записки» со своими четырьмя выпусками в год, иногда объединенными, выходили по часам, и о каждом новом выпуске барон с нескрываемым удовлетворением заявлял в очередном заседании.

В последний четверг каждого месяца занятия кончались у нас в половине восьмого, потому что предстояло заседание Восточного отделения, и барон отвозил меня с собой. В эти годы он легко подвергался простуде и страдал от насморков, которые плохо отзывались у него на ушах и слухе, поэтому он всегда для таких случаев нанимал закрытую карету. Карета по дороге на Литейный, 44, где помещалось Общество, останавливалась на Симеоновской улице у маленькой табачной лавочки, где барону по специальному заказу делали раз в месяц особые гильзы под названием «пушки». Иногда на

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

общие собрания Общества барон приглашал с собой в карету жившего над ним Вице-Президента Академии и Председателя Классического отделения Археологического общества П. В. Никитина. Путешествие совершалось в том же составе обратно. В карете обыкновенно оживленно говорил один барон, Никитин изредка глухим баском вставлял только односложные реплики или односложные ответы. На обратном пути обыкновенно повторялась одна и та же картина: среди оживленного монолога барона вдруг карета останавливалась. Он, думая, что произошла какая-нибудь неожиданная задержка в пути, высовывался, чтобы узнать, в чем дело, и вдруг с изумлением говорил нам: «Уже приехали! Как скоро сегодня!».

В Восточном отделении он патронировал и первые мои доклады. Только самый первый, прочитанный 28 сентября 1906 г., который вырос из экскурса медального сочинения о том же поэте Абу-ль-Атахии, он просмотрел предварительно полностью; остальные пропускались, так сказать, на мой страх, только после разговоров о намеченной теме. При нем мною было прочитано еще два-три, и я помню, как я был горд, когда после одного он сказал, что мной было показано, как изучение поэзии теперь уже не обязано ограничиваться изданием непременно нового материала, а может заниматься исследованием того, что напечатано.

Через руки барона прошли и первые мои статьи; он не только обсуждал их по существу, но входил и во все мелочи чисто технического характера. Он приучил меня к системе писания, которой я держался до Первой мировой войны — на четвертушках, перегнутых пополам и записанных только с левой стороны, с оставлением правой для дополнений и примечаний. Для последних иногда приходилось подклеивать снизу добавочные полосы, и барон шутливо любовался ими: «Вот теперь они выросли у Вас на пол-аршина, а потом будут расти, расти и когда вырастут на целую сажень — значит, Вы сделались настоящим ученым». Когда стали появляться корректуры первых моих статей, барон торжествовал, кажется, не меньше, чем я сам, и опять искренно и живо удивлялся, когда увидел, что я знаю корректорские знаки и умею править корректуру. Он усиленно меня расспрашивал, где я этому научился, и успокоился только тогда, когда услыхал, что я в гимназические годы помогал корректировать акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Корректур он не жалел и на первых порах позволял мне просить, сколько казалось нужным.

Еще в одну область работы он ввел меня так же незаметно и просто, как всегда делал со своими учениками. По его инициативе с целью оживить заслуженное академическое издание «Византийский Временник» — в нем было решено расширить библиографический отдел с годовыми обзорами литературы, распространив их за область Византии вообще на весь христианский Восток. По некоторым странам для составления обзоров приглашались специалисты из-за границы: так было с сирийской литературой, порученной Гвиди.[30] Опыт с христианско-арабской литературой оказался не совсем удачным: итальянский ученый Дж. Габриэли,[31] приглашенный для этой работы, не понял своей задачи и вместо обзора явлений в области христианско-арабской письменности дал библиографию вообще арабской религиозной литературы, с включением и мусульманской, хотя это выходило за рамки, поставленные журналом. Обзор все же напечатали, но больше к итальянцу решили не обращаться, и барон в качестве кандидата для дальнейших годов предложил меня. Библиографией я всегда интересовался; область христианско-арабской письменности была мне близка по занятиям Абиссинией, и я без особых колебаний взялся за эту работу. Громадное большинство заграничных журналов и серий тогда получалось либо в Университете, либо

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в Азиатском музее;[32] для просмотра некоторых я странствовал на конке в Александро-Невскую Лавру, в Библиотеку Духовной академии. По своей всегдашней нерешительности я ни к кому за советом не обращался, но все же задолго до срока обзор был готов, значительно превзойдя намеченный редакцией объем. Когда я принес рукопись на просмотр барону, он сначала пришел в ужас: «Вы опять тут нагромоздили Оссу на Пелион.[33] Нельзя же в годовом библиографическом отчете давать ряд громадных рецензий на отдельные книги!». Просмотрев, он, однако, смилостивился и решил одну самую большую рецензию взять в «Записки», один экскурс в связи с рукописью Публичной библиотеки поместить отдельной статьей в том же самом «Византийском Временнике»; остальное было напечатано без изменений. Некоторые мелочи приводили его в непритворное, поражавшее меня своей живостью изумление. Он был очень удивлен, что я извлек одну статью из недавно вышедшего юбилейного сборника в честь испанского арабиста Кодеры, и расспрашивал, как я мог про него узнать. А я просто увидал книгу в университетской библиотеке на полке. Попутно он старался мне показать с иронической утрировкой, как надо произносить испанскую хоту в слове «Homenije». Эта библиографическая работа, продолжавшаяся и дальше, была мне очень полезна; интересно было присутствовать и на ежемесячных заседаниях редакционного совета, где в роли сотрудника я чувствовал себя взрослым. Я, конечно, молчал, а главную роль играл и здесь скорее Розен, чем редактор проф. Регель.

Я быстро убедился, что эта область имеет, если можно так выразиться, спрос: Тураеву всегда нужны были арабистические справки в связи с эфиопскими и коптскими рукописями, и я принимал посильное участие в его работах. Коптовед Лемм попросил меня помочь ему в разборе арабской версии чудес архангела Михаила, интересовавшей его как вариант коптской, и для этого выписал в Азиатский музей хорошую рукопись unicum из Готы. Я не побоялся списать ее целиком, но покаялся в этом барону только по окончании переписки. Он сверх ожидания не побранил меня, а даже обрадовался: «Вот и отлично: магистерскую диссертацию Вы сделаете из аль-Вава,[34] а докторскую из Михаила. Только смотрите, чтобы Вас не слишком запрягали в чужие работы; а то как увидят, что Вы податливы, будет беда». Интересы мои к христианско-арабской литературе он также живо стал поддерживать и обратил внимание на печатавшуюся около этого времени в «Записках» прекрасную работу Н. Я. Марра. Я начинал чувствовать, что у меня образуется наряду с поэзией другая специальность, и с интересом в нее погружался, хоть несколько утешая Тураева за измену Эфиопии. Материалов в петербургских собраниях по этой части было много, и мне казалось, что я могу в еще новой тогда области кое-что сделать. Только после революции я оставил занятия ею, а копия с рукописи из Готы так и лежит у меня в «братской могиле» незаконченных работ.[35]

Тему для магистерской диссертации я выбрал еще в начале 1906 г. по своей инициативе, но и здесь сыграл роль составленный бароном каталог арабских рукописей Азиатского музея. Просматривая его, я обнаружил упоминание про одного малоизвестного и неизданного поэта аль-Вава, две рукописи дивана которого здесь имелись. Как всегда, хотя и краткой, но меткой характеристикой барон выделил его из ряда других и привел несколько образцов. Я решил им заняться и начал с переписки имевшихся рукописей. Барону я сказал о своей затее только тогда, когда работа подвинулась довольно изрядно. Он покаялся, что совсем забыл про этого поэта, но, заглянув в каталог, вспомнил, что он действительно произвел в свое время на него впечатление. Заставая меня в Азиатском музее над перепиской рукописи, он всегда осведомлялся, как поживает мой «Вавочка», но специально говорить

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

о нем нам почти не пришлось. Я поставил свою задачу слишком широко и решил предварительно перечитать всех поэтов соответствующей эпохи, что и делал систематически, а поэтому при жизни барона успел только переписать петербургские рукописи и подготовить черновой перевод.

Еще меньше, чем о магистерской диссертации, говорили мы с ним о магистерском экзамене. Держать его для оставленных при Университете было принято обыкновенно через два года, и мы намечали его на конец 1907 г. Барон смотрел на экзамен, как на неизбежную формальность; сказал, что будет экзаменовать сам, и не дал никакой программы или плана. Он даже несколько раздражался, когда я вернулся к этим разговорам, напоминая, что ведь экзамен будет происходить в совете факультета и вдруг кто-нибудь станет задавать вопросы, хотя бы из арабистов. «И никто не будет спрашивать! Вы думаете, кому-нибудь это интересно? Всем лень, и каждый думает только, как бы скорее до супцу добраться». Он посоветовал, однако, сговориться относительно вопросов по дополнительному предмету — истории семитов, по которой должен был экзаменовать проф. Коковцов, и искренно потешался, когда этот разговор оказался сложнее, чем можно было думать. От него самого я так и не добился никаких указаний; на всякие вопросы об этом он полусердито, полушутливо говорил: «Занимайтесь делом, а не экзаменами и тогда все будет благополучно». За неделю до экзаменов он, очевидно для успокоения, сказал, что à livre ouvert предложит какой-нибудь грамматический текст, по поэзии — того же самого аль-Ахталя, а по литературе и истории спросит то, что я знаю. Экзамен проходил в два срока в торжественной обстановке совета факультета, в той самой комнате, где я когда-то впервые увидел Розена. Он и сидел на том же самом месте, только не один, а со всеми профессорами кругом стола: на диване у стены скромно ютились приват-доценты. Магистрант, конечно, нервничал, но экзамен прошел благополучно по той же программе, как он меня предупредил. В первом заседании стоял арабский язык и арабская литература; à livre ouvert мне была предложена глава о хале[36] из Ибн Яыша, за ней последовала касыда аль-Ахталя. По литературе Розен задал вопрос об отношении аль-Ахталя — поэта-христианина к мусульманской поэтической традиции. Продолжался экзамен часа полтора. Во втором заседании была назначена история арабов и история семитов. Если память меня не обманывает, Розен спросил о характере источников по истории омейядов, что я изложил, главным образом, по книге Велльхаузена «Das arabische Reich und sein Sturz», незадолго до того мною прочитанной. Помимо устных испытаний, для магистранта была обязательна еще так называемая клаузурная работа, когда экзаменующихся сажали в отдельную аудиторию, а секретарь в запечатанном конверте приносил заданную руководителем тему. Мне Розен предложил охарактеризовать состав христианско-арабской литературы. Тема была мне хорошо известна, чтобы заполнить без труда четырехчасовое сочинение; клаузура оказалась нестрашной, и секретарь Бартольд посоветовал даже отправиться за обычный мой стол в библиотеке, чтобы не задерживать на факультете ни служителя, ни его. В положенное время он явился за работой, чтобы передать ее, как полагалось, Розену. По поводу нее он сделал мне какое-то одно дополнение, а рукопись впоследствии, уже в 20-х годах, вернулась ко мне, не помню, каким путем. Так и кончились мои магистерские экзамены, на время которых мы даже не прекращали обычных занятий с бароном.

Бывало нередко, особенно в первое время, что суждения барона причиняли мне немалые огорчения в благих намерениях, вызванных наивным представлением о состоянии науки. Еще студентами, горюя с Сергеем Жуковским о том, что на русском языке нет ни одного научного курса по истории

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ислама, мы решили перевести известную книгу А. Кремера «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams», мечтая потом напечатать ее под редакцией барона Розена. Никому о нашем предприятии мы не говорили, разделили книгу механически пополам и года в полтора одолели увесистый том почти в 500 страниц. Не без некоторого торжества, по соглашению с Жуковским, нес я рукопись на показ барону еще до начала занятий с ним 5 января. Наш сюрприз, однако, не подействовал так, как мы надеялись. Розен с почтением потряс рукопись в руках, сказал, что работа для нас была, конечно, очень полезна, и хорошо, что мы ее сделали, однако печатать ее все-таки не следует: после работ Гольдциэра и Снука[37] она настолько устарела, что ее надо было бы очень основательно проредактировать и дополнить, едва ли не раза в полтора. Это потребует года два времени, и сам он за это взяться не может, да едва ли и кто-нибудь другой согласится. «Дайте ей несколько лет вылежаться; потом, может быть, сами издадите», — закончил он. Огорчение наше было велико, но пришлось решению покориться. Особенно было грустно, что мы затратили столько времени на бесполезное для науки дело. Мы немного потолковали с С. Жуковским о возможности какого-нибудь другого выхода, ничего, конечно, не нашли и махнули рукой, решив больше не говорить об этом, чтобы не растравлять самих себя. Рукопись долго у меня оставалась, а потом была передана в архив Института востоковедения.

Насчет переводов с целью популяризировать науку я все же не угомонился. Тайком от барона я перевел вышедший тогда маленький очерк христианско-арабской литературы Брокельмана,[38] снес его в редакцию «Христианского чтения», которая и напечатала перевод; вышел он, правда, уже через несколько дней после смерти барона. Около того же времени появился в серии «Die Kultur der Gegenwart» очерк религии ислама Гольдциэра; он настолько мне понравился, несмотря на очень трудный сжатый язык, что я не утерпел и взялся опять за перевод, который закончил в январе 1907 г. В один из очередных дней занятий я снова явился к Розену с рукописью. На этот раз он отнесся не столь отрицательно и сказал, что посмотрит, каков перевод. В следующий же раз на первых двух страничках в карандашных исправлениях он показал мне, что перевод не блестящий и сжатый, тяжелый стиль Гольдциэра мне плохо удается. Тем не менее проредактировать он взялся, только сказал, что сделает это на досуге в течение года. Досуга, очевидно, не находилось, а года он не пережил. Когда рукопись вернулась ко мне, пометки были только на тех двух страничках, которые он мне показывал. Перевод был напечатан значительно позже, уже после моего возвращения с Востока, под редакцией ученика Гольдциэра А. Э. Шмидта, который немало потрудился над моей рукописью. В своих суждениях о темах, выбираемых его учениками, барон иногда бывал несколько категоричен и как настоящий руководитель даже властен. Я это испытал отчасти на теме для магистерской диссертации. Подготавливая доклад для Восточного отделения об Абуль-Атахии на основе экскурса в своем медальном сочинении, я решил одно время продолжать работу над ним и дать специальное исследование. Летом 1906 г. меня стало тянуть особенно сильно к этому, и, не прекращая переписки дивана аль-Вава, я все же почти решил остановиться на первой теме. Однако, когда я при встрече с бароном 31 августа сказал ему об этом, он категорически возразил против Абу-ль-Атахии: «Здесь Вы все-таки ничего особенно нового, кроме деталей, не скажете, а аль-Вава совершенно забыт и даст свежий материал». Не скрою, что я огорчился почти так же, как в истории с переводом Кремера, но теперь мне кажется, что барон был прав: вряд ли при моих тогдашних познаниях я сумел бы сделать из этой, как мне теперь ясно, очень трудной темы что-нибудь серьезное. Эта властность

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

барона заставляла некоторых благожелателей предостерегать меня, что он обезличивает своих учеников и может подавить всякую индивидуальность. На примере более талантливых я этого не замечал, и все другие выплывавшие у меня темы он всегда встречал с интересом. К своей роли руководителя он относился не без некоторой иронии. «Единственное, что может сделать руководитель, это — не мешать своему ученику работать», — говорил он, прибавляя: «Я всегда старался этому следовать».

Живо входя в разнообразные интересы своих учеников, барон так же живо делился своими планами, и за два года в еженедельных встречах я мог видеть, как эти работы шли. Мечтая в ближайшие годы вернуться к окончанию труда над Яхьей,[39] он на моих глазах обрабатывал только доклады, читанные в Восточном отделении, и некролог датского арабиста А. Мерена.[40] Как всегда, относясь с иронией к своим работам, он убеждал меня собирать материалы на карточках и тут же добавлял: «Я всем это советую делать, а сам так и не успел. Нужно с этой системой начинать смолоду, а потом уже всегда бывает поздно». Обращаясь в нужных случаях ко всем крупным словарям, европейским и национальным, он приговаривал: «Вот беда, арабисту надо иметь специальный стол для настольных словарей». Для быстрых справок у него стоял наготове совершенно затрепанный, вывалившийся из переплета словарчик, беря который в руки, он всегда, с шутливым испугом оглядываясь по сторонам, шептал: «Вы, пожалуйста, никому не говорите, с каким словарем работает барон Розен, смеяться будут». Это был арабско-немецкий словарь Вармунда, к которому он привык со студенческой поры. Закончив свою статью о бедуинской поэзии по поводу издания стихотворений ал-Фераздака Хеллем,[41] он вдруг раз заявил мне, что это лучшее его произведение. Когда я выразил свое недоумение, он сказал: «Подумайте только, какое заглавие! "Верблюд или ведро!" Да если бы это был бульварный роман, в Париже его моментально бы раскупили. Для романа самое важное найти удачное название». Даже в вещи, писавшиеся ex oficio, как некрологи членов-корреспондентов Академии, он каждый раз вносил свежие индивидуальные черты. Составляя свою последнюю статью об А. Мерене, он читал мне отрывки из его писем про изучение русского языка, которые привлекал для некролога, и задался целью дать полную библиографию его работ, с библиографической точностью указав даже распределение строчек в титульных листах. «Того, что я написал, могут и не читать, — говорил он, — ничего важного там нет. А вот библиография всем пригодится». Корректуру этого некролога — последней работы барона — пришлось читать уже не автору, а мне.

Перерывы в наших занятиях за два года ограничивались только летними месяцами, когда он или я уезжали из Петербурга. Понятно, что и писем бароновских сохранилось у меня немного. Только одно из них было велико и касалось его занятий Абу-ль-Аля и моей сообщенной ему в связи с этим цитаты из Абу Нуваса. Писал его барон летом, в июле 1907 г.; на нем отразились следы неторопливости и его любви к письменной беседе, когда бывал досуг. В извлечении оно опубликовано мною в печати в связи с изданием одного наброска его оставшегося в рукописи доклада. Я жил в одном квартале с ним, но тем не менее иногда получал открытки от него, главным образом в связи с нашими занятиями. Однажды утром почта доставила открытку, повергшую меня в немалое изумление; был написан рукой барона один адрес, а оборотная сторона оставлена чистой. Через два часа прибыла вторая открытка, разъяснившая недоумение — она гласила следующее: «15 мая 1907. Послал Вам сегодня открытку пустую по рассеянности, но, заметив сие почти сейчас же, отправляю ей вслед настоящую. Смысл и той и другой — один: в

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Финляндию я не поехал и поэтому жду Вас в четверг в обыкновенное время السلام عليكم. Весь Ваш В. Розен». Другой раз письмом я получил приглашение познакомиться с Ф. Е. Коршем:[42] «Воскресенье. Дорогой Игнатий Юлианович. Очень прошу Вас завтра отобедать с нами (в *пять* часов). У меня будет Ф. Е. Корш, который желает познакомиться с Вами. Ибн-Яиша же оставьте дома. Ваш В. Розен». Это было вскоре после того, как я напечатал свою статью об Абу-ль-Атахии, и Корш вошел в кабинет Розена, где я уже дожидался его, декламируя его стихи «Уа иза-н-нуфусу...»,[43] хорошо знакомые целым поколениям арабистов по хрестоматии Сильвестра де Саси. Особенно эффектно прозвучал глагол «такакаат» с кафами и айнами;[44] я невольно вспомнил, как барон подтрунивал над воспроизводительными талантами Ф. Е. Корша, говоря, что он произносит лучше, чем сами арабы.

И такие записочки, и все отношение барона хорошо показывали, что он привык ко мне и всякие следы сдержанности, которая была понятна при разнице возраста в 34 года, исчезли. Одно случайное обстоятельство положило предел и некоторой как бы настороженности его, которую я к своему недоумению замечал иногда на первых порах в разговорах, не касавшихся научных тем. У барона был долголетний приятель барон Ф. Р. Остен-Сакен (1832–1916), видный деятель Министерства иностранных дел и Географического общества, человек очень культурный и разносторонний, почетный член Академии наук. Рассказывая мне про него, барон любил добавлять: «Мы спрягаем с ним 6-ю породу глагола "карума" — "натакараму" почитаем друг друга». Как-то раз, вероятно, услышав от барона про меня, Остен-Сакен просил узнать, не мой ли родственник был в 80-х годах деятелем народного образования в Средней Азии. Речь шла о моем отце, и я попросил барона передать еще остававшуюся у меня брошюру с некрологом, а второй экземпляр вручил ему самому. Когда в следующий раз я пришел на обычные занятия, барон встретил меня с оживлением, как всегда, не скрывая своих чувств: «Так Вы белорус! А я-то думал, что поляк! Терпеть не могу поляков!». Чем объяснялось такое настроение, сказать трудно; по-видимому, оно сложилось еще со студенческой поры, когда в Университете товарищем барона вместе со Смирновым был один поляк, оставивший какие-то неприятные воспоминания у него. Во всяком случае, с этого времени следы какой бы то ни было натянутости или сдержанности исчезли. За мной окончательно утвердилось данное бароном прозвище его «Вениамина». Объяснял он его тем, что в последний раз берется за занятия с оставленным. «Пусть другие возятся, а с меня уже довольно», — добавлял он шутливо. Он, конечно, не предчувствовал, что судьба оправдает это прозвище так быстро и не в том направлении, как он думал.

Одной из стадий моей «профессорской» подготовки, которая тоже была задумана и почти осуществлена бароном при его жизни, оказалась моя поездка на Восток. Сам он в арабских странах никогда не был, как и знаменитый Флейшер, его учитель; шутя, он часто любил говорить, что граница его восточных путешествий проходит через Москву. Считая себя представителем арабистических дисциплин, обращенных в сторону изучения классического арабского мира, знакомство с современностью он признавал полезным, но не существенно необходимым дополнением, а иногда даже некоторой роскошью. Такой же взгляд господствовал и у его ближайших друзей — столпов этого поколения ученых, Нёльдеке,[45] де Гуе;[46] исключение представлял Гольдциэр, который в молодые годы побывал на Востоке и до конца своих дней сохранял живые интересы и связи. Пока специализация учеников Розена направлялась в сторону истории арабских стран и ислама, все

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

шло по установившейся традиции, но для будущего литературоведа с некоторым интересом, по связи с христианско-арабскими памятниками, к диалектологии, вопрос об этом возник совершенно естественно на первых же шагах. Речь могла идти, конечно, о «культурных» арабских странах, главным образом Египте и Сирии. Выбор остановился на последней, преимущественно по двум обстоятельствам. Как раз около этого времени в полуфранцузском, полуарабском Université St. Joseph[47] в Бейруте возник восточный факультет, где центр тяжести лежал главным образом в арабистике. Казалось естественным, что Сирия, и в частности Бейрут, явится единственным в своем роде местом, где можно будет изучать современный арабский мир в обстановке всех необходимых пособий и хорошей библиотеки, оставаясь притом все время в соответствующей языковой среде. Второе обстоятельство носило более личный, но не менее важный характер. В Бейруте, в связи с изданием аль-Ахталя, у Розена оказался горячий почитатель в лице издателя его А. Сальхани, араба по происхождению, из Дамаска, серьезного филолога с хорошим европейским образованием; хотя он не входил в состав профессоров Университета, но стоял близко ко всей этой среде и мог быть первым, так сказать, интродуктором. Уже в средине 1907 г. барон начал с ним переписку по этому поводу и в ответ на первое же письмо получил все нужные справки и заверения о полной готовности помочь его питомцу во всех отношениях, вплоть до подыскания помещения. Поездка моя намечалась по окончании магистерских экзаменов, и еще до них были предприняты необходимые шаги для выполнения нужных формальностей. И в этих всех стадиях барон принимал участие, с живым интересом входя в обсуждение даже всяких мелочей. Осуществить поездку пришлось уже после него; с января 1908 г. я перешел к непосредственной переписке с Сальхани и впоследствии мог убедиться, что его обещания барону Розену были не пустыми словами. Внимание, которое я встретил в Бейруте, как ученик Розена, немало облегчило мои первые шаги в первом большом путешествии.

Домашняя жизнь барона последние годы складывалась невесело. Долголетняя болезнь жены, тянувшаяся с конца 80-х годов, не проходила. Если она несколько потеряла свою остроту и непосредственно не угрожала жизни, то все же по временам поддерживала в доме напряженную атмосферу и в дополнение ко всем заботам барона перелагала на него еще хозяйственные хлопоты. По этой линии бывали тоже немалые осложнения. Жизнь в казенном доме создавала своеобразный заговор против прислуг, нанимаемых со стороны, а не из семей живущих в доме служителей и дворников. Особенно остро стоял «кухарочный» вопрос; если одна горничная на моей памяти удержалась довольно долго, то кухарки не уживались иногда и по неделе, вызывая в доме по временам настоящий хаос. Помню, что как-то зимой 1906 г., объясняя свои домашние неурядицы, барон со вздохом сказал, что у них после летнего переезда чуть ли не пятнадцатая кухарка. Кто был в этом виноват в каждом отдельном случае, судить мне было, конечно, трудно, но я всегда был свидетелем абсолютной нетребовательности и барона, и его жены, равно как их всегдашнего гуманного отношения. Пример тех немногих, кто мог противостоять систематической травле со стороны некоторых обитателей казенного дома, говорил об этом тоже довольно ясно. Такие petites misères, как иногда называл их барон, действительно могли отравлять жизнь.

Не радовал и сын, который был моложе меня года на два, но относился ко мне при редких встречах с преувеличенной почтительностью. Застал я его воспитанником старших классов пажеского корпуса, а в последние годы жизни барона он был офицером какого-то драгунского полка, стоявшего в Финляндии. Как бывает часто у талантливых отцов, сын не обладал,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

по-видимому, никакими дарованиями; внешне воспитанный и образованный, внутренне он представлял совершенно бесцветную личность. Его поведение в корпусе, вероятно, не стояло на должной высоте. Случалось, что, приходя заниматься к барону, я заставал его не в обычном домашнем костюме, а в более официальном сюртуке, и, провожая меня в переднюю, он со вздохом говорил: «Вот надо съездить к директору Корпуса — опять мой Витя там что-то натворил». Иногда во время наших занятий слышались шаги возвращающегося сына, и через минуту из его комнаты доносились разухабистые мотивы модных тогда мачиша или кэкуока, достаточно нелепо звучавшие на фисгармонии. Звуки, правда, сейчас же обрывались: очевидно, он узнавал, что у отца кто-то занимается, но все это говорило о его музыкальных вкусах. А между тем сам барон был серьезным музыкантом и, как мне передавали, особенно хорошо исполнял Бетховена; мне слышать его играющим уже никогда не приходилось. В противоположность многим отцам, барон нисколько не обольщался насчет сына. Сохраняя способность к иронии даже в довольно тяжелые моменты, он иногда говорил: «Вот хочет Витя все воином быть! Шел бы лучше, как Сережа Жуковский, на восточный факультет, стал бы дипломатом, носил белые штаны, и все было бы великолепно. Но вот беда; как дело науки коснется, у моего Вити ничего уж не выходит; приходится, значит, идти в драгуны». Вскоре после смерти отца Виктор Викторович женился на дочери небезызвестной в свое время оперной певицы Маркович, но сам пережил отца только на десять лет и умер, кажется, лишив себя жизни, в 1918 г. Его маленький сын остался на попечении бабушки, переехавшей по смерти Виктора Романовича в Москву к сестре. Как бывает часто с больными людьми, она надолго пережила своего сравнительно здорового мужа и умерла в тяжелых условиях только в 1928 г. Внук, напоминавший своим характером и поведением уже в раннем возрасте отца, а не деда, быстро потерялся из виду.

Последние годы у барона вообще проходили тяжело. Он очень болезненно переносил события русской истории после японской войны. Университетская жизнь и с уходом из деканов продолжала близко затрагивать, очень часто вызывая хроническую раздражительность и чрезмерно резкие суждения. Не было настоящего отдыха и дома. Ко всему этому присоединялись собственные хвори, по мелочам нараставшие с каждым годом. Усиливалась на почве постоянных насморков глухота, очень удручавшая барона при его живом и общительном темпераменте. Раза два в месяц он ездил к отиатру «продувать» уши; на день-два состояние как будто бы улучшалось, а потом опять наступало все прогрессировавшее ухудшение. Возникали периодические осложнения и с «чемоданом», как с обычной иронией барон называл желудок; раздражала «бюрократическая», как он называл, болезнь. В августе 1907 г. перед возвращением из Финляндии он писал мне из Выборга: «Только игра в городки и собирание грибов давали временное облегчение. Придется, пожалуй, бросить науку и записаться в почтальоны или скороходы, или балетные танцоры и т. д., если по приезде в город не наступит облегчение». Облегчение не наступало ни с какой стороны; он, несомненно, дряхлел, и это замечал даже я, бывая у него два раза в неделю. Случалось иногда, чего раньше при его живом характере никогда не бывало, что он начинал дремать во время чтения мной арабского текста и, спохватившись, извинялся усталостью от бесконечных в том году заседаний Совета Университета. Однако катастрофа наступила неожиданно для всех знавших его. Последний раз я занимался у него в четверг второго января, и мы, между прочим, толковали об инфлюэнце, свирепствовавшей тогда в Петербурге. Утром шестого в день ближайших занятий я получил с горничной записочку рукой Ольги

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Феодосьевны, продиктованную бароном с его подписью: «Дорогой Игнатий Юлианович. Увы, увы, меня цапнула инфлуенца, так что арабская фонетика должна будет ждать освобождения меня из лап предательской болезни. Весь Ваш В. Розен. 6 янв. 1908 г.». Болезнь почти сейчас же осложнилась воспалением легких, но все-таки никто не ожидал столь быстрой развязки. Впоследствии говорили, что врачи просмотрели момент кризиса, который решил дело. О конце я узнал у Жуковских утром 10 января, куда вернулась Варвара Александровна, которая как бывшая фельдшерица проводила эти дни неотлучно при нем. Последние слова его были те же, которые он часто любил поминать в своих письмах: «Аллах керим».[48]

Воспоминания о нем с его смертью для меня не кончаются. И мое путешествие на Восток, и знакомство с западноевропейскими учеными показали мне, что его внимание как бы продолжает меня сопровождать. Не один только Сальхани в Сирии, но и такие деятели Египта, как секретарь Совета министров известный литератор Ахмед Заки или бывший министр народного просвещения серьезный фольклорист Артын Паша, услыхав одно имя Розена, старались сделать для его ученика все, что возможно. Особенно ярко я почувствовал это в 1914 г., когда встретил в Голландии долголетнего друга Розена Гольдциэра, благоговевшего перед ним и сразу перенесшего на меня всю симпатию своей благожелательной натуры. Так Розен продолжал оставаться для меня живой фигурой, и не проходило месяца, чтобы какие-нибудь новые факты или материалы не освежали для меня его облик новыми яркими красками. У меня вошло в привычку представлять, как он отнесся бы к той или иной работе. Одно только было мне трудно — писать о нем в личном аспекте; каждый раз, когда я пытался это сделать, слишком остро вставали у меня переживания давно отшедшего времени и слишком резко опять реагировали нервы, несмотря на протекшие десятилетия. Только теперь, под влиянием близящегося 100-летия со дня его рождения, уже далеко переступив за тот возраст, в котором он покинул жизнь, я попробовал закрепить свои воспоминания на бумаге, но и то не в полном виде.[49]

Петергоф — Москва — Ленинград

Февраль — май 1938 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Хадисы* — предания о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающие различные религиозные, правовые и этические аспекты жизни мусульманской общины. В упоминаемом И. Ю. Крачковским хадисе сказано следующее: «Если бы у сына Адама [т. е. человека. — *А. Д.*] было две долины со скотом, он пожелал бы добавить к ним третью, но наполнит утробу сына Адама только прах».

[2] В арабском письме буквами обозначаются только согласные и долгие гласные звуки; краткие же гласные передаются с помощью особых надстрочных и подстрочных значков («огласовок»), которые часто опускаются, так что правильное чтение требует знания лексики и грамматики, а также определенных вырабатываемых практикой навыков. Студенты «огласовали» слово «илейхима» («к ним») неправильно — «ал-йахман», что по законам арабской грамматики невозможно, так как получалось существительное, оформленное определенным и неопределенным артиклем одновременно.

[3] *История ат-Табари* — многотомный труд «История пророков и царей» Мухаммеда ибн Джарира ат-Табари (ум. 923 г.), один из самых известных и авторитетных традиционных арабских исторических сводов.

[4] Комментарий аль-Бейдави (XIII в.) — наиболее популярный в мусульманском мире комментарий к Корану. Х. Флейшер (Heinrich Leberecht Fleischer, 1801–1888) — один из крупнейших немецких арабистов; его издание аль-Бейдави считается образцом научной основательности и точности.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

[5] Начиная со II курса И.Ю.Крачковский, интересовавшийся христианским Востоком, посещал занятия проф.Б. А. Тураева по эфиопскому языку, истории Абиссинии и истории абиссинской письменности. Однако специализироваться по абиссиноведению, как ему хотелось бы, он не смог, так как в Санкт-Петербургском университете не было соответствующей кафедры и нужно было в рамках своего арабско-персидско-турецко-татарского разряда сосредоточиться на наиболее близкой специальности — арабистике.

[6] *Сура* — глава Корана. Откровения, составляющие суры, произносились пророком Мухаммедом в течение 22 лет (610–632) и передавались его адептами устно до 650-х годов, когда был составлен полный письменный текст Священной книги, причем в конец ее попали ранние суры — самые короткие и наиболее поэтичные.

[7] *Аль-Аджуррумия* — небольшой грамматический трактат Мухаммеда ибн Дауда ибн Аджуррума (ум. 1323), содержащий краткий очерк арабской грамматики в традиционном освещении.

[8] В средние века на мусульманском Востоке понятие «адаб» включало совокупность знаний, норм поведения и правил вежливости, которые считались необходимыми для каждого образованного человека.

[9] *Хафиф* («легкий») — один из 16 размеров арабской квантитативной системы стихосложения. Если арсис (наиболее сильную долю) каждой стопы заменить ударением, получается сочетание трех пэонов: третий — второй — третий, что отражено в мнемоническом стихе В. Р. Розена:

Есть размер он/зове́тся лег/ким — хафи́фом,
Но трудне́нько, поро́й дает/ся студентам.

[10] Холмогоров И. Н. Очерк истории арабской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В. Ф. Корша, А. Н. Кирпичникова. Т. 2. СПб., 1885. — Очерк, по оценке И. Ю. Крачковского, уже к моменту выхода отставал «от тогдашнего состояния науки лет на тридцать», а переводы были выполнены «в устарелом для нашей эпохи стиле с излишней буквальностью» (см.: Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 5. М.; Л., 1958. С. 116–117).

[11] *Абу Нувас* (762–813) — известный арабский поэт, особенно прославившийся дерзкими стихами, в которых он воспевал вино и издевался над предписаниями ислама.

[12] *Аль-Мутанабби* (915–965) — крупнейший арабский поэт-панегирист, знаменитый своим гиперболизованно-пышным стилем. Многие арабские критики считают его величайшим арабским поэтом.

[13] *Абу-ль-Аля аль-Маарри* (973–1057) — поэт-философ, скептик и пессимист. И. Ю. Крачковский называет его «единственным среди арабов поэтом, который заслуживает внимания в мировом масштабе» (Крачковский И. Ю. Избр.соч., Т.2. М.; Л., 1956. С. 258).

[14] *Макамы* — особый жанр средневековой арабской литературы, плутовские или назидательные новеллы, написанные рифмованной ритмизованной прозой со стихотворными вставками; отличаются изысканным стилем с множеством эвфонических и графических украшений. Аль-Харири (1054–1122) прославился в этом жанре более других.

[15] И. Ю. Крачковский писал сочинение на тему «Царствование халифа аль-Мехдия по арабским источникам» (подробнее об этом см.: Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 43–47, 56–58).

[16] В. Р. Розен жил в академическом доме на углу 7-й линии Васильевского о-ва и Университетской наб. (д. 2, кв. 1); впоследствии (с 1927 г.) в этой же квартире жил И. Ю. Крачковский.

[17] *Абу-ль-Атахия* (ум. 826) — арабский поэт, особенно прославившийся элегиями, развивающими темы бренности мира, неизбежности смерти, божьего наказания за грехи и необходимости покаяться.

[18] *Зиндиками* в мусульманской полемической литературе называли последователей немонотеистических религий.

[19] *Аль-Муканна* — вождь крупного крестьянского восстания в восточной части халифата (VIII в.).

[20] *Кремер* (Alfred von Kremer, 1828–1889) — австрийский арабист; речь идет о его весьма популярном в Европе двухтомном труде «Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen» (1875–1877).

[21] *Гольдциэр* (Ignaz Goldziger, 1850–1921) — известный венгерский исламовед.

[22] *Петров Д. К.* (1872–1925) — русский ученый, романист и арабист.

[23] *Иностранцев К. А.* (1876–1941) — русский востоковед, историк культуры Ближнего Востока.

[24] *Аль-Ахталь* (ок. 640—ок. 710) — арабский поэт-панегирист и сатирик.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

[25] *Велльхаузен* (Julius Wellhauzen, 1844–1918) — немецкий востоковед, историк арабского халифата.

[26] *Аз-Замахшари* (1074–1143) — арабский богослов и филолог; *Ибн Яыш* (1155–1245) — арабский филолог; комментарий на грамматику аз-Замахшари — его главный труд.

[27] «Кто много занимается грамматикой, того она делает глупым!» (*араб.*) — афоризм, помещенный на первой странице «Арабской хрестоматии» для I курса В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена (СПб., 1875–1876).

[28] Обычная концовка арабского письма: «Ва-с-салам!» («И привет!»).

[29] Имеются в виду «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» (подробнее см. в предисловии к публикации).

[30] *Гвиди* (Ignazio Guidi, 1844–1935) — известный итальянский арабист и семитолог.

[31] *Дж. Габриэли* (Guiseppe Gabrieli, ум. 1942) — итальянский арабист.

[32] Азиатский музей был образован в 1818 г. в составе РАН как центр востоковедных исследований, базой для которых являлось хранящееся в нем и постоянно пополняющееся собрание восточных монет, рукописей и печатных книг. В 1930 г. преобразован в Институт востоковедения АН СССР.

[33] *Осса* и *Пелион* — две горы в Фессалии. Выражение «нагромоздить Оссу на Пелион» восходит к греческому мифу об Алоадах — двух братьях, потомках Посейдона, славившихся непомерной силой и гигантским ростом; они угрожали богам взгромоздить Оссу на Олимп, а на Оссу — Пелион и так достичь неба.

[34] *Абу-ль-Фараджаль-Васа Дамасский* (X в.) — арабский придворный поэт.

[35] Занятия христианско-арабской литературой с середины 20-х годов стали невозможными из-за широко развернувшейся в Советском Союзе антирелигиозной пропаганды.

[36] *Халь* — арабский грамматический термин, которым обозначаются обстоятельственные слова и конструкции.

[37] *Снук* (Christian Snouck Hurgronje, 1857–1936) — голландский исламовед, автор обширного труда «Мекка» (1888–1889), основанного на материалах, собранных во время путешествия в Аравию.

[38] *Брокельман* (Carl Brockelmann, 1868–1956) — немецкий востоковед-филолог, особенно известный своими трудами по истории арабской литературы.

[39] *Яхья* (Йахйа) *Антиохийский* (ум. 1066) — христианско-арабский историк. Над изданием и переводом его хроники В. Р. Розен работал, начиная с 70-х годов (см.: Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883; Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 6. М.; Л., 1860. С. 460–462).

[40] *А. Мерен* (August Ferdinand Mehren, 1822–1907) — датский арабист.

[41] *Аль-Фераздак* (ок. 640–ок. 730) — арабский поэт-панегирист и сатирик.

[42] *Корш Ф. Е.* (1843–1915) — русский филолог-классик, славист и востоковед.

[43] Начало известного стихотворения аль-Ахталя: «И когда души...». *Сильвестр де Саси* (Antoine Isaac Silvestre de Sacy, 1758–1838) — крупнейший французский арабист. Речь идет о его книге «Китаб аль-анис аль-муфид ли-т-талиб аль-мустафид», или «Chrestomathie arabe» (Paris, 1806).

[44] *Кафы* и *айны* — труднопроизносимые для европейца заднеязычные звуки арабского языка.

[45] *Нёльдеке* (Theodor Nöldeke, 1836–1930) — известный немецкий арабист и семитолог.

[46] *Де Гуе* (Michael Jan de Goeje, 1836–1909) — известный голландский арабист.

[47] Университет Св. Иосифа был основан в Бейруте иезуитскими миссионерами в 1881 г. на базе французского коллежа. В нем вели преподавание многие крупные арабские и европейские ученые (см.: Крачковский И. Ю. Восточный факультет университета Св. Иосифа в Бейруте. СПб., 1910).

[48] «*Аллах керим*» (*араб.*) — «Аллах милостив».

[49] Последняя фраза дается в редакции 1946 г. В редакции 1938 г. она звучала так: «Только теперь, под влиянием заседания в его намять, уже совсем недалеко от того возраста, в котором он покинул жизнь, я попробовал закрепить свои воспоминания на бумаге, но и то далеко не в полном виде». Заседание, о котором упоминает автор, было организовано Ассоциацией арабистов 25 января 1938 г.; И. Ю. Крачковский читал на этом заседании доклад: «Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В I–VII ТОМАХ «ОЧЕРКОВ ПО ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО — САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (1962–1998 гг.)

Ансберг О.Н. Петербургский университет и журнал «Отечественные записки» (1868–1884 гг.)	V	119–129
Баренбаум И.Е. Из воспоминаний об университете. Учителя	VII	163–176
Берков П.Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета	I	88–105
Бёме Х.Е. Из истории творческих связей вузов Германской Демократической республики и Ленинградского университета	V	5–11
Борисенко М.В. Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 г. — феврале 1917 г. (историография вопроса)	V	136–150
Волк С.С. Революционные издания народовольческих кружков Петербургского университета	I	52–62
Воронцов Г.В. Становление и развитие института повышения квалификации как учебно-методического центра вузовских обществоведов	V	57–67
Ганелин Р.Ш. К истории революционных связей студентов Тартуского и Петербургского университетов (1899 и 1905 гг.)	V	19–33
Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения)	VI	112–133
Ганелин Р.Ш. Февральские события 1899 г. в Петербургском университете и студенческое движение в Тарту	VII	146–162
Гладковская Л.А. А.С.Попов-Серафимович в Петербургском университете	I	118–128
Голиков В.С. Школа университетской «драмы»	VI	31–44
Горбенко Е.П. Профессора словесности	V	73–85
Грибов Р.А. Из истории русской ассириологии. В.К.Шилейко (1891–1930)	I	94–99
Деревянко С.С. Универсанты и ленинградское радио	VII	184–192
Дмитриев П.А. Сафронов Г.И. Славянская филология в Санкт-Петербургском университете (до 1917 г.)	VII	9–26
Донченко Н.Г., Клим И.Л. Библиотека учебных заведений Академии наук во времена директорства Е.Р.Дашковой	VII	52–55
Егоров В.М. «Газета общенародных научных знаний» (неосуществленный замысел Д.И.Менделеева)	VII	124–131
Ежов В.А. Начало деятельности комсомольской организации Ленинградского университета	I	159–168
Ежов В.А., Гей Ю.П., Лейкин А.Я., Харитонов П.В. Из истории комсомольской организации Ленинградского университета (1928–1949 гг.)	II	63–82
Ежов В.А., Мавродин В.В. Ученые ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны	III	3–17
Емельянов Б.В., Новиков А.И. Философия в Петербургском университете (XVIII–XX вв.)	VII	27–47
Ефимов Г.В. К истории преподавания и подготовки кадров по истории Востока в Петербургском-Ленинградском университете	II	83–93
Жуйкова Р.Г. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX века	II	41–51
Жуйков А.А. Африканистика в университете	IV	103–109
Жуковская Т.Н. С.С.Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета	VII	56–74
Зенина Л.В. Н..Кюнер, историк Дальнего Востока	I	81–87
Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А. Лев Владимирович Щерба	IV	87–102
Зырянова И.В. Журнал «Современник» и Петербургский университет (к вопросу о первых студентах)	V	113–118
Зырянова И.В. Об отношении К.Д.Кавелина к женскому вопросу	VI	159–162
Иванов А.Е. Советская историография Петербургского университета (первая половина XIX в.)	VI	5–17

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете ... IV 52–86
Иогансен М. В. История здания 12 коллегий во второй половине XVIII века и первой половине XIX века ... I 184–199
Исакова Л. В., Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. 100 лет византиноведения в ЛГУ ... III 26–54
Итс Р. Ф., Флоринский М. Ф. Национальные и интернациональные традиции Ленинградского университета ... IV 3–14
Казакевич Р. А., Мандель С. З. К истории 100-летнего юбилея университета ... II 159–167
Клушин В. И. Деятельность Научного общества марксистов (1920–1924) ... II 125–137
Коломинов В. В. Питомцы Петербургского Академического университета — члены Российской Академии ... VI 226–231
Коломинов В. В. Отечественная история в трудах И. С. Баркова ... VII 48–51
Кононова Н. Н. Историческое общество при Петербургском университете (краткий исторический очерк) ... II 138–151
Косачевская Е. М. А. Балугьянский в Петербургском университете ... I 39–67
Косачевская Е. М. Сражающееся слово (агитационно-пропагандистская деятельность ученых Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны) ... VI 18–30
Красникова А. В. Первые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета ... III 18–25
Кузнецов С. С. Профессор и препаратор ... II 117–124
Курбатов Г. Л. М. В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете ... I 72–80
Лейберов И. П. Революционное студенчество петроградского университета накануне и в период первой мировой войны (март 1914 г. — февраль 1917 г.) ... II 3–40
Люстерник Е. Я. Научные связи Петербургского — Ленинградского университета с Индией (1819–1947) ... III 55-70
Мавродин В. В. Культурная жизнь Ленинградского университета в 1920-х годах (из воспоминаний) ... IV 136–138
Малышев М. О. Страницы общественной жизни университета в первые послевоенные годы (из воспоминаний) ... IV 139–141
Мандель С. З. Культурно-просветительная деятельность ученых Петроградского университета в первые годы советской власти ... I 140–158
Марголис Ю. Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет (1862–1914) ... IV 33–51
Марголис Ю. Д. Шевченковедение в Ленинградском университете ... V 94–107
Марголис Ю. Д. Артистизм ученого (из воспоминаний о С. Б. Окуне) ... VI 55–61
Марголис Ю. Д. Петрашевцы — студенты Петербургского университета VII 99–123
Мнухина Р. С. Незабываемые дни (из воспоминаний секретаря партийной организации университета) ... III 118–135
Мурин А. Н., Бондаревский С. И. Университетская радиохимия в прошлом и настоящем ... V 34–48
Мурин А. Н. Воспоминания об ученых Ленинградского университета (1929–1938 гг.) ... VI 72–74
Никольцева Г. Д., Шилов Д. А. Из истории международных научных связей Петербургского университета (зарубежные ученые — почетные члены университета) ... II 167–171
Никольцева Г. Д., Шилов Л. А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета ... IV 110–135
Новиков Г. А. Д. Н. Кашкаров как эколог (1878–1941) ... II 100–116
Огородников К. Ф. Станислав Викентьевич Калесник ... V 160–162
Ольховский Е. Р. Студенческое движение на рубеже XIX–XX в. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете VI 75–111
Ольховский Е. Р. Тайный арест академика Фаминцына (из истории изучения в 1878–1879 гг. причин волнений среди учащейся молодежи) ... VII 132–145
Островский А. В. К истории Общества вспомоществования студентам Петербургского университета (1903–1905 гг.) ... VI 168–174

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Павлова Г.Е. Истоки организации Петербургского университета (От Академического до Санкт-Петербургского университета. 1724–1819) ... VI 175–189
Петросян Л.А. Открытие факультета прикладной математики — процессов управления в Ленинградском университете ... V 68–72
Полянский Ю.И. О научных зоологических школах Ленинградского университета и Петергофского биологического института ... I 29–38
Полянский Ю.И. Биология в Ленинградском университете в 20-х и начале 30-х годов ... V 49–56
Полянский Ю.И. Наши встречи со Станиславом Викентьевичем Калесником ... V 163–164
Поляхов Н.Н. Развитие кафедры механики в Петербургском — Ленинградском университете ... I 20–28
Розенфельд А.З. Рыцарь науки (о А.А.Фреймане) ... VI 62–71
Сладкевич Н.Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60–80-х годов XIX века ... I 106–117
Сладкевич Н.Г. О 50-летнем юбилее Петербургского университета ... II 152–158
Смирнов В.И. Математическая физика в Петербургском — Ленинградском университете ... I 5–19
Смирнов В.Н. У истоков студенческого спорта ... V 130–135
Соболев В.В. Елабужский филиал университета ... VII 177–183
Соболев Г.Л. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны ... I 169–183
Струве В.В. В.С.Голенищев, один из славных питомцев нашего университета ... I 68–71
Сухих И.Н., Шубин В.Ф. «Так началась моя работа...» (Юрий Тынянов в Петербургском — Петроградском университете) ... VI 45–54
Танклер Х.Л. Научно-педагогическая деятельность преподавателей Петербургского университета в первой половине XIX в. ... VI 136–158
Тихонов И.Л. У истоков археологической науки в Петербургском университете ... VI 208–225
Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах ... III 71–84
Тишкин Г.А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России ... IV 15–32
Тишкин Г.А. О юбилейной речи К.Д.Кавелина в 1860 г. ... V 108–112
Тишкин Г.А. Е.Р.Дашкова и учебная деятельность в Петербургской Академии наук ... VI 190–207
Тишкин Г.А. И.П.Шульгин и П.А.Плетнев (история Санкт-Петербургского университета в освещении его ректоров) ... VII 75–98
Универсанты-большевики (указатель) (составители Н.Н.Каретникова, В.С.Брачев) ... V 165–179
Универсанты — деятели культуры (составители Кононова Н.Н., Горяева С.А., Яковчук Е.В., Творогова Л.В.) ... IV 142–151
Фельдман М.А. Новое о студенте Соломоне Ивановиче Додашвили ... VI 163–167
Фриш С.Э. Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918–1924) ... III 85–117
Хирвлаане М.В. Исторические связи Тартуского и Ленинградского университетов ... V 12–18
Шехурина Л.Д. История Санкт-Петербургского — Ленинградского университета: Библиографические заметки ... VII 193–215
Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле ... V 86–93
Щербакова М.Ф. Из воспоминаний прошедших лет (публикация и примечания Г.А.Тишкина) ... V 151–159
Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года ... I 129–139

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Содержание

От составителя 5

Вербицкая Л. А., Тишкин Г. А. Петербургский университет в истории русской культуры 6

Артемьева Т. В. Академическая философия в России XVIII в. 19

Крындачевский Г. А. «Называть одним именем Училище Академии». Петербургский Университет на рубеже XVIII–XIX вв. 43

Лисицкая С. Н. Академическая Гимназия в XVIII в. 60

Комаров И. В. Физика в Санкт-Петербургском университете в XIX в. 80

Ендольцев Ю. А. Университетский быт — исторический ракурс 89

Чебыкина Н. В. Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период 105

Уфимцева М. Д., Корчагина И. И. Фитогеография в Санкт-Петербургском университете 120

Добровольская Л. И. Знаки и жетоны Петербургского университета 142

Ольховский Е. Р. «Университетская история» 1853 года 147

Соболева Е. В. Стажировка универсантов в Германии в 1860–1870-е годы 160

Киселева М. Н. К вопросу о неизбрании Д. И. Менделеева в Российскую Академию наук 179

Панеях В. М. Борис Александрович Романов — профессор Ленинградского университета 196

Марголис Ю. Д. К изучению общественно-политической деятельности Д. Н. Кудрявского 208

Ансберг О. Н. Леонид Владимирович Ходский 218

Борисова А. Н. Академик А. Д. Александров — ректор ЛГУ 234

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин 241

Долина А. А. Учитель и ученик: предисловие к публикации 252

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Крачковский И. Ю. Воспоминаня ученика о бароне В. Р. Розене (1901–1908) (Публикация и примечания А. А. Долининой) 255
Указатель материалов, опубликованных в I—VII томах «Очерков по истории Ленинградского — Санкт-Петербургского университета» (1962–1998 гг.) 281

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Научное издание

Очерки по истории
Санкт-Петербургского университета

VIII

Редактор *Т. В. Глушенкова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *А. В. Борщева*
Корректор *Н. В. Ермолаева*

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Издание подготовлено в $\mathcal{A}\mathcal{M}\mathcal{S}$-TEX
Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать 13.01.2000. Формат 70×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 27,77. Тираж 300 экз. Заказ 33.
Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/